

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

Том 20 № 3 (2016)

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор <i>Т.В. Ларина</i> , доктор филол. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: tatiana.larina.@pfur.ru	Почетный редактор <i>Иштван Кечкеш</i> , профессор, доктор, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США E-mail: ikecskes@albany.edu	Ответственный секретарь <i>А.С. Борисова</i> , кандидат филол. наук, доцент РУДН, Россия E-mail: borisova_as@pfur.ru
---	---	--

Члены редакционной коллегии

Альба-Хуес Лаура, профессор, Национальный университет дистанционного образования UNED, Мадрид, Испания
Богданова Людмила Ивановна, доктор филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
Гусман Тирадо Рафаэль, доктор, Гранадский университет, Испания
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
Мария Еленевская, доктор, Технион — Израильский политехнический институт, Хайфа, Израиль
Жельвис Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет, Россия
Зализняк Анна Андреевна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия
Иванова Светлана Викторовна, доктор филол. наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Россия
Ирисханова Ольга Камалудиновна, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
Донал Карбо, профессор, Массачусетский университет, Амхерст, США
Карасик Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
Элеонора Лассан, доктор, Вильнюсский университет, Литва
Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
Сара Миллс, профессор, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания
Анета Павленко, профессор, Темпльский университет, президент Американской ассоциации прикладной лингвистики, США
Мартин Путьц, профессор, Университет Кобленц-Ландау, Германия
Дуглас Марк Понтон, доктор, Университет Катании, Италия
Нилакши Сурьянараян, профессор, Делийский университет, Индия
Мария Сифьяну, профессор, Афинский национальный университет имени Каподистрии, Греция
Клаус Шнайдер, профессор, Боннский университет, Германия
Зохран Эслами, профессор, Техасский университет А&М в Катаре, Доха, США
Этсуко Ойши, профессор, Токийский исследовательский университет, Япония
Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филол. наук, РУДН, Россия

Редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12
e-mail: lingji@pfur.ru

Подписано в печать 21.11.2016. Выход в свет 30.11.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 32,55. Тираж 500 экз. Заказ № 837. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk.@pfur.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

ISSN 2312-9212 (online); 2312-91-82 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры и сознания, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются сопоставительное языкознание, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, анализ дискурса, когнитивная лингвистика, теория и практика перевода. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала — знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Основные рубрики журнала: *сопоставительное языкознание, социолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, психолингвистика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, язык и культура, теория и практика перевода.*

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству лингвистов и переводчиков, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@pfur.ru; vestnik_linguistics@mail.ru.

Peoples' Friendship University of Russia

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

VOLUME 20 NUMBER 3 (2016)

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Tatiana Larina
RUDN University, Russia
E-mail: tatiana.larina@pfur.ru

HONORARY EDITOR

Professor Dr. Istvan Kecskes
State University of New York at Albany, USA
E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Anna Borissova
RUDN University, Russia
E-mail: borissova_as@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Laura Alba-Juez, National Distance Education University, Madrid, Spain
Prof. Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University, Russia
Prof. Donal Carbaugh, University of Massachusetts, Amherst, USA
Prof. Vadim Dementyev, Saratov State University, Russia
Prof. Zohreh Eslami, Texas A&M University at Doha, Qatar
Dr. Julia Ebzeeva, Peoples' Friendship University of Russia, Russia
Prof. Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University, Russia
Prof. Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University, Russia
Prof. Vladimir Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University, Russia
Prof. Eleonora Lissan, Vilnius University, Lithuania
Prof. Olga Leontovich, Volgograd State Social Pedagogical University, Russia
Prof. Sara Mills, Sheffield Hallam University, UK
Prof. Etsuko Oishi, Tokyo University of Science, Japan
Prof. Aneta Pavlenko, Temple University, President of American Association of Applied Linguistics, USA
Dr. Douglas Mark Ponton, University of Catania, Italy
Prof. Martin Pütz, University of Koblenz-Landau, Germany
Prof. Klaus Schneider, University of Bonn, President of German Association for the Study of English, Germany
Prof. Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens, Greece
Prof. Neelakshi Suryanarayan, Delhi University, India
Prof. Rafael Tirado Guzman, University of Granada, Spain
Dr. Anna Zalizniak, Senior Researcher, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russia
Dr. Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology, Haifa, Israel
Prof. Vladimir Zhelvis, Yaroslavl State Pedagogical University, Russia

---

Editor K.V. Zenkin

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@pfur.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@pfur.ru; vestnik_linguistics@mail.ru

---

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@pfur.ru

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2312-9212 (online); 2312-91-82 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aim and Scope

Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Linguistics. The editors aim to publish original research devoted to language, culture and cognition and give emphasis to comparative studies of languages, intercultural communication, pragmatics, discourse analysis, cognitive linguistics, and translation.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in Linguistic practices in this area. General Journal Sections: *comparative linguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, language and culture, theory and practice of translation.*

As a Russian journal with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural/linguistic themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)*.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>

E-mail: lingj@pfur.ru; vestnik_linguistics@mail.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Обзорная статья

- Богданова Л.И. (Москва, Россия)** Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта 7

АНАЛИЗ ТЕКСТА

- Zinaida Turaeva (Böblingen, Germany)** Intertextuality: Ariadne's Thread in the Exploration of Literature (Интертекстуальность — нить Ариадны в исследовании художественного текста) 31
- Терентьева Е.Д. (Москва, Россия)** Прагматические аспекты цитирования в испанских медиатекстах 43
- Дементьев В.В., Степанова Н.Б. (Саратов, Россия)** Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз 57
- Nataliya Solovyeva (Moscow, Russia)** Linguistic Representation of the Category of Oppositeness in English Folk Tales (Языковая репрезентация категории оппозитивности в текстах английских народных сказок) 77
- Хазагеров Г.Г. (Ростов-на-Дону, Россия)** Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур 89

АНАЛИЗ ДИСКУРСА

- Claudia Zbenovich (Jerusalem, Israel)** Cross-Cultural Communication in Russian-Speaking Immigrant Families in Israel: Language Practices of the Second Generation (Межкультурная коммуникация в русскоязычных семьях в Израиле: языковые практики иммигрантов во втором поколении) 103
- Герасимова А.С., Иссерс О.С. (Омск, Россия)** Имидж члена жюри развлекательного телешоу (на материале телепроекта «Голос») 117
- Dominique Boutet (Paris, France), Aliyah Morgenstern (Paris, France), Alan Cienki (Amsterdam, Netherlands)** Grammatical Aspect and Gesture in French: A kinesiological approach (Жесты и грамматическая категория аспекта во французском языке: кинесиологический подход) 132
- Штанов А.В., Белых Е.Н. (Москва, Россия)** Особенности реализации образности в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления 152

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ

- Magdaléna Bilá (Prešov, Slovakia), Alena Kačmárová (Prešov, Slovakia)** Multi-word Lexical Units in English and Slovak Linguistics Terminology (Сложные номинативные единицы в английской и словацкой лингвистической терминологии) 164
- Кулевская Е.В., Дудик Н.А. (Москва, Россия)** Семантическая структура юридического термина 176
- Озюменко В.И. (Москва, Россия)** Лексико-семантические поля *judge* и *судья* в английском и русском языках 195
- Пряхина Е.В. (Москва, Россия)** Наименования участников образовательного процесса во французском и русском языках 214

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

- Irina N. Remkhe (Magnitogorsk, Russia), Liliya A. Nefedova (Chelyabinsk, Russia), David C. Gillespie (Bath, Great Britain)** From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process (От функции к системе: новая парадигма матричной структуры переводческого процесса) 230
- Горшкова В.Е. (Иркутск, Россия)** Художественный кинодиалог vs документальный: жанровая специфика перевода 243

ХРОНИКА

Рецензии на книги

- Абдрахманова О.Р. (Челябинск, Россия)** *Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод.* Коллективная монография под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. — В.Е. Горшкова, Е.А. Колодина, Е.В. Кремнёв, И.П. Федотова, Е.О. Фирсова. — Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. — 367 с. 260
- Факторович А.Л. (Краснодар, Россия)** Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. *Экологическая лингвистика.* — М.: Флинта; Наука, 2016. — 184 с. 263

Обзоры конференций

- Camille Debras (Paris, France)** — ISGS7: 7th Conference of the International Society for Gesture Studies on *Gesture — Creativity — Multimodality* Paris, France, 18th—22nd July 2016 266
- Jagoda Granić, Iva Polić (Split, Croatia)** INPRA: 7th International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication. Split, Croatia, 10—12 June 2016 271
- Смирнова Н.В. (Москва, Россия)** IV Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра». Москва, 28—30 апреля 2016 г. 276

CONTENTS

Introduction

Ludmila Bogdanova (Moscow, Russia) Text and Discourse: Looking for a Way out of the Labyrinth	7
--	---

TEXT ANALYSIS

Zinaida Turaeva (Böblingen, Germany) Intertextuality: Ariadne's Thread in the Exploration of Literature	31
Ekaterina Terentjeva (Moscow, Russia) Pragmatic Aspects of Quotation in Spanish Media Texts	43
Vadim Dementyev, Nataliya Stepanova (Saratov, Russia) Corpus Methods in the Study of Speech Genres: A Problem of Key Phrases	57
Nataliya Solovyeva (Moscow, Russia) Linguistic Representation of the Category of Oppositeness in English Folk Tales	77
Georgiy Khazagerov (Rostov-on-Don, Russia) The Teleological Sense and the Social Role of Rhetorical Figures Classification	89

DISCOURSE ANALYSIS

Claudia Zbenovich (Jerusalem, Israel) Cross-Cultural Communication in Russian-Speaking Immigrant Families in Israel: Language Practices of the Second Generation	103
Anastasia Gerasimova, Oxana Issers (Omsk, Russia) The Juror's Image of an Entertainment TV-Show (on the basis of "The Voice" Show)	117
Dominique Boutet (Paris, France), Aliyah Morgenstern (Paris, France), Alan Cienki (Amsterdam, Netherlands) Grammatical Aspect and Gesture in French: A kinesiological approach	132
Andrei Shtanov, Ekaterina Belykh (Moscow, Russia) Features of Realization of Figurativeness in the Turkish Political Discourse of Oral Public Statements	152

TERMINOLOGY COMPARATIVE ANALYSIS

Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová (Prešov, Slovakia) Multi-word Lexical Units in English and Slovak Linguistics Terminology	164
Ekaterina Kulevskaya, Nadejda Dudik (Moscow, Russia) Semantic Structure of the Legal Term	176
Vladimir Ozyumenko (Moscow, Russia) Lexical and Semantic Fields <i>Judge</i> and <i>Sudya</i> in the English and Russian Languages	195
Ekaterina Pryakhina (Moscow, Russia) School Community Members Nomination in the French and Russian Languages	214

TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Irina N. Remkhe (Magnitogorsk, Russia), Liliya A. Nefedova (Chelyabinsk, Russia), David C. Gillespie (Bath, Great Britain) From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process	230
Vera Gorshkova (Irkutsk, Russia) Fiction Film Dialogue vs Documentary Film Dialogue: Genre Peculiarities of Translation	243

CHRONICLE

Book reviews

Olga Abdrakhmanova (Chelyabinsk, Russia) Gorshkova V.E., Kolodina E.A., Kremnev E.V., Fedotova I.P., Firsova E.O. (2014) In V.E. Gorshkova (Ed.) <i>Film Dialogue. Sense-image. Translation</i> . Irkutsk: MGLU EALI, 367 pp.	260
Alexander Faktorovich (Krasnodar, Russia) Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. (2016). <i>Ecological Linguistics</i> . Moscow: Flinta; Nauka, 184 pp.	263

Conferences

Camille Debras (Paris, France) ISGS7: 7 th Conference of the International Society for Gesture Studies on <i>Gesture — Creativity — Multimodality</i> Paris, France, 18—22 July 2016	266
Jagoda Granić, Iva Polić (Split, Croatia) INPRA: 7 th International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication. Split, Croatia, 10—12 June 2016	271
Nadejda Smirnova (Moscow, Russia) The 4 th International Conference "Stylistics Today and Tomorrow". Moscow, 28—30 April 2016	276

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

ТЕКСТ И ДИСКУРС: В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ЛАБИРИНТА

Л.И. Богданова

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
*119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский
проспект, д. 31, корп. 1*

1. ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемом вниманию читателей номере журнала центральное место занимают статьи, посвященные проблемам текста и дискурса, в которых с коммуникативно-когнитивных позиций рассматриваются вопросы интертекстуальности и речевых жанров, риторики и невербалики, речевого воздействия и лингвоперсонологии, а также сопоставления терминов и переводоведения. Эти и многие другие проблемы продолжают оставаться актуальными, несмотря на длительную историю их изучения. И это не случайно.

Текст по праву считается одним из важнейших понятий филологии. Являясь средством хранения и порождения человеческого знания, он изучается многими науками, среди которых литературоведение и языкознание, история и психология, семиотика, теология, герменевтика, этнология и др.

Тексты издавна привлекали внимание исследователей как особый, сложный и противоречивый объект изучения. Изначально это относилось к сакральным текстам, занимающим главную позицию во всех крупнейших религиях.

INTRODUCTION

UDK 811.111-26

TEXT AND DISCOURSE: LOOKING FOR A WAY OUT OF THE LABYRINTH

L.I. Bogdanova

Lomonosov Moscow State University (MSU)
*31-1, Lomonosovsky Pr.,
119192, Moscow, Russia*

1. INTRODUCTION

The issue of the Journal presented below features articles on text and discourse, which, through the communicative and cognitive approach, address issues of intertextuality and speech genres, rhetoric and nonverbal forms of communication, linguistic manipulation and lingvopersonology/linguistic personality studies, as well as term matching and translation studies. All these and many other issues are still topical, although the history of studying them is quite long. And that is not accidental.

Text is justly considered to be a most important notion in philology. As a means of creation and storage of human knowledge, it is studied by many humanities such as literature studies, linguistics, history, psychology, semiotics, theology, hermeneutics, and ethnology. Texts have long attracted attention of scholars as a unique, complex, and controversial object of study. Originally, it referred to sacred texts which are pivotal to all major religions. Then, texts in the fields of law and literature

Позже объектом изучения стали тексты из юридической и литературной сферы. С конца XIX в. текстовые произведения стали предметом пристального внимания этнологов. Текст как структура становится объектом специального исследовательского интереса в XIX—XX вв.

В современной науке, под влиянием теоретиков структурализма и пост-структурализма (Р. Барт, А.-Ж. Греймас, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко и др.), сознание человека нередко связывается с письменным текстом как достоверным способом его фиксации. В результате многие явления могут рассматриваться как текст: культура, общество, история, сам человек. Тезис о том, что история и общество могут быть «прочитаны» как текст, привел к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит своего рода предтекстом любого создаваемого текста. Восходящая к И. Канту метафора «Мир — это текст» формирует представление о познании как чтении глобального текста — «книги природы». Междисциплинарный характер общей теории текста обуславливает трудности в определении и изучении этого многомерного понятия, что выражается, в частности, и в том, что до сих пор нет определения текста, которое удовлетворило бы всех исследователей.

Текст изучался и изучается с разных позиций: как комплексный междисциплинарный объект — в плане семиотики и герменевтики (И.В. Арнольд, А.А. Брудный, Ю.М. Лотман, У. Эко и др.); как последовательность знаков — в аспектах его структурной, содержательной и коммуникативно-прагматической организации (В.Г. Гак, Л.М. Лосева, О.И. Москальская, З.Я. Тураева и др.); как социолингвистический и психолингвистический феномен (Т.А. ван Дейк,

became an object of study. In the late 19th century texts began to be carefully examined by ethnologists. In the 19th—20th centuries the text as a structure aroused particular interest among researchers.

Influenced by the theorists of structuralism and post-structuralism (R. Barthes, A.J. Greimas, J. Derrida, J. Lacan, M. Foucault etc), modern scholarship not infrequently relates human consciousness to a written text as a reliable method of keeping a record. As a result, many phenomena — culture, society, history, and a human being — may be regarded as a text. The tenet that history and society can be “read” as a text has resulted in perceiving human culture as a single “intertext” that serves as a kind of precursor text for any other text being created. The metaphor “the world is a text”, that can be traced back to I. Kant, creates a vision of cognition as reading a global text — “a book of nature”. The interdisciplinary character of the general theory of text causes difficulties with defining and studying this multifaceted notion, which manifest themselves particularly in default, thus far, of the definition of text that would work for all scholars.

Text has been studied from different perspectives: as an overall, interdisciplinary target — in terms of semiotics and hermeneutics (I.V. Arnold, A.A. Brudny, Yu.M. Lotman, U. Eco etc); as a sequence of signs — in terms of its structure, content, and communicative and pragmatic arrangement (V.G. Gak, L.M. Loseva, O.I. Moskal'skaya, Z.Ya. Turaeva etc); as a socio-linguistic and psycholinguistic pheno-

А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Ю.А. Со- рокин и др.).

Деятельностно-коммуникативный подход к изучению текста, учитывающий позиции продуцента и реципиента, ставящий задачу формализовать, насколько это возможно, процессы понимания и порождения текста, получил свое обоснование в трудах И.А. Мельчука, Е.С. Кубряковой, Г.И. Богина, М.Я. Дымарского и др. Проблемы, связанные с текстопорождением, изучены меньше, чем проблемы понимания, хотя и неоднократно рассматривались в рамках теории текста.

Исследователями отмечается сложность и неоднозначность текстообразования. Порождение текста связано с порождением смысла. Модель «смысл — текст» построена на презумпции инвариантного смысла, который остается неизменным при всех трансформациях текста (Лотман, 2000). Подход, связанный с изучением процессов понимания и порождения текстов разных типов и жанров, имеет непосредственный выход в практику преподавания языков. Человек, живя в мире текстов, не может не порождать все новые и новые тексты, реагируя и откликаясь как на события жизни, так и на уже существующие тексты.

Однако способность понимать и создавать тексты различной сложности не является врожденной. «Умение строить тексты в соответствии с заданной ситуацией и адекватно декодировать поступающие извне тексты чаще всего является результатом целенаправленных усилий активной языковой личности» (Богданова, 2014:11). Хотя феномен свободного владения языком, согласно Б.М. Гаспарову, в значительной мере основывается на наличии в памяти

menon (T.A. van Dijk, A.A. Zalevskaya, A.A. Leontyev, Ya.A. Sorokin etc). The activity-related and communicative approach to text studies, that takes account of the positions of the producer and recipient and aims to formalize as much as possible the processes of text understanding and production, was substantiated by the works by I.A. Melchuk, Ye.S. Kubryakova, G.I. Bogin, M.Ya. Dymarsky etc. The problems of text production are less well understood than those of text understanding, although they have many times been addressed within the framework of the theory of text. Scholars highlight complexity and ambiguousness of text formation. Text production is connected with meaning production. The meaning-text theory is based on the presumption of the invariant meaning which is invariable when undergoing all mappings of the text (Lotman, 2000).

The approach related to studying the processes of understanding and producing texts belonging to various types and genres, has an immediate effect on the practice of language teaching. Living in the world of texts, a human being can not help producing ever new texts by reacting and responding to both life events and the existing texts. However, the ability to understand and create texts of diverse complexity is not innate. “The skill to build texts consistent with a certain situation and to successfully decode texts coming from the outside, most often results from a conscious effort made by the active linguistic personality” (Bogdanova 2014:11). Although the phenomenon of complete mastery of a language, to quote B.M. Gasparov,

говорящего обширного арсенала коммуникативных фрагментов и достаточно развитой сети аналогий, контаминаций, ассоциативных ходов (Гаспаров, 1996: 129—130), было бы ошибкой думать, что овладение внутренними «нормами текстообразования» (Дымарский, 2001) происходит интуитивно-бессознательно. В.М. Гаспаров подчеркивает, что языковое существование, как и всякое существование вообще, — процесс не только интуитивно-бессознательный. «Интуитивное движение языкового опыта неотделимо от языковой рефлексии» (Гаспаров, 1996:17). Человеку свойственно стремление придать своему языковому опыту упорядоченный и рациональный характер, и это стремление, как представляется, необходимо использовать при целенаправленном формировании текстовой компетенции. Наиболее перспективным и эвристически значимым в настоящее время является направление, основывающееся на положении о том, что «знание о глобальных текстовых разновидностях, т.е. текстотипологическое знание, является обязательной составляющей коммуникативной компетенции в целом» (Чернявская, 2014:66). В англоязычной научной литературе этому соответствует термин *суперструктура* (*superstructure*). Согласно Тён ван Дейку, в суперструктурах представлено знание о глобальных коммуникативно-речевых типах, и это знание актуализируется не только в тексте, но и содержится в голове (Van Dijk, Kintsch, 1983:25).

2. ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА

2.1. Анализ текста

В данном выпуске журнала проблематика, связанная напрямую или косвенно с текстом, представлена достаточно широко и разнообразно. Интертексту-

is mostly based on the existence in the speaker's memory of a considerable arsenal of communicative episodes and extensive network of analogies, contaminations, and associative trains of thoughts (Gasparov 1996:129—130), it would be the mistaken belief that mastery of internal “norms of text production” (Dymarsky, 2001) is gained intuitively and unconsciously. В.М. Gasparov stresses that language existence like any other existence is not just an intuitive and unconscious process. “The intuitive evolution of language experience is inseparable from language reflection” (Gasparov 1996:17). People tend to organize and rationalize their language experience; apparently this tendency has got to be used when deliberately developing text competence. Nowadays the most promising and heuristically significant trend is the one based on the tenet that “knowledge about global text diversity, i.e. text typology knowledge, is a mandatory component of the communicative competence as a whole” (Chernyavskaya 2014:66). In scholarly literature in English that corresponds to the term *superstructure*. According to Teun van Dijk, superstructures represent knowledge about global communicative and speech types, that knowledge is contained in the head rather than just actualized in the text (van Dijk, Kintsch 1983:25).

2. THE REVIEW OF THE ISSUE

2.1. Text Analysis

This issue of the Journal addresses a wide range of problems which are directly or indirectly related to text. Intertextuality is a notion that has a long

альность — одно из таких понятий, которому предстоит еще долгая жизнь в науке. Теоретик постструктурализма Юлия Кристева, которая ввела в научный оборот этот термин в 1967 г., буквально взорвала в свое время интеллектуальную атмосферу Парижа. Термин был введен ею на основе анализа концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина, который одним из первых зафиксировал феномен диалога текста с другими текстами. На современном этапе интертекстуальность понимается как в широком, так и в узком смысле. В узком смысле термином «интертекстуальность» обозначают цитирование и аллюзии. В широком смысле он используется для выражения целого спектра межтекстовых отношений, для обозначения взаимодействия текста со всей семиотической культурной средой, поскольку любой текст в этом понимании является составной частью обширного культурного текста.

Динамическая модель, предложенная М.М. Бахтиным вместо статического членения текстов (Бахтин, 1979), возможна только на основе концепции, рассматривающей текст не как некий константный смысл, но как «место пересечения текстовых плоскостей» (Кристева, 2000), как диалог между писателем и персонажем, писателем и читателем, диалог между современным прочтением и предшествующим культурным контекстом.

Спустя почти полвека понятие интертекстуальности продолжает оставаться широко обсуждаемым и дискуссионным (Фатеева, 2012; Пьеге-Гро, 2008), в нем открываются новые грани, так, например, рассмотрение интертекстуальности с лингвокультурных позиций, на основе понятия текстовой концептосферы, дает возможность построить мо-

linguistic life ahead. In 1967, it was brought into scholarly usage by Julia Kristeva, the theorist of post-structuralism, who literary broke Paris's intellectual environment at that time. J. Kristeva introduced the term upon analysing M.M. Bakhtin's conception of "a polyphonic novel", who was a first one to observe the phenomenon of a continual dialogue of a text with other texts. Today, intertextuality is understood both in a broad and narrow sense. The term *intertextuality* in a narrow sense means quotation and allusion. In a broad sense, it is used to express a multifaceted interrelationship between texts in order to indicate the interaction between text and the semiotic cultural environment as a whole, since any text, in this respect, makes part of the entire cultural text.

The dynamic model developed by M.M. Bakhtin to supersede the static segmentation of texts (Bakhtin, 1979) can only be used if based on a conception that does not see a text as an invariable meaning, but rather "an intersection of text planes" (Kristeva, 2000), a dialogue between the author and the character, the author and the reader, and a dialogue between the contemporary understanding and the preceding cultural context. Almost half a century later, the notion of intertextuality is still controversial and extensively discussed (Fateyeva, 2012), (Piegay-Gros, 2008), it reveals new facets — for instance, a linguocultural view of intertextuality based on the notion of the conceptual sphere of the text makes it possible to build a model of the concept of the precedent text (Slyshkin, 2000).

дель концепта прецедентного текста (Слышкин, 2000).

Первый раздел данного номера журнала открывает статья на английском языке З.Я. Тураевой / Zinaida Turaeva (Германия, Бёблинген), известного специалиста в области лингвистики текста (Тураева, 1986). В статье “Intertextuality: Ariadne’s Thread in the Exploration of Literature” («Интертекстуальность — нить Ариадны в исследовании художественного текста») указанное понятие исследуется как категория, восходящая к работам М.М. Бахтина, к его теории диалогичности. Концептуальное название статьи подсказывает нам, что выход из лабиринта сложных проблем, связанных с пониманием и порождением текста, все же можно найти. Автор, рассматривая интертекстуальность как нить Ариадны, т.е. своего рода ключ к пониманию текста, приходит к ценным выводам о том, что интертекстуальность позволяет не только устанавливать связи между эпохами и сохранять человеческий опыт, но и способна стимулировать творческое мышление. Взаимодействие в художественном тексте двух противоположных тенденций — к стабильности и к постоянным изменениям — способствует сохранению старого и порождению нового знания.

Интертекстуальность, понимаемая в узком смысле, среди важнейших проявлений которой рассматривают цитирование, также продолжает привлекать внимание исследователей. Так, в частности, Е.Д. Терентьева (Россия, Москва) в статье «Прагматические аспекты цитирования в испанских медиатекстах» выделяет среди цитируемых в СМИ текстов два типа: 1) тексты, социально значимые и актуальные лишь для определенного момента, и 2) прецедентные тексты, неоднократно воспроизводимые

The first section of the issue opens with an article in English by Zinaida Turaeva (Böblingen, Germany), a leading expert in the field of text linguistics (Turaeva, 1986). The article *Intertextuality: Ariadne’s Thread in the Exploration of Literature* analyses the above-mentioned notion as a category that can be traced back to M.M. Bakhtin’s works, to his theory of the dialogic nature of the text and culture. The conceptual title of the article makes us believe that there is a way out of the labyrinth of serious problems that arise when understanding and producing a text. Viewing intertextuality as Ariadne’s thread, i.e. as some sort of key to understanding a text, the author comes to the valuable conclusion that not only does intertextuality encourage establishing links between epochs and uphold human experience, but it also makes it possible to spur creative thinking. The interaction/melange in a literary text of two contradictory tendencies towards stability and constant innovation stimulates the preservation of the old and generation of new knowledge.

Understood in a narrow sense, intertextuality, with quotation regarded as its most important manifestation, is still attractive to researchers. In her article *Pragmatic Aspects of Quotation in Spanish Media Texts*, Ekaterina Terentieva (Moscow, Russia) groups all texts cited in media into two categories: 1) texts that are high-profile and topical at a certain period of time and 2) precedent texts that are time and time again reproduced in certain society. The article provides an analysis of pragmatic functions of explicit and implicit quotes, which gives an insight into some me-

в данном сообществе. Проведенный в статье анализ прагматических функций прямого и скрытого цитирования проясняет некоторые механизмы воздействия на читателя, выявление и описание которых признается одной из важнейших задач современного изучения медиатекстов.

Другая значимая проблема лингвистики текста — проблема речевых жанров. Основоположником теории речевых жанров по праву считается М.М. Бахтин. На современном этапе — это одно из активно развивающихся направлений лингвистики, которое представлено, в частности, работами В.В. Дементьева (Дементьев, 2010).

В совместной статье В.В. Дементьева и Н.Б. Степановой (Россия, Саратов) «Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз» читатель может познакомиться с результатами исследования, выполненного при финансовой поддержке Министерства образования науки РФ (в рамках базовой части государственного задания). В статье обсуждаются теоретические и практические вопросы, связанные с изучением речевых жанров в новом ракурсе — с позиций корпусной лингвистики. Авторы отмечают, с одной стороны, несомненную эффективность корпусных методов для решения различных лингвистических задач, с другой стороны, констатируют отсутствие к настоящему моменту разработанной корпусной методики для «диагностики» речевых жанров. По мнению авторов, ключевые фразы могли бы сыграть роль своеобразных текстовых маркеров речевых жанров, по которым можно осуществлять поиск в корпусах. В статье развивается и обосновывается конструктивная идея о том, что ключевая фраза речевого жанра должна быть включена

mechanisms for exerting an influence upon the reader, whose recognition and description is considered to be a most important purpose of studying media texts nowadays.

Another major issue of text linguistics is the problem of speech genres. M.M. Bakhtin is justly regarded as the founder of the theory of speech genres. Today, it is a rapidly progressing research area of linguistics represented by research findings, including works by Vadim Dementyev (Dementyev, 2010).

The joint article *Corpus Methods in the Study of Speech Genres: the Problem of Key Phrases* by Vadim Dementyev and Nataliya Stepanova (Saratov, Russia) introduces the reader to the findings of the survey conducted with the financial backing from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (within the framework for the basic section of the government task). The article discusses theoretical and practical issues relating to the study of speech genres from a new perspective — on a corpus linguistics level. On the one hand, the authors point to the undeniable effectiveness of the corpus methods for solving various linguistic problems, on the other hand, they note that corpus methods for “diagnosing” speech genres have not been developed thus far. According to the authors, key phrases could play the role of certain text markers for speech genres in order to perform a search in corpora. The article develops and supports a constructive idea that the key phrase of a speech genre should be incorporated in its appropriate description as an additional parameter.

в соответствующее его описание в качестве дополнительного параметра. Такой подход к изучению и описанию речевых жанров можно считать перспективным, поскольку с его помощью создается алгоритм процесса их идентификации.

В журнале представлены статьи, связанные с анализом конкретных жанров. В частности, на примере анализа текстов одного из жанров, а именно сказки, Н.В. Соловьёва (Россия, Москва) в статье на английском языке “Linguistic Representation of the Category of Oppositeness in English Folk Tales” («Языковая репрезентация категории оппозитивности в текстах английских народных сказок») рассматривает текст в структурно-семантическом аспекте.

Сказка как жанр имеет длительную историю изучения, в которой имя русского филолога-фольклориста и этнографа В.Я. Проппа занимает едва ли не главное место. В своей ранней работе о структуре текста «Морфология сказки», ставшей впоследствии наиболее известной, В.Я. Пропп сделал открытие, суть которого состояла в установлении в волшебных сказках постоянных повторяющихся элементов — это ограниченное число типов событий и персонажей, практически неизменный набор функций действующего лица (Пропп, 1928). Труды В.Я. Проппа, по уровню методологии во многих аспектах опережавшие свое время, можно поставить по масштабу и значимости в один ряд с исследованиями таких русских ученых XX в., как М.М. Бахтин, Р.О. Якобсон, А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, Ю.М. Лотман и др., сфера интересов которых не ограничивалась областью филологии. Все они, прямо или косвенно, выходили в своих исследованиях на междисциплинарный уровень, столь востребованный сейчас, в XXI в., и оказали значи-

Such approach to studying and describing speech genres has potential as it helps develop an algorithm of their identification process.

This issue of the Journal contains articles on analysis of certain genres. For example, analysing texts belonging to the genre of a fairy tale, Nataliya Solovyeva (Moscow, Russia) in her article *Linguistic Representation of the Category of Oppositeness in English Folk Tales* in the English language, looks at the text in terms of structural semantics.

The fairy tale as a genre has long been studied, with the Russian linguist, folklorist, and ethnographer V.Ya. Propp ranking near first in this field. In his early work on text structure *Morphology of the Tale* that received wider recognition later, V.Ya. Propp made a discovery about identifying recurrent features in fairy tales, i.e. a finite number of types of events and characters, a virtually unchanging set of functions performed by the characters (Propp, 1928). Being in advance of its time, in many respects on the methodology level, V.Ya. Propp's research endeavour in terms of its calibre and significance may be ranked among works by the famous Russian scholars of the 20th century such as M.M. Bakhtin, R.O. Jakobson, A.F. Losev, S.S. Awerinzew, Yu.M. Lotman whose research interest range was wider than just linguistics. Directly or indirectly, all those scholars adopted the interdisciplinary approach to their research, that is much in demand nowadays, in the 21st century, and exerted a profound influence upon the development of the humanities in the contemporary world, including the theory

тельное влияние на развитие современной мировой гуманитарной науки, включая теорию текста. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. книга В.Я. Проппа была переведена на иностранные языки и, превратившись в научный бестселлер, оказала значительное воздействие на целый ряд направлений, в том числе на семиотику и лингвистику текста, положив начало структурно-типологическому исследованию нарратива. Под прямым или косвенным влиянием идей В.Я. Проппа оказались, в частности, структуралисты и семиологи (Р. Барт, А. Греймас, К. Леви-Стросс, Ц. Тодоров и др.).

Автор представленной в журнале статьи, анализируя английские сказки, частично опирается в своем исследовании на работы этих ученых (Levi-Strauss, 1983). В статье ставится задача создания типологии текстовых оппозиций на материале английских народных сказок. Взяв за основу метод фонологических оппозиций, автор представляет категорию оппозитивности как совокупность фонологических, семантических и грамматических оппозиций. В статье показано, как текстовые оппозиции, существование которых обусловлено семантическими и грамматическими оппозициями, реализуются в противопоставлении открытых и закрытых пространственных образов, противопоставлении персонажей сказки друг другу и противопоставлении зачина и концовки текста.

На современном этапе одной из социально востребованных наук постепенно становится риторика, прошедшая ранее несколько этапов в своем развитии: от искусства убеждения (Древняя Греция) до искусства украшения речи (Средние века и Возрождение). В настоящее время под влиянием таких активно развивающихся направлений, как теория речевого воздействия и коммуникативная

of text. In the late 1950s — early 1960s V.Ya. Propp's book was translated into foreign languages to become a best-seller in the academic community, thereby making a profound impact upon a number of research areas, including semiotics and text linguistics, and marking the beginning of structure and typology research of the narrative. V.Ya. Propp's ideas either explicitly or implicitly influenced structuralists and semiologists (R. Barthes, A. Greimas, C. Lévi-Strauss, Tz. Todorov etc) in particular.

Analysing English folk tales, the author of the above-mentioned article partly draws on the works by these scholars to do her research (Levi-Strauss, 1983). The purport of the article is to develop a typology of text oppositions as applied to English folk tales. With the method of phonological oppositions serving as a basis, the author views the category of oppositeness as assemblage of phonological, semantic, and grammatical oppositions. The article reveals how text oppositions, the existence of which derives from semantic and grammatical oppositions, manifest themselves through the opposition between explicit and implicit spatial images, fairy tale characters, and the beginning and ending of the text.

Today, rhetoric is developing into one of the socially needed arts. It has gone through several developmental stages — from the art of persuasion (ancient Greece) to the art of embellishing and beautifying the speech (the Middle Ages and Renaissance). Being influenced by such rapidly progressing fields as the theory of linguistic manipulation

лингвистика, наиболее значимой оказывается риторика, понимаемая как наука убеждать. Одним из известных специалистов в области риторики и стилистики текста является Г.Г. Хазагеров (Россия, Ростов-на-Дону), автор словаря риторических терминов, учебников по риторике и теории литературы, исследований, посвященных политической риторике (Хазагеров, 2002). Г.Г. Хазагеров — это ученый, который ищет в риторическом наследии то, что могло бы помочь получить ответы на вызовы нашего времени. В статье «Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур», представленной в данном журнале, классификации рассматриваются в аспекте их целей. Справедливо считая, что адекватный подход к классификации зависит от целей говорящего, автор выделяет три группы таких целей, связанных с «ближней», «продолженной» и «дальней прагматикой». В соответствии с целями формулируются три стратегии классификации риторических фигур, которые, как показано в статье, могли бы иметь не только академическое, но и социальное значение. В связи с «ближней прагматикой» главная цель понимается как учебная, в соответствии с этим классификация должна быть простой и запоминающейся. В контексте «продолженной прагматики», по мысли автора, фигуры необходимо связать с интенциями, ориентированными на достижение того или иного имиджа. Здесь автор обозначает важную задачу по созданию атласа таких интенций. В связи с «дальней прагматикой» нужны открытые списки фигур, которые, по мысли автора, нуждаются в распространении в публичном пространстве вне университетских стен.

and communicative linguistics, rhetoric as a branch of knowledge of persuasion turns out to be of utmost importance nowadays. Georgiy Khazagerov (Rostov-on-Don, Russia), the author of the dictionary of rhetorical terms, textbooks on rhetoric and literary theory, surveys on political rhetoric, is a famous expert in the field of rhetoric and text stylistics (Khazagerov, 2002). Georgiy Khazagerov is a scholar who is looking for tips in rhetorical heritage that could help meet the challenge of the 21st century. The article *The Teleological Sense and Social Role of Rhetorical Figures Classification* views classifications of rhetorical figures in the context of their goals. The author rightly claims that a rational approach to the classification depends on the speaker's aims, and organises these aims into three groups in terms of short-term, continued, and long-term pragmatics. In accordance with the aims, three strategies are formulated for classifying rhetorical figures, which, as we can see, could be of both academic and social significance. On the level of short-term pragmatics, the main aim is regarded as educational, so the classification is supposed to be simple and easy to remember. On the level of continued pragmatics, rhetorical figures, to quote the author, need to be connected with intentions orientated towards building an image. At this point the author sets an important task of producing an atlas of such intentions. On the level of long-term pragmatics, lists of figures are needed, that can be circulated in the public space, off the university's premises.

2.2. Анализ дискурса

В современных исследованиях невозможно рассматривать текст в отрыве от дискурса. Поскольку в перспективе ожидается специальный выпуск журнала, посвященный анализу дискурса, здесь лишь кратко остановимся на некоторых различиях в понимании дискурса. В англоамериканской лингвистической традиции под дискурсом понимается связная речь (*connected speech*), дискурс нередко отождествляется с диалогом (Чернявская, 2014:103). Во французской школе понятия дискурса и дискурсивного анализа связываются с именами М. Фуко, Ж. Лакана, М. Пеше и др. М. Фуко понимает под дискурсом множество высказываний (сегментов человеческого знания), принадлежащих одной формации. Дискурсивные практики (франц. *pratiques discursives*), куда включается дискурс, в концепции М. Фуко представляют собой совокупность исторически сложившихся правил, которые предопределяют выполнение функций высказывания в данную эпоху и для данного лингвокультурного пространства (Фуко, 1994). Ценной для развития науки следует признать мысль М. Фуко о том, что каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для нее «формы знания», которая обладает определенной властью над человеком. По мысли М. Фуко, необходимо освободить человека от «власти дискурса», от скрытых допущений, дать ему свободу мыслить по-иному, по-своему, расчистить пространство свободы для «новых форм субъективности» (Там же).

Одно из пониманий дискурса связано с совокупностью тематически соотношенных текстов (Чернявская, 2014: 112), что отражается во многих современных исследованиях, например, в ана-

2.2. Discourse analysis

In modern research text cannot be considered in isolation from discourse. Because in the long term a special issue devoted to discourse analysis is expected, here we will briefly outline some differences in the understanding of discourse. In American and English linguistics discourse is understood as a connected speech, and is usually equated with a dialogue (Chernyavskaya 2014:103). In French linguistic school the notions of discourse and discursive analysis are connected with the names of M. Foucault, J. Lacan, M. Pêcheux and others. M. Foucault understands discourse as a body of utterances (segments of human knowledge), belonging to one historical period. In Foucault's framework discursive practices (French "pratiques discursives"), which include discourse, represent a set of historically formed rules that determine the fulfillment of the functions of an utterance in this epoch and for this particular linguacultural environment (Foucault 1994). Valuable for the development of science should be recognized the idea of M. Foucault that each academic discipline has its own discourse, acting as a specific "form of knowledge", which possesses certain power over a man. In Foucault's opinion, it is necessary to liberate the man from the "power of discourse", from the hidden assumptions, to give him the freedom to think differently, in his own way, and to clear the area of freedom for the "new forms of subjectivity" (Ibid.).

Another understanding of discourse is associated with the body of the-

лизе медицинского, юридического, политического, финансового, семейного и других дискурсов.

Второй раздел данного выпуска журнала открывает статья “Cross-cultural communication in Russian-speaking immigrant families in Israel: Language practices of the second generation” («Межкультурная коммуникация в русскоязычных семьях в Израиле: языковые практики иммигрантов во втором поколении»), в которой ее автор, *Клаудиа Збенович / Claudia Zbenovich* (Израиль, Иерусалим), рассматривает вопросы динамики повседневного общения родителей и детей в семьях русскоязычных израильтян. Анализируя семейный дискурс в рамках межкультурной двуязычной коммуникации, автор убедительно показывает, что культурные сценарии — русскоязычный и израильский — активно взаимодействуют. Результаты дискурсивного и прагматического анализа, проведенного автором, подтверждают, что обе стороны участвуют в процессе «культурного перевода» языковых парадигм: унаследованный менталитет старшего поколения и новый культурно-языковой опыт младшего поколения взаимодействуют в построении социально-культурной и языковой идентичности детей иммигрантов.

Изучение национального поведения остается актуальной задачей, несмотря на широкий спектр исследований в этой области (Прохоров, Стернин, 2006; Иссерс, 2008; Ларина, 2009; West, Turner, 2000 и др.). Современное изучение коммуникативного поведения невозможно без обращения к данным имеджелогии (Почепцов, 2001; Bird, 1994), лингвоперсонологии и когнитивной лингвистики (Карасик, Дмитриева, 2005; Evans, 2006; Jackendoff, 2007). Совместная статья *А.С. Герасимовой* и *О.С. Иссерс*

matically related texts (Chernyavskaya 2014:112), which is reflected in many recent studies, such as in the analysis of medical, legal, political, financial, family and other discourses.

The second section of this issue of the journal opens with an article “Cross-cultural communication in Russian-speaking immigrant families in Israel: Language practices of the second generation”, where its author, *Claudia Zbenovich* (Israel, Jerusalem), considers the aspects of everyday communication dynamics between parents and children in the families of Russian-speaking Israelis. Analyzing family discourse in the framework of intercultural bilingual communication, the author indicates clearly that cultural scripts — Russian and Israeli — actively interact. The results of the discursive and pragmatic analysis conducted by the author confirm that both parties are involved in the process of “cultural translation” of linguistic paradigms: the inherited mentality of the older generation and the new cultural and linguistic experiences of the younger generation interact in the construction of a socio-cultural and linguistic identity of immigrant children.

The study of culture specific behavior is still of immediate interest despite a wide range of research in this field (Prokhorov, Sternin 2006; Issers 2008; Larina 2009; West, Turner 2000 and many others) The modern study of communicative behavior is impossible without considering the data of imageology (Pocheptsov, 2001; Bird, 1994), linguistic personology, and cognitive lin-

(Россия, Омск) «Имидж члена жюри развлекательного телешоу (на материале телепроекта «Голос»)» посвящена выявлению характерных черт публичного дискурса, а именно коммуникативным характеристикам имиджа членов жюри творческого развлекательного телешоу «Голос». Авторы ставят своей целью определить вербальные и невербальные доминанты русского коммуникативного поведения, формирующие универсальный имидж наставника в творческом телепроекте (лексические средства и тактические речевые приемы, а также жесты, мимику, манеру держаться). В целях выявления речевых и неречевых коррелятов роли члена жюри в статье сопоставляются понятия «имидж» и «лингвокультурный типаж», при этом понятие «лингвокультурный типаж» становится более общим и многомерным, но в редуцированном виде превращается в имидж.

В современных исследованиях уже неоднократно было доказано, какую значимую роль в общении играют невербальные средства. В статье “Grammatical Aspect and Gesture in French: a kinesiological approach” («Жесты и грамматическая категория аспекта во французском языке: кинесиологический подход»), которую представляют *Доминик Бутэ / Dominique Boutet* (Франция, Париж), *Алия Моргенстерн / Aliyah Morgenstern* (Франция, Париж) и *Алан Ченки / Alan Cienki* (Нидерланды, Амстердам), отражены результаты исследования, поддержанного грантом РФФИ. Авторы ставят целью доказать, что изучение функционирования жестов в речи открывает дополнительные возможности для понимания концептуализации грамматических категорий в процессе говорения. Кинесиологический подход, который используют авторы в изуче-

guistics (Karasik, Dmitrieva 2005; Evans, 2006; Jackendoff, 2007). A joint article “The Juror’s Image of an Entertainment TV-Show (on the basis of “The Voice” Show)” by *Anastasia Gerasimova* and *Oxana Issers* (Omsk, Russia) deals with identifying the characteristics of public discourse, specifically the communicative characteristics of the image of the members of the jury of a creative entertainment TV-project “The Voice”. The authors aim to determine verbal and nonverbal dominant features of the Russian communicative behavior, which form a universal image of a mentor in a creative TV show (lexical means and tactical speech techniques, as well as gestures, facial expressions, and the demeanor). In order to identify verbal and non-verbal correlates of a coach the concepts of “image” and “linguacultural type” are compared, given that the latter is becoming more common and multidimensional but in a reduced form is transformed into an image.

Modern studies have repeatedly proven an essential role of non-verbal means in communication. The article “Grammatical Aspect and Gesture in French: a kinesiological approach” by *Dominique Boutet* (Paris, France), *Aliyah Morgenstern* (Paris, France) and *Alan Cienki* (Amsterdam, the Netherlands,) presents the results of a study supported by the grant of the Russian Scientific Foundation. The authors aim to prove that the study of the functioning of gestures in speech opens up new possibilities for understanding the conceptualization of grammatical catego-

нии жестовой стороны речи, известен в педагогике. Физиологами, психологами, педагогами (И.М. Сеченов, В. Вундт, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и др.) раскрыта физиологическая взаимозависимость между речемыслительными и двигательными действиями. В педагогике отмечается влияние этой взаимозависимости на общее развитие детей, на формирование и развитие речи, на обучение языкам. Дидактические приемы и методы формирования новых знаний, умений и навыков учащихся посредством двигательной деятельности получили терминологическое обозначение «кинесиологические приемы» обучения, что соотносится с термином «образовательная кинесиология», используемым в американской педагогической литературе. Кинесиологический подход к жестикуляции, описанный в представленной статье, позволяет анализировать движения человеческого тела в соответствии с биомеханической теорией, которая учитывает физиологические особенности. Авторы экспериментально доказывают, что конструирование говорящими аспектуальных различий, грамматикализованных в языке, может проявляться в жестикуляции. Одна из задач исследования состоит в том, чтобы выяснить, каким образом различия в структуре события, выраженные с помощью категории аспекта, коррелируют с кинесиологическими особенностями жестикуляции. Данное исследование заставляет задуматься над следующими вопросами: 1) Может ли кинесика участвовать в выражении определенных семантических различий? 2) Есть ли внутренний источник, который влияет на скорость жеста в процессе разговора? 3) Может ли трактовка события говорящим, которая реализуется в выборе аспекта, вести к выбору жеста, который характеризует

ries in speech. The kinesiological approach utilized by the authors in the study of gestural aspects of speech is well-known in pedagogy. Physiologists, psychologists, teachers (I.M. Sechenov, W. Wundt, L.S. Vygotsky, A.R. Luria et al.) discovered physiological relationship between verbal and cogitative and motor actions. Pedagogy points to the impact of this interdependence on the overall development of children, on the formation and development of speech, and on language training. Didactic techniques and methods of the formation of new knowledge and skills of students through motor activity are termed as “kinesiological techniques” that corresponds to the term “educational kinesiology” used in the American educational literature. The kinesiological approach to gestures described in the given article allows the analysis of bodily movements in accordance with the biomechanical theory, which in its turn takes into account physiological characteristics. The authors experimentally prove that speakers’ construction of aspectual differences grammaticalized in language can be manifested in gestures as well.

One of the objectives of the study is to find out how the differences in the structure of an event expressed by the category of aspect correlate with kinesiological features of gestures. This study makes one think about the following questions: 1) whether kinesics may participate in the expression of specific semantic differences, 2) whether there is an internal source which affects the speed of a gesture in a conversation, 3) whether a speaker’s in-

ся специфическими свойствами? В статье делается попытка ответить на эти и другие сложные вопросы, связанные с новым подходом к анализу жестовой стороны речи.

Наряду с жестами, оказывающими дополнительное воздействие на адресата в процессе говорения, эффективностью в общении обладают и образные средства. В статье *А.В. Штанова* и *Е.Н. Бельх* (Россия, Москва) «Образность как лингвистическая категория и ее выражение в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления» показано, что каждое образное слово обладает своими ассоциативными ресурсами. Образные средства языка в устном публичном выступлении политического лидера, безусловно, являются определенным инструментом воздействия на аудиторию с целью повлиять на видение политической ситуации. Авторы отмечают как универсальные, так и национально-культурные особенности функционирования образных языковых средств в турецком политическом дискурсе.

2.3. Сопоставительный анализ терминологии

В ситуации развития межкультурных контактов и расширения международного сотрудничества в экономике, политике, культуре, образовании и др. профессиональная деятельность человека становится практически невозможной без изучения специальных языков, важной составляющей которых являются термины. Проблема перевода терминов и поиска терминологических соответствий в языке оригинала и языке перевода относятся к числу наиболее актуальных. Вопросы сопоставительной

interpretation of an event, which is realized in the choice of aspect, may lead to the choice of a gesture characterized by specific features. The article attempts to address these and other complex issues related to the new approach to the analysis of gestural aspects of speech.

Besides gestures that have an additional impact on the addressee in the process of speaking, figures of speech are no less effective in communication. The article “Features of Realization of Figurativeness in the Turkish Political Discourse of Oral Public Statements” by *Andrei Shtanov and Ekaterina Belykh* (Moscow, Russia) shows that each figure of speech has its associative resources. Figurative language in the oral public speech of a political leader is by all means a specific tool that influences the audience in order to affect the vision of the political situation. The authors point out both universal and cultural characteristics of the functioning of figurative linguistic means in Turkish political discourse.

2.3. Comparative analysis of terminology

Due to cross-cultural contacts and the expansion of international cooperation in the economy, politics, culture, education, etc., the professional occupation of a person is becoming virtually impossible without a study of specific languages and their terminology in particular. The problem of translation of terms and the search for terminological correspondences in the original language and the target language is among the most pressing. The questions of comparative terminology do not

терминологии не перестают интересовать современных ученых (см., напр., Сарангова, 2017). Одна из ключевых проблем при этом — гармонизация терминов при переводе. Достичь этой цели можно при условии нового осмысления существующих проблем.

Современное терминоведение — это изучение терминов в широком контексте — на стыке различных наук: лексикографии, переводоведения, прагматики, когнитологии. Когнитивный подход к изучению терминов реализуется с помощью фреймового анализа, который сложился под влиянием идей М. Минского (Minsky, 1975), Дж. Лаккоффа (Lakoff, 1986), Ч. Филлмора, Б. Аткинса (Fillmore, Atkins, 1992) и др.

Лингвистический термин, в соответствии с когнитивным подходом, нередко понимается как концепт. Так, в частности, третий раздел журнала, посвященный сопоставительному изучению терминов, открывает совместная статья на английском языке “Multi-word Lexical Units in English and Slovak Linguistics Terminology” («Сложные номинативные единицы в английской и словацкой лингвистической терминологии»), выполненная в рамках гранта «Виртуальный интерактивный англо-словацкий двуязычный энциклопедический лингвистический словарь», в которой ее авторы, Магдалена Била / *Magdaléna Bilá* и Алена Качмарова / *Alena Kačmárová* (Словакия, Прешов), показывают, что различия в концептуализации терминов в словацком и английском языках обуславливают трудности в процессе перевода. Обращение к глубинной структуре термина, по мысли авторов, дает возможность более точно представить в словаре и толкование термина, и его перевод. Авторы считают, что при подготовке словника будущего

cease to interest contemporary academics (Saraganova, 2017). One of the key issues at that is the harmonization of terminology in translation. Achieving this goal is possible provided that there is a new understanding of existing problems. Modern terminology studies is the study of terms in the broader context at the intersection of various fields, such as lexicography, translation studies, pragmatics, and cognitive linguistics. The cognitive approach to the study of terms is realized by frame analysis formed under the influence of M. Minsky (Minsky, 1975), G. Lakoff (Lakoff, 1986), Ch. Fillmore, B. Atkins (Fillmore, Atkins, 1992) and others. A linguistic term, according to the cognitive approach, is often understood as a concept. Thus, the third section of the journal dedicated to the comparative study of terms, opens with a joint article in English “Multi-word Lexical Units in English and Slovak Linguistics Terminology”, conducted under the grant “Virtual interactive bilingual English-Slovak Linguistic Encyclopedic Dictionary”, in which its authors, *Magdaléna Bilá* and *Alena Kačmárová* (Preshov, Slovakia), show that the differences in the conceptualization of terms in Slovak and English cause difficulties in the translation process. According to the authors, appealing to a deeper structure of a term makes it possible to present its interpretation translation in the dictionary more accurately. The authors believe that when preparing the glossary of the future dictionary, it is necessary to consider the results of the conceptualization in accordance with which the term should receive its interpretation and translation.

словаря необходимо учесть результаты концептуализации, в соответствии с которой термин должен получить толкование и перевод.

Сопоставительное изучение терминов нередко реализуется в рамках юридического дискурса, что не случайно, так как в сфере права требуется особое внимание к точности при переводе терминов. В совместной статье «Семантическая структура юридического термина» *Е.В. Кулевская* и *Н.А. Дудик* (Россия, Москва) исследуют семантику термина с когнитивных позиций. Применяя фреймовый анализ, авторы выявляют гомогенные и гетерогенные семантические структуры. В статье показано, что юридический термин на практике не всегда имеет точный и определенный смысл, так как некоторые термины являются многозначными.

Существенные результаты в сопоставительном изучении терминов юридической сферы достигнуты в серии статей *В.И. Озюменко* (Россия, Москва), исследующего различные номинации лиц, связанных с судопроизводством, в английском и русском языках. Рассмотрев термины *адвокат*, *прокурор* (Озюменко, 2014, 2015), автор в статье «Лексико-семантическое поле judge/судья в английском и русском языках» обращается к термину *судья*. Сопоставительный анализ выявил существенные различия в номинациях должностного лица государственной власти, осуществляющего правосудие: 1) в английском языке для обозначения данного понятия используется гораздо больший набор лексем, чем в русском; 2) английские и русские термины различаются объемом значения и дифференциальными признаками; 3) для английских терминов характерны номинативная детализация, территориальная вариатив-

The comparative study of terms is often conducted within legal discourse, which is no coincidence since the field of law requires special attention to the accuracy of the translation of terms. In a joint article “The semantic structure of a legal term” *Ekaterina Kulevskaya* and *Nadezda Dudik* (Moscow, Russia) explore the semantics of the term from the cognitive perspective. Using frame analysis, the authors identify homogeneous and heterogeneous semantic structures. The article shows that the legal term in practice does not always have a precise and definite meaning, because some terms are polysemantic.

Significant results in the comparative study of the legal terms have been achieved in a series of articles by *Vladimir Ozyumenko* (Moscow, Russia), exploring various nominations of individuals related to the proceedings in the English and Russian languages. Having considered such terms as “lawyer” and “prosecutor” (Ozyumenko, 2014, 2015), the author of the article “Lexical and Semantic Fields *Judge* and *Sudya* in the English and Russian languages” addresses the term *judge*. The comparative analysis revealed significant differences in nominating officials executing justice: 1) there are more lexemes used to describe this concept in English than in Russian; 2) English and Russian terms differ in the volume of their meaning and distinctive features; 3) nominative specification, territorial variability and polysemy are typical of the English terms. The results make it possible to propose specific recommendations in translation.

Ekaterina Pryakhina (Moscow, Russia) turns to the comparative study of the

ность и многозначность. Полученные результаты позволяют предложить конкретные рекомендации по переводу.

Е.В. Пряхина (Россия, Москва) обращается к сопоставительному изучению вербализации участников образовательного процесса, что следует признать актуальным, так как в системе образования многих стран мира происходят значительные изменения. В статье «Наименования участников образовательного процесса во французском и русском языках» представлены результаты сопоставительного анализа слота «Учащиеся/Élèves» во французском и русском языках, проведенного автором на основе фреймового подхода к изучению лексики. Согласно Ч. Филлмору и Б. Аткинсу (Fillmore, Atkins, 1992), фрейм структурирует группы слов в единую схему опыта и знания. Поскольку фрейм закреплен в языковом тезаурусе через соотносимую с ним языковую структуру, он является частью упорядоченной системы опыта отражения действительности. Именно поэтому анализ проводился автором от единицы смысла к языковым формам ее выражения, в результате чего был смоделирован изучаемый слот, определены структурно-морфологические характеристики лексем, входящих в исследуемый слот, а также проведен их компонентный анализ. В ходе исследования были выявлены различия как в наличии/отсутствии отдельных сем, так и лакуарность некоторых наименований учащихся, что свидетельствует о национально-культурной специфике изучаемого слота, которая проявляется, в частности, в существенных отличиях в выражении сем «ученик мастера» и «начинающий обучение». В статье отмечается разница в коннотативных характеристиках лексических единиц и наличие в русском языке

verbalization of participants of the educational process. This should be deemed important as the educational systems of many countries of the world are undergoing significant changes. The article “School Community Members Nomination in the French and Russian Languages” provides the findings of the comparative analysis of the “Students/Élèves” slot in the French and Russian languages, conducted on the basis of the frame approach to learning vocabulary. According to Ch. Fillmore and B. Atkins (Fillmore, Atkins, 1992), a frame structures a group of words into a single scheme of experience and knowledge. Since the frame is fixed in the language thesaurus via a correlated linguistic structure, it is a part of the regulated system of experience reflection of the reality. That is why the analysis was carried out from a unit of meaning to linguistic forms of its expression, resulting in the model of the slot under study; furthermore, structural and morphological characteristics of the lexemes included into the analyzed slot were identified, as well as their component analysis was performed. The study found differences in both the presence / absence of certain semes and lacunarity of some names of pupils. This is indicative of cultural specifics of the studied slot which, in particular, manifests itself in significant differences in the expression of such semes as “apprentice” and “training beginner”. The article notes the difference in the connotative characteristics of the lexical units, and registers the semes that are present

ке сем, которые отсутствуют во французском языке (такие, как форма обучения, успеваемость, оплата обучения и др.).

2.4. Теория и практика перевода

Сопоставительное изучение терминологии непосредственно связано с теорией и практикой перевода. Раздел журнала, посвященный проблемам перевода, открывается совместной статьей на английском языке *И.Н. Ремхе* (Россия, Магнитогорск), *Л.А. Невёдовой* (Россия, Челябинск) и *Д.Ч. Гиллеспии* / *David C. Gillespie* (Великобритания, Бат) “From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process” («От функции к системе: новая парадигма матричной структуры переводческого процесса»), в которой обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к переводоведению. Авторы предлагают свое видение когнитивной сущности переводческого процесса, складывающегося из многих параметров, среди которых синергия, кооперация, взаимозависимость и др. Практическая значимость модели верифицируется, как указано в статье, с помощью психолингвистического эксперимента, результаты которого представлены в виде уровней эффективности решаемых переводческих задач на основе ментальных пространств матричной модели перевода.

Проблемам перевода посвящена и статья *В.Е. Горшковой* (Россия, Иркутск) «Художественный vs документальный кинодиалог: жанровая специфика перевода», в которой рассматриваются проблемы перевода кинодиалога в зависимости от его принадлежности к тому или иному жанру. Автор ставит своей целью показать универсальный характер понятия «образ-смысл» в его

in Russian and absent in French (such as a form of learning, achievement, tuition, etc.).

2.4. Translation theory and practice

A comparative study of terminology is directly related to translation theory and practice. The section of the journal devoted to the problems of translation opens with a joint article in English “From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process” by *Irina Remkhe* (Magnitogorsk, Russia), *Liliya Nefedova* (Chelyabinsk, Russia) and *David Gillespie* (Bath, Great Britain). The article establishes a claim for an interdisciplinary approach to the theory of translation. The authors offer their own vision of the cognitive nature of the translation process that is made up of many parameters, including synergy, cooperation, interdependence, and others. The practical significance of the model is verified, as specified in the article, through a psycholinguistic experiment, the results of which are presented in the form of the levels of effectiveness of translation problems on the basis of mental spaces of the matrix structure of the translation process.

Translation issues are also addressed in the article by *Vera Gorshkova* (Irkutsk, Russia) “Fiction Film Dialogue vs Documentary Film Dialogue: Genre Peculiarities of Translation”, which considers the problems of translation of the film dialogue depending on its genre. The author aims to show a universal character of the concept of “image-

приложении к отдельным кинематографическим жанрам. Рассматривая данную проблему на материале французских художественных и документальных фильмов и их переводов, автор приходит к заключению, что отдельные вербальные составляющие могут приобретать особую важность в контексте художественного кинодиалога, повышая его поэтическую функцию, формируя его законченный образ-смысл. В статье отмечается важная роль в этом процессе таких лексических элементов, как личные местоимения «ты» и «вы», адекватный перевод которых способствует целостности зрительского восприятия фильма.

2.5. Хроника

Обсуждение актуальных проблем современной лингвистики продолжается и в разделе «Хроника», где, в частности, представлена рецензия *О.А. Абдрахмановой* (Россия, Челябинск) на коллективную монографию под ред. проф. *В.Е. Горшковой* «Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод» (Иркутск, 2014). Рецензия *А.Л. Факторовича* (Россия, Краснодар) знакомит читателей с книгой *Л.А. Брусенской и Э.Г. Куликовой* «Экологическая лингвистика» (М.: ФЛИНТА Наука, 2016).

В разделе обзоров событий научной жизни заслуживает внимания информация о международной конференции в Париже (18—22.07.2016), на которой обсуждались актуальные вопросы изучения жестов, чему была посвящена статья в данном выпуске журнала. Интерес представляют также сообщения о прошедших конференциях по стилистике (Москва, МГУ, факультет журналистики) и межкультурной прагматике (Хорватия, Сплит).

meaning” in its application to certain cinematic genres. Examining the problem on the material taken from French films and documentaries and their translations, the author concludes that separate verbal components can acquire particular importance in the context of the artistic film dialogue, enhancing its poetic function and forming its complete “image-meaning”. The article also points to the importance of lexical units like personal pronouns “toi” and “vous”, the adequate translation of which contributes to the integrity of the viewer’s perception of the film.

2.5. Chronicle

The discussion of the current problems of modern linguistics continues in the “Chronicle”, where one can read *Olga Abdrakhmanova’s* (Chelyabinsk, Russia) review of the collective monograph edited by prof. *V.E. Gorshkova* “Film Dialogue. Sense-image. Translation” (Irkutsk, 2014). The review by *Alexander Factorovich* (Krasnodar, Russia) introduces the reader to “Ecological Linguistics”, the book by *L.A. Brusenskaya and E.G. Kulikova* (M.: FLINTA Science, 2016).

In the academic events section noteworthy is the information about the International Conference in Paris (18—22.07.2016) during which current issues of gestures studies were discussed (see a special article in this issue of the journal). Of interest are also the reports of past conferences in stylistics (Moscow State University, Faculty of Journalism) and Intercultural Pragmatics (Split, Croatia).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что представленная в журнале подборка статей, безусловно, не в состоянии охватить весь спектр научных проблем, связанных с изучением текста и дискурса. Однако она достаточно репрезентативна для того, чтобы читатель мог оценить перспективность тех или иных направлений, их вклад в развитие науки. Лингвистика текста / лингвистика дискурса ставит много вопросов, на которые пока нет однозначных ответов. Среди них проблемы делимитации и идентификации текста и дискурса, типологии текстов и дискурсов, различения дискурса и функционального стиля и многие другие вопросы. Анализ исследовательских задач, к решению которых обращаются авторы представленных в обзоре статей, показывает, с одной стороны, их сложность и неоднозначность, с другой стороны, демонстрирует успехи во многих областях знания. Редакция журнала смеет надеяться, что знакомство с этим номером доставит читателям интеллектуальное удовольствие и окажется дополнительным импульсом к новым научным открытиям.

© Богданова Л.И., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. 251 с.
- Богданова Л.И. Формирование текстовой компетенции в процессе рецепции и продукции текстов. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014, № 1. С. 11—19.
- Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
- Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. 600 с.

3. CONCLUSION

In conclusion, it should be noted that the presented selection of articles in the journal cannot cover the entire range of issues related to the study of text and discourse. However, it is sufficiently representative for the reader to assess the prospects of various research areas and their contribution to the development of linguistics. Text linguistics / discourse linguistics brings up a lot of questions with no simple answers. Among them there are the problems of delimitation and identification of text and discourse, the typology of texts and discourses, the distinction between discourse and a functional style, and many others. The analysis of research questions that the authors of the articles address shows that they are quite complex and ambiguous, on the one hand, and demonstrates progress in many areas of knowledge, on the other hand. The editors dare to hope this issue of the journal will provide readers with intellectual pleasure and will be an additional impetus to new discoveries.

© Ludmila Bogdanova, 2016

REFERENCES

- Bakhtin M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow: Iskusstvo. 251 p. (In Russian).
- Bogdanova L.I. (2014). Formirovanie tekstovoi kompetentsii v protsesse retsepcii i produktsii tekstov [Forming of textual competence in process of reception and production of texts] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. № 1, 11—19 (In Russian).
- Chernyavskaya V.Ye. (2014). *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of text.

- Дымарский М.Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX веков)*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: УРСС, 2008. 288 с.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Под ред. В.И. Карасика. *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы*: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. 240 с.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Перевод с франц., сост., вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427—457.
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Лотман Ю.М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Озюменко В.И. Переводные соответствия слова «адвокат» в английском языке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2014. № 4. С. 114—119.
- Озюменко В.И., Чилингарян К.П. Полисемантность английской юридической лексики как проблема перевода. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 180—193.
- Почепцов Г.Г. *Профессия: имиджмейкер*. СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
- Пропф В.Я. *Морфология сказки*. Ленинград: Academia, 1928. 152 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. М.: Флинта, 2006. 328 с.
- Пьерге-Гро Н. *Введение в теорию интертекстуальности*. / Перевод Г.К. Косикова. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
- Сарангова Т.А. *Терминология Investor Relations в русском и английском языках*. М.: Инфра-М, 2017. 126 с.
- Слышкин Г.Г. *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. М.: Academia, 2000. 118 с.
- Linguistics of discourse]. Moscow: LE-NAND. 200 p. (In Russian).
- Gasparov B.M. (1996). Yazyk, pamjat', obraz. *Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of verbal existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p. (In Russian).
- Dement'ev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow: Znak, 2010. 600 p. (In Russian).
- Dymarskii M.Ya. (2000). *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyi tekst* (Na materiale russkoi prozy XIX—XX vekov) [Problems of text formation and literary text (on the basis of Russian prose of XIX—XX centuries)]. Moscow: Editorial URSS. 328 p. (In Russian).
- Fateeva N.A. (2012). *Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts: counterpoint of intertextuality]. Moscow: URSS. 82 p. (In Russian).
- Fuko M. (1994). *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Saint Petersburg: A-cad. 408 p. (In Russian).
- Hazagerov G.G. (2002). *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow: Nikolo-Media. 313 p. (In Russian).
- Issers O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: URSS, 288 p. (In Russian).
- Karasik V.I., Dmitrieva O.A. (2005). *Lingvokulturnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* [Linguocultural archetype: on the definition of the concept] // Pod red. Karasika V.I. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnye tipazhi*: sb. nauch. tr. Volgograd: Paradigma. 240 p. (In Russian).
- Kristeva Yu. (2000). *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, word, dialogue and novel]. // Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Perevod s frants., sost., vstup. statya G.K. Kosikova. М.: Progress. 427—457. (In Russian).
- Larina T.V. (2009). *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsii* [Category of politeness and communicative style: Comparison of Russian and English language

- Тураева З.Я. *Лингвистика текста*. М.: Прогресс, 1986. 127 с.
- Фатеева Н.А. *Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности*. М.: УРСС, 2012. 82 с.
- Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.
- Хаззагеров Г.Г. *Политическая риторика*. М.: Николо-Медиа, 2002. 313 с.
- Чернявская В.Е. *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса*. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
- Bird, P. (1994). *Sell Yourself. Persuasive Tactics to Boost Your Image*. London: Vintage.
- Evans, V. (2006). *Cognitive linguistics*. Edinburgh: University Press.
- Fillmore, Ch., and Atkins, B. (1992). Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors. In A. Lehrer, E. Kittay (Eds.). *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization* (pp. 75—102). Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Jackendoff, R. (2007). *Language, consciousness, culture: essays on mental structure*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lakoff, G. (1986). Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory* (pp. 152—167). Chicago: University of Chicago Press.
- Levi-Strauss, C. (1983). *The Raw and the Cooked. Mythologiques*. (Vol. 1). Chicago: University of Chicago Press.
- Minsky, M. (1975). *A Framework for Representing Knowledge*. New York: McGraw Hill
- Van Dijk, T. A., and Kintsch, W. (1983). *Strategies of discourse comprehension* (pp. 189—206). New York: Academic Press.
- West, R., and Turner, L.H. (2000). *Introducing communication theory: Analysis and application*. Mountain View, CA: Mayfield.
- age and culture traditions]. М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 512 p. (In Russian).
- Lotman Yu.M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. 704 p. (In Russian).
- Ozyumenko V.I. (2014). Perevodnye sootvetstviya slova «advokat» v angliiskom yazyke [Translation equivalents of the word «advokat» in English]. // *Vestnik RUDN. Seriya «Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya»*. № 4, 114—119. (In Russian).
- Ozyumenko V.I., Chilingaryan K.P. (2015). Polisemantichnost' angliiskoy yuridicheskoy leksiki kak problema perevoda [Polysemy of English legal lexis and the problems of translation]. *Russian Journal of linguistics*, 2, 180—193. (In Russian).
- Pocheptsov G.G. (2001). *Professiya: imidzhmaker* [Profession: imagemaker]. Saint Petersburg: Aleteya. 256 p. (In Russian).
- Propp V.Ya. (1928). *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Leningrad: Academia. 152 p. (In Russian).
- Prokhorov Yu.Ye., Sternin I.A. (2006). *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [The Russians: communicative behavior]. М.: Flinta. 328 p. (In Russian).
- P'ege-Gro N. (2008). *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the intertextual theory] / Perevod G.K. Kosikova. Moscow: LKI. 240 p. (In Russian).
- Sarangova T.A. (2017). *Terminologiya Investor Relations v russkom i angliiskom yazykah* [Terminology Investor Relations in Russian and English]. Moscow: Infra-M. 126 p. (In Russian).
- Slyshkin G.G. (2000). *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [Language and culture concepts of precedent texts in mind and discourse]. Moscow: Academia. 118 p. (In Russian).
- Turaeva Z.Ya. (1986). *Lingvistika teksta* [Linguistics of text]. Moscow: Prosveshchenie. 127 p. (In Russian).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 августа 2016

Дата принятия к печати: 20 августа 2016

Для цитирования:

Богданова Л.В. Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта // *Вестник Российского*

Article history:

Received: 16 August 2016

Accepted: 20 August 2016

For citation:

Bogdanova, L. (2016). Text and Discourse: Looking for a Way out of the Labyrinth.

университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 7—30.

Сведения об авторе:

Богданова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; член редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика»; Контактная информация: libogdanova1@mail.ru. Сфера научных интересов: грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи, деятельностный подход к формированию текстовой компетенции. Разрабатывает направление, связанное с описанием русского языка для речевых действий. Автор более 180 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия и научные статьи.

Благодарности и финансирование:

Редколлегия журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика* выражает благодарность Н.А. Дудик и М.Л. Харловой за перевод на английский язык обзорной статьи Л.И. Богдановой.

Russian Journal of Linguistics, 20 (3), 7—30.

Bio Note:

Ludmila I. Bogdanova, editorial board member of the “Russian Journal of Linguistics”, professor of the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; Doctor of Philology, professor; e-mail libogdanova1@mail.ru. *Research interests:* grammar, semantics, cognitive linguistics, identification of subjective meanings and ways of their realization in speech, the activity approach to the formation of text competence. Develops a research area connected with the description of the Russian language for speech acts. The author of over 180 publications.

Acknowledgements:

The Editorial Board of *Russian Journal of Linguistics* wishes to express its gratitude to Nadejda Dudik and Margarita Kharlova who performed as translators of the Introduction by Ludmila Bogdanova into English.

АНАЛИЗ ТЕКСТА TEXT ANALYSIS

INTERTEXTUALITY: ARIADNE'S THREAD IN THE EXPLORATION OF LITERATURE

Zinaida Turaeva

Independent scholar

14, Furtwanger Str., 71034, Boeblingen, Deutschland

This essay is devoted to the phenomenon of intertextuality as an essential aspect of text generation and analysis. Following Mikhail Bakhtin's theory of the dialogic nature of the text and culture, it deals with such aspects of the text as polyfunctionality, polysemy and anthropocentricity. It seeks to show that the text combines three functions: cognitive, communicative and aesthetic and focuses on quotations and allusions as omnipresent elements of literary texts. Applying text and genre analysis, I explore intertextual links in poetic and prosaic pieces by Russian, British and American authors. In these analyses intertextuality emerges as a way to connect times and experiences and stimulate creative thinking. They also illustrate that a literary text is distinguished by two seemingly contradictory tendencies: stability and constant innovation. It is the symbiosis of the two that stimulates the preservation of the old and generation of new knowledge.

Key words: text linguistics, intertextuality, allusion, precedent texts, irony

What has been will be again,
What has been done will be done again;
There is nothing new under the sun.

Ecclesiastes 1: 9

1. INTRODUCTION

A remarkable tendency in modern thinking is a shift of focus—from the sphere of systems towards the centre of all these systems — Man. He dominates language space, he is a link in the chain: nature, man, culture. He is the creation of the former and the creator of the latter. Present-day thinking is becoming increasingly human-centered. The human factor projects itself on linguistics and brings to the foreground communicative and pragmatic aspects of the language. Hence the interest in the maximum speech unit, the text, which is a medium for social interaction and an embodiment of culture. It is also a medium in which knowledge materializes. Text linguistics (TL), therefore, bridges the gulf between language studies and analysis of social interaction. This enables us to affirm that TL is not a “bastard” but a “legitimate child” of general linguistics.

It is not simple to pinpoint TL's founding fathers, but clearly, it received its first impulses from Russian linguists and literature scholars. The first to be mentioned are formalists: Roman Jakobson, Viktor Shklovskii, Vladimir Propp, Boris Eichenbaum, Boris Tomashevskii, Yurii Tynianov, to name the most renowned figures of this school. These scholars had a major influence on Mikhail Bakhtin, although in some respects he argued against their approach to poetics, in particular against the separation of poetry from prose and everyday language. Bakhtin's concentration on the novel, which, he believed, would open the door to more profound understanding of all verbal art, put the text into focus. The study of the text as shown in Bakhtin's work presupposed looking into all its complexities, contradictions and immersion in social life.

TL was developing vigorously in the 1970s—1980s, see, e.g., theoretical investigations by M. Halliday (Halliday, 1975: 23—43), T.A. van Dijk (van Dijk, 1972), N.E. Enkvist (Enkvist, 1984: 45—68) and R. de Beaugrande and W.U. Dressler (Beaugrande, Dressler, 1988). Notably, in the Soviet Union theoretical investigations in the field of TL in this period were conducted not only on the material of the Russian language as presented in the books by A.V. Bondarko (Bondarko, 1978) and T. Tzivian (Tzivian, 1980), but also on the material of English, as exemplified by the books by I.R. Galperin's (Galperin, 2009) and Z.Ya. Turaeva's (Turaeva, 2009), German — Admoni and Sil'man (Adomni, Sil'man, 1968) and O. Moskal'skaya (Moskalskaya, 1974) French — E.A. Referovskaya (Referovskaya, 1983), etc. Dealing with texts in diverse genres and using linguistic and literary resources of different cultures LT achieved a panoramic view of the text.

2.1. Text linguistics: between structure and semantics

One of the main domains of TL is the study of structural and semantic features of the text. The text is polyfunctional, polysemantic and anthropomorphic. It embraces three functions: cognitive, communicative and aesthetic (Turaeva, 2016: 38—40).

It has a cognitive function because it serves to materialize knowledge and model a picture of the world. The picture of the world may be factual or counter-factual and the latter may be very powerful. Let us call back to mind the famous anti-utopias of the 20th century: “1984” by George Orwell, “A Brave New World” by Aldous Huxley, “We” by Evgeniy Zamyatin, and the works of the American school of black humor (1), such as short stories by Donald Barthelme, novels by John Barth, Philip Roth, and Kurt Vonnegut.

TL studies how the picture of the world is transformed in the mind of the reader under the influence of the text. Any communicative act is intrusion into the thesaurus of the recipient, instilling into his/her mind a picture of the world that is not necessarily a replica of the real world. Thus the text may assume a social significance.

Ancient myths, as well as the Old and the New Testament have reigned over European thought for over two millennia. Added to them can be a long list of literary works ranging from the didactic moralizing novel of the Enlightenment to the contemporary philosophical novel authored by John Fowls, Iris Murdoch, Gabriel Garcia Marques, Mi-

lan Kundera, Paul Auster, Elliot Perlman to mention just a few Western writers, and by Russian writers such as Andrey Bitov, Liudmila Ulitskaya, Vladimir Sorokin, Mikhail Shishkin, and others.

The power of the text over our mental and emotional state has been noted by the great Russian poet Pushkin who wrote: “Over fiction shall we weep”. We are often more sensitive to the tragedy unfolding before our eyes on TV or in a movie, on the theater stage or on the pages of a book we are reading than to the human drama and tragedies occurring in the real world.

The text is polysemantic because it yields to the multitude of interpretations. These are only partially controlled by the author. They depend upon the thesaurus of the reader, the epoch he/she lives in, as well as his/her historical and educational background. We presume that audiences coming to see “Hamlet” on stage perceive the play differently from the spectators who gathered in London’s “Globe” theatre in Shakespeare’s time. Some of the information possessed by the then spectators has been lost, some other has accumulated instead. The experience and the mentality of our contemporaries differ from those of the people who lived in the Middle Ages or in the period of Renaissance.

Among the main characteristics of a work of art is blending of the reflection of reality — complex, indirect and hierarchical — and a flow of imagination. A real work of art is always rooted in reality but does not replicate it. It presents an intricate, often unexpected combination of images capturing phenomena existing in the world around us and also created by the human mind and fantasy. Examples range from ancient Sphinxes, Centaurs and mermaids to the science fiction of the nineteenth, twentieth and the present centuries foreseeing future achievements of human civilization. Suffice it to mention submarine travels with Jules Verne, robots fantasized by Karel Capek, flights conquering space with Ray Bradbury, transplant surgery and its moral dilemmas as depicted by Alexander Belayev and many others.

Possible worlds created in works of fiction reach the reader who experiences the same real world as the artist. But every individual has a unique perception of reality and so imaginary worlds in the works of art interact with the world as the reader sees it. This brings us to another characteristic feature of the literary text — its suggestiveness and ambivalence.

A poetic word is characterized by the interplay of two spheres, the sphere of language semantics and the sphere of the knowledge of the world. As a result, two tendencies clash in a word of fiction, that of stability and of constant change. The shortest route to illustrate this idea is to fall back upon the metaphor. The metaphor is simultaneously a truth and a lie, a lie in the everyday impersonal world around us and a truth in an individual vision of the world born by the artistic mind. When Robert P. Warren says: “They had worked over his face until it looked like uncooked hamburger” (Warren, 2002), he creates a vivid image although “a face” and “a hamburger” are words belonging to different conceptual categories bearing little similarity in the world as we know it. Yet our knowledge of various properties of the two, such as color and

texture enables us to recognize the author's goal. Although blood is not mentioned in the quoted sentence, the reader infers the character's face was a bloody mass.

When William Butler Yeats writes, "An aged man is but a paltry thing / A tattered coat upon a stick..." (Yeats, 2016), we see that metaphor is an intrusion of an image into the realm of concepts, imagination into the sphere of intellect, individual into the realm of class, synthesis into the sphere of analysis.

The metaphor is a challenge to clichés and stereotypes in language and thought. It rejects familiar classifications of people, objects and natural and social phenomena putting forward a new vision of the world. To illustrate this let us look at the following examples which bring together the incompatible and create striking comparisons: "I got out of bed handling myself with awe-struck care as though I were a basket of eggs", "So I walked... and his eyes reached out and grabbed me like the last hope" (Warren, 2002). In both these examples there are semantic violations of the norm. "Handling" is not directed at the self, but at other people, objects or situations. "Grabbing" presupposes physical contact. Even in the figurative uses, such as "grab a sandwich", this sememe is present. Grabbing hope and grabbing with one's eyes increases semantic distance between literal and metaphoric uses even further, but it is the effort that is required of the addressee to bridge the gap which makes this metaphor vivid and memorable.

2.2. Intertextuality: Polylogues of generations

Another domain of TL is the study of intertextuality. The theory of intertextuality is based on Michael Bakhtin's theory of the dialogical nature of the text (Bakhtin, 2000). He believed that the essence of culture is a dialogue and that philosophical thinking, as well as the entire field of Humanities are based on the dialogue. This view of the world proved to be very productive for understanding the mechanisms behind language change and innovation. In language, in our thinking, and everywhere in culture there is never an ideal order or system. Whenever we use linguistic and cultural resources inherited from the previous thinkers and speakers we introduce something new, something related to our unique vision of the world. So our words become dialogized attracting dialogized meanings. As Morson and Emerson aptly remark, "This potentially endless process pertains not only to particular words but also to other elements of language — to given styles, syntactic forms, even grammatical norms. Complex interactions of this sort serve as a driving force in the history of any language" (Morson, Emerson, Bakhtin, 1990:143).

Cultural spheres have no boundaries, they are interlinked. Bakhtin's groundbreaking theory was introduced to the Western reader by Julia Kristeva in her book "Semiotics" (Kristeva, 2013). It is Kristeva who coined the term "intertextuality" which is widely accepted in linguistics today. This term directs our attention towards the way a text integrates history and itself becomes part of it. The concept of intertextuality points to the relevance of the cultural context and postulates multiple links between different texts. Roland Barthes is often quoted as saying that the text is open into infinity. He also wrote about resilience of the text, "For the text, nothing is gratuitous except its own destruction: not to write, not to write again, except to be eternally re-

cuperated” (Barthes, 1974:23). Barthes, Todorov (Todorov, 1982) and Kristeva found new proofs of Bakhtin’s theory and breathed in new life in it.

Intertextuality is not just a conjunction of different texts, it is their interaction. It is a stimulus for creative thinking contributing to the discovery of unnamed meanings, covert meanings, and deeply buried meanings. Intertextuality sets in motion social contexts and frames of the text encoded in the mind of the receiver.

Let us now turn to markers of intertextuality. These are allusions and quotations. Both have two-vector orientation: towards the original text (the “prototype” text) and towards the quoting text. The two are never completely assimilated. A quotation enters a new context but never fully merges with it. It has a metonymical character. It stands for the prototype text and renders its atmosphere.

Intertextuality, when it is recognized by the addressee, breaks the linearity of text perception. In literature authors may disguise the quoted excerpts and/or cluster them in such an intricate fashion that it requires of the reader an effort to locate and interpret them, turning interpretation of the text into a test for the initiated, those who can share cultural background with the author (Yelenevskaya, 2000:246). When decoding of a prototype text is mistaken or incomplete, the interpretation of the target text will be inadequate. As text interpreters know, the deeper we probe into each linguistic phenomenon in the text, the more porous are the limits of the text and its senses, the more complicated categories for analysis emerge. Intertextuality is one of such categories (Lun’kova, 2008:93).

The interaction between a quotation and a quoting text are distinguished by two opposing trends: harmony between the two and conflict between them. When harmony between the original text and the quoting text is created, nothing severs cultural links existing between them. On the contrary, this contributes to a continuity of culture.

See, for example, the title of and the epigraph to Hemingway’s novel “For Whom the Bell Tolls”. They are borrowed from the work of John Donne, an English poet of late Renaissance and one of the first metaphysical poets. Both the quotation and the allusion retain their significance in our turbulent times: “No man is an Island, intire of it selfe; every man is a piece of the Continent, a part of the maine... any man’s death diminishes me because I am involved in mankind; and therefore never send to know for whom the bell tolls. It tolls for thee” (Donne, 2016), (2).

The title of Irvin Shaw’s novel “Evening in Byzantium” (Shaw, 1996) can be traced to the poem by W.B. Yeats and to his conception of culture and history of mankind (Donne, 2016). For Shaw, early Byzantium was a symbol of harmony between aesthetic and practical life, between old age and youth, between life and art: “...never before or since in recorded history architect and artificers spoke to the multitude and a few alike”.

Examples illustrating harmony between different texts are plenty. See R.P. Warren’s “All the King’s Men”, W. Faulkner’s “the Sound and the Fury”, E. Hemingway’s “Fiesta: The Sun Also Rises”, and others.

The second type of interaction between a prototype text and the quoting text is a conflict between the quotation and its background. We find it in parodies, burlesque

and travesty. The effect is usually ironic or satiric. A vivid example is Lawrence Ferlinghetti's parody of Edgar Poe's "Raven":

The End of Various Affairs

What is that great crow doing
Flying into my picture
Flying into my various love affairs
(with various "Lenores")
As if to mark the end
Of my amores?
This huge black crow floats through
The salty air
And lands on a branch by my window
Stretching and shaking
Its dingbat wings.
The broken sky above the trees
Has birds for fishes
In his seas
(what waves what rocks what shores!)
While this landlubber crow lets out
A great lost cry
As if to mock the end
Of my amores
And louder and louder cries and cries
Never never nevermore! (Ferlinghetti, 2016)

Ferlinghetti travesties the atmosphere of solitude, despair and yearnings for the lost beloved. His poem is a grotesque imitation in which Poe's elevated style created by lexical and syntactic repetitions and the hissing sound of abundant fricatives is replaced by the down-to-earth manner and vocabulary of everyday speech. Instead of the Raven whose appearance on the scene has become a symbol of bad omen, Ferlinghetti chooses a crow, the bird that is associated with loud and annoying behavior, as well as stupidity and conceit that are ascribed to it in Aesop's fable. (Note that Poe spells it with a block capital, which lends the name of the bird the role of a proper name). Poe uses a capital letter spelling the name of the bird which elevates it to a proper name. Ferlinghetti does not only use a low-register letter, but adds the deictic "that" implying irritation and annoyance. Even if the reader familiar with the original recalls the atmosphere of despair, mystery and mysticism that dominates it, changes introduced by Ferlinghetti tune his/her perception to a completely different wave. Other metamorphoses in this poem are birds turning into fishes, one and only love turning into affairs, and the name of the deceased beloved transformed into various "Lenores" — the inverted commas signaling that this name can be applied to these lady-friends only ironically. The plural noun "amores" also shows that these affairs are not taken seriously by the protagonist.

Ferlinghetti's poem also evokes associations with John Milton's "Paradise Lost" (see a detailed analysis of intrasemantic ties in Atlas (Atlas, 1988). The trigger for these associations is the following lines: "This huge black crow floats through / The salty air /

And lands on a branch by my window”. Compare this to Milton’s “Thence up he flew and on the tree of Life / The middle tree and highest there that grew / Sat like a Cormorant” (Milton, 2007).

Finally, there is also an allusion to T.S. Eliot, whose poem “Marina” opens with the following lines:

What seas what shores what grey rocks and what islands”
What water lapping the bow
And scent of pine and the wood thrush singing through the fog
What images return
O my daughter. (Eliot, 2016)

T.S. Eliot apparently himself alludes to Shakespeare’s play “Pericles” in which Marina, presumed drowned is found alive. In Ferlinghetti’s parody the seas belong to the “landlubber” crow and so the alluded lines sound like mockery and not as an exclamation emphasizing the tension permeating T.S. Eliot’s piece.

In the parody we observe a conflict of at least two linguistic personalities, a blend of the “I” of the poet and the “I” of the parodist, a double vision of the world, a unique combination of creative and reproducing activities. The parody creates a topsy-turvy world which balances on the verge of life and game, and truth and fiction.

The parody is ambivalent. It presents an alternation of negation and affirmation, denunciation and recognition. This is the basis of the comic synthesis — the junction of the serious and the comic, the tragic and the facetious. The parody throws its target into sharp relief through the medium of its mock double which may appear the same but isn’t. It is an interplay of contradictions which are in constant motion. The double overpowers the original and pushes it to the background overshadowing it.

It is worth mentioning that in one of his best known works, “Poetry as Insurgent Art” Ferlinghetti warns his contemporaries that mankind is on the way to self-destruction and implies that no single work of art stands alone, but all are related and interwoven with each other. Moreover, he calls on other poets to use the power of the word to counteract dangerous tendencies in the development of civilization:

If you would be a poet, create works capable of answering the challenge of apocalyptic times, even if this meaning sounds apocalyptic.

You are Whitman, you are Poe, you are Mark Twain, you are Emily Dickinson and Edna St. Vincent Millay, you are Neruda and Mayakovsky and Pasolini, you are an American or a non-American, you can conquer the conquerors with words.... (Ferlinghetti, 1974)

Parody, burlesque and travesty merit additional attention. Humans seem to be more responsive to what contains humor than to what lacks it. In his work devoted to Rabelais, Bakhtin writes about the importance of laughter, which is linked with ancient culture and its early manifestation, carnival, as an initial stage of folk festivities (Bakhtin, 2016). “Rabelasian” has come to mean jovial and coarse, for there is an enormous strain of hyperbolic bawdiness in Rabelais. It combines with his obvious love of life with all the good things it has to offer, and his extraordinary torrential style — punning, lexical innovativeness, the tone which is alternately mock-pedantic and earthy. A major figure in the literature of Renaissance in France, his art of grotesque humor is rooted in the

Middle Ages, and contemporary parodies pay tribute to him by stretching their associative links to the works by Rabelais.

An example of intertextuality is offered by Bakhtin himself in his work about Nikolai Gogol (Bakhtin, 2016). Gogol's is akin to carnival perception of the world. The rich palette of carnival laughter distinguishes his works "The Government Inspector", "Dead Souls", "The Overcoat", "Evenings on the Farm near Dikanka", "Mirgorod" and others. Gogol's laughter is overwhelming and rests on his perception of the world with its many absurdities, where the laughable is interwoven with the sad. This humor is rooted in folk tradition—down-to-earth, bawdy and boundlessly hilarious. At the same time his laughter is not petty derision but purifying and elevating the reader over imperfections of the world.

In one of his less critiqued drama works "Leaving Theater after the Performance of a New Comedy" the main protagonist, the author says: "Why is there such melancholy weighing on my heart? Isn't it strange that nobody noticed one honest character that appeared in my play? Yes, there was one character that acted throughout the play. This honest and noble character was Laughter. It was noble, because it dared appear despite the low status it has in society" (Gogol', 1948). And in the concluding words the author of the play, and together with him Gogol himself, says that in cold laughter one can discern hot sparks of eternal and powerful love and "...the one whose soul often sheds deep tears is the one who laughs more than anybody else".

This ambivalence and the frequent blending of the funny and the sad, virtue and evil are typical of the carnival. Stripped of laughter, the evil unmasked and exposed would anger us. Clothed in laughter it encourages reflections and brings peace to one's soul. The realm of laughter is often the realm of contacts of writers of different epochs and cultures. Laughter creates special ties with precedent texts. They represent epochs gone by, but they are not "gone with the wind" and continue living with us.

3. CONCLUSIONS

Drawing a brief conclusion to what has been said about intertextuality, I would like to focus once more on the following aspects of this literary, and more broadly, cultural phenomenon:

1. Intertextuality has no boundaries. And referring again to Ecclesiastes we can always find similarity in dissimilars, the unexpected in the familiar and conventional. Intertextuality has a cognitive function. Knowledge acquisition and systematization of new facts inevitably requires putting them in context with what we learned earlier. Processes of comparison on the basis of similarity and contrast, classification, and building hierarchies occur in all fields, including linguistics. These operations are at work when we process texts.

2. Intertextuality is a manifestation of the dialogical nature of human thinking and of the language itself. The richer the reservoir of texts familiar to an individual the easier it is for him/her to recognize connections between them and participate in the polylogues of voices from different times.

3. Intertextuality permeates literature, folklore and everyday practices of lay people when they rely on authority and summon precedent texts of their culture to reinforce

their opinions or make light of serious problems. Each epoch and each culture has its own repertoire of precedent texts. One of the reasons for intergeneration gaps is that texts important for one generation sometimes “do not speak” to the next generation. Therefore, it is essential in the education of linguists to train them to establish connections between texts, places and times.

Notes

1. Black humor also referred to as “black comedy” presents the world as fantastic and nightmarish, and the events narrated are simultaneously comic, horrifying and absurd. Absurdist techniques were used to express social protest implicitly in totalitarian regimes (Abrams, 2009).
2. E. Hemingway preserved the original spelling of the time.
3. Translation of this and the following excerpt is mine.

REFERENCES

- Адмони В.Г. и Сильман Т.И. *Структура художественного текста и перевод*. М.: Союз Писателей, 1967. [Admoni, V.G. & Sil'man (1967). *Struktura khudozhestvennogo teksta i perevod* [Literary Text Structure and Translation]. Moscow: Soyuz Pisatelei (In Russian).]
- Атлас А.З. О внетекстовых семантических связях поэтического текста. Семантика и прагматика единиц языка в тексте. Л., 1988. [Atlas, A.Z. (1988). *O vnetekstovikh svyaziakh poeticheskogo teksta. Semantika i pragmatika edinits v tekste* [Non-textual links of Poetic Text. Semantics and Pragmatics of Text Units], Leningrad (In Russian).]
- Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб, 2000. [Bakhtin, M. (2000). *Avtor i geroi. K pholosofskim osnovam gumanitarnih nauk* [Author and Hero. Regarding Philosophical Basis of Humanities]. SPb. (In Russian).]
- Бондарко А.В. *Грамматическое значение и смысл*. Л.: Наука, 1978. [Bondarko, A.V. (1978). *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical Meaning and Sense]. Leningrad: Nauka (In Russian).]
- Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. 7-е изд. Серия Лингвистическое наследие XX века. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Gal'perin, I.R. (2009). *Text kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* (7th ed.) [Text as Linguistic Research Subject]. Seria Lingvisticheskoe nasledie XX veka. Moscow: LIBROKOM (In Russian).]
- Гоголь Н.В. *Театральный разъезд после представления новой комедии*. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1948. [Gogol, N.V. (1948). *Leaving the Theater after the Performance of a New Comedy*. Moscow: Gosydarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literaturi (In Russian).]
- Кристева Ю. Семиотика. Исследования по саманализу. М.: Академический Проект. 2013. [Kristeva, Yu. (2013). *Semiotika. Issledovaniya po samoanalizu* [Semiotics. Self-analysis Studies]. Moscow: Akademicheskij Proekt (In Russian).]
- Лунькова Л.Н. Проблема интертекстуальности в рамках лингвистического анализа художественного текста // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. № 4. С. 90—95. [Lun'kova, L.N. (2008). Problema intertextualnosti v ramkah lingvisticheskogo analiza [Intertextuality within Linguistic Analysis]. *Russian Journal of Linguistics*, N. 4, 90—95 (In Russian).]
- Москальская О.И. *Проблемы системного описания синтаксиса*. М.: Наука, 1974. [Moskal'skaya, O.I. (1974). *Problemy sistemnogo opisania syntaksisa* [Problems of Syntaxes System Description]. Moscow: Nauka (In Russian).]
- Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. М.: Наука. 1983. [Referovskaya, E.A. (1983). *Lingvisticheskie issledovaniya strukturi teksta* [Linguistic Studies of Text Structure]. Moscow: Nauka (In Russian).]

- Тураева З.Я. *Текст структура и семантика*. Издание второе, дополненное. М.: URSS, 2009. [Turaeva, Z.Ya. (2009). *Text struktura i semantika* (2d ed.) [Text Structure and Semantics]. Moscow: URSS (In Russian).]
- Тураева З.Я. От мастерства писателя к открытиям читателя: В поисках сущности текста. М.: URSS, 2016. [Turaeva, Z.Ya. (2016). *Ot masterstva pisat'lia k otkritiam chitatelia: V poiskakh sushnosti teksta* [From the Writer's Skill to the Reader's Discoveries. In Search of the Essence of a Text]. Moscow: URSS (In Russian).]
- Цивьян Т.В. *Структура текста*. М.: Наука, 1980. [Tzivian, T.V. (1980). *Srukтура teksta* [Text Structure]. Moscow: Nauka (In Russian).]
- Abrams, M.H. (2009). *A glossary of literary terms* (9th ed.). Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning.
- Bakhtin, M. (2016, March 25) François Rabelais, Middle-aged Culture and Renaissance. Retrieved from: www.opentextnn.ru/man/?id=5400.
- Bakhtin, M. (2016, March 3) Rabelais and Gogol. The Art of Writing and Folk Culture of Laugh. Retrieved from: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/rabl_gog.php.
- Barthes, R. (1974). *The pleasure of the text*. In R. Miller. Hill & Wang (transl.). New York: Farrar, Straus and Giroux, Inc. 1974.
- De Beaugrande, R & Dressler, W.U. (1988). *Introduction to Text Linguistics*. London: Longman.
- Donne, J. (2016, February 21). Meditation. Devotions upon Emergent Occasions. Retrieved from: www.famousliteraryworks.com/donne_for_whom_the_bell_tolls.htm.
- Eliot, T.S. (2016, March 15). Marina. Retrieved from: www.youtube.com/watch?v=GtvORTmwcPc
- Enkvist, N.E. (1984). Contrastive Linguistics and Text Linguistics. In J. Fisiak (Ed.), *Contrastive linguistics: Prospects and problems* (pp. 45—68). Berlin, New York: Mouton Publishers.
- Ferlinghetti, L. (2004). *Poetry as Insurgent Art*. Toronto: Penguin Books.
- Ferlinghetti, L. (2016, February 15). The End of Various Affairs. Retrieved from: www.poemhunter.com/lawrence-ferlinghetti/poems.
- Halliday, M.A.K. (1975). Language as Social Semiotic. In J. Maibin (Ed.), *Language and Literacy*. Clevedon: Open University.
- Milton, J. (2007). *Paradise Lost*. Introductory Note by C.W. Eliot. Raleigh, North Carolina: Hayes Barton Press.
- Morson, G.S., Emerson C. & Bakhtin, M. (1990). *Creation of a Prosaics*. Stanford: Stanford University Press.
- Shaw, I. (1996). *Evening in Byzantium*. New York: Integrated Media.
- Todorov, T. (1982). *Symbolism and Interpretation*. In C. Porter (transl.). Ithaka, New York: Cornell University Press.
- Warren, R.P. (2002). *All the King's Men* (Restored ed.). San Diego, New York and London: Harcourt Inc.
- Yeats, W.B. (2016, March 12) Sailing to Byzantium. Retrieved from: www.poemhunter.com/poem/sailing-to-byzantium.
- Yelenevskaya, M.N. (2000). The comfort of familiar words: Allusions in the Russian-language press in Israel. In A. Pavlovskaya (ed.) *Russia and the West: A dialogue of cultures* (pp. 242—253) V. 2.
- van Dijk, T.A. (1972). *Some aspects of text grammars: A study in theoretical linguistics and poetics*. The Hague, Paris: Mouton.

Article history:

Received: 21 May 2016

Revised: 14 June 2016

Accepted: 29 June 2016

For citation:

Turaeva, Z. (2016) Intertextuality: Ariadne's Thread in the Exploration of Literature. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 31—42.

Bionote

Professor *Zinaida Turaeva* taught and conducted research at Hertzen Russian Pedagogical University in Leningrad/St. Petersburg for almost half a century and headed the English Department in the Faculty of Foreign Languages for 27 years. She authored 160 articles and monographs and coauthored several text-and course-books for advanced students. She was invited to lecture at numerous universities of the USSR, Germany, Hungary and the U.S. A. She supervised thirty doctoral students and was a consultant for researchers writing Habilitation Theses. Many of her students continue research at various universities of Russia. **Contact information:** e-mail: zinaida.turaeva@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ — НИТЬ АРИАДНЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

З.Я. Тураева

Независимый ученый

71034, Германия, Бёблинген, ул. *Furtwanger*, д. 14

Статья посвящена понятию интертекстуальности, которое восходит к работам М.М. Бахтина, к его теории диалогичности текста. Интертекстуальность не только словесная сфера, но и составная часть культуры. Мы рассматриваем такие параметры текста, как полифункциональность, многозначность и антропоцентричность, и выявляем три его важнейшие функции: когнитивную, коммуникативную и эстетическую. В качестве важнейших показателей интертекстуальности мы исследуем цитаты и аллюзии. Используя текстовый и жанровый анализ, мы прокомментируем интертекстуальные связи на примерах ряда русских, английских и американских художественных текстов. Наш анализ показывает, что интертекстуальность позволяет устанавливать связи между эпохами, сохранять человеческий опыт и стимулировать творческое мышление. Более того, в художественном тексте и в художественном слове взаимодействуют две, казалось бы, противоречивые тенденции — к стабильности и к постоянным изменениям. Именно симбиоз этих тенденций способствует сохранению старого и порождению нового знания.

Ключевые слова: лингвистика текста, интертекстуальность, аллюзия, прецедентные тексты, ирония

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2016

Дата принятия к печати: 14 июня 2016

Для цитирования:

Тураева З.Я. Интертекстуальность — нить Ариадны в исследовании художественного текста // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 31—42.

Сведения об авторе:

Тураева Зинаида Яковлевна, доктор филологических наук, профессор. Ее педагогическая и исследовательская деятельность связана с Российским педагогическим университетом имени А.И. Герцена, где она проработала полвека. В течение 27 лет возглавляла кафедру английского языка факультета иностранных языков. Автор более 160 статей и монографий, а также соавтор учебников и пособий, используемых на факультетах иностранных языков. Выступала с лекциями в университетах СССР, Венгрии, Германии и США. В качестве научного руководителя она воспитала целую плеяду лингвистов, многие из которых успешно работают сегодня в российских вузах. *Контактная информация:* e-mail: zinaida.turaeva@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИТИРОВАНИЯ В ИСПАНСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Е.Д. Терентьева

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

В данной работе анализируются прагматические функции цитирования, характерные для испанских медиатекстов. В качестве материала исследования были выбраны тексты испанских газет, относящихся к так называемой национальной качественной прессе: *El País*, *El Mundo*, *ABC* 2014—2016 гг. В работе использовался метод интерпретативного анализа текста, элементы сопоставительного и контекстуального анализа. Трудно переоценить роль СМИ в формировании общественного мнения, их использование как одного из основных рычагов социального управления обществом. Выполняя функции информирования и воздействия, медиатекст широко использует цитацию для придания достоверности и выразительности передаваемой информации. С нашей точки зрения, все цитируемые в СМИ тексты можно разделить на две категории. С одной стороны, это социально значимые и актуальные для определенного момента времени тексты, и с другой стороны, так называемые прецедентные тексты, неоднократно воспроизводимые в данном сообществе. Базируясь на проанализированном материале, мы выделяем три основные прагматические функции: замещения, иллюстрации и аргументации, что позволяет сделать объектом изучения как прямую, так и косвенную цитации, которые различаются нами по графическому признаку наличия или отсутствия кавычек. Отдельно рассматриваются характеристики, свойственные скрытой цитации, под которой мы понимаем цитацию прецедентных текстов, используемую прежде всего в целях языковой игры, и, соответственно, выполняющую стилистическую и рекламную функции. Проведенный анализ прагматических аспектов цитирования на материале испанской прессы проясняет некоторые механизмы воздействия на читателя, целью которых является формирование общественного мнения.

Ключевые слова: цитация, чужая речь, язык испанской прессы, медиатекст, прагматические функции медиатекста

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия повышенное внимание исследователей-филологов привлечено к текстам средств массовой информации, которые рассматриваются как своеобразный феномен в связи с попытками осознать механизмы социального управления обществом. Активное использование масс-медиа в идеологической и политической борьбе сделали очевидным невозможность нейтральной направленности медиатекстов. Медиатекст, в зависимости от позиции автора текста, его идеологических приоритетов, а также политической направленности или задач органа СМИ дает возможность спрогнозировать реакцию получателя информации и с помощью разного рода приемов добиться желаемого результата.

Материалом для данного исследования послужили тексты испанских газет *El País*, *ABC*, *El Mundo* за 2014—2016 гг. Хотелось бы подчеркнуть, что нынешний облик испанской прессы складывается к 80-м гг. XX в. Если *ABC* существует еще с 1905 г., то *El País* впервые выходит в мае 1976 г., а *El Mundo* — в октябре

1989 г. К этому моменту сеть глянцевого журналов, огромное количество специальных телевизионных программ уже широко освещают тематику, характерную для так называемой «бульварной прессы», и попытки создания в Испании массовых периодических изданий подобного типа не увенчались успехом. Перечисленные выше газеты заняли нишу информационной направленности и по сей день относятся к серьезной качественной прессе. Три указанных издания распространены по всей территории Испании, освещают темы общенационального характера, имеют прямой и постоянный контакт с органами власти и, следовательно, их можно отнести к так называемой «национальной прессе».

Теоретические вопросы включения в текст «чужой речи» в отечественной филологии были подняты еще в известных работах М.М. Бахтина (2002) и В.Н. Волюшинова (1929), позднее Арутюновой (1986) и др. Значительно возросший в последнее время интерес к языку масс-медиа обусловил появление большого числа работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, посвященных анализу места и функций цитации в медийном дискурсе. Можно отметить работы Д.Д. Бициган (2011), Ю.П. Вольнец (2015), О.А. Блиновой (2010), В.В. Красных (1998), А.В. Кулешовой (2014), А.М. Ломова (2012), С.И. Сметаниной (2002). В Испании наиболее подробно вопрос цитации был рассмотрен в трудах Г. Рейес (Reyes, 1995, 1996), М.Т. Фриас Леброн (Frías Lebron, 2012) и др. Способы ввода «чужой речи» в текст в испанском языке детально проанализированы К. Мальдонадо Гонсалес (Maldonado González, 1999). Появилось большое количество работ, исследующих особенности языка медиатекста. Это, в частности, работы А. Ферраса Мартинеса (Ferraz Martínez, 2011), С. Герреро Саласар (Guerrero Salazar, 2007), С. Уртадо Гонсалес (Hurtado González, 2003), Э. Льедо (Lledó, 2013).

Большой интерес представляют стилистические справочники, которые регулярно выпускаются ведущими испанскими издательствами для журналистов, например, стилистический справочник газеты «Эль Паис» (*Libro de estilo de El País*, 2014).

2. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕДИАТЕКСТА

Тексты СМИ можно классифицировать как медиатексты, имеющие и языковые, и медийные характеристики. «Современный медиа-текст представляет собой предназначенный для массовой аудитории креолизованный текст на разных носителях, обладающий актуальным для общества содержанием, границы которого определяются рамками даты выпуска. Первичной функцией медиа-текста является информирование населения и формирование общественного мнения, а вторичными — развлекательная, образовательная, рекламная и идеологическая» (Варченко, 2012: 7).

Наличие у медиатекста информативной и воздействующей функции является общепризнанным фактом. «Причем, — как пишет И.В. Алещанова, — вторая, воздействующая функция признается ведущей, а первая образует контекстные условия ее реализации. В основе подобного распределения функций лежат научно обоснованные результаты анализа речевого общения» (Алещанова, 2000). Гло-

бальной целью речевого общения является управление деятельностью людей. Задача реализации воздействующей функции определяет облик текста газеты, обеспечивает структурирование информации, подбор и распределение языковых средств, организацию структурно-композиционного построения текста.

Рассматривая массовую коммуникацию как социально ориентированное общение, известный российский психолог и лингвист А.А. Леонтьев определял его как воздействие одной части общества на другую ее часть, преследуя при этом цель улучшения либо ухудшения деятельности общества (Леонтьев, 2003:66—88). Журналист дает описание не собственно события или сценария как такового, а их психический образ, создающий, при благоприятных условиях, у адресата аналогичный образ того же события и отражающий его основные признаки. В силу разных обстоятельств автор текста, однако, не способен учитывать в полном объеме все аспекты фактического события, и «вербальный факт, являющийся содержанием его сообщения, окажется неполным и уже поэтому неверным. Но это может делаться и умышленно, когда в силу политической или иной ангажированности он сознательно и намеренно отбирает нужные ему признаки события» (Леонтьев, 2003:83).

Несмотря на внешне объективный характер информации, содержащейся в медиатексте, очевидно, что до адресата она доходит определенным образом модифицированной. Одной из главных форм интерпретации является оценка сообщения: «Причем, оценка (положительная или отрицательная) задана, она заложена в сообщении, но ее присутствие в тексте незаметно, она не навязывается, а исподволь внушается адресату» (Клушина, 2000).

3. ЦИТАЦИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ

Цитирование, которому посвящено данное исследование, широко используется при выработке авторской оценки, что дает возможность модифицировать высказывание исходя из коммуникативных намерений адресанта. При этом журналист может расширять цитату с помощью комментирующей реплики, позволяющей придавать цитате дополнительную оценку или же сокращать ее в нужном для автора месте.

Прагматическая ситуация цитирования, как известно, включает автора цитации, адресанта и адресата. Для любого рода текстов универсальными являются коммуникативные и гносеологические факторы, чем определяется обязательное наличие в медиатексте маркеров сферы адресанта и адресата и их деятельности.

Рассматривая автора цитируемого текста, т.е. текста-источника, мы обращаем внимание на содержание его высказывания, его интенции, которые определенным образом прочитываются цитирующим автором и вводятся в определенную часть текста в соответствии с целями цитирования. При этом в процесс цитирования вовлекаются не только содержательные аспекты чужого текста (сюжеты, идеи, мотивы), но и его эмоционально-образные элементы.

Цитирующий автор, т.е. адресант медиатекста, является центральным элементом ситуации цитирования, так как именно он выбирает цели, объект и форму

цитации, адекватные задачам коммуникации. В его умении интерпретировать содержание «чужого слова» в зависимости от назначения принимающего текста не только проявляются мировоззренческие позиции адресанта и его субъективное отношение к воспринимаемому тексту, но и степень способности воздействовать на читательскую аудиторию. Иными словами, цитирующий автор играет роль интерпретатора, целенаправленно и осознанно толкующего текст-источник.

Цели цитирующего автора могут быть разнообразными. Адресант может с помощью цитирования придавать сообщению большую убедительность и достоверность; аргументировать какую-либо информацию данными из документальных источников; с помощью цитации оценивать некие события, персонажей или факты; воздействовать на эмоции адресата, используя экспрессивность цитируемого текста, и т.д.

Помимо целевой установки автора медиатекста, прагматические задачи медиацитации должны соответствовать структурно-композиционному построению текста, требованиям жанра. Надо помнить, что социальный заказ общества формирует прагматическую модель медиатекста, ставя иллюкативную цель медиа-сообщения в зависимость от социальной цели.

Уже имеющийся культурный опыт, отраженный в языке, служит опорой в момент формирования собственной оценки или убеждения. Как пишет С.С. Гусев, цитирование организует коллективное поведение людей, при этом цитируются значимые для данной языковой личности элементы языковой картины мира (Гусев, 1993:70).

При анализе прагматической ситуации цитирования нельзя забывать, как было уже сказано, и таком ее участнике, как адресат. Завершающим этапом интерпретации передаваемой информации является успешный контакт адресата с текстом. Этот процесс зависит от многого, в частности, заинтересованности адресата в освоении воспринимаемого текста, степени его компетенции и других факторов.

Из сделанного анализа становится очевидным, что прагматические характеристики цитации можно определять как с позиции автора цитируемого текста, так и с точки зрения цитирующего автора. В данной работе, чтобы иметь возможность учитывать случаи и прямой, и косвенной цитации, нам кажется более продуктивным рассматривать цитации с точки зрения прагматических установок цитирующего автора и принимающего текста.

Мы рассматриваем цитацию достаточно широко, как «представление чужого текста (текста-источника) в принимающем тексте. Любой элемент чужого текста, включенный в авторский текст, в этом смысле является цитацией» (Терентьева, 2014:201). Существует большое количество классификаций цитации, в частности, в медиатекстах (см., например, И.В. Алещанова [2000], В.В. Варченко [2012], М.В. Саблина [2010], И.П. Иванова [2015]).

На наш взгляд, при всей разнородности цитируемых текстов представляется возможным разграничить две группы текстов-источников. Это, во-первых, тексты (письменные или устные высказывания, документы), имеющие сиюминутное зна-

чение и приобретающие социальное звучание только в тексте газеты; и, во-вторых, прецедентные тексты, представленные либо в виде афоризмов, поговорок, сентенций и др., содержащие генерализированные представления данного народа о мире, либо в виде высказываний, отсылающих адресата к неоднократно воспроизводимым в данном сообществе текстам. Исходя из этого нам представляется оптимальным выделение на основании формального критерия, то есть наличия или отсутствия графического оформления в виде кавычек, прямой и косвенной цитации, а цитацию прецедентных текстов мы определяем как скрытую цитацию.

4. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ ЦИТАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Как известно, для реализации основных функций медиатекста, информирования и воздействия в тексте газеты используются разнообразные более частные прагматические функции. В работах разных авторов мы можем встретить очень подробные, разветвленные классификации. В нашей работе, опираясь на анализируемый материал испанских медиатекстов, мы сочли возможным, исходя из целевых установок цитирующего автора, выделить три основные функции: замещения, иллюстрации и аргументации.

4.1. Функция замещения

Заместительная функция основывается на возможности автора принимающего текста, то есть адресанта, вводить определенную часть информации в форме цитации. При чтении текста подобная цитация, содержащая новую для адресата информацию, не может быть им пропущена.

а) Функция замещения такого вида цитации, реализующей стратегию *de re* и ориентированной на передачу содержания чужого высказывания, наиболее ярко выражена в случаях косвенной цитации.

Cifuentes dijo respetar la decisión de Aguirre de continuar como portavoz municipal, pero sí recomendó a Rita Barberá que renuncie a su aforamiento (El País). (Сифуэнтес сказала, что уважает решение Агирре продолжать свою работу на посту официального представителя муниципального округа, но наряду с тем рекомендовала Рите Барбера отказаться от своих привилегий.)

Según fuentes policiales y jurídicas, la detención de la cúpula de la compañía no afectará al funcionamiento de las franquicias, que seguirán atendiendo normalmente a sus pacientes (El País). (Полиция и источники в суде утверждают, что задержание руководства компании не повлияет на работу франшизы, которая продолжит принимать пациентов в обычном режиме.)

Ahora, los fiscales aseguran que existe riesgo de fuga y de que obstaculice las investigaciones (El País). (Теперь представители налоговой службы утверждают, что существует риск того, что он сбежит или будет препятствовать расследованию.)

б) Функция замещения достаточно часто характерна и для прямой цитации.

«Es muy difícil que una formación política desacredite un modelo educativo que ha salido de un amplio debate de toda la comunidad», explica Irene Montero, portavoz de Educación y Deporte de Podemos en el Congreso (El Mundo). («Трудно поверить, что по-

литическая формация могла бы дискредитировать образовательную модель, ставшую результатом широких дебатов всего сообщества», — объясняет Ирене Монтеро, официальный представитель департамента Образования и Спорта партии «Подemos» в Конгрессе.)

«La idea de montar Trabensol comenzó a cuajar después de ver morir a nuestros padres y observar las dificultades de nuestros hijos. Si nuestros hijos no podían atender siquiera a nuestros nietos y se veían obligados a recurrir a nosotros para que les echáramos una mano, difícilmente iban a poder ocuparse de nosotros», cuenta Moreno (El Mundo). («Идея создать Трабенсол начала созревать, когда мы увидели, как умирают наши родители и с какими трудностями сталкиваются наши дети. Если наши дети не могут заниматься даже нашими внуками и просят нас о помощи, то трудно представить, что у них найдется время, чтобы заниматься нами», — рассказывает Морено.)

Заместительная функция при прямой цитации характерна, в первую очередь, для ее сегментированной и редуцированной разновидностей.

El modelo de gobernanza de Podemos apuesta por «diferenciar la autonomía administrativa de la independencia financiera», según Mínguez (El Mundo). (По словам Мингес, управленческая модель партии «Подemos» основана на «разграничении административной автономии от финансовой независимости».)

Para Patricia Correira, administradora de la asociación de víctimas 13 de noviembre, el concierto era una forma de seguir «los pasos de su hija y de su compañero», ambos treintañeros que murieron en el atentado, «un homenaje espiritual, para continuar dándoles vida» (El País). (Для Патрисии Коррейра, администратора ассоциации жертв 13 ноября, этот концерт является способом пройти «путь ее дочери и ее приятеля», тридцатилетних молодых людей, погибших в результате теракта, «духовной данью, чтобы они продолжали жить в сердцах».)

Характерно, что редуцированная цитация, как правило, носит очевидно оценочный характер.

El plazo de adhesión a este proceso se extenderá por un periodo de hasta tres meses, que el consejero delegado de Bankia, José Sevilla, ha calificado de «suficiente» (El País). (Срок присоединения к этому процессу может составить период до трех месяцев, что генеральный директор Банка Хосе Севилья назвал «достаточным».)

Barbero tuvo también palabras de reproche para la delegada del Gobierno, Concepción Dancausa, a la que acusó de deslealtad por la inacción de los «antidisturbios» de la Policía Nacional, que no le «protegieron», a pesar del «miedo» que pasó (ABC). (Барберо также обвинил делегата Правительства, Консепсьон Данкауса, в том, что она потворствует безделью отдела «охраны общественного порядка» Национальной Полиции, которые его не «защитили», несмотря на пережитый им «страх».)

Такой способ представления текста-источника, как сегментированная цитация, иногда воспринимается читателем как признак лени, нежелания журналиста приложить собственные усилия для передачи информации.

Preguntado por las informaciones que apuntan a que el PSOE ya tiene prácticamente cerrado un acuerdo con Ciudadanos, Iglesias ha insistido en que «confía de corazón» en que el PSOE «mire a su izquierda» y no «a su derecha» (ABC). (На вопрос прессы, предположившей, что ИСПП уже практически заключила договор с партией «Сьюда-

данос», Иглесиас подчеркнул, что он «верит всей душой», что ИСПП «обратит свой взгляд налево», а не «направо».)

в) Формы прямой и косвенной цитации, выступающие в заместительной функции, могут сочетаться в одном фрагменте текста:

«Sin una operación terrestre es imposible detener esta guerra», afirmó un alto representante del Gobierno turco en un encuentro en Estambul con la prensa extranjera, en el que explicó que esta necesidad ha sido expuesta por Turquía en varias reuniones de los integrantes de la Coalición contra el Estado Islámico (ISIS) que lidera Estados Unidos (El País). («Без наземной операции эту войну прекратить невозможно», — заявил высокопоставленный чиновник турецкого правительства на встрече в Стамбуле с представителями иностранной прессы, где он объяснил, что Турция говорила о необходимости данного шага на нескольких собраниях членов Коалиции против Исламского государства (ДАИШ), возглавляемой США.)

«Todavía no se ha tomado ninguna medida, se estudiará y será fruto del consenso», agregaron las fuentes que insistieron en que las visitas no han tenido impacto por ahora sobre el ecosistema de la cueva (El País). («Меры еще не приняты, вопрос будет изучен и решен путем консенсуса», — добавили представители источников, которые также заявили, что посещения не причинили пока никакого вреда экосистеме пещеры.)

4.2. Функция иллюстрации

В случае, когда цитация призвана проиллюстрировать точку зрения адресанта, добавить достоверности и выразительности медиатексту, она, очевидно, выполняет иллюстративную функцию. Чтобы добиться эффекта достоверности при изложении материала, журналист использует стратегию *de dicto*, т.е. с помощью прямой цитации подтверждает свое видение той или иной передаваемой информации. Очевидно, что функция иллюстрации не может быть свойственна косвенной цитации, так как она не обладает выразительным потенциалом прямой цитации и, как правило, не может использовать эффект достоверности для усиления своего воздействия на читателя.

Тем не менее, в испанской прессе наблюдаются случаи использования косвенной цитации для разъяснения и уточнения предшествующего высказывания. Например:

Las salidas a Bolsa también apuntan a mantener la tendencia al alza de este año durante los próximos trimestres. Según un informe de E&Y, el número de operaciones a nivel mundial ha aumentado un 49% este año y el importe global se ha disparado un 94%, hasta superar 148.000 millones de euros (El Mundo). (Первые предложения на бирже также обещают поддержать тенденцию роста в этом году в течение ближайших триместров. Как говорится в отчете компании Эрнст энд Янг, количество операций на мировом уровне выросло в этом году на 49%, а общий доход взлетел на 94%, превысив 148 млрд евро.)

Приведенный выше пример все-таки является менее характерным образцом реализации иллюстративной функции. Основной корпус примеров здесь, безусловно, составляет прямая цитация.

Fuentes próximas a Esperanza Aguirre aseguran que a la presidenta del PP madrileño no le inquieta despedirse de su hipotética candidatura al Ayuntamiento de Madrid. «Si

puede presentarse bien, pero si no, también» (El Mundo). (Источники, близкие к Эсперансе Агирре, утверждают, что председатель мадридской ячейки Народной партии не волнуется по поводу возможного отклонения ее кандидатуры в Мэрии Мадрида. «Если она сможет баллотироваться, то хорошо; а если нет, то тоже хорошо».)

En Villaverde los festejos que acompañaron la inauguración del metro se siguen recordando como el acontecimiento del siglo. «La verdad es que fue algo que nunca habíamos tenido por aquí», admite Piedad Martínez (El Mundo). (В Вильяверде праздника, сопровождавшие открытие метро, все еще вспоминают как событие века. «Действительно, для нас это было нечто совершенно уникальное», — признает Пьедад Мартинес.)

Los científicos no han podido aclarar si el hobbit era una versión reducida del Homo erectus, que habría llegado a esta isla vecina de Java hace millones de años, o si el Homo floresiensis que cazaba, fabricaba herramientas y utilizaba el fuego, era una especie por derecho propio. «Por el momento, no se puede decir ni lo uno ni lo otro», señala Balzeau a AFP (ABC). (Ученые не смогли прояснить вопрос о том, был ли хоббит уменьшенной копией Человека прямоходящего, который, предположительно, пришел на соседний остров Ява миллионы лет назад, или же Человек флоресский, который охотился, создавал орудия труда и использовал огонь, был отдельным равноправным видом. «На настоящий момент нельзя утверждать ни одно, ни другое», — заметил Бальсо новостному агентству AFP.)

4.3. Функция аргументации

Цитация может выполнять аргументативную функцию в медиатекстах различной жанровой принадлежности.

а) Такой тип цитации в текстах, относящихся к информативному подстилю, используется для доказательства корректности выводов журналиста. Авторский комментарий в этой ситуации играет роль тезиса, который в процессе аргументации должен быть подтвержден «чужим» высказыванием в виде цитации.

Представляется очевидным, что в функции аргументации в медиатексте используется в подавляющем большинстве прямая цитация.

El consejero de Medio Ambiente de Andalucía, José Fiscal, ha asegurado que esta Administración estudia ahora cómo demoler este hotel. «Las sentencias permiten la restitución de la zona a su estado original: el derribo», ha indicado a EL PAÍS (El País). (Советник по Окружающей Среде Андалусии, Хосе Фискаль, заверил, что администрация в данный момент изучает возможность сноса этого отеля. «Законы позволяют восстановление данной зоны к ее изначальному состоянию, то есть снос здания», — заявил он Эль Паис.)

El consejero delegado de Google, Sundar Pichai, cree acertada la decisión de la compañía tecnológica de no acceder a crear puertas traseras en sus programas para que las autoridades puedan acceder a los datos que deseen. Así lo manifestó Pichai a través de una ristra de tuits: «...Forzar a las compañías a permitir que se hackeen sus productos compromete la privacidad de sus usuarios...» (El País). (Генеральный директор Google, Сундар Пичаи, считает правильным решение технологической компании не создавать черные ходы в своих программах для того, чтобы власти могли получить те данные, которые они пожелают. Так, Пичаи заявил в ряде своих сообщений в Твиттере: «Заставлять компании, чтобы они позволяли взламывать свои продукты, нарушает конфиденциальность ее пользователей...»).

Несмотря на то, что аргументативная функция в основном представлена именно прямой цитацией, наличие в испанском языке особых разновидностей косвенной речи позволяет использовать в рассматриваемой функции и некоторые формы косвенной цитации. Ниже рассмотрим пример косвенной цитации, которая должна подтвердить правильность трактовки журналистом позиции автора цитации:

El primer ministro, además, quiere que sea suficiente con la queja de un solo país para paralizar legislación europea. Francia, España y Bélgica se oponen: quieren que para eso sean necesarios al menos dos países (El País). (Премьер-министр, кроме того, считает, что достаточно будет жалобы всего одной страны, чтобы остановить действие европейского закона. Франция, Испания и Бельгия возражают: они полагают, что для этого необходимо по крайней мере две страны.)

б) В публицистическом подстиле цитация появляется в тех случаях, когда необходим повод для последующих рассуждений или для аргументации точки зрения автора цитирующего текста. Рассуждения автора могут быть построены на анализе текста-источника, который будет цитироваться в качестве аргументации. В этих случаях в аргументативной функции может использоваться как прямая, так и косвенная цитация.

Приведем пример того, как прямая цитация, содержащаяся непосредственно в начале статьи, используется как отправная точка в рассуждениях журналиста.

Ya lo dijo Thomas Jefferson en 1802: «los bancos son más peligrosos para nuestras libertades que ejércitos enteros listos para el combate». Pero desde entonces hasta 2008, no tomamos suficientemente en serio la advertencia del presidente ilustrado (El Mundo). (Еще в 1802 г. Томас Джефферсон сказал: «Банковские институты опаснее для наших свобод, чем целые готовые к сражению армии». Но с тех пор и вплоть до 2008 г. мы не принимали всерьез предупреждение этого просвещенного президента.)

Предложенная нами выше классификация цитации, опирающаяся на ее прагматические функции в медиатексте, как уже говорилось, дает возможность анализировать использование как прямой, так и косвенной цитации. Естественно, существуют и другие подходы к анализу функционирования цитации.

5. ФУНКЦИИ СКРЫТОЙ ЦИТАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Выше мы рассмотрели функционирование прямой и косвенной цитации в испанском медиатексте. Если говорить о функциях скрытой цитации, которую мы определяем как разного рода цитирование тех текстов, которые значимы для определенного лингвокультурного сообщества, то в испанских медиатекстах она, прежде всего, служит целям языковой игры, создает подтекст, намек, пародию, то есть выполняет в первую очередь стилистическую и рекламную функцию.

Надо отметить, что такого рода скрытая цитация, очень характерная для современных российских газет, в испанской качественной прессе встречается значительно реже. Такого рода цитация практически отсутствует в жанрах информационного подстиля и, скорее, может использоваться в фельетонах, рекламе, статьях-комментариях и других жанрах публицистического подстиля.

Приведем ряд примеров:

1) *¿Fue Sherlock Holmes un plagio? Sí, elemental querido lector. Para muchos, serán puras coincidencias; para otros tantos, un plagio; y para otro puñado de aficionados, sólo serán algunas comprensibles influencias (ABC).*

В статье, в названии которой использовано прецедентное имя, «Был ли Шерлок Холмс порождением плагиата?» первая же строчка «Элементарно, дорогой читатель» относит нас к знаменитому выражению британского сыщика из произведения А. Конан-Дойля, которая хорошо известна и российской публике.

2) *Fidel Castro y sus cinco horas con «Los Cinco». 73 días después de que fueran liberados tres de los conocidos como «Los Cinco» — espías cubanos que fueron detenidos y condenados en Estados Unidos—, Fidel Castro se ha reunido con ellos (ABC).*

Заголовок статьи «Фидель Кастро и его пять часов с „Пятеркой“», в которой рассказывается о встрече кубинского лидера с освобожденными в США кубинцами, обвинявшимися в шпионской деятельности (знаменитая «Кубинская пятерка»), содержит аллюзию на знаменитый роман М. Делибеса «Пять часов с Марио» («Cinco horas con Mario»).

3) *Paren internet que yo me bajo. Cómo borrarse de internet sin dejar ni rastro (ABC).*

В подзаголовке статьи «Остановите Интернет — я сойду» о том, как можно убрать свои персональные данные из всемирной сети, используется модифицированное название британского мюзикла «Остановите Землю — я сойду» 1961 г. (англ. «*Stop the World — I Want to Get Off*»), исп. «*Paren el mundo que me bajo*»). По другой версии, это крылатое выражение приписывается американскому актеру и комику Граучо Марксу.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ испанских медиатекстов, ориентированный на целевые установки цитирующего автора, позволил нам определить как основные для прямой и косвенной цитации функции замещения, иллюстрации и аргументации. Материал исследования показал, что заместительная функция более характерна для косвенной цитации, в то время как иллюстративная функция реализуется преимущественно через прямую цитацию. Форма цитации, выступающей в аргументативной функции, зависит от жанровой принадлежности медиатекста. В информативном подстиле используется преимущественно прямая цитация, в то время как в публицистическом подстиле возможно появление косвенной цитации в этой функции. Что касается скрытой цитации, то в испанской качественной прессе она используется в основном в жанрах публицистического подстиля в стилистической функции.

Безусловно, предложенная классификация прагматических функций цитирования в испанских медиатекстах не является единственно возможной. Однако, на наш взгляд, она позволяет в совокупности рассмотреть все виды выделяемой нами цитации, а именно прямой, косвенной и скрытой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алещанова И.В. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса [Электронный ресурс] // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*: Сборник научных трудов: 1 / Волгоградский государственный педагогический университет. 2000. URL: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017733.html?page=9> (дата обращения: 13.03.2016).
- Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // *Вопросы языкознания*. М., 1986. № 1. С. 50—64.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // *Собр. соч. в 7 т.* Т. 6. М., 2002. С. 7—300.
- Бициган Д.Д. Цитация в англоязычной рецензии // *Вестник МГОУ «Лингвистика»*. 2011. № 2. С. 7—13.
- Блинова О.А. О стилистическом потенциале несобственно-прямой речи в газетном тексте // *Вестник МГЛУ*. 2010. № 596. С. 136—146.
- Варченко В.В. *Цитатная речь в медиа-тексте*. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012. 240 с.
- Волошинов В.Н. *Марксизм и философия языка*. Л., 1929. 188 с.
- Вольнец Ю.П. Анализ современных исследований цитации в медиадискурсе // *XXI век: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. Пенза, 2015. № 6. С. 213—217.
- Гусев С.С. Цитирование как способ аргументации // *Речевое общение и аргументация*. Санкт-Петербург, Экополис и культура. 1993. Вып. 1. С. 68—76.
- Иванова И.П. Цитата как средство стратегии доказательства в немецком публицистическом дискурсе // *Вопросы современной науки и практики. Общественные науки*. 2015. № 3. С. 116—122.
- Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ [Электронный ресурс] // *Публицистика и информация в современном обществе* / Под ред. Г.Я. Солганик. 2000. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_79 (дата обращения: 13.03.2016).
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998. 352 с.
- Кулешова А.В. Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2014. № 4. С. 62—68.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие*. М., МГУ, 2003. С. 66—88.
- Ломов А.М. Чужая речь в письменном тексте // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. № 8. С. 31—36.
- Саблина М.В. Классификация цитат в аспекте категории системности (на материале текстов современных российских газет) // *Мир науки, культуры, образования*. Горно-Алтайск, 2010. № 6—2. С. 58—60.
- Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб. 2002. 384 с.
- Терентьева Е.Д. Скрытая цитация как разновидность цитации в испанской прессе // *Инновационное развитие современной науки*. Уфа, 2014. С. 201—205.
- Ferraz Martínez, Antonio. (2011). *El lenguaje de la publicidad*. Arco Libros — La Muralla, S.L.
- Frías Lebrón, María Trinidad. (2012). Sobre las formas de reproducción del discurso ajeno en algunos textos periodísticos de la prensa italiana y española // *Philologia Hispalensis*. Vol. 26. № 3—4. Universidad de Sevilla. 121—153.

Guerrero Salazar. (2007). Susana. *La creatividad en el lenguaje periodístico*. Ediciones Cátedra.

Hurtado González, Silvia. (2003). *El uso del lenguaje en la prensa escrita*. Universidad de Valladolid.

Libro de estilo de El País. Aguilar, 2014.

Lledó, Eulàlia. (2013). *Cambio lingüístico y prensa: problemas, recursos y perspectivas*. Laertes Editorial, S.L.

Maldonado, González (1999). Concepción. Discurso directo y discurso indirecto // *Gramática Descriptiva de la Lengua Española*. Madrid, 3549—3595.

Reyes, Graciela. (1996). *Los procedimientos de cita: citas encubiertas y ecos*. Madrid, 2ª ed.

Reyes, Graciela. (1995). *Los procedimientos de cita: estilo directo y estilo indirecto*. Madrid, 2ª ed.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 марта 2016

Дата принятия к печати: 20 июля 2016

Для цитирования:

Терентьева Е.Д. Прагматический аспект цитирования в испанских медиатекстах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 43—56.

Сведения об авторе:

Терентьева Екатерина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. *Сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, язык испанской прессы, «чужая речь», методика преподавания иностранных языков. Автор более 26 научных публикаций. *Контактная информация*: Электронный адрес: terentyeva_ed@pfur.ru.

PRAGMATIC ASPECTS OF QUOTATION IN SPANISH MEDIA TEXTS

Ekaterina Terentieva

Peoples' Friendship University of Russia
10/2, Miklukho-Maklaya Str., 117198, Moscow, Russia

This paper examines the pragmatic functions of citation specific to the Spanish media texts. The texts for analysis were chosen among the so-called national quality press, including *El País*, *El Mundo*, and *ABC* 2014—2016. The study combined the interpretive text analysis and elements of the comparative and contextual analyses. The role of mass media in molding public opinion, and as one of the most powerful instruments of social control cannot be overemphasized. In addition to awareness-raising and influence functions, citation is widely used in media text to bring more credibility and expressiveness to the transmitted information. Presumably, all texts cited in media can be divided into two categories. On the one hand, these are texts that are socially significant and relevant at a specific point in time, and on the other hand, these are so-called precedent texts repeatedly reproduced within a given community. Based on the analyzed material the following three key pragmatic functions can be distinguished: substitution, illustration

and reasoning which allows to make both direct and indirect quotation, that differ graphically in terms of the presence or absence of quotation marks, the object of study. Characteristics specific to the implicit citation are treated separately where implicit citation covers the citation of precedent texts used primarily for language game, and thus performs stylistic and advertising functions. The accomplished analysis of the citation pragmatic aspects of Spanish press brings clarity to some of the mechanisms used to impact the reader and shape public opinion.

Key words: quotation, reported speech, Spanish-language press, media text, pragmatic functions of media text

REFERENCES

- Aleshchanova I.V. (2016). Gazetnyi tekst kak raznovidnost' massovo-informatsionnogo diskursa [Newspaper text as a kind of mass-information discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: Sbornik nauchnykh trudov*, 1 (In Russian). URL: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017733.html?page=Я> (accessed: 13.03.2016).
- Arutyunova N.D. (1986). Dialogicheskaya tsitatsiya (k probleme chuzhoi rechi) [Dialogue citation (to the problem of reported speech)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1, 50—64 (In Russian).
- Bakhtin M.M. (2002). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. *Sobranie sochinenii v 7 t*, 6, 7—300 (In Russian).
- Bitsigan D.D. (2011). Tsitatsiya v angloyazychnoi retsenzii [Citation in English-speaking review] // *Vestnik MGOU "Lingvistika"*, 2, 7—13 (In Russian).
- Blinova O.A. (2010). O stilisticheskom potentsiale nesobstvenno-pryamoj rechi v gazetnom tekste [Stylistic potential of free indirect discourse used in the newspaper text]. *Vestnik MGLU*, 596, 136—146 (In Russian).
- Ferraz Martínez, Antonio. (2011). *El lenguaje de la publicidad*. Arco Libros — La Muralla, S.L.
- Frías Lebrón, María Trinidad. (2012). Sobre las formas de reproducción del discurso ajeno en algunos textos periodísticos de la prensa italiana y española // *Philologia Hispalensis*; Vol. 26, № 3—4, Universidad de Sevilla, 121—153.
- Guerrero Salazar, (2007). Susana. *La creatividad en el lenguaje periodístico*. Ediciones Cátedra.
- Gusev S.S. (1993). Tsitirovanie kak sposob argumentatsii [Citation as reasoning]. *Rechevoe obshchenie i argumentatsiya*. SbP: Ekopolis i kul'tura, 1, 68—76 (In Russian).
- Hurtado González, Silvia. (2003). *El uso del lenguaje en la prensa escrita*. Universidad de Valladolid.
- Ivanova I.P. (2015). Tsitata kak sredstvo strategii dokazatel'stva v nemetskom publitsisticheskom diskurse [Citation as strategy of proof in German journalistic discourse]. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Obshchestvennye nauki*. 3, 116—122 (In Russian).
- Klushina N.I. (2000). Yazykovye mekhanizmy formirovaniya otsenki v SMI [Language mechanisms of evaluation in media]. *Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve. Pod red. G.Ya. Solganik* (In Russian). http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_79 (accessed: 13.03.2016).
- Krasnykh V.V. (1998). *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya)* [Virtual reality or real virtuality? (Human. Consciousness. Communication).] Moscow (In Russian).
- Kuleshova A.V. (2014). Tsitatsiya kak klyuchevoi element «chuzhogo slova» vo frantsuzskoi presse [Citation as a key element of reported speech in the French press]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*. 4, 62—68 (In Russian).

- Leont'ev A.A. (2003). Psikholingvisticheskie osobennosti yazyka SMI [Psycho-linguistic characteristics of media language]. *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. Uchebnoe posobie*. M.: MGU, 66—88 (In Russian).
- Libro de estilo de El País*. Aguilar, 2014, 656 p.
- Lledó, Eulàlia. (2013). *Cambio lingüístico y prensa: problemas, recursos y perspectivas*. Laertes Editorial, S.L.
- Lomov A.M. (2012). Chuzhaya rech' v pis'mennom tekste [Reported speech in written text]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 8, 31—36 (In Russian).
- Maldonado, González (1999). Concepción. Discurso directo y discurso indirecto // *Gramática Descriptiva de la Lengua Española*. Madrid, 3549—3595.
- Sablina M.V. (2010). Klassifikatsiya tsitat v aspekte kategorii sistemnosti (na materiale tekstov sovremennykh rossiiskikh gazet) [Classification of citations in the aspect of category of consistency (based on modern Russian newspapers texts)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Gorno-Altaysk, 6—2, 58—60 (In Russian).
- Smetanina S.I. (2002). *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the culture system (dynamic processes in the language and style of the late XX century journalism)]. SPb. (In Russian).
- Terent'eva E.D. (2014). Skrytaya citaciya kak raznovidnost' citacii v ispanskoj presse [Hidden citation as a kind of citation in Spanish-language press]. *Innovacionnoe razvitie sovremennoj nauki*. Ufa, 201—205 (In Russian).
- Reyes, Graciela. (1995). *Los procedimientos de cita: estilo directo y estilo indirecto*. Madrid, 2^a ed.
- Reyes, Graciela. (1996). *Los procedimientos de cita: citas encubiertas y ecos*. Madrid, 2^a ed.
- Varchenko V.V. (2012). *Tsitatnaya rech' v media-tekste* [Citation speech in the media text]. M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM" (In Russian).
- Voloshinov V.N. (1929). *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and Philosophy of Language]. Leningrad (In Russian).
- Volynets Y.P. (2015). Analiz sovremennykh issledovaniy tsitatsii v mediadiskurse [Analysis of current research citations in the media discourse]. *XXI vek: Itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus*. 6, 213—217 (In Russian).

Article history:

Received: 18 March 2016

Revised: 21 April 2016

Accepted: 20 July 2016

For citation:

Terentieva, E. (2016) Pragmatic Aspects of Quotation in Spanish Media Texts. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 43—56.

Bio Note:

Dr. Ekaterina D. Terentieva, Assoc. Prof. PhD in Philology, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Sciences and Humanities, Peoples' Friendship University, Moscow, Russia. *Research interests*: intercultural communication, language of Spanish press, reported speech, methodology of teaching foreign languages. *Contact information*: e-mail: terentyeva_ed@pfur.ru

КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ: ПРОБЛЕМА КЛЮЧЕВЫХ ФРАЗ

В.В. Дементьев, Н.Б. Степанова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

В статье обсуждаются теоретические и практические проблемы, связанные с изучением речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики. Богатство, разнообразие и несомненная эффективность корпусных методов для решения различных лингвистических задач убеждают в том, что и при лингвистическом изучении речевых жанров такие методы должны быть задействованы. В то же время разработанной корпусной методике для решения речежанровых проблем лингвистики пока нет, и в целом не ясны ни роль, какую должны сыграть корпусные методы в общем изучении РЖ, ни — главное — отношение тех единиц, которые используются/доступны оперативному анализу в корпусах, к жанрам речи: о методах корпусной лингвистики можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем.

На первый план выходит проблема «ключевых фраз», или текстовых маркеров РЖ, по которым можно осуществлять поиск в корпусах. По мнению авторов, ключевая фраза речевого жанра представляет собой его существенную характеристику, которая присутствует в речежанровой компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания в качестве дополнительного параметра. Характеристики жанра такого рода в будущих «энциклопедиях речевых жанров», добавляемые к характеристикам, сформулированным в результате других, более традиционных жанроведческих исследований, могли бы выглядеть так: жанр — наличие ключевой лексики — ключевая фраза / ключевые фразы для идентификации жанра — количество вхождений в корпус (какой) — ключевые фразы для исследования контекста — количество вхождений в корпус.

Формулируются главные требования, предъявляемые к ключевой фразе: 1) ключевая фраза должна максимально соответствовать семантике жанра; 2) в системе по этому критерию можно реально искать и находить большое количество примеров.

Предлагается начальная классификация ключевых фраз речевых жанров, которые противопоставляются: 1) по природе самих речевых жанров различных типов (особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных жанров); 2) по техническим возможностям корпусов; 3) по задачам конкретного жанроведческого исследования (требуется ли идентифицировать жанры речи в речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров).

Ключевые слова: изучение речевых жанров, корпусная лингвистика, ключевые фразы речевых жанров

1. Введение **Проблематика корпусной генристики**

В статье, во-первых, обсуждается пересечение теории речевых жанров и корпусной лингвистики: корпусная лингвистика участвует в данном пересечении не только своей практической частью, т.е. собственно корпусными методами, — они, как известно, довольно легко заимствуются различными направлениями традиционной лингвистики для решения их специфических задач, — но и теоретиче-

ской частью. О теоретических проблемах корпусной лингвистики, включая ее «философию», см., например: (Баранов, 2003; Копотев, Мустайоки, 2008; Пешё, 1999; Плунгян, 2005; Почепцов, 2001; Bhatia, 2002; Cheng, 2011; Facchinetti, 2007; Lüdeling, Kytö, 2009; McEnery, Hardie, 2012; O'Keeffe, McCarthy, 2010; Rühlemann, 2014; Stenstrom, 2002).

Во-вторых, в статье высказывается несколько предложений методологического характера. Наш опыт работы с жанрами речи, включая изучение их при помощи корпусов, позволяет выделить некоторую структурную основу такой методологии.

С появлением корпусной лингвистики как будто бы сбылась давняя мечта жанроведа: анализировать РЖ количественно, — ибо, в общем, для решения этой задачи недоставало именно того, что и дают сегодня корпуса: главное, появляется надежда получить достаточно материала для всестороннего освещения каждого жанра со всеми значимыми вариациями — а до сих пор практически все «полевые» исследователи соглашались, что на уровне РЖ это невозможно (например: [Седов, 2006:85—97]).

То, что корпуса и корпусные методы должны быть использованы во всех магистральных направлениях лингвистического изучения жанров — текстовом, социокогнитивном и социокритическом, — подчеркивает В.К. Бхатъя: «Количественный лингвистический анализ часто дает возможности выявить закономерности в области формы и функционирования конкретных жанров и сферах использования языка, которые являются неожиданными для исследователя и трудно обнаруживаемыми другими способами» (Bhatia, 2002:13). К сожалению, конкретных способов изучения жанров при помощи корпусов и корпусных методов Бхатъя не предлагает.

В исследованиях речевых жанров: в диссертациях, монографиях, статьях, посвященных различным аспектам и проблемам теории речевых жанров (Дехган, 2015; Колоян, 2006), — совсем не редко используются те или иные возможности корпусной лингвистики, при этом, как представляется, цели и способы обращения к данным возможностям могут быть сведены к нескольким основным типам (к сожалению, среди них лишь небольшое количество отличаются настоящей оригинальностью).

Так, при изучении речевых жанров корпуса и формируемые в их форматах пользовательские подкорпуса могут выступать как база/фонд материала исследования. Используя хранимые и размеченные в корпусах тексты различных жанров, можно изучать соответствующие РЖ (*рассказ, роман, очерк, интервью, фельетон* и мн. др.). Например, в художественном подкорпусе НКРЯ выделяются «жанры текста»: *нежанровая проза, детектив, боевик, детская, историческая проза, приключения, фантастика, любовная история, юмор и сатира, документальная проза, драматургия, перевод* (о некоторых принципах жанрового членения корпуса письменных текстов XIX в. НКРЯ см.: [Оскольская, 2009:46—51]). Исследователи, изучающие на корпусном материале *религиозный* дискурс (например, Балашова, 2015), опираются на жанровое членение, осуществленное составителями корпуса (для НКРЯ — «церковно-богословские жанры»: *беседа, житие, катехизис, молитва, отчетник, описание, паломничества, послание, поучение,*

проповедь, Священное писание, слово), что, конечно, удобно, однако само по себе данное членение не является результатом корпусного анализа речевых жанров. Следует отметить, что этот методологически небезупречный, но соблазнительный в силу своей «уже данности» жанрового членения текстов прием нередко используется при количественном анализе жанров в других типах дискурсов, за пределами собственно корпусов. Например, количественное исследование жанров *внешнеполитического* дискурса (Ярославцева, Дубровская, 2015:182—191) исходит из жанрового членения данного дискурса (*выступления, ответы на вопросы СМИ, интервью, комментарии, remarks* ‘выступления’, *press availability* ‘пресс-конференции’, *interview* ‘интервью’, *press statements* ‘заявления для прессы’) на том основании, что соответствующие рубрики выделены на сайтах МИД РФ (www.mid.ru) и Госдепартамента США (www.state.gov).

Кроме того, используя этот же материал, хранящийся в корпусах, можно изучать «жанрово-ролевые сценки», т.е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.) (Дементьев, 2008:95—109).

Как видим, названные направления изучения РЖ весьма разнообразны, и вряд ли правомерно и целесообразно говорить, что во всех «используются методы корпусной лингвистики». В этом отношении само по себе обращение к корпусам в качестве источника материала малопоказательно. Так, например, статьи, диссертации, дипломы, в которых во введении имеет место формулировка «на материале НКРЯ» (а это, без преувеличения, сотни работ), при ближайшем рассмотрении оказываются чрезвычайно разнородны — как чрезвычайно разнородны тексты, хранимые в НКРЯ: как известно, это и тексты XX в., и XIX (отчасти и XVIII), и тексты СМИ, и разговорной речи, и диалектной речи.

С нашей точки зрения, о методах корпусной лингвистики как таковых можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем, при этом на первый план выходит проблема «ключевых фраз».

2. Поиск ключевых фраз речевых жанров как теоретическая и практическая проблема теории речевых жанров и корпусной лингвистики

Важность этой проблемы, вынесенной в название статьи, несомненна. О значимости ключевых фраз для ТРЖ писали некоторые исследователи еще до появления корпусов (Шмелева, Шмелев, 2002: 144; Шмелева 1997:88—98).

Действительно, при работе с корпусами проблема таких ключевых фраз, или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусах, становится не просто важной, но критической, а главное — исследователю приходится решать данную проблему фактически с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались. В результате, конечно, в анализ будет привнесена доля субъективизма, что в известной степени обесценивает достоинства корпусного подхода.

Приведем пример.

Допустим, предполагается исследование РЖ *роман* на основе текстового корпуса/корпусов. Возможные направления анализа, кажется, ясны: в базах данных различных корпусов хранится (доступно количественному анализу и, как правило, подвергнуто различным типам разметки) большое количество разнообразных романов, исследователь может достаточно легко осуществить целый ряд количественных исследований — например, сравнить несколько романов по ряду показателей, начиная с частотности словоупотребления, формоупотребления и т.д. и заканчивая выявлением авторских и жанровых (*идеологический роман, психологический роман, философский роман*) особенностей стиля.

Задача оказывается гораздо сложнее, если предполагается исследование устных жанров, например *светской беседы* или *разговора по душам*.

Сложности начинаются, собственно, с того, что следует искать в корпусах: понятно, что лексемы и идиомы, наиболее (и почти единственно по-настоящему) доступные обнаружению, выделению и исчислению в корпусах (такие как «*светская беседа*», «*разговор по душам*», а также «*светский*», «*душа*») в этой роли не годятся: они могут вообще не встретиться в даже весьма длинных текстах (записях) соответствующих жанров.

В нашем исследовании (Дементьев, 2010; Дементьев, 2015: 78—107) было показано, как лексемы - названия трех РЖ (*светский, гламурный и по душам*) позволяют найти в корпусах довольно обширную рефлексию (в нашем случае — современных российских журналистов) о данных жанрах, анализ которой позволяет уточнить некоторые аспекты в них.

Но речежанровое исследование, претендующее на адекватность, не может ограничиваться изучением рефлексии над РЖ. Если речь идет о доброкачественном анализе с использованием корпусных методов, на первый план выходит поиск не ключевых лексем, а некоторых ключевых коммуникативно-речевых единиц для конкретных жанров, по которым можно осуществлять формальный поиск и подсчет.

(Собственно, лексема «*роман*» тоже не годится для данной цели, если анализировать некие неизвестные и жанрово немаркированные тексты, еще не размеченные в корпусах. Но, конечно, практически все существующие *романы*, как и другие художественные произведения, уже жанрово маркированы (прежде всего авторами, но нередко и критиками, которым, как известно, иногда «виднее») до размещения в корпусах, и задача жанровой идентификации просто не стоит — стоят совершенно другие задачи «уточнения и прояснения», более традиционные для корпусной лингвистики.)

Как идентифицировать, анализировать и систематизировать («что искать?») *светскую беседу*, пока совершенно неясно. Эта трудность, которую еще только предстоит преодолеть, вполне понятна и даже очевидна на практике. Как это обычно бывает, решение практической задачи сильно облегчается осмыслением изучаемого феномена в теоретическом плане — и здесь несомненно, что у обсуждаемых ключевых фраз РЖ есть общее с речевыми стереотипами, формулами,

клише, коллокациями и т.д., иногда фиксируемыми в фразеологических, идиоматических и т.п. словарях (например: Баранов, Добровольский, 2007; Меликян, 2001; Балакай, 2001), но они далеко не сводятся к ним.

Сложность теоретического характера усиливается тем, что сама постановка данной задачи в жанроведении предполагает определенное противоречие: исследователю предстоит искать конкретные, «материальные» языковые или речевые единицы, которые присущи скорее прецедентным феноменам, чем речевым жанрам, как известно, представляющим собой не сами фразы/тексты, а только их формы (Бахтин, 1996:192); так осуществляется и распознавание жанров в речи (Шмелева, Шмелев, 2002:18; Рогачева, 2011:5). В сущности, это не что иное, как попытка соединить *типологический* подход (чистые структуры, свобода от «материальных» единиц и их конкретных формы-содержания), присущий, как уже неоднократно отмечалось, изучению речевых жанров в целом (Шмелева, 1997: 88—98; Дементьев, 2010), и в большей степени *субстанциональный* подход, присущий, например, сравнительно-историческому языкознанию (как известно, в истории лингвистической науки, в частности лингвистической типологии, таких попыток соединения было немало, положительных результатов же — мало: типологическое изучение отдельных языков и даже отдельных грамматических категорий в них, стадильная типология и т.п.; при этом большинством современников они воспринимались обычно как лишь факультативные «отклонения» см. [Алпатов, 2001:92]). В этой связи следует подчеркнуть, что, хотя изначально в ТРЖ и не предполагался поиск и систематизация подобных «конкретно-материальных» единиц, в современной активно развивающейся ТРЖ уже появились некоторые новые направления, реализующие эту «нетипологическую типологию»: например, изучение жанра как исторического феномена (Шеффер, 2010), противопоставление первичных и вторичных жанров религиозного дискурса на основе тематического ряда (Бобырева, 2007) и т.п. Кроме того, в теоретическом плане «жанровая типология» и «текстовая субстанциональность» осмысляются как два разных *интертекстуальных* аспекта РЖ, а именно: противопоставляются жанровые связи на уровне структур, реализуемые во *вторичных речевых жанрах*, и прецедентные связи на уровне самой речи/текста, реализуемые во *вторичных текстах* (Дементьев, 2015:78—107).

Этим объективным сложностям корпусной генристики как будто бы противоречит тот факт, что существует целый ряд жанров, вопросы идентификации которых и «до корпусов» решались относительно просто, и проблем с поиском материала не возникало (это не значит, конечно, что тут совсем не нужны или бесполезны окажутся корпусные методы): это жанры, идентификация которых осуществляется по *простой языковой (грамматической) форме*: императива (*просьба*), перформатива (*приказ*), инфинитива (*команда*) или, в случае *комплимента* (или, наоборот, *инвективы*), использования характеризующей конструкции с местоименным именованьем адресата речи в функции подлежащего и составным именным сказуемым с предикатной (положительно- или отрицательно-оценочной) лексемой в именной части («*Ты — X*»).

Сюда же следует отнести так называемые *этикетные* РЖ, осуществление которых часто равно произнесению соответствующих формул речевого этикета: *приветствие* («Здравствуйте!»), *благодарность* («Спасибо!») и т.п.

(Здесь следует вспомнить интересное, хотя и небесспорное предложение А.Д. и Е.Я. Шмелевых распознавать жанр *рассказывания анекдота* по ряду формальных признаков: метатекстовый ввод; изобразительные/иконические элементы вербальной и невербальной коммуникации; зачиновый глагол в форме наст. врем., несов. вида (Шмелева, Шмелев, 2002:29—30).

Такие случаи нами не рассматриваются, поскольку, собственно говоря, нет нерешенной проблемы корпусной лингвистики (хотя, например, в случае жанра *комплимента* могут быть различные ключевые фразы типа: «*Любуюсь тобой*», жанра *похвалы* — «*Горжусь тобой*», жанра *просьбы* — «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*» (по форме и функции иногда тоже близкие к этикетным формулам)).

Гораздо больше в данном случае нас интересуют содержательно и/или формально *сложные* жанры (предполагающие варьирование, иногда косвенные), которые — задолго до появления корпусов — обычно и вызывали больше всего сложностей при анализе; до сих пор методика их описания и систематизации далеко не достаточно разработана. Исследователи (Седов, 2006; Седов, 2007; Фенина, 2005) обычно исходили из того, что попытки выявить четкие формальные показатели данных жанров (как и для других подобных «нежестких» жанров), а также сформулировать принципы безэквивалентной семантики данных явлений (например, в терминах универсальных семантических метаязыков) бесперспективны. (Ср. в этой связи весьма интересное исследование Т.В. Лариной и Е.Б. Щелчковой (Ларина, Щелчкова, 2013:73—79), в котором детально разбираются и анализируются случаи неправильного понимания *приглашений*, проистекающие из межкультурных различий.) Понятно, что «охватить» содержание (и форму) данных жанров через одну или несколько счастливо найденных ключевых фраз несколько не менее сложно.

Следует отметить, что в реальной речи таких жанров не просто много — их **б о л ь ш и н с т в о**: содержательно сложных, многомерных, не предполагающих единственно верной интерпретации (причем ее может не быть не только у адресата, но и у адресанта высказывания), что характерно для широко распространенной в реальной речи непланируемой непрямой коммуникации (Дементьев, 2006).

Существуют ли вообще у таких жанров ключевые фразы (в нашем понимании: фиксируемые и пригодные для количественного анализа в корпусах)? И если да, могут ли они быть исчислены и систематизированы, а тем самым — представлены как особая формальная характеристика данных содержательно сложных жанров в описании?

Мы полагаем, что ответ должен быть положительным, а проблема поиска ключевых фраз для идентификации речевых жанров непланируемой непрямой коммуникации (конечно, не только для них) далеко не сводится к методологической проблеме грамотного пользования корпусами. Данная проблема регулярно ставится и решается на практическом уровне за пределами корпусов (и, так ска-

зять, корпусной генристики) при работе с жанрами: как специалистами-жанроведами, имеющими дело с реальным речевым материалом, так и неспециалистами — носителями языка в «живой жизни»; до теоретического же осмысления данной проблемы (которое, как уже было сказано, могло бы сильно помочь практике) дело, как правило, не доходило.

Так, например, очевидно сходство ключевых фраз РЖ с тем, что ищут (и, так сказать, «за что судят») в *лингвистической экспертизе*: эксперты-жанроведы (например: Шарифуллин, 2002:266—276) неоднократно указывали на то, что ТРЖ должна разработать модель опознавания РЖ (инвективных) по формальным признакам, которые только и можно учитывать в экспертизе. Увы, современной ТРЖ до этого еще далеко.

Иллюстрацией второго «неспециального» подхода могут послужить списки «фраз для начала разговора во флирте» (такие рекомендации размещают на страницах изданий разной степени «несерьезности», им посвящают специальные издания, сайты такой направленности множатся в Интернете) наподобие следующих:

Ср.: Топ 10 флирт фраз

1. — *Привет, как мы давно с тобой не виделись! — говорите вы прекрасной девушке.*

— *Мы с вами знакомы? — отвечает она.*

— *Да, я тебя знаю, ты «моя мечта!» (Как же девушка может отказаться от такого изумительного имени?)*

2. *Мне так жалко всех этих людей, ведь твоя красота делает их серой массой.*

3. *Здравствуйте, девушка! Скажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете, ведь вы — самая красивая девушка в этом городе?*

5. *Догоните понравившуюся вам девушку, по ходу купив цветок, и нежно скажите:*

— *Извините, что преподножу вам только один цветок, но я исправлюсь. В нашу следующую встречу, я подарю букет ваших любимых цветов.*

6. *Девушка, помогите мне! У меня в кармане две путевки на Бали. Я хочу предложить вам совместную поездку, ведь вы так прекрасны.*

7. *Простите, у меня был трудный день, но вдруг я увидел подарок судьбы — ваше лицо. Можно ли полюбоваться вами? (Срабатывает всегда).*

8. *Вы взяли меня в полон своей красотой, и я был бы очень счастлив отбывать пожизненное наказание в плену Вашего сердца.*

9. *Вызовите, пожалуйста, мне скорую помощь. Меня только что подстрелил Амур.*

10. *Вы красивы, как звезда! И освещаете собой серые улицы.*

(<http://www.best-woman.ru/tehnika-flirta-flirt-flirtum-pravilno-top-10-flirt-fraz/>)

Понятно, что фразы эти близки к обсуждаемому нами феномену ключевых фраз речевых жанров. Понятно также, что осмысление данных списков фраз (как и сравнение разных списков) могло бы быть полезно для осмысления речевых особенностей *флирта* — см., например, обзор работ в (Колоян, 2006). Но такое осмысление — дело будущего. (Дополнительная трудность состоит в том, что успешность данных фраз на практике определяется, вероятно, не только и не столько их распространенностью, частотностью, соответствием каким-то нормам, сколько оригинальностью, а значит, скорее, наоборот, редкостью.)

3. Классификация ключевых фраз речевых жанров

Сложная лингвистическая и коммуникативная природа феномена столь высокого уровня, как РЖ, не может не породить очень большого количества и очень большого многообразия как отдельных характеристик жанров (это положение давно стало общепризнанным в жанроведении), так и их маркеров, к которым относятся обсуждаемые здесь ключевые фразы.

Рассмотрим данное многообразие и его возможные границы — возможные повторяющиеся типы, а значит, классификацию. В основе разных типов ключевых фраз лежат разные пути выявления таких фраз, требования, предъявляемые к ним: данные требования проистекают, *во-первых*, из природы самих речевых жанров различных типов — здесь особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных (интерпретативно сложных) жанров. Данное основание обуславливает особые технические характеристики ключевых фраз, выделяемых в корпусах: следует ли осуществлять поиск неизменной при любых обстоятельствах фразы (типа упомянутой идиомы *по душам*) или поиск может/должен быть более гибким и включать варианты, формы слов и фраз (типа *гламур/гламурный* + полные падежные парадигмы данных имен существительного и прилагательного), вплоть до переменных лексем. Но, как это обычно бывает, допущение варьирования формы в итоге приводит к допущению содержательного варьирования.

Во-вторых, данные требования проистекают из технических возможностей корпусов, *в-третьих* — из задач конкретного жанроведческого исследования: требуется ли, прежде всего, идентифицировать жанры речи в тексте / речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров.

Данные три типа требований, очевидно, порождают три типа ключевых фраз. Однако даже начальный анализ показывает, что данные типы имеют самый общий характер, внутри всех возможно очень большое количество конкретных вполне пригодных для того или иного жанроведческого анализа критериев, соответственно — типов ключевых фраз.

Особенно велико разнообразие последнего типа (два первых, в общем, сводятся к противопоставлению, исходит ли исследователь из особенностей жанра и его природы или из особенностей корпуса): цели и задачи конкретного жанроведческого исследования, начиная с уже названного противопоставления задачи начальной идентификации жанра и «всего остального».

Особенно велико разнообразие этого самого «всего остального»: в рамках уже идентифицированных жанров может быть выделено множество различных дополнительных аспектов, обладающих свойством исчислимости, список которых (особенно у упоминавшихся сложных и косвенных жанров) кажется поистине безграничным, причем, кажется, каждый из таких аспектов способен дать при обращении к корпусам какую-то ценную информацию речевжанрового характера.

Например, для жанра *романа*:

- ◆ количество/процент лексем «X» (исчислению может быть подвергнут текст всего романа и отдельных его частей; текст романа может быть сопоставлен с другими текстами этого же автора разных периодов и текстами других авторов и т.д.; все это касается и следующих аспектов);

- ◆ морфологических форм «Y» (в т.ч. — частей речи);

- ◆ синтаксических конструкций того или иного типа «Z»;

- ◆ стилистически маркированных лексем или идиом и т.д. (Mustajoki, 2006; Vamford, Cavalieri, Diani, 2013; Rühlemann, 2014).

Много в этом плане, как и следовало ожидать, может дать относительно хорошо разработанный в прикладной лингвистике **контент-анализ** (Пешё, 1999; Почепцов, 2001; Шалак, 2004; Krippendorff, 1980, Rosenberg, Schnurr, Oxman, 1990; Weber, 1990). В частности, в контент-анализе традиционно много внимания уделялось «единицам счета», которые могут совпадать со смысловыми единицами или носить специфический характер (на основе анализируемого материала и целей исследования исследователями выдвигались такие единицы счета, как физическая протяженность текстов, площадь текста, заполненная смысловыми единицами, число строк (абзацев, знаков, колонок текста), длительность трансляции по радио или ТВ, метраж пленки при аудио- и видеозаписях, количество рисунков с определенным содержанием, сюжетом и т.д.). Несомненно значим для жанров речи (ср. понятие «темы жанра» М.М. Бахтина) «качественный контент-анализ»: исследователя интересует не столько ЧТО говорится, сколько КАК говорится.

В качестве «единиц счета» могут выступать ключевые фразы речевых жанров, есть возможность и выявить разную роль разных ключевых фраз в разных вариантах и разновидностях одного жанра, однако установить, какие ключевые фразы соответствуют конкретным речевым жанрам, выявить список ключевых фраз контент-анализ, видимо, не помогает (насколько нам известно, исследователи, пользующиеся контент-анализом и разрабатывающие его, вообще практически не занимались специально речежанровой проблематикой (определение жанра или жанровой разновидности, поиск жанра в массиве текстов)).

Таким образом, на основе корпусов может быть осуществлено множество доброкачественных лингвистических (подчеркнем: именно лингвистических!) исследований.

Труднее ответить на вопрос, в какой степени эти возможные исследования будут собственно речежанровыми. Подобные критерии в самых разных вариантах неоднократно использовались при решении неречежанровых задач (безусловно, мы не собираемся отрицать, что во многих случаях они обогащали речежанровую теорию и наше совокупное знание о данном жанре или системе жанров). В то же время ни постановку задач, ни их результаты еще не пытались осмыслить в единой речежанровой теоретической плоскости. Осуществленные исследования и их результаты представляются, с точки зрения данной теории (тем более — с точки зрения будущей «корпусной генристики»), во многом разрозненными и бессистемными. Кроме того, данный подход исходит из аксиоматического признания данности нам жанра, что во многих случаях небесспорно.

Поэтому предлагаем вернуться к критериям идентификации жанров речи в тексте / речевом потоке: собственно, их осмысление и есть то **новое**, чем мы надеемся обогатить генристическую теорию и методику.

Для начала охарактеризуем их в соответствии с обсуждавшимися выше наиболее общими путями выделения ключевых фраз РЖ: исходит ли исследователь из особенностей жанра и его природы или из особенностей корпуса. (На самом деле, конечно, и первое, и второе могут быть выявлены только в результате исследований, в том числе на основе корпусов.)

С этой точки зрения, во-первых, ключевая фраза должна отвечать *семантике* (точнее — *главной семантике*) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе по этому критерию можно реально искать и находить *большое количество примеров* (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая — всего 10).

Задачи такого рода еще далеко не решены (они пока, в большинстве случаев, еще даже не ставились), а многочисленные сложности, связанные с их решением, еще только предстоит преодолеть, — мы здесь обрисовали лишь предварительный список таких сложностей; понятно, что в действительности их намного больше.

В случае же успешного решения поставленных задач мы получим *существенную характеристику жанра*, которая присутствует в речезанровой компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы/фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнообразным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т.В. Шмелевой (Шмелева, 1997).

(Возвращаясь же к общему определению речезанрового подхода как типологического, обсуждаемая характеристика — наличие той или иной ключевой фразы/фраз речевого жанра — сродни известной типологической идее Владимира Скалички (Скаличка, 1996:22—30): для изучения отдельного языка использовать типологические характеристики, разработанные и традиционно используемые (поскольку они типологические) принципиально НЕ для отдельных языков.)

Характеристики жанра такого рода (например, в будущих «энциклопедиях речевых жанров», о которых говорит Т.В. Шмелева), добавляемые к характеристикам, сформулированным в результате других, более традиционных жанроведческих исследований, могли бы выглядеть примерно так (табл. 1):

Таблица 1

Ключевые фразы речевых жанров
Key phrases of speech genres

Жанр	Наличие ключевой лексемы	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (какой)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (какой)
X	A ₁	B ₁	n ₁	C ₁	N ₁
	A ₂	B ₂	n ₂	C ₂	N ₂
	...	B ₃	n ₃	C ₃	N ₃
		...	n...	...	N...

Например, для РЖ *просьба* (табл. 2):

Таблица 2

Ключевые фразы для речевого жанра просьба
Key phrases of the request speech genre

Жанр	Наличие ключевой лексемы	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
Просьба	<i>Прошу</i>	<i>Не могли бы вы</i>	306	<i>Буду очень благодарен</i>	32
	<i>Пожалуйста</i>	<i>Можно вас попросить</i>	10	<i>Для меня это очень важно</i>	15
	<i>будьте добры</i>				

Заявленное нами направление поиска, естественно, пересекается с традиционной для лингвистики теоретической и практической проблемой (для многих устных, еще больше — письменных жанров уже неоднократно ставившейся и решавшейся) конкретного *лексического и грамматического наполнения* текстов в рамках тех или иных жанров. Здесь, с одной стороны, открывается особенно обширное поле деятельности для исследователя-лингвиста, с другой — обширное поле возможностей для классификации (гораздо более, так сказать, лингвистической, чем многие традиционные речежанровые классификации).

Например:

- ◆ *вы не могли бы...?* — вежливая просьба,
- ◆ *я не могу жить без тебя!* — признание,
- ◆ *все будет хорошо* — утешение,
- ◆ *ты как всегда начинаешь... / хочешь... / забыл...* — упрек,
- ◆ *слушай я вот подумал...* — сентенция (?),
- ◆ *посмотрим, до чего ты так дойдешь / дождешься / договоришься* — ворчание,
- ◆ *я ведь тебя предупреждал(а)...!* — (?).

Большое место, вполне логично, здесь будет принадлежать *императивам* (при этом семантическое разнообразие и разнотипность данных формул и стоящих за ними типичных ситуаций очевидны уже из этих небольших предварительных списков): *смотри, представь (себе), подумай (о...), ответь, подожди, ступай, перестань, отстань, заткнись, успокойся, расслабься, согласись, поклянись, одумайся*, при этом показательно большое количество с «не» среди них: *не сердись, не переживай, не расстраивайся, не торопись, не ври, не хами, не перебивай, не спорь, не хвастайся, не спи, не вредничай*.

Одно из наиболее естественных оснований для классификации ключевых фраз речевых жанров — *сферы коммуникации*.

Данное основание классификации вполне очевидно; главная же и тоже очевидная трудность связана с тем противоречием, что большинство найденных нами ключевых фраз, как видим, относятся к разговорной устной сфере, которая хуже всего представлена в корпусах.

При работе же с письменными текстами (и жанрами) сама необходимость поиска ключевых фраз представляется на порядок менее критичной, поскольку гораздо лучше разработана (хотя и такая необходимость есть).

Так, в докторской диссертации С.П. Кушнерука (Кушнерук, 2008), посвященной лингвистическому изучению документного текста, рассчитывается целый ряд коэффициентов — близость их к характеристикам высокоформализованных речевых жанров (официально-деловых, технических и подоб.), которые могут быть выявлены количественными методами, в том числе с помощью корпусов, очевидна, особенно (4) и (7):

1) коэффициенты лексического разнообразия и единичной встречаемости для документных и недокументных текстов (Кушнерук, 2008:119),

2) отношение числа единиц, характеризующих рост словаря документных текстов, к размеру документного текста (Там же, 2008:127—129),

3) коэффициент терминированности текста (Там же, 2008:137),

4) доля разных единиц (словосочетание, предложение, абзац, текст) в качестве документных формул (Там же, 2008:157—158),

5) распределительные параметры терминопотреблений для терминов различной компонентной сложности (Там же, 2008:181),

6) доля существительных в документных текстах (соотносимая с их уровнем предметности), глаголов (соотносимая с их степенью процессуальности), прилагательных (признаковость) (Там же, 2008:187—188),

7) степень синтаксической устойчивости и однородности документных текстов с точки зрения реализуемости в них основных видов предложений (Кушнерук, 2008:196—197),

8) степень унифицированности документных текстов на лексико-фразеологическом уровне (Там же, 2008:207).

В итоге внимание исследователя с неизбежностью сосредоточивается: 1) на художественных, прежде всего драматических текстах, наиболее подробно воспроизводящих разговорную речь, но тем самым — и искусственных, стилизованных (воспроизведение ими разговорности весьма специфично); 2) на текстах *электронной коммуникации*, в отличие от художественных, реальных, а не искусственных, но совершенно очевидно имеющих свою очень существенную специфику (в сравнении с устной, и с письменной неинтернет-коммуникацией) (ср. наше исследование англицизмов — имен жанров интернет-коммуникации [Дементьев, 2016: 7—24]). Следовательно, необходимы поиски и специфических методик — но это скорее плюс, ибо ставит перспективы.

4. Заключение

Как видим, поставленная в начале статьи проблема жанроведения, изначально возникшая из чисто практических потребностей (фактически это были технические параметры поиска, осуществляемого человеком-исследователем при работе с механическим онлайн-корпусом), имеет и важный теоретический аспект, пересекающийся с общей теоретической проблемой природы РЖ, механизмов их обнаружения и порождения (см. приводившиеся ключевые фразы *флирта*), условий бытования в реальной коммуникации, особенно в письменной официально-деловой: там не только идентификация жанра, но и само его существование часто определяются наличием/отсутствием ряда шаблонных фраз (Кушнерук, 2008).

Дальнейшие направления исследований могут быть связаны, с одной стороны, с выявлением конкретных ключевых фраз для конкретных жанров различных типов и их апробированием на материале корпусов. Это направление наиболее очевидно, два его главных практических результата (конечно, в идеале) — систематизация корпусных данных и дополнение данным (важным) пунктом соответствующих описаний жанров в энциклопедиях РЖ (тоже будущих).

С другой стороны, последовательное решение поставленных задач и практического, и теоретического характера предполагает выявление в жанровом и околожанровом пространстве других феноменов, которые имеют онтологическую близость с ключевыми фразами (и корпусами), соответственно работа в обозначенном направлении может помочь пролить некоторый свет на данные феномены — например, вкратце рассмотренные здесь шутки и анекдоты, обыгрывающие неправильную интерпретацию коммуникативной тональности.

© Дементьев В.В., Степанова Н.Б., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алпатов В.М. *История лингвистических учений*. М.: Языки славянской культуры, 2001. 251 с.
- Антология речевых жанров: повседневная коммуникация* / Под ред. К.Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.
- Балакай А.Г. *Словарь русского речевого этикета*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
- Балашова Е.Ю. *Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса*: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2015.
- Баранов А.Н. Корпусная лингвистика // Баранов А.Н. *Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 112—137.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (ред.) *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики* / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «*Проблема речевых жанров*». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. С. 159—206.
- Бобырева Е.В. *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения)*. Волгоград: Перемена, 2007.
- Дементьев В.В. *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
- Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. 440 с. С. 5—20.
- Дементьев В.В. Жанрово-ролевые сценки: обоснование подхода к составлению энциклопедии речевых жанров // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2008. № 6. С. 95—109.
- Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. 600 с.
- Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // *Вопросы языкознания*. 2015. № 6. С. 78—107.
- Дементьев В.В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // *Жанры речи*. 2015. Т. 12. № 2. С. 9—26.
- Дементьев В.В. Некоторые методологические принципы изучения речжанровых заимствований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 1. С. 7—24.

- Дехган Халили Можде. Речевой жанр «просьба» в современной русской коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Колоян Д.Л. Ухаживание как тип коммуникативного поведения: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // *Инструментарий русистики: корпусные подходы*. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7—24.
- Кремшюкалова М.Ч. Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи (на материале благопожеланий и проклятий): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2014.
- Кушнерук С.П. Теория современного документного текста: Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Ларина Т.В., Щелчкова Е.Б. Речевой акт *Приглашение* и проблемы понимания: межкультурный аспект // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2013. Т. 11. №. 2. С. 73—79.
- Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта; Наука, 2001. 240 с.
- Оскольская С.А. Корпус письменных текстов XIX века: сферы употребления и жанровое разнообразие // *Национальный корпус русского языка: 2006—2008*. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 46—51.
- Пешё М. *Контент-анализ и теория дискурса* // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 302—336.
- Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // *Национальный корпус русского языка: 2003—2005*. М.: Индрик, 2005.
- Плунгян В.А., Сичинава Д.В. Национальный корпус русского языка: опыт создания корпусов текстов современного русского языка // Л.Н. Беляева и др. (ред.). *Труды Межд. конференции «Корпусная лингвистика-2004»*. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 216—238.
- Почепцов Г.Г. *Теория коммуникации*. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
- Рахилина Е.В. Корпус как творческий проект // *Национальный корпус русского языка: 2006—2008*. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 7—26.
- Рогачева Н.Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.
- Седов К.Ф. Жанры «праздноречевой» коммуникации: *болтовня, светская беседа, разговор по душам* // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. № 6. С. 85—97.
- Скаличка В. К вопросу о типологии // *Вопросы языкознания*. 1966. № 4. С. 22—30.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102—120.
- Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Шалак В.И. *Современный контент-анализ*. М.: Омега-А, 2004. 272 с.
- Шарифуллин Б.Я. Коммуникативные стратегии и тактики инвективы: семейный скандал // *Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции* (КемГУ). Кемерово: КемГУ, 2002. Т. 2. С. 266—276.
- Шеффер Ж.-М. *Что такое литературный жанр?* М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.

- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. *Русский анекдот: текст и речевой жанр*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов: Колледж, 1997. № 1. С. 88—98.
- Ярославцева Я.А., Дубровская Т.В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // *Политическая лингвистика*. 2015. Т. 53. № 3. С. 182—191.
- Bamford, J., Cavalieri, S., Diani, G. (2013). *Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from corpus linguistics*. John Benjamins Publishing Company.
- Bhatia, Vijay K. (2011). Applied genre analysis: a multi-perspective model, *Ibérica*, 4, 3—19.
- Cheng, W. (2012). *Exploring Corpus Linguistics: Language in Action*. London: Routledge.
- Facchinetti, R. (2007). *Corpus Linguistics 25 Years on*. New York, Amsterdam: Rodopi.
- Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Г. Никипорец-Такигава. М.: Летний сад, 2006. С. 50—76.
- Krippendorff, K. (1980). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Newbury Park, CA: Sage.
- Lüdeling, A., Kytö, M. (2009). *Corpus Linguistics. An International Handbook*. Walter de Gruyter.
- McEnery, T., Hardie, A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge University Press, 2012. 312 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).
- Mustajoki, A. The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* / Г. Никипорец-Такигава. М.: Летний сад, 2006. Р. 50—76.
- O'Keefe, A., McCarthy, M. (2010). *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. London: Routledge.
- Rosenberg, S.D., Schnurr, P.P., & Oxman, T.E. (1990). Content analysis: A comparison of manual and computerized systems. *Journal of Personality Assessment*. 54, (1 & 2), 298—310.
- Rühlemann, C. (2014). *Narrative in English Conversation: A Corpus Analysis of Storytelling*. Cambridge University Press.
- Stenstrom, A.-B. et al. (2002). *Trends in Teenage Talk: Corpus Compilation, Analysis and Findings*. John Benjamins
- Weber, R.P. (1990). *Basic Content Analysis* (2d ed.). Newbury Park: CA.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 мая 2016

Дата принятия к печати: 01 июня 2016

Для цитирования:

Дементьев В.В., Степанова Н.Б. Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 57—76.

Сведения об авторах:

Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. *Сфера научных интересов*: теория дискурса, коммуникативная аксиология, теория речевых жанров. Автор более 106 публикаций, среди которых монографии (6), учебники, научные статьи в российских и зарубежных изданиях. *Контактная информация*: e-mail: dementevvv@yandex.ru.

Степанова (Рогачева) Наталья Борисовна, кандидат филол. наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. *Сфера научных интересов*: теория речевых жанров, интернет-коммуникация, языковая личность. Автор ряда научных статей. *Контактная информация*: e-mail: gaerven@yahoo.com.

CORPUS METHODS IN THE STUDY OF SPEECH GENRES: A PROBLEM OF KEY PHRASES

Vadim V. Dementyev, Natalia B. Stepanova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia

The article discusses the theoretical and practical problems related to the study of speech genres on the basis of the material of databases, and generally using the methods of corpus linguistics. The richness, diversity and undoubted effectiveness of corpus methods for solving various linguistic tasks convince that such methods should be also used in linguistic studies of speech genres. At the same time, there is no developed corpus techniques for solving genre problems in linguistics.

The role that should corpus methods play in general studies of speech genres is not clear. Also, most importantly, the relation between the units that are used / available in corpus databases, and speech genre is not clear. Methods of corpus linguistics exist only in cases where linguistic problems are solved with the use of quantitative and technical capabilities of corpus systems.

In the foreground there is the problem of “key phrases”, or text markers of speech genres, which can be searched in the case. According to the authors, the key phrase of speech genre is its essential characteristic, which is present in speech genre competence of a native speaker and should be included in the relevant speech genre description as an additional parameter. Genre characteristics of this kind, in the future “encyclopedias of speech genres”, may be added to the characteristics set forth as a result of other, more traditional speech genre research. They might look like this: the genre — the presence of the key lexeme — key phrase / key phrases (for the identification of the genre) — the number of accesses to corpus — the key phrase (for the research of the context) — the number of accesses to corpus.

The main requirements for key phrases are formulated: 1) a key phrase must have the main semantics of the genre; 2) in the corpus database system according to this criterion, you can actually search for and find many examples.

An initial classification of the key phrases of speech genres has been proposed, that are opposed to themselves by 1) the nature of speech genres themselves of various types (particularly meaningful is the juxtaposition of standardized and free, direct and indirect genres); 2) the technical capabilities of buildings; 3) specific tasks of a speech genre study (whether to identify the genre of speech in the speech flow, or to carry out one or other quantitative analysis of the text within the already identified speech genres).

Key words: studying speech genres, corpus linguistics, key phrases of speech genres

REFERENCES

- Alpatov, V.M. (2001). *Istoriya lingvisticheskikh uchenii*. [History of Linguistic Studies]. Moscow: Yazyki Slavianskoy Kul'tur (In Russian).
- Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* (2007) [Anthology of Speech Genres]. In K.F. Sedov (ed.). Moscow: Labirint (In Russian).
- Balakai, A.G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa*. (2001). [Russian Speech Courtesy Dictionary]. Moscow: AST-PRESS. (In Russian).

- Balashova, Ye.Yu. (2015). *Rol' teleonomnykh kontseptual'nykh poley v organizatsii religioznogo diskursa* [Role of Teleonomic Conceptual fields in Religious Discourse]. Saratov (In Russian).
- Baranov, A.N. (2003). *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. In A.N. Baranov (ed.). *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics] (pp. 112—173). Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
- Baranov, A.N., Dobrovol'skii, D.O. (2007). *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoi idiomatiki* [Dictionary-Thesaurus of Modern Russian Idioms]. In A.N. Baranova, D.O. Dobrovol'skogo (Eds.). Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+, 2007. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1996). *Problema rechevykh zhanrov* [Problems of Speech Signs] V. 5 (pp. 159—206). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Bamford, J., Cavalieri, S., Diani, G. (2013). *Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from corpus linguistics*. John Benjamins Publishing Company.
- Bhatia, V. K. (2011). Applied genre analysis: a multi-perspective model, *Ibérica*, 4, 3—19.
- Cheng, W. (2012). *Exploring Corpus Linguistics: Language in Action*. London: Routledge.
- Bobyreva, Ye.V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategies in Orthodoxy]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Dement'ev, V.V. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Dement'ev, V.V. (2007). *Aspekty problemy «zhanr i kul'tura»* [Aspect of a Problem “Genre and Culture”]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: ITS «Nauka», 5, 5—20. (In Russian).
- Dement'ev, V.V. (2008). *Zhanrovo-rol'nye stsenki: obosnovaniye podkhoda k sostavleniyu entsiklopedii rechevykh zhanrov* [Genre-role Scenes: approach to compilation of Speech Signs encyclopedia]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse*. Orol: Orlovskiy gos. in-t iskusstv i kul'tury, 6, 95—109. (In Russian).
- Dement'ev V.V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Signs]. Moscow: Znak. (In Russian).
- Dement'ev V.V. (2015). *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi* [Theory of Speech Signs and Actual Processes of Modern Speech]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 6, 78—107. (In Russian).
- Dement'yev, V.V. (2015). *Intertekstual'nyi aspekt rechevykh zhanrov* [Intertextual Aspect of Speech Genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 2(12), 9—26. (In Russian).
- Dement'yev, V.V. (2016). *Nekotorye metodologicheskie printsipy izucheniya rechezhanrovnykh zaimstvovaniy* [Some Methodological Principles of Study on Borrowing Speech Genres]. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 7—24. (In Russian).
- Dekhgan, K. M. (2015). *Rechevoy zhanr «pros'ba» v sovremennoi russkoi kommunikatsii* [Request as Speech Genre in Modern Russian Communication]. Moscow. (In Russian).
- Facchinetti, R. (2007). *Corpus Linguistics 25 Years on*. New York, Amsterdam: Rodopi.
- Fedosyuk, M.Yu. (1997). *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unresolved Questions of Speech Genres Theory]. *Voprosy yazykoznaniya*, 5, 102—120. (In Russian).
- Fenina, V.V. (2005). *Rechevyye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoi i russkoi kul'turakh* [Speech Genre of small talk in Anglo-american and Russian Culture]. Saratov. (In Russian).
- Koloyan, D.L. (2006). *Ukhazhivaniye kak tip kommunikativnogo povedeniya* [Courtship as type of Communication Behaviour]. Volgograd. (In Russian).

- Kopotev, M., Mustayoki, A. (2008). *Sovremennaya korpusnaya rusistika* [Modern Corpus Russian Studies]. *Instrumentariy rusistiki: korpusnyye podkhody*. Khel'sinki: Helsinki University Press, Slavica Helsingiensia. 34, 7—24. (In Russian).
- Kremshokalova, M.Ch. (2014). *Kognitivno-diskursivnaya model' malykh zhanrov ustnoi rechi (na materiale blagopozhelanii i proklyatii* [Cognitive and Discourse Model of Small Oral Speech Genres on the material of Wishes and Damnations]. *Nal'chik*. (In Russian).
- Krippendorff, K. (1980). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Newbury Park, CA: Sage.
- Kushneruk, S.P. (2008). *Teoriya sovremennogo dokumentnogo teksta* [Theory of Modern Document Text]. Volgograd. (In Russian).
- Larina T.V., Shchelchkova Ye.B. (2013). Rechevoy akt *Priglaseniye* i problemy ponimaniya: mezhkul'turnyi aspekt [Speech Act „Invitation” and Problem of Intercultural Aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnye kommunikatsii*. 11 (2), 73—79. (In Russian).
- Lüdeling, A., Kytö, M. (2009). *Corpus Linguistics. An International Handbook*. Walter de Gruyter.
- McEnery, T., Hardie, A. (2012). *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge University Press.
- Melikyan, V.Yu. (2001). *Slovar': Emotsional'no-ekspressivnyye oboroty zhivoi rechi* [Dictionary of Emotionally-expressive Speech Turns]. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian).
- Mustajoki, A. (2006). The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian. *Integrum: exact methods and humanities*. In G. Nikiporets-Takigava (ed.). Moscow: Letniy Sad, 50—76.
- O'Keeffe, A., McCarthy, M. (2010). *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. London: Routledge.
- Oskol'skaya, S.A. (2009). Korpus pis'mennykh tekstov XIX veka: sfery upotrebleniya i zhanrovoye raznoobrazie [Corpus of Written Texts of XIX century: performance field and genres diversity]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006-2008. Novyye rezultaty i perspektivy*. SPb.: Nestor-Istoriya, 46—51. (In Russian).
- Pesho, M. (1999). Kontent-analiz i teoriya diskursa [Content Analysis and Discourse Theory]. *Kvadratura smysla*. Moscow: Progress, 302—336. (In Russian).
- Plungyan, V.A. (2005). Zachem nuzhen Natsional'nyi korpus russkogo yazyka? Neformal'noye vvedenie [Why do we need National Russian Language Corpus? Informal Introduction]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003—2005*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Plungyan V.A., Sichinava D.V. (2004). Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: opyt sozdaniya korpusov tekstov sovremennogo russkogo yazyka [National Russian Language Corpus: Experience of Corpus Text Creation in Modern Russian]. In L.N. Belyayeva (ed.). *Korpusnaya lingvistika-2004* [Corpus Linguistics]. SPb: SPbGU, 216—238. (In Russian).
- Pochepstov G. G. (2001). *Teoriya kommunikatsii* [Theory of Communication]. Moscow: Refl-buk. (In Russian).
- Rakhilina, Ye.V. (2009). Korpus kak tvorcheskiy proyekt [Corpus as Creative Project]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006-2008. Novyye rezultaty i perspektivy*. SPb.: Nestor-Istoriya, 7—26. (In Russian).
- Rogachova, N.B. (2011). *Struktura i funkcionirovaniye vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Structure and Functioning of Secondary Speech Genres in English and Russian Internet Communication]. Saratov. In Russian.

- Rosenberg, S.D., Schnurr, P.P., & Oxman, T.E. (1990). Content analysis: A comparison of manual and computerized systems. *Journal of Personality Assessment*. 54, (1 & 2), 298—310.
- Rühlemann, C. (2014). *Narrative in English Conversation: A Corpus Analysis of Storytelling*. Cambridge University Press.
- Sedov, K.F. (2006). Zhanry «prazdnorechevoy» kommunikatsii: boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham [Genre of Everyday Communication: idle talk, small talk, intimate conversation]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 6, 85—97. (In Russian).
- Shalak, V.I. (2004). *Sovremennyy kontent-analiz* [Modern Content Analysis]. Moscow: Omega-A. (In Russian).
- Sharifullin, B.Ya. (2002). Kommunikativnye strategii i taktiki invektivy: semeinyi skandal [Communicative Strategies and Invektive tactics: family scandal]. *Yazykovaya situatsiya v Rossii nachala XXI veka*. Kemerovo: KemGU. V. 2, 266—276. (In Russian).
- Sheffer, Zh.-M. (2010). Chto takoye literaturnyi zhanr? [What is Literature Genre?]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
- Shmeleva, Ye.Ya., Shmelev, A.D. (2002). Russkiy anekdot: tekst i rechevoy zhanr [Russian Anecdote: text and speech genre]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
- Shmeleva, T.V. Model' rechevogo zhanra [Speech Genre Model]. *Zhanry rechi*. Saratov: Kolledzh, 1, 88—98. (In Russian).
- Skalička, V. (1966). K voprosu o tipologii [To the Problem of Typology]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4, 22—30. (In Russian).
- Stenstrom, A.-B. et al. (2002). *Trends in Teenage Talk: Corpus Compilation, Analysis and Findings*. John Benjamins
- Weber, R.P. (1990). *Basic Content Analysis* (2d ed.). Newbury Park: CA.
- Yaroslavtseva Ya.A., Dubrovskaya T.V. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenii v zhanrakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i USA) [Construction of International Relationship in Political Discourse Genres]. *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics]. 53 (3), 182—191.

Article history:

Received: 15 May 2016

Revised: 25 May 2016

Accepted: 1 June 2016

Благодарности и финансирование:

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

Acknowledgements:

The article is published with financial support from Ministry of Education and Science of the Russian Federation within base part of state order in research field according to the Order N. 2014/203, project code 1549.

For citation:

Demytyev, V., Stepanova, N. (2016). Corpus Methods in the Study of Speech Genres: A Problem of Key Phrases. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 57—76.

Bio Note:

Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics of Chernyshevsky Saratov State University, member of the editorial board of Russian journal of linguistics — *Vestnik RUDN* (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow). *Research interests*: the theory of discourse, communicative axiology, theory of speech genres. *Contact information*: e-mail: dementevvv@yandex.ru.

Stepanova (Rogachova) Natalya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics of Chernyshevsky Saratov State University. *Research interests*: the theory of speech genres, online communication, language personality. *Contact information*: e-mail: gaerven@yahoo.com.

**LINGUISTIC REPRESENTATION
OF THE CATEGORY OF OPPOSITENESS
IN ENGLISH FOLK TALES**

Nataliya Solovyeva

Moscow Region State University
Perevedenovsky Side-Street, 5/7, 105082, Moscow, Russia

The purpose of the article is to study manifestations of the category of oppositeness at all language levels in order to establish a classification of textual oppositions found in folktales. Achieving this goal requires using integrated multi-disciplinary research methods such as hypothetical-deductive, inductive, descriptive, comparative and classification methods. The study also involves specifically linguistic research procedures: the method of phonological oppositions which served as the methodological basis for further research into morphological and grammatical oppositions, transformational and component analyses to describe the semantic content of the considered language units, the logical and semantic procedures in text analysis. English is used as the basis for the research, the theoretical principles are illustrated by the data included in The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms, The Merriam-Webster Dictionary of Synonyms and Antonyms, and The Collins Dictionary of Synonyms and Antonyms, the collection of folktales edited by J. Jacobs serves as the material for the empirical analysis. The category of oppositeness is seen as a phenomenon represented by phonological, semantic and grammatical oppositions and their subclasses. The textual oppositions under consideration are based on semantic and grammatical oppositions and represent the opposed spatial images, the opposed characters and the opposed beginning and ending of a folktale. The phenomenon of neutralization, which is the removal of the opposition in certain positions, is found at all levels of the language system, manifesting itself on the textual level in the ambivalent nature and the contradictory functional roles of certain folktale characters.

Key words: bipolarity, phonological oppositions, antonyms, grammatical oppositions, textual oppositions, neutralization

1. INTRODUCTION

Cognitive and evaluative activities directly related to the human categorization serve to structure the reality into discrete entities and groups of entities, inevitably leading to the discovery of the opposite sides. The existence of opposing sides is reflected in binary oppositions that define the categories of the human mind.

Bipolarity as a minimal structure of the semantic organization is found at all levels of thinking. According to the French social anthropologist C. Levi-Strauss, binary structures are manifested both in the conscious mental activity of a person and on the unconscious level, that is, they act as a fundamental element, on the basis of which the individual psyche is formed (Levi-Strauss, 1983).

Opposite sides of things and events are recorded by means of the language on the phonological, morphological, semantic and syntagmatic levels. This study attempts to analyze the accumulated knowledge about the effects of opposition in language and speech in order to demonstrate that the category in question is a linguistic phenomenon, represented at all levels of the language, as well as the phenomenon of neutralization,

i.e. absence of discrimination between elements which enter into a relationship of opposition. The undertaken analysis of English folktale texts helps us to prove that semantic and grammatical oppositions serve as the basis for creating textual oppositions manifested in the contrasted spatial images, the characters and the plot.

2. DEFINING OPPOSITION

In addition to bipolarity as a universal principle of categorization, some researchers distinguish unipolar semantic constructs that are not characterized by the presence of the opposition. A person can perceive the meaning content as the only one existing, not opposed to anything (Stefanenko, 1999).

The work of the British anthropologist and sociologist W. Turner “Symbol and Ritual” (1972) notes the role of three-term universals in which a dichotomous opposition is seen as a particular case of a broader three-term construct (ternary oppositions in primitive thinking can be illustrated with the help of colors: the white colour was associated with the good, the black colour was associated with the evil, and the red color was considered ambivalent and could mean both the good and the evil).

Western science is largely logocentric, i. e. there is a tendency to point out the central element (of any text, philosophical analysis, etc.) and the peripheral elements which are formed around and depend on the centre. The French philosopher Jacques Derrida (Derrida, 1997) expresses disagreement with the parameters of organizing units in binary oppositions following the logocentric approach. According to this author, logocentric oppositions are unstable, ambiguous and have to be deconstructed. Deconstruction (a form of philosophical and literary analysis that questions the fundamental conceptual distinctions, or “oppositions”, through a close examination of the language and logic of philosophical and literary texts) involves creating hierarchical relationships which are reverse to the traditional ones: the central concept is treated as a variant or a subordinate to the peripheral (e.g. the literal meaning is a particular case of the figurative meaning).

On the one hand, the theory of deconstruction seems attractive since it allows scientists to expand the scope of classical structuralism and synthesize it with other scientific approaches. On the other hand, it does not provide a set of rules for research due to its lack of clear methodology.

3. LINGUISTIC OPPOSITIONS

The linguistic opposition can be defined as the linguistically significant difference between units on the level of expression corresponding to the difference between units on the level of content, and vice versa. In the given definition the concept of opposition is used to express the oppositional relations between different linguistic units (different invariants) and the non-oppositional relations between phonetically or semantically different variants of one and the same linguistic unit.

According to the Concise Oxford Dictionary of Linguistics, an opposition is “any paradigmatic relation between units that are distinct in a given language” (The Concise Oxford Dictionary of Linguistics, 2007:258).

In some cases, the term “opposition” is used interchangeably with the term “binary opposition”. It implies that opposed features come naturally in pairs. A linguistic opposi-

tion is a type of relations typical of semiotic systems and within which a sign becomes meaningful owing to its relations with other signs. Thus, the word (as a linguistic sign) “friend” realizes its meaning through its relation to the word “enemy”.

The Russian linguist O.S. Akhmanova treats opposition as equal to contrast, i.e. a figure of speech which consists in using antonymous phonetic, lexical, phraseological and grammatical units in order to express the author’s contrasting perception of reality (Akhmanova, 2015). This point of view is found disputable by R. Jakobson who states that the term “contrast” cannot be equated with the term “opposition” because the first is appropriate for “juxtaposition and comparison of the two perceptually related concurrent or successive elements”, while the second emphasizes the “situation of the binary choice” (Jakobson, 2002:442). The essential difference consists in the relations of presence / absence: the presence of one contrasting element does not imply the presence of the other while the members of the opposition necessarily imply one another.

3.1. Phonological oppositions

Oppositions were first classified by N.S. Trubetzkoy, the author of the theory of phonological oppositions, on the basis of the relation of the opposition to the entire system of oppositions, the relation between the members of the opposition and also in terms of the distinctive force intensity within the opposition (Trubetzkoy, 1969).

As regards the relation of the opposition to the entire system of oppositions there are two subdivisions: the first subdivision includes one-dimensional (bilateral) and multi-dimensional (multilateral) oppositions, the second subdivision concerns isolated and proportional oppositions.

In terms of dimension, the opposition is recognized as one-dimensional if the set of attributes common to both of its members (the basis for comparison), is not inherent to any other member of the greater system. For example, the phonemes [t]: [d] are the only hard dental explosive consonants in the phonological inventory of the English language.

The opposition is recognized as multi-dimensional if the basis for comparison of the two members of the opposition also applies to other members of the same system. For example, the concurrent combination of such features as sonority and explosiveness is inherent not only to the opposed pair of phonemes [b]: [d], but also to the phoneme [g].

In terms of incidence, the opposition is considered isolated if its members are in a relationship which is not found in any other opposition ([t]: [s]). If the relationship between the members of the opposition is identical to that between the members of another opposition ([t]: [d] = [p]: [b] = [k]: [g]), it is assumed to be proportional.

According to the types of relations between the members, there are privative, gradual and equipollent oppositions. One member of the privative opposition is characterized by the presence of a distinctive feature thus considered “marked” while the other member is characterized by the absence of the distinctive feature thus considered “unmarked”, e. g. voiced consonant phonemes opposed to voiceless consonant phonemes ([p]: [b], [t]: [d]). The members of gradual oppositions manifest varying degrees of the same distinctive feature, e. g. varying degree of openness of the phonemes [a]: [o]: [u]. The members of equipollent oppositions are logically equivalent, e.g. [p]: [t], [f]: [k].

In terms of the distinctive force intensity, oppositions are divided into stable and neutralized. The members of stable oppositions are different in every possible position, the distinctive feature is not restricted to particular cases. For example, the nasal oppositions [p] : [m], [t] : [n] are valid in any position. If the opposition is neutralized, it means that the distinctive feature is no longer actual and does not serve the purpose of differentiation between the members of the opposition, e.g. in Russian the distinctive feature of sonority loses its power when the typically opposed phonemes occur at the end of words.

Within the framework of N.S. Trubetzkoy's studies, neutralization is understood as a loss by a certain linguistic sign of its distinctive features in one position, whereas in other positions distinctive features are preserved. Members of the opposition can be neutralized if they possess not only the distinctive feature but also identical features which serve as the basis for comparison.

3.2. Semantic oppositions

Applying the theory of phonological oppositions to the analysis of morphemes and lexemes, the French linguist Jean Cantineau concluded that it is possible to determine the relationship between meaningful language units on the basis of their similarity and differences as well as the functions of units as opposed to one another.

The semantic (significative) opposition is understood by J. Cantineau (Cantineau, 1960) as the opposition of two linguistic signs which are distinguished by the signified and realized by any formal elements possessing either grammatical or lexical meanings (combinative and facultative morphemes, lexemes).

Various classifications of lexemes with opposed meanings are based on their semantic and structural properties (Apresyan, 1974; Komissarov, 1957; L'vov, 1984; Novikov, 1973). According to J. Saeed, there are a few types of relations involving words which are at the same time related in meaning yet incompatible or contrasted. Here belong complementaries, gradable antonyms, reverses, converses and taxonomic sisters (Saeed, 2003).

The relation of complementarity is a relation between words such that the negative of one implies the positive of the other, e.g. *dead/alive*. In addition to the mutual exclusivity, the idea of exhaustiveness has to be included among the vital attributes of this type of relation. Two mutually exclusive terms which might nevertheless not cover between them the whole of the relevant semantic field are not seen as opposites. For example, the complementaries *animate/inanimate* are seen as "dividing the range of possibilities of concrete items in the world into two, there being nothing known which is either half way between *animate* and *inanimate* nor anything that exists outside this particular division" (Jeffries, 2010:19).

Gradable antonymy is a relationship between opposites where the positive of one term does not imply the negative of the other, e.g. *good/bad*, *beautiful/ugly*, etc. This relation is typically associated with adjectives and has three identifying characteristics: the presence of intermediate terms between the gradable antonyms (e.g. *hot — warm — tepid — cool — cold*), the relative character of gradable antonyms (e.g. *a thick pencil* is likely to be thinner than *a thin girl*), the more basic and common character of one of the terms (e.g. it is more natural to ask of something "*How long is it?*" than "*How short is it?*"), although for some pairs there is no such pattern.

Reverse relations occur in pairs of opposite units, where one unit describes movement in one direction, and the other describes the same movement in the opposite direction (e.g. *push* — *pull*). By extension, the term is also applied to any process which can be reversed (e.g. *inflate* — *deflate*, *expand* — *contract*, *fill* — *empty*, etc.).

Converses describe a relation between two entities from alternate viewpoints, as in the pairs *own* — *belong to*, *above* — *below*, *employer* — *employee*, etc. These relations are part of a speaker's semantic knowledge and explain why such sentences as *My office is above the library.* and *The library is below my office.* are paraphrases and can be used to describe the same situation.

The idea that words are related to each other through a frame in which they participate (Fillmore, 1982) is in sharp contrast to the structuralist approach in which semantic oppositeness is regarded as a type of lexical relationships based on the opposition between two lexical items (Lyons, 1977; Palmer, 1980, etc.).

Two words are regarded as opposite when their conceptual contents are placed in a certain conceptual opposition within the frame in which they co-participate. There exist two types of conceptual opposition: directional opposition and polar opposition. The directional opposition can be found in spatial frames serving as the backgrounds for the opposed units (e.g. *north* — *south*, *top* — *bottom*, etc.), temporal frames (e.g. *tomorrow* — *yesterday*), state frames (e.g. *harden* — *soften*), activity frames (e.g. *buy* — *sell*), relational frames (e.g. *husband* — *wife*). The polar opposition implies the contrast between the positive and the negative, being rendered by the evaluative subtype (e.g. *good* — *bad*) and the logical subtype (e.g. *true* — *false*). Polar oppositions may be bilateral in that each of the two items possesses its own properties that the other tends to lack (e.g. *man* — *woman*).

The frame semantic account of oppositeness is more flexible than the structuralist analysis as it takes into account the possibility of the double motivation in a conceptual opposition (e.g. *honest* — *dishonest* is positive/negative in terms of evaluation and directionally opposed in terms of increase). An item may have a different opposite depending on the frames involved (e.g. *good morning* — *good night* in a family life frame and *good morning* — *good bye* in a business life frame). An item may also have two different opposites within a frame due to two different conceptual oppositions (e.g. *be born* — *die* on the basis of direction change and *live* — *die* on the basis of state distinction) (Justeson, Katz, 1992:176—184).

Semantic neutralization can be studied on the basis of the research into the semantic opposition types and the contexts in which these oppositions are either valid or non-valid. For example, the converses *hide* and *hide oneself/disappear* are opposed in the following contexts: “The clouds *hid* the sun” and “The sun *hid itself/disappeared* behind the clouds”. However, if both the hidden and the hiding objects are stationary and they are regarded by an observer on the move, the opposition is neutralized: “The trees *hid* the house” and “The house *disappeared* behind the trees” (Apresjan, 1974:160—161).

Semantic neutralization is also manifested in the system of hyperonyms. Thus, the seme denoting the gender becomes neutralized in the semantic structure of the hyperonym *horse*, while the hyponyms *stallion* and *mare* possess the opposed male and female gender semes.

3.3. Grammatical oppositions

The study of phonological oppositions, as well as the observations regarding the inequality of the members of a grammatical category, served as the basis for the study of grammatical oppositions. A grammatical category combines two or more grammatical forms which are opposed to or correlated with one another for the grammatical meaning. According to R. Jakobson, the opposition is seen as a form in which a grammatical category is represented. The relationship between the members of the grammatical opposition is based on the principle of being marked/unmarked: one member of the opposition expresses some positive feature and is marked, while the other member of the opposition is unmarked because it leaves the feature unexpressed (it is included in the meaning and negated) (Jakobson, 2002).

Typology of grammatical oppositions is discussed in detail by N. Boeva (Boeva, 2001). Grammatical oppositions include oppositions of antonymous derivational morphemes in the structure of notional antonyms (contrariety oppositions), oppositions of functional words, oppositions of word-forms and oppositions of words of different parts of speech.

Contrariety oppositions are exhibited by the opposed negative affix and the correlated zero affix in the structure of notional words. Depending on the shades of meaning of negative affixes, there can be a few types of oppositions.

Contra-essence oppositions imply the exclusion of a phenomenon from the class of phenomena alike and are expressed with the help of the prefixes *non-* and *un-* opposed to the zero affix (e.g. *fiction — non-fiction, political — unpolitical*).

The members of contra-omission oppositions differ from each other for the presence or absence of a feature expressed by the word base (e.g. *respect — disrespect, justice — injustice, kind — kindless*).

Contra-direction oppositions are represented by pairs of antonyms one of which has the negative prefixes expressing anti-orientation (e.g. *antimilitarism*), anti-direction (e.g. *contrarotation*), counteraction (e.g. *counterblow*), anti-result (e.g. *decode*), negative evaluation (e.g. *disapprove*). The other antonym in the pair exhibits the semes of orientation (e.g. *militarism*), direction (e.g. *rotation*), action (e.g. *blow*), result (e.g. *code*), positive evaluation (e.g. *approve*).

Contra-distinctive morphemic oppositions are based on the correlation of the opposed derivational morphemes. Contra-distinctive oppositions can express polar qualities (e.g. *explicit — implicit*), result (e.g. *encrown — discrown*), evaluation (e.g. *disvalue — overvalue*), position (e.g. *exterior — interior*), etc.

Antonymous functional words have been studied on the basis of texts as their semantic function is realized in combination with notional words. Prepositional oppositions include spatial ones (e.g. *down — up, above — under*), temporal ones (e.g. *after — before, from — till*), and abstract ones (e.g. *with — without*). Conjunctive oppositions express the relations of precedence/consequence (e.g. *till — since, before — since*), inclusion/exclusion (e.g. *both ... and — neither ... nor*), positive / negative condition (e.g. *if — unless*), positive/negative aim (e.g. *in order that — lest, so that — for fear*), logical consequence/contradiction (e.g. *and — but, so — yet*), cause/concession (e.g. *because — although, since — though*).

Word-forms become antonymous in the framework of categorical oppositions on the basis of their inherent common and differential semes. Oppositions between different parts of speech are possible due to their categorical features, e.g. a noun can be opposed to a verb because they both denominate states and qualities (e.g. *tenseness* — *relaxed*).

The syntagmatic aspect of morphology studies the use of grammatical forms representing different categories in context. One form of a grammatical opposition may perform the function of the other: the form of the present simple tense can express future actions or actions in the past. The loss of differential features by members of categorical oppositions is known as the oppositional reduction or neutralization. There is also an opposite phenomenon when these different features become more distinct in speech than they are in the system of the language. In this case, both members of an opposition are used in one and the same sentence realizing the principle of contrast, i.e. grammatical contrast. They can also be treated as grammatical antonyms which are subdivided into a few types.

Oppositions of primary time (past simple — present simple) express the contrast of the situation in the past to the present situation: He said, “My name *is* John” instead of “My name *was* John”.

Oppositions of secondary time (future — non-future) which express the contrast of the hypothetical situation in the future to the real present or past situation: You *will be* happy. — I *am* happy.

Oppositions of active and passive voice which express the contrast of different directions of the action expressed by the same verb, i.e. from the subject or on the subject: *Destroy* or *be destroyed*.

Oppositions of direct and subjunctive moods which express either the contrast of imaginary and real actions or the contrast of a supposition and a real action: So he *climbed* the steps. — *Had* he *climbed* the steps ...he would have slipped closer to the steps (Boeva, 2001).

4. TEXTUAL OPPOSITIONS

In the present study semantic and grammatical oppositions serve as the basis for the suggested typology of textual oppositions. English folktale texts have been chosen as the research material. The analysis of the texts represented in the collection of English Fairy Tales edited by J. Jacobs allowed us to single out three main types of oppositions.

The first type of oppositions concerns the contrast between the spatial images of the real and the magic worlds. The oppositions can be “vertical” (the oppositions between the earth and the sky or the earth and the underworld) or “horizontal” (the oppositions of the “friend-or-foe” type). A vertical opposition is found in the folktale “Jack and the Beanstalk” by contrasting the earth and the sky as the places where the action is set, while the beanstalk acts as a border line or a mediator connecting the members of the opposition: “...the beans his mother had thrown out ...into *the garden*, had sprung up into a big beanstalk which went up and up and up till it reached *the sky*” (Jacobs, 2015: 62).

A horizontal opposition is realized by the spatial images of water bodies, mountains, forests as places inhabited by evil spirits and foes which are contrasted with the image of home as a friendly and familiar place.

In this way, Burd Ellen, a character of the folktale “Childe Rowland”, disappears from home after she sets out in search of a ball:

“Burd Ellen round about the aisle,
To seek the ball is gone,
But long they waited, and longer still,
And she came not back again.
They *sought* her *east*, they *sought* her *west*,
They *sought* her *up* and *down*,
And woe were the hearts of those brethren,
For she *was not to be found*” [Ibidem, 2015:117—118).

Burd Ellen’s brothers visit Warlock Merlin in his cave and head for Elfland in search of their sister and perish one by one except for the youngest Childe Rowland, who defeats the King of Elfland, disenchanting his sister and bringing his brothers back to life. The Dark Tower of the King of Elfland, the place of Burd Ellen’s captivity, is contrasted with the image of home: “...and they all four passed out of the hall, through the long passage, and turned their back on the Dark Tower, never to return again. So they reached home, and the good queen their mother” (Ibidem, 2015:124).

The second type of oppositions in folktales is represented by the characters contrasted on the basis of their individual, family, social, spatial and functional features. The individual status of a character is represented by the oppositions of natural/supernatural, male/female, kind/evil, live/dead, strong/weak, old/young, wise/stupid, beautiful/ugly, etc. The family status is shown by means of the oppositions of blood relationship / not blood relationship, a spouse / not a spouse, elder/younger. The social status is demonstrated by opposing a master / s servant, rich/poor, noble/commoner. The spatial features help to localize the character as staying at home / travelling on a mission, in a friendly environment / in a hostile environment, isolated / not isolated. The functions of a character are defined by the oppositions of action/inaction, physical activity / mental activity, destruction / reconstruction.

Each character of a folktale possesses a number of features and can be opposed on the basis of different parameters. Thus, the stepdaughter in the folktale “The Rose-Tree” is opposed to the stepmother on the basis of individual features (kind/evil; beautiful/ugly), family relations (blood relationship / not blood relationship), spatial features (a loving and friendly environment created by her deceased mother and good father / a hostile and unfriendly environment created by the wicked stepmother) and functional features (the wicked stepmother kills the stepdaughter — destruction / the resurrected stepdaughter avenges herself — reconstruction).

The contrast between the characters is intensified by the description of the girl’s beauty as the main reason for her stepmother’s hatred: “Her hair was like golden silk, and it hung to the ground. Her brother *loved* her dearly, but her wicked stepmother *hated* her... Then the stepmother hated her more for the beauty of her hair” [Jacobs, 2015:15—16). The stepdaughter’s soul turns into a white bird which perches itself on a rose-tree and sings a beautiful song. The polar attitude of the girl’s family members towards her is expressed by antonyms:

“My *wicked* mother slew me,
My *dear* father ate me,

My little brother whom I love
Sits *below*, and I sing *above*
Stick, stock, stone dead” (Ibidem, 2015:17).

The bird presents the brother with a pair of red shoes, the father gets a gold watch and a chain, and the wicked stepmother steps outside hoping for a present and the bird drops a millstone on her head.

It is necessary to note that one and the same character may perform different functional roles either doing good or doing harm to the other characters which proves its ambivalent nature and shows the contradiction within the character. The ogre’s wife in “Jack and the Beanstalk” helps Jack to escape her husband on two occasions by persuading the ogre that he smelt the little boy she had cooked earlier: “How forgetful I am, and how careless you are not to know the difference between *live* and *dead* after all these years” (Ibidem, 2015:66). Later on, she helps her husband to find Jack by showing him the hideaway. Such ambivalent characters can be included in three-term oppositional constructs because they occupy the neutral position of either an assistant or a saboteur while the protagonist and the antagonist are wide asunder as pole and pole.

The contrast can be expressed by opposing the character’s external features. Cap o’Rushes gets her name after the pile of rushes she collects in a fen and uses to cover her fine clothes. She washes the pots, scrapes the saucepans and does all the dirty housework in the house where she serves. When nobody sees her, she gets changed, goes to a ball and wins the heart of her masters’ son who is impressed by her beauty and good nature: “And she offed with her *cap o’rushes*, and there she was in her *beautiful clothes*” (Jacobs, 2015:55). She puts on the cape o’rushes and hides “her fine clothes” which make her “the beautifullest lady you ever see” (Ibidem, 2015: 52—53).

The third type of oppositions is represented by contrasting the beginning and the ending of a folktale. The plot of a folktale develops starting with an unfortunate situation and leading to a happy end. The father turns Cap o’Rushes from house and home because of her answer: “*How much do you love me, my dear?*” — “*Why, I love you as fresh meat loves salt,*” says she. ... “*You don’t love me at all,*” says he, “and in my house you stay no more” (Ibidem, 2015: 52). At the end of the tale the father is invited to his daughter’s wedding where all the served dishes are tasteless, he realizes his mistake and bursts out crying: “I had a daughter. And I asked her *how much she loved me*. And she said “As much as fresh meat loves salt.” And I turned her from my door, for I thought *she didn’t love me*. And now I see *she loved me best of all*” (Ibidem, 2015:56). The opposed affirmative and negative forms *love / don’t love* and *didn’t love / loved* are intensified by the additional contextual opposition of *not at all / best of all*. Cap o’Rushes unmasks herself, becomes reconciled with her father and they are all happy ever after. Thus, the unfortunate beginning is contrasted with the happy ending.

Examples of quite the contrary can be mentioned too. For instance, the folktale “Binnorie” starts with a happy occasion of matchmaking: “Once upon a time there were two king’s daughters... near the bonny milldams of Binnorie. And Sir William came wooing *the eldest* and *won her love*, and plighted troth with glove and with ring” (Ibidem,

2015:44). But some time later the happy occasion turns into a family tragedy: “he looked upon *the youngest*, with her cherry cheeks and golden hair, and his *love went out to her* till he *cared no longer for the eldest one*” (Ibidem, 2015:44). The deserted elder sister drowns the younger one in the millstream of Binnorie and comes back to the castle to marry Sir William. The remains of the young princess are found by a harper and turned into a beautiful new harp. Once he arrives at the castle and the whole court gets together to listen to him, the truth comes to light: “And *first* the harper sang to his *old harp*, making them *joy and be glad*, or *sorrow and weep* just as he liked. But while he sang he put *the harp he had made that day* on a stone in the hall. And *presently* it began to sing by itself, low and clear...And this was what the harp sung:

“O yonder sits my father, the king,
Binnorie, O Binnorie;
And yonder sits my mother, the queen...
And yonder stands my brother Hugh...
And by him, my William, *false and true*...
And here sits my sister who drowned me...” (Jacobs, 2015:46—47).

The contrast is created not only by means of both the stable and the occasional semantic oppositions of *first / presently*, *old harp / the harp made that day*, *joy / sorrow*, *be glad / weep*, *false / true*, but also by means of the opposition of the individual features of the character (a living princess / an anthropomorphous object). The song begins “*low and clear*” and finishes “*loud and clear*” as the harp “snapped and broke, and never sang more” (Ibidem, 2015:47). In this way, the happy beginning is contrasted with the unfortunate ending.

5. CONCLUSION

Units of each tier of the language system are interconnected, and this interconnection is largely due to their identity or non-identity. The undertaken analysis proves the crucial role of the text in the manifestation of the essential features and meanings of semantic and grammatical opposites. Various types of oppositeness can be arranged in a hierarchical structure with the semantic and grammatical oppositions as the basis for three types of textual oppositions: the oppositions between the spatial images inherent to the real and the magic worlds, the oppositions between the characters depending on their individual, family, social, spatial and functional features, and the oppositions within the characters (the contrasted genuine and fake appearance or the contrasted appearance and moral virtues) and the oppositions between the beginning and the ending of a folktale. The phenomenon of the opposition should be seen in close connection with the phenomenon of neutralization which leads to the loss of differential features by the opposite members and can be found not only on the phonological and semantic levels, but also on the textual level in the form of tricksters — ambivalent characters performing contrary functions depending on the particular situation.

REFERENCES

- Akhmanova, O.S. (2015, October 4). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Retrieved from: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova> (In Russian).
- Apresyan, Yu.D. (1974). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous means of the language]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Boeva, N.B. (2013). *Grammaticheskaya antonimiya v sovremennom angliiskom yazyke* [Grammatical antonymy in modern English]. Moscow: MPGU.
- English Fairy Tales* collected by J. Jacobs. (2015). Moscow: KnigapoTrebovaniyu.
- Jakobson, R. Selected writings. *I: Phonological studies*. (3rd ed.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Jeffries, L. (2010). *Opposition in Discourse: The Construction of Oppositional Meaning*. London: Continuum International Publishing.
- Justeson, J.S., Katz S.M. (1992). Redefining antonymy: The textual structure of a semantic relation. *Literary and Linguistic Computing*, 7, 176—184.
- Levi-Strauss, C. (1983). *The Raw and the Cooked. Mithologiques. Vol. 1*. Chicago: University of Chicago Press.
- Saeed, J.I. (2003). *Semantics*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Stefanenko, T.G. (1999). *Ehtnopsikhologiya* [Ethno psychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, «Akademicheskii Proekt». (In Russian).
- The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. (2007), 2nd (ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Trubetzkoy, N.S. (1969). *Principles of phonology*. Berkeley: University of California Press.

Article history:

Received: 16 December 2015

Revised: 31 March 2016

Accepted: 18 May 2016

For citation:

Solovyeva, N. (2016). Linguistic Representation of the Category of Oppositeness in English Folk Tales. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 77—88.

Bio Note

Nataliya Solovyeva, Ph.D in Philology, associated professor at English Philology Department, Moscow Region State University. Research interests: general and comparative linguistics, language oppositeness, text analysis. *Contact information*: e-mail: natavs@list.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОППОЗИТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Н.В. Соловьева

Moscow Region State University

105082, Россия, г. Москва, Переведеновский пер., д. 5/7

Цель исследования состоит в изучении проявлений категории оппозитивности на всех уровнях языка и создании типологии текстовых оппозиций на материале текстов народных сказок. Достижение этой цели предполагает использование комплексных междисциплинарных методов исследо-

вания, таких как гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, сравнительный и классификационный методы. Исследование осуществлялось с применением собственно лингвистических методов, таких как метод фонологических оппозиций, который послужил методологической основой для проведения дальнейших исследований в области морфологических и грамматических оппозиций, и методы логико-семантического анализа, трансформационного анализа и компонентного анализа для описания семантического содержания рассматриваемых языковых единиц. Английский язык был взят за основу исследования, теоретические положения иллюстрируются материалами специальных словарей синонимов и антонимов английского языка *The Oxford Dictionary Of Synonyms and Antonyms*, *The Merriam-Webster Dictionary of Synonyms and Antonyms* и *The Collins Dictionary of Synonyms and Antonyms*, собрание английских народных сказок в редакции Дж. Джейкобса использовано для изучения текстовых оппозиций и создания их классификации. Категория оппозитивности представлена фонологическими, семантическими и грамматическими оппозициями и их подклассами. Текстовые оппозиции, существование которых обусловлено семантическими и грамматическими оппозициями, реализуются в противопоставлении открытых и закрытых пространственных образов, противопоставлении персонажей сказки друг другу и противопоставлении зачина и концовки сказочного текста. Нейтрализация выполняет системообразующую функцию, объединяя языковые единицы, их корреляции и оппозиции в целостную систему и проявляясь на уровне текста в противоречивой природе и противоположных функциях, выполняемых одним и тем же персонажем.

Ключевые слова: биполярность, фонологические оппозиции, антонимы, грамматические оппозиции, текстовые оппозиции, нейтрализация

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 декабря 2015

Дата принятия к печати: 18 мая 2016

Для цитирования:

Соловьева Н.В. Языковая репрезентация категории оппозитивности в текстах английских народных сказок // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 77—88.

Сведения об авторе:

Соловьева Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета. *Сфера научных интересов:* общее и сравнительно-историческое языкознание, языковые оппозиции, анализ текста. *Контактная информация:* e-mail: natavs@list.ru. Автор ряда научных публикаций.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КЛАССИФИКАЦИИ РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР

Г.Г. Хазагеров

Южный федеральный университет

344005, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105

В статье речь идет о классификации риторических фигур. Классификации рассматриваются в аспекте их целей. Автор считает, что классическая риторика не ставила перед собой цели дать систематическое описание фигур. Античные списки терминов были простыми каталогами вроде современных коммерческих каталогов. Но в аспекте культивирования коммуникативного пространства такой подход был релевантным. Опыт классической риторики мог бы быть использован сегодня, потому что логически строгие классификации фигур утратили свою социальную роль к концу двадцатого века. Адекватный подход к классификации зависит от целей говорящего. Первая группа таких целей связана с достижением эффекта *здесь и сейчас*. Мы называем это ближней прагматикой. Вторая — с репутацией или имиджем говорящего. Это продолженная прагматика. Третья — с задачей культивирования коммуникативного пространства. Это дальняя прагматика. Таким образом, мы получаем три стратегии классификации риторических фигур, которые могли бы иметь не только академическое, но и социальное значение. В связи с ближней прагматикой главная цель классификации — учебная. Классификация должна быть простой и запоминающейся. Что касается продолженной прагматики, мы должны связать фигуры с интенциями, ориентированными на достижение того или иного имиджа. Следовательно, нам необходимо создать атлас таких интенций. В связи с дальней прагматикой следует составлять открытые списки фигур на античный манер и заботиться о распространении этих списков в публичном пространстве вне университетских стен.

Ключевые слова: риторика, классическая риторика, риторические фигуры, классификация

1. ВВЕДЕНИЕ ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Тысячелетний спор о классификации риторических фигур проходит на фоне существенных, хотя и не всегда артикулированных изменений в понимании функции фигуры и — главное — на фоне изменения целей таких классификаций.

Настоящая статья представляет собой попытку ответить на вопрос, нужно ли в контексте вызовов нашего времени как-то систематизировать описание риторических фигур, и если нужно, то какого рода должна быть эта систематизация: должна ли это быть строгая, логически замкнутая классификация или следует предлагать открытые списки фигур? Какой принцип следует положить в основу систематизации именно сегодня, учитывая не только то, что мы знаем о семиотической природе фигуры, но и то, что мы знаем о ее социальной роли?

Моя гипотеза состоит в том, что античные списки фигур (Lausberg, 1960), неоднократно ругаемые за логическую небрежность и терминологическую избыточность, были абсолютно адекватны задачам своего времени. Далее, что становление классицизма дало иной подход к систематизации риторических фигур и к самому пониманию риторики, уступившей многие свои функции другим дисципли-

нам (Lachmann, 1994). Новый подход, заявивший себя в стилистике и культуре речи и повлиявший на работы по риторике, сохранял свою адекватность примерно до конца двадцатого века.

Наконец, гипотеза состоит в том, что сегодняшняя культурно-языковая ситуация требует иного подхода, в чем-то сближающегося с исконным, но требующего существенного обновления. Контуры сегодняшней ситуации определяет роль языка сети, устных СМИ, глобализация, скорость обмена информацией, мультимедийность и т.п. В частности, для англоязычного мира это еще и влияние разных вариантов английского языка на языковой стандарт, с чем в первую очередь связывается проблема преподавания языка в обычной и высшей школе (Crystal, 2015). Для русского мира, где принято говорить не о стандарте, а о литературной норме, мысль идет по линии либерализации нормы. И если некоторое время назад речь шла о том, что норма идет за более демократическим носителем, уходит от узуса элит (Сиротинина, 2001), то позднее стало понятным, что она просто ослабевает и — что главное — изменяется отношение к ней (с пиитета на индифферентное). В этом смысле трудно согласиться с тем, что «культура шагнула далеко вперед (именно вперед!) и соответственно усложнилось ее нормирование» (Аннушкин, Карпюк, 1997:167). Со временем стали говорить об эластичности нормы и эластичности ее кодификации (Саари, 1986), что, конечно, не решает проблемы, так как не затрагивает характера отношений носителей языка к норме. В связи с этим и предлагается подход, основанный на стимуляции своего рода нормативной самоорганизации.

В статье рассматриваются главным образом словесные фигуры и логически тяготеющие к ним тропы. Дело в том, что фигуры мысли, будучи тесно связанными с античной судебной традицией (Гаспаров, 2000), изначально описывались функционально, хотя и не всегда точно лингвистически. Например, обсекация есть «мольба», пролеписис — «предвосхищение». Фигуры же словесные в основном получали ясное структурное описание, но функционально не описывались, потому что риторика на протяжении веков не была знакома с семиотикой и не шла дальше констатации того, что эти фигуры связаны с «чувствами», установить же связь между фигурой и конкретной эмоцией было невозможно. Например, геминация — двукратный повтор — могла выражать сожаление, как в примере, приводимом Квинтилианом (Quintilians, 1909:191) и ставшим прецедентным высказыванием, попавшим в словарь латинских выражений:

O Coridon, Coridon, quae te dementia cepit
 O Коридон, Коридон, что за безумие тобой владеет.

Но такой повтор может передать и чувство радости. Достаточно поздно появились работы, толкующие словесную фигуру как иконическую диаграмму протекания эмоций (Хазагеров, 1987). Радость он выражает или горе, но повтор всегда говорит о неизменности чувства, о «застревании» на нем.

В результате отсутствия связи с функцией все классификации словесных фигур объявлялись формальными, ошибочными вследствие своей «нефункциональности» (Будагов, 1967:127). Эта точка зрения поддерживается и сегодня. Мне же

более естественным представляется путь поиска функции у той или иной заведомо очерченной структуры. Ведь, не установив функции падежей, что было совсем непросто, можно было бы придти и к отрицанию грамматики как «формальной». Однако в предлагаемой статье речь идет не о простой функциональности, а именно о телеологическом (целевом) подходе к классифицированию. При функциональном взгляде на вещи мы отвечаем на вопрос, зачем используется то или иное языковое средство (ср.: функциональная стилистика). При телеологическом — зачем, для чего, ради каких результатов мы изучаем и описываем языковое явление.

2. КОЛЛЕКЦИОНИРОВАТЬ ИЛИ СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ?

В определении риторической фигуры устойчиво используется признак «необычности», встречаясь уже у истоков риторики (Spengel, 1856:11; Quintilians, 1909:144—147), в работах позапрошлого века (Mar, 1842:113), прошлого века (Lanham, 1968:52; Топоров, 1990:542) и сегодня вплоть до блогосферы. Сегодня он трактуется или понимается по умолчанию преимущественно как нарушение языковых норм — в области синтактики, если речь идет о словесных фигурах, и семантики, если речь идет о тропах. «Нарушение» — это почти незаметный сдвиг от исконного представления об «отклонении», сохранившегося в этимологии слова «троп» («поворот»). Ср. трактовку М.Л. Гаспарова: «Фигурами (schemata, «позы», т.е. положение тела, отступавшие от спокойной неподвижности) назывались в античной словесности все выражения, отступавшие от неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью» (Гаспаров, 2000:446). По моим наблюдениям, идея уклонения в той или иной форме выражена в англоязычных дефинициях чаще, чем в русских, но это в целом не меняет дела. Превалирует именно идея нарушения, вызывающая к жизни представление о субституции и выборе. Правильную с грамматической точки зрения конструкцию мы заменяем на необычную, неправильную, т.е. совершаем акт выбора в пользу интенционального отклонения от нормы, хорошо известного современной лингвистике (Куликова, 2004:72—75). Изначально же отклонение от обычного идею замены не артикулировало и не предполагало выбора из дискретного списка вариантов, чему можно найти множество доказательств в античных списках. Например, в каком смысле хариентизм, то есть веселую, насмешливую и тем необычную речь, можно назвать тропом или фигурой? Более подробно мне уже случалось писать об этом (Хазазеров, 2004).

Однако отклонения, как и нарушения, легко систематизировать, опираясь на тип нарушения. Самое простое — это опереться на метаплазм, то есть изменение в звуковом слова без изменения значения (Encyclopedia of Rhetoric and Composition, 1996:270): «ма-аленький», «здрасьте» и т.п. Как можно добавлять, опускать или переставлять звуки и буквы в слове, так и в речи можно делать то же с целыми словами. Это и дает наиболее известные и распространенные в России и за рубежом классификации фигур (Mar, 1842; Вульманн, 1990; Гаспаров, 2000) классификации фигур, где наличествуют фигуры прибавления, убавления и изменения (наиболее логично — инверсии и разрыва). Кроме того, выделенные таким

образом фигуры удобны тем, что они могут быть соотнесены и с композицией текста в целом (Lausberg, 1960). Так, кольцевой повтор может определить композицию целого текста.

Открытым остается главный вопрос: зачем нужна эта классификация?

Классификация, несомненно, удобна и, видимо, телеологический ее смысл к этому удобству и сводится: возникает возможность дать более или менее закрытый список синтаксических явлений, который в наши дни можно назвать и системой на том основании, что элементы этого списка находятся между собой в кристально ясных логических отношениях. В этом смысле можно приветствовать и классификацию, основанную на аналогиях с действиями арифметики (Bonheim, 1975). Тропы чаще всего в эту классификацию не входят, но сами они являют логически образцовую систему (особенно в работах Якобсона [Jacobson, 1956]) и мыслятся как субституция, а не как «поворот»: прямое значение заменяется переносным, а последнее в свою очередь образует простой набор возможностей.

Критикуя соблазн идти вслед за метаплазмом, современный исследователь И.П. Москвин (Москвин, 2016:53) предлагает свою классификацию, также основанную на нарушении нормы, но нормы скорее коммуникативной, чем языковой, то есть речь идет не о грамматически девиантных формах, а девиациях в форме самого общения. За точку отсчета автор берет известные постулаты Г.П. Грайса (Grice, 1975), воплощающие именно коммуникативную норму, и качества речи, образующие наименования тех зон, где происходят отклонения. Например, в этом плане может быть рассмотрена намеренная краткость речи или, напротив, намеренная пространность. В самом деле, следует беречь время адресата речи. Руководствуясь этой нормой, редакторы одно время объявили такую суровую войну с любым намеком на плеонастичность, особенно с иллеизмами, что пушкинское «Товарищ верь, войдет она, звезда пленительного счастья» должно было восприниматься как солецизм. Кстати, солецизм, что отмечал ее Квинтилиан, вообще трудно отличить от фигуры, а если описывать их через отклонение от коммуникативных норм, это будет сделать еще трудней.

Однако отклонение от коммуникативной нормы представляется более верным для понимания классической риторики, чем экстраполяция на античные теории наших представлений о языковой норме, сложившихся в 20—30 гг. двадцатого столетия (Матезиус, 2003; Edlicka, 1964). При этом отклонения от коммуникативной нормы — это скорее именно отклонения, чем нарушения. Как и сам античный метаплазм, они связаны с количественными изменениями, а не с выбором готового варианта, как это сформулировано пражанами и другими учеными XX в. в классической теории нормы: система, вариант, норма (Coseriu, 1952). Пространная речь может быть по-разному пространна, здесь играет роль количество. А выбор правильного или неправильного падежного окончания с количественными отношениями не связан.

Словом — такой подход приближает нас к основам риторики и, кстати, создает те же проблемы в отношении логической последовательности. Открытым, однако, остается вопрос: ради чего мы классифицируем? В свое время один из самых авторитетных в области фигур российских авторов Аркадий Горнфельд писал, что

в полном списке фигур нет необходимости, так как язык развивается, и мы не должны опираться на традиционные, но случайные схемы (Горнфельд, 1902). У меня, как у современного автора, рука не поднимается назвать традиционное случайным, но, учитывая то, что традиции эти забыты, высказывание Горнфельда приобретает особую актуальность. И здесь уместно задаться вопросом, ради чего составляла свои списки сама классическая риторика.

Мне кажется, что если мы не будем ставить Декарта на место Аристотеля, современную рациональность — на место античной, классификацию на место каталога, риторику классицизма — на место классической риторики, мы неизбежно придем к выводу, что у истоков риторики стоит коллекционирование фигур, а не их научная систематизация. Важно было не классифицировать уклонения, а копить их, расширяя список прецедентов необычной, но оправданной с коммуникативной точки зрения речи. Мне уже случалось писать и говорить, что больше всего это похоже на коммерческий каталог или журнал мод (Хазагеров, 20016).

В самом деле, в античных каталогах мы повсюду сталкиваемся с несоблюдением родовидовых отношений, с отсутствием правильных дефиниций, притом что само представление о таких дефинициях (через указание на ближайший род) восходит к Аристотелю. Это свидетельствует о том, что цель риторического каталога (академик Аверинцев настойчиво употребляет именно это слово, говоря об античных списках) не наведение логического порядка, а культивирование коммуникативного пространства.

Было бы странно думать, что мышление, так тесно связанное с авторитетами и прецедентами, постоянно имеющее перед глазами мифологию, то есть те же авторитеты и прецеденты, будет склонно к логическому пуризму в такой жизненно важной, практически важной сфере, как риторика. В трактате Трифона тропы, по словам современного исследователя, расположены без видимой системы (Асинович, 185). В дальнейшем мы имеем целую группу трактатов, следующих за Трифоном (Трифон, 1901) вплоть до славянского «О образех» (Хазагеров, 1994), начинающегося с анонса «творческих образов есть 27». В чем смысл этого числа? Быть может, из последовательной трихотомии? Нет. Просто перед нами коллекция. Некоторые ораторы, вспоминает Квинтилиан, удачно придумывают новое слово: скажем, «сульствовать» (от имени диктатора Суллы). Это называется ономотопеей (то есть выдумыванием имени). Но лучшие прецеденты ономотопеи связаны со звукоподражанием, поэтому ономотопеей начинают называть только звукоподражания, что и сохранилось до сих пор. Так стоит ли риторические каталоги, работающие, так сказать, в интерактивном режиме, называть классификациями?

Для классической риторики ясна цель описания фигур, а способы презентации коллекций зависели не столько от логики, сколько от вкусов. Вкусы и позже играли известную роль в формировании списка фигур. Так, в работе Е.В. Маркасовой «Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века» один параграф называется «Состав риторических фигур как показатель литературных вкусов эпохи» (Маркасова, 2002: 113). Главное же — копить фигуры, копить признанные способы улучшения речи, преодоления «варварства», куль-

тивирования словесного космоса. Аналогичным образом выглядела, о чем свидетельствует сочинение Витрувия и архитектурная мысль. В каком смысле архитектурные ордера Витрувия образуют строгую систему? Можно строить храмы в антах, но можно и не в антах, на это есть простиль, амфипростиль, периптер, псевдодиптер, диптер и гипетр (Витрувий, 1936:67). Дорическая колонна похожа на мужчину, а ионическая — на женщину, но есть и коринфская, похожая на девушку. А в Эрехтейоне в одном из фасадов используются кариатиды. Эрехтейон похож на драмы Еврепида. А Парфенон — на драмы Эсхила. Таков мир прецедентов.

Совершенно иные задачи стояли перед риториками классицизма, а именно они оказались нашими ближайшими предшественниками, определившими современное стилистическое мышление и во многом мышление авторов, занимающихся сегодня риторикой.

Задачи культивирования речи, бенефициарами которого были сами ораторы и их слушатели, сменилась задачей регламентации речи, бенефициаром которой выступало национальное государство — абсолютная монархия. Вот здесь уже в работах французских синонимистов (Ору, 2000:277—278) и наметился подход, который особенно внятно был артикулирован Шарлем Балли и лег в основу функциональной стилистики и теории нормы, окончательно сформировавшейся после работы Пражского лингвистического кружка. Именно понятие нормы сделала идеи Балли привлекательными для стилистов. Ср.: «Ведь Ш. Балли был едва не первый, кто ясно определил „поле стилистики“ в отношении языковой системы» (Ревизина:24—25). Пражане и их последователи вслед за Соссюром широко пользовались словом «система», хотя сказать, что это была система в том смысле, в каком это слово использовал Норберт Винер, видимо, нельзя. Теория систем учит нас, что системы бывают управляемые (искусственные) и адаптивные (естественные), обладающие свойством гомеостаза, которое можно сообщить и искусственным системам.

Термин «гомеостаз» (система, поддерживающая параметры своего существования) был введен биологом Кенноном (Cannon, 1952), а применительно к языковым системам был использован в моей работе 2001 г. (Хазагеров, 2001), однако споры вокруг системности языка никогда не затрагивали вопроса о гомеостазе. Системность чаще всего понималась просто как взаимная обусловленность элементов. Такой обусловленности требуют и от системы фигур. Соответственно, и систематизация фигур требовала такой же обусловленности. Как в языке есть синонимы, гиперонимы и антонимы, так и в терминосистеме должны прослеживаться аналогичные отношения. Разумеется, ничего подобного в исторически сложившейся риторической терминологии не наблюдалось. Последовали многочисленные жалобы на эту ситуацию [Ахманова, 1996; Дюбуа, Эделин, Клинкаенберг, Мэнге, Пир, Тринон, 2006:29—30), а затем и предложения по наведению порядка в «системе фигур» (Карасик, 2014; Сковородников, 1997), в чем участвовал и автор настоящей статьи, готовя «Риторический словарь» (Хазагеров, 2009).

Отметим, однако, что экологический аспект языка объективно толкает нас к рассмотрению языковых систем именно как систем адаптивных, возвращает

«к пониманию языка как живого организма» (Карасик, 2014:118), заставляет искать параллели с живыми системами (Арнольд, 1999: 93—94). Разумеется, говорить о гомеостазе применительно к классификации фигур, существующей на бумаге, не приходится. Наши схемы и таблицы самостоятельно не обладают свойством адаптироваться к изменениям среды, в чем, увы, легко убедиться. Однако система фигур как социальное явление, обслуживающее дискурс, таким свойством обладает, и достигает его не за счет логической стройности, а за счет обратной связи. Те самые риторические каталоги, «журналы риторической моды», что создавались в античности, будучи взяты как социальное явление, как раз и являли примеры адаптирующихся систем, обладали свойством гомеостаза, помогали риторике «выживать». Если игнорировать этот факт, мы останемся наедине с распространенным, к сожалению, мнением, что античные классификации ни на что не годятся, а заодно и упустим из виду целое измерение, в котором можно и нужно рассматривать фигуры.

3. РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ТРЕХМЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕЛЕЙ ГОВОРЯЩЕГО

Подойдем теперь к проблеме с другой стороны: какую роль играют фигуры в жизни современного социума? Пространство целевых установок (прагматик) говорящего трехмерно. Это ближняя прагматика — успешность в пределах речевого акта. На ней сконцентрированы сегодня усилия и академической риторики, и многочисленных тренингах. Это продолженная прагматика — репутация говорящего человека, складывающаяся из его речевого поведения в данной социальной группе. Здесь следует отметить появившуюся более полувека назад теорию управления производимыми впечатлениями социолога Эрвина Гоффмана (Goffman, 1953), но не получившую адекватного отражения в риторике. Это, наконец, дальняя прагматика — забота говорящих об общем коммуникативном благе, что становится актуальным в аспекте экологических идей.

Начнем с дальней прагматики. Античное коллекционирование, поздние риторические прескрипции, культура речи, лингвистическая экология, постулаты речевого общения — все это по-разному позволяло решать задачи дальней прагматики, то есть задачи культивирования коммуникативного пространства. Особенность же этого пространства сегодня состоит, во-первых, в том, что в нем исчезла агора — специальное место, физическое или виртуальное, в котором реализуется публичная речь. Скажем, мы широко употребляем выражение «электронный форум», но форума, соизмеримого по общественной роли с Римским форумом нет. Об исчезновении агоры пишет социолог Зигмунд Бауман (Бауман, 2005:31). Публичность в старом смысле слова и массовость аудитории перестали совпадать. Спонтанная, не официальная, не выверенная речь может собирать миллионные аудитории. В этом контексте падает авторитет как языковой, так и коммуникативной нормы, а норму стилистическую становится даже трудно сформулировать. Нарушение языковой нормы и деструктивное коммуникативное поведение в речи телеведущих, в передачах вроде «К барьеру!» воспринимается аудиторией как обыч-

ное явление. Во-вторых, доступ к информации, организованной как гипертекст, подрывает идею целостности текста, авторского замысла и в качестве следствия — уничтожает авторитеты и обезличивает общение. В этом контексте все большую роль начинает играть краудсорсинг, меньшую — те или иные эксперты. «Crowdsourcing» — термин, введенный в бизнесе в 2006 г. и определяемый как *the practice of obtaining needed services, ideas, or content by soliciting contributions from a large group of people, especially an online community, rather than from employees or suppliers (Crowdsourcing)*. Термин получил широкое распространение. По сути дела, речь идет об использовании ресурсов самоорганизации в различных областях деятельности.

В данной ситуации наиболее уязвимой становится попытка регламентировать общение «сверху» с помощью грамматических, стилистических и риторических прескрипций. В нашем случае — с помощью системы строго описанных риторических фигур, предложенных в качестве «вторичной грамматики». Коллекционирование фигур имеет здесь преимущество, поскольку речь идет лишь о предложении, а не о регламентации. Кроме того, прецедентное мышление сегодня гораздо активнее, чем двадцать — тридцать лет назад. Короткая, но яркая жизнь «олбанского языка», жизнь разнообразных мемов свидетельствуют о том, с какой легкостью отзывается современный человек на логически и контекстуально не мотивированные, как бы самопровозглашенные прецедентные высказывания: «зожигай криведко». Постулируется, что вводимое высказывание, вводимый мем есть прецедент, который следует тиражировать. Это можно трактовать как проявление перформативности в ущерб текстуальности. Функция самопрезентации превалирует над информативной: содержание равно предъявлению, как в настоящем перформативе.

Однако если коллекционирование фигур, фигурные каталоги могли бы в значительной степени культивировать общение, отвечая на первый вызов — отсутствие агоры, второй вызов — отсутствие авторитетов — будет мешать распространению каталогов. В условиях краудсорсинга филологи могли бы лишь инициировать процесс появления каталогов, а в условиях флешмобности (способности точно мобилизовать большую массу людей для какой-то акции) они должны приложить усилия по их сохранению и обновлению. Так или иначе, но наличие в доступе пополняемых каталогов, «журналов языковой моды» при стимуляции частого к ним обращения, поднятии их социального веса сделали бы для дальнейшей прагматики больше, чем любая самая изошренная классификация, оставшаяся в стенах университетов.

Однако в отношении дальнейшей прагматики классификация фигур имеет и определенное дескриптивное значение. В этом смысле актуальным остается, например, противопоставления фигур прибавления фигурам перестановки и разрыва, анафор и эпифор — парентезам и инверсиям. В теории синтаксиса это отражено в противопоставлении классической и новой парадигмы, изучаемом главным образом на материале художественной прозы. В самом деле, периодическому синтаксису, синтаксису, который Аристотель считал противоположностью неупорядоченной, архаичной речи, в языке современной прозы противостоит актуализу-

ющий синтаксис с обилием вставок, ослаблением связей, что подчеркивается отсутствием знаков препинания или их ненормативным употреблением (Покровская, 2006). Для описания подобных «больших» явлений в синтаксисе потребна внятная классификация фигур. Но, как представляется сейчас, выделение фигур прибавления, убавления, перестановки и разрыва (старый метаплазм) вполне пригодно для этих целей.

С точки зрения продолженной прагматики фигуры (и тропы) должны преподаваться таким образом, чтобы отвечать интенциям говорящих в отношении поддержания ими того или иного языкового имиджа. Здесь потребна сугубо функциональная классификация.

Репутация говорящего складывается из его речевого поведения и несводима к успешности—неуспешности отдельных речевых актов. Момент длящегося общения здесь чрезвычайно важен, но именно он чаще всего игнорируется лингвистами, попавшими под обаяние теории речевых актов. К сожалению, существующие наработки в области имиджологии не входят в языковые детали. Кроме того, создается впечатление, что имидж рассматривается как нечто поверхностное, как легко снимаемая и надеваемая языковая маска, чего о репутации, конечно, сказать нельзя. При этом есть определенная, подкрепленная рыночным запросом потребность выстраивания языковой репутации. Эта неразработанная и перспективная область, безусловно, нуждается в собственной классификации фигур. Попытки такой классификации предпринимаются сегодня нашей проблемной группой. В основе подхода лежат актуальные коммуникативные запросы (потребности в тех или иных типах имиджа), этим запросам ставятся в соответствие типы фигур, что проверяется экспериментально.

Наконец, задачи ближней прагматики от века остаются главной задачей риторики как педагогической дисциплины. Классификация в этой области не может быть простой дескрипцией языковых явлений, но, не всегда она является и прескрипцией, обучением «правилам». Ее задача — вооружить обучаемого инструментарием убеждающей речи. Традиционно этот инструментарий подавался так, что одновременно служил и задачам дальней прагматики: фигуры были и средством убеждения, и средством упорядочения словесного космоса. Сегодня, в век тренингов, этот второй план ускользает даже от внимания университетского преподавателя. Однако так или иначе преподавание риторики должно быть связано с развитием языковой личности, с «воспитанием оратора», с риторическим идеалом, которому посвящено немало работ (Сковородников, 1997). Таким образом, оно лежит, должно лежать — и это как раз зависит только от нас — в области пайдей. Мы используем здесь этот греческий термин, обозначающий воспитание, подчеркивая идею «культивирования». В новое время этим термином пользовался Монтимер Адлер с его декларацией демократически ориентированной образовательной программы (Adler, 1998). Для этих целей, как кажется, потребна не какая-то новая классификация, отличающаяся безукоризненной четкостью, а знакомство со старыми классификациями и терминами как прецедентами культуры и пищей для ума. В этом смысле изгнание риторической терминологии, а такие призывы раздавались на межвузовском круглом столе по риторике, не представляется правильным шагом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, была поставлена задача рассмотреть классифицирование фигур с точки зрения смысла, и не в последнюю очередь социального, который стоит за этим занятием.

По моему глубокому убеждению, фигуры следует классифицировать так, как того требует не абстрактный принцип, а задача, поставленная экстралингвистической действительностью. Поскольку таких задач можно насчитать по крайней мере три в связи с тремя целями говорящих (ближней, дальней и продолженной прагматикой), то и классификация для каждой задачи должна быть разной.

© Хазагеров Г.Г., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аннушкин В.И., Карпюк Г.В. Первая Московская Всероссийская конференция по риторике // *Риторика*. 1997. № 1 (4). С. 167—175.
- Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // И.В. Арнольд *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 92—105.
- Асинович А.А. *Фигуры прибавления в античной, византийской и современной риториках: сопоставительный анализ* [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103809/1/184-187.pdf>.
- Ахманова О.С., Натан Л.И., Полторацкий А.И., Фающенко В.И. *О принципах и методах лингвистических исследований*. М., 1966. 607 с.
- Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967. 367.
- Витрувий Марк. *Десять книг об архитектуре*. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. 331 с.
- Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // *Михаил Гаспаров Об античной поэзии*. СПб.: Азбука, 2000. С. 424—472.
- Горнфельд А.Г. *Фигуры*. Энциклопедический словарь / Под изд. Ф.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 35а С. 647—650.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. *Общая риторика*. М., 2006. 670 с.
- Карасик В.И. *Языковое проявление личности*. Волгоград: Парадигма, 2014. 384 с.
- Корольков В.И. К теории фигур // Научн. труды Московского пед. ин-та иностр. яз. им. М. Горького. *Вопросы романо-германской филологии*. М., 1974. Вып. 38.
- Куликова Э.Г. *Норма в лингвистике и паралингвистике*. Ростов-на-Дону: РГЭН «РИНХ», 2004. 319 с.
- Маркасова Е.В. *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 254 с.
- Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка // В. Матезиус *Избранные труды по языкознанию*. УРСС, 2003. С. 194—210.
- Москвин В.П. *Теоретические основы стилистики*. М.: «Флинта». «Наука», 2016. 280 с.
- Ору Сильвен Две гипотезы о происхождении сосюрговской концепции языковой значимости // Ору Сильвен *История. Эпистемология. Язык*. М.: Прогресс, 2000. С. 274—280.

- Покровская Е.А. Роль прозы шестидесятников в становлении языка литературы неклассической парадигмы // *Политическая лингвистика*. 2006. № 18.
- Ревзина О.Г. Стиль и стилистика Ю.С. Степанова // Критика и семиотика [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs17_revzina.pdf.
- Саари Х. Норма, потенциал и эластичная кодификация // *Общелитературный язык и функциональные стили*. Вильнюс, 1986. С. 43.
- Сиротинина О.Б. Типы речевых культур и проблема кодификации норм // *Словарь и культура русской речи*. М.: Индрик, 2001. С. 314—324.
- Сковородников А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень*. Вып. 5. Красноярск-Ачинск, 1997. С. 27—37.
- Скребнев Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификаций // *Проблемы экспрессивной стилистики*. М.: РГУ, 1987.
- Топоров В.Н. Фигуры речи // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 542—543.
- Хазагеров Г.Г. Метаплазм и вариант // *Седьмые международные Виноградовские чтения «Русский язык в многоаспектном описании»*. М., 2004.
- Хазагеров Г.Г. «Образех»: Иоанн, Хировоск, Трифон // *Известия РАН, сер. «Литература и язык»*. 1994. № 1.
- Хазагеров Г.Г. *Риторический словарь*. М.: Флинта, 2009. 431 с.
- Хазагеров Г.Г. Система убеждающей речи как гомеостаз: ораторика, гомилетика, дидактика, символика // *Социологический журнал*. М., 2001. № 3.
- Хазагеров Г.Г. Форма, норма, репутация и задачи стилистики // *Актуальные проблемы стилистики*. 2016. № 2. С. 38.
- Хазагеров Т.Г. К вопросу о классификации экспрессивных средств (изобразительные схемы) // Проблемы экспрессивной стилистики. Изд-во Ростовского ун-та, 1987. С. 65—77.
- Adler Mortimer, J. (1998). *The Paideia Proposal: An Educational Manifesto*. Paperback, Touchstone.
- Bonheim, H. (1975). Bringing classical rhetoric up-to-date, *Semiotica*, 13 (4).
- Bußmann, H. (1990). *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart.
- Cannon W.B. (1954). *The wisdom of the Body*. New-York, NY: Greenwood.
- Coseriu, E. (1952). *Systema, norma y habla*. Montevideo.
- Crowdsourcing // <http://www.merriam-webster.com/dictionary/crowdsourcing>
- Crystal, D. (2015, May 22). *What is Standard English?* Retrieved from: www.davidcrystal.com.
- Grice, H.P. (1975) Logic and Conversation. Syntax and Semantic 3, Speech Acts. New-York: Academic Press, 1975. P. 41—58.
- Goffman, E. (1953). *Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburg.
- Edlicka, A. (1964). Zur Prager Theorie der Schriftsprache. *Travaux Linguistiques de Prague*, 1, 47—58.
- Encyclopedia of Rhetoric and Composition: Communication from Ancient Times to the Information Age. (1996). In Theresa Enos (ed.). Taylor & Francis.
- Jacobson, R.O. (1956). Two aspects of language and two types of aphasic disturbances. In M. Halle, R. Jakobson (Eds.). *Fundamentals of Language*. “Janua Linguarum”, Gravenhage. 55—82.
- Lachmann, R. (1994). *Die Zerstörung der Schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen*. München: Wilhelm Fink.

- Lanham, R. (1968). *A Handlist of Rhetorical Terms*. LA: University of California press. Berkley and Los Angelos.
- Lausberg, H. (1960). *Handbuch der literarischen Rhetorik*. München: Max Huber.
- Mar, Del E (1842). *English language*. London: Gradock and CO London.
- Plett, H.F. (2009). *Literary rhetoric: concepts-structures-analyses*. Leiden.
- Tryphon (1911), “Περὶ τρόπων”. In Spengel (ed.) III.
- Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator. (1909). London: George Bell ad sons. 1909.
- Trufwno Vperitropwn (1856) // Spengel R. *Rhetoric Graeci ex recognitione*. Lipsiae. 1856. Vol III.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 мая 2016

Дата принятия к печати: 29 июня 2016

Для цитирования:

Хазагеров Г.Г. Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 89—102.

Сведения об авторе:

Хазагеров Георгий Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета. *Сфера научных интересов*: рецепция античных теорий стиля и учения о тропах и фигурах в теории и практике отечественного красноречия. На протяжении последних десяти лет активно интересуется риторикой как институтом государственного строительства, что нашло отражение в публицистических выступлениях и культурологических изысканиях. Автор книг и статей по риторике и русской филологии, вузовских учебников по риторике. *Контактная информация*: личная страница: www.hazager.ru; e-mail: george.khazagerov@gmail.com.

THE TELEOLOGICAL SENSE AND SOCIAL ROLE OF RHETORICAL FIGURES CLASSIFICATION

G.G. Khazagerov

Southern Federal University
105, Sadovaja Str., 34404005, Rostov-on-Don, Russia

The article deals with a classification of rhetorical figures. This classification views rhetorical figures in a context of their goals. The author believes that classical rhetoric did not aim to give a systematic description of figures. Ancient lists of terms were simple catalogues, similar to modern product catalogues, and for cultivation of a communicative space, this approach was relevant. Classical rhetoric experience can be used today because strictly logical classifications of figures lost their social role in the end of the twentieth century. An adequate approach to the classification of figures depends on speaker's objectives. This article discusses three types of those objectives. The first one deals with *hic* and *nunc*. We call it short-term pragmatics. The second one is related to the reputation and image of a speaker. It is continued pragmatics. The third is aimed at the cultivation of a communicative space and we call it long-term pragmatics. Thus,

we have three strategies for classifying rhetorical figures that can have both social and academic value. In case of the short-term pragmatics, the main purpose of figures classification is pedagogical. A classification should be simple and memorable. In case of the continued pragmatics, we need to connect figure types with speaker intentions, showing which type contributes to which image. This means that to start with, we need to create a map of intentions that would serve a basis for the classification. In case of the long-terms pragmatics, we need to create open lists of figures like they did in ancient times, and ensure their distribution in the public space outside of the university walls.

Key words: rhetoric, classical rhetoric, figures of rhetoric, classification

REFERENCES

- Akhmanova, O.S., Natan, L.I., Poltoratskii, A.I., Fayushhenko, V.I. (1966). *O printsipakh i metodakh lingvisticheskikh issledovaniy* [About principles and methods of linguistic researches]. Moscow. (In Russian).
- Annushkin, V.I., Karpyuk, G.V. (1997). *Pervaya Moskovskaya Vserossiiskaya konferentsiya po ritorike*. [First Moscow rhetoric conference]. Moscow: Ritorika, 1. 167—175. (In Russian).
- Arnol'd, I.V. (1999). *Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodeystviya sistemy i sredy* [Contemporary linguistic theories of cooperation of system and environment]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 92—105. (In Russian).
- Asinovich, A.A. (2013). *Figury pribavleniya v antichnoi, vizantijskoi i sovremennoi ritorikakh: sopostavitel'nyi analiz* [Figures of Addition in the antique, Byzantine and contemporary rhetoric]. Downloaded from: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103809/1/184-1>. (In Russian).
- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos. (In Russian).
- Budagov, R.A. (1967). *Literaturnye yazyki i yazykovye stili* [Standard languages and linguistic style]. Moscow. (In Russian).
- Dyubua, Zh., Edelin, F., Klinkenberg, Zh.-M., Menge, F., Pir, F., Trinin, A. (2006). *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. Moscow. (In Russian).
- Gasparov, M.L. (2000). *Antichnaya ritorika kak sistema* [Antique rhetoric]. Saint-Petersburg: Azbuka. 424—472. (In Russian).
- Gornfel'd, A.G. (1902). *Figury. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Figures. Encyclopedic dictionary]. In F.F. Brokgauz, I.A. Efron (ed.). Saint-Petersburg. 647—650. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoye proyavleniye lichnosti* [The Linguistic Manifestation of Personality]. Volgograd: Paradigma.
- Khazagerov, T.G. (1987). *K voprosu o klassifikatsii ehkspressivnykh sredstv* [The question of classification of tropes]. Rostov: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 65—77. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (1994). *O obrazekh: Ioann, KHirovosk, Trifon* [On Images: John, Hirovosk, Tryphon]. Moscow: Izvestiya RAN, Literatura i Yazyk, 1. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2001). *Sistema ubezhdayushhej rechi kak gomeostaz* [The system of convicting speech as gomeostasis: oratorics, gomiletics, didactics, and symbolism]. Moscow: Sotsiologicheskii zhurnal, 3. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2004). *Metaplazm i variant* [Metaplasm and Variant]. Moscow. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2009). *Ritoricheskii slovar'* [Rhetoric dictionary]. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2016). *Forma, norma, reputatsiya i zadachi stilistiki* [Form, norm, reputation and the mission of stylistics]. 38. (In Russian).

- Korol'kov, V.I. (1974). *K teorii figur* [Toward the theory of figures]. Moscow. (In Russian).
- Kulikova, Eh.G. (2004). *Norma v lingvistike i paralingvistike* [Norm in Linguistics and Paralinguistic]. Rostov-na-Donu: RGEHN "RINKH". (In Russian).
- Markasova, E.V. (2002). *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII — nachala XVIII veka* [Concept of figures of speech in the Russian rhetoric of XVII — beginning XVIII century]. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russian).
- Matezius, V. (2003). *O neobkhodimosti stabil'nosti literaturnogo yazyka* [About the requirement of stability in literary language]. Moscow: URSS. 194—210. (In Russian).
- Moskvin, V.P. (2016). *Teoreticheskie osnovy stilistiki* [Theoretical basis of stylistic]. Moscow: Flinta. Nauka. (In Russian).
- Oru, S. (2000). *Dve gipotezy o proiskhozhdenii sossyurovskoi kontseptsii yazykovoï znachimosti* [Two hypotheses about the origin of Saussure's conception of language importance]. Moscow: Progress. 274—280. (In Russian).
- Pokrovskaya, E.A. (2006). *Rol' prozy shestidesyatnikov v stanovlenii yazyka literatury neklassicheskoi paradigm* [The role of the prose of the sixties in the development of language, literature, the non-classical paradigm]. (In Russian).
- Revzina, O.G. (2012). *Stil' i stilistika YU.S. Stepanova* [Style and stylistics of Y.S. Stepanov]. Downloaded from: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs17_revzina.pdf.
- Saari, X. (1986). *Norma, potentsial i ehlastichnaya kodifikatsiya* [The norm, potential and elastic codification]. Vil'nyus. (In Russian).
- Sirotnina, O.B. (2001). *Tipy rechevykh kul'tur i problema kodifikatsii norm* [Types of speech cultures and the problem of codification of norms]. Moscow: Indrik. 314—324. (In Russian).
- Skovorodnikov A.P. (1997). *O sodержanii ponyatiya «natsional'nyi ritoricheskiï ideal» primenitel'no k sovremennoi rossiiskoi deïstvitel'nosti* [The content of the concept "national rhetorical ideal" as applied to modern Russian reality]. Krasnoyarsk—Achinsk. 5, 27—37. (In Russian).
- Skrebnev, Yu.M. (1987). *Tropy i figury kak ob"ekt klassifikatsii* [Tropes and figures as an object of classifications]. Moscow: RGU. (In Russian).
- Toporov, V.N. (1990). *Figury rechi* [Figures of speech]. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya. (In Russian).
- Vitruvii, M. (1936). *Desyat' knig ob arkhitekture* [Ten books about architecture]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj Akademii Arkhitektury. (In Russian).

Article history:

Received: 14 May 2016

Revised: 28 May 2016

Accepted: 29 June 2016

For citation:

Khazagerov, G. (2016). The Teleological Sense and Social Role of Rhetorical Figures Classification. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 89—102.

Bio Note:

Georgiy G. Khazagerov, Professor of Russian Language Department at Southern Federal University. *Research interests*: ancient theories of style and the theory of tropes and rhetoric figures, as well as their reflection in modern cultures and their interpretation in present-day Russian eloquence. Over the last ten years he has been doing research in rhetoric as an institution of state-building and the shaping of the society. He is an author of a wide range of educational publications and books on rhetoric and Russian philology including coursebooks on rhetoric for university students. *Contact information*: www.hazager.ru; e-mail: george.khazagerov@gmail.com.

АНАЛИЗ ДИСКУРСА DISCOURSE ANALYSIS

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN RUSSIAN-SPEAKING IMMIGRANT FAMILIES IN ISRAEL: LANGUAGE PRACTICES OF THE SECOND GENERATION

Claudia Zbenovich

Hadassah Academic College
37, Hanavi'im Street, 91010, Jerusalem, Israel, PO Box 1114

1. INTRODUCTION

How does language reflect the cross-cultural condition in immigration? Which patterns of verbal behavior are enacted in everyday family talk? Even more specifically, how do Russian-Soviet and Israeli educational discourses manifest themselves in interpersonal dialogues and construct family interaction? Having observed the following two situations in the families of Russian-speaking Israelis I came to the idea of studying this issue.

In the first episode, a group of adults — Russian and native Israelis — got together around a table, and there was some lively discussion. Our host's nine-year old son kept trying to interrupt in order to say something, but the adult company, including his mother, paid no attention to his numerous attempts. Eventually, the boy could not bear being ignored any longer and shouted loudly, addressing his mother in Hebrew: "*Ima, tni li kawod — ani yeled!*" (Mom, show me respect — I am a child). The boy, a competent bilingual Russian and Hebrew speaker, used Hebrew to address his mother, when demanding respect, substantiating his demand, and focusing on his status — that of an Israeli child. His choice of Hebrew gave him, intuitively, a sense of confidence to adjust the language to fit his sense of who he is¹.

A few months later, I witnessed a similar situation when observing communication in another Russian-speaking Israeli family. An eleven-year old girl tried to get her parents' attention when they were busy with their visitors. In appealing to the lack of a corresponding attitude from the grown-ups, she exclaimed: "*Ima, aba, aval atem lo mit'ia-*

---

¹ The example first appeared in the article focusing on the linguistic performance of Russianness among Russian-Israeli parents (Zbenovich 2014).

hasim bihlal le ma she ani omeret!” (Mom, Dad, but you don’t take care at all for what I am saying). Using Hebrew to address her parents, the girl made a highly emotive statement, accentuating that her own needs have to be considered and signalling the evaluation of the lack of discursive contribution expected from the adults.

In both cases, the guests smiled encouragingly, the children were allowed to speak, and the general conversation continued. It was apparent that modern Israeli society accepts such discursive behaviour in children. Children in Israel are clearly the focus of attention, they are allowed much leeway, and their active presence doesn’t disturb the adults (Katriel 1986, 1991).

At the same time, I saw some Russian-Israeli parents exchange a subtle look of disparagement: in our experience of childhood, such verbal behaviour was not even a possibility! Indeed, in Soviet Russia, where showing respect for a child was not recognised as an unwritten social law, the attitude to the position and rights of children was explicitly different. Hence, the commonly-held beliefs about the acceptable ways of parent-child linguistic interaction are likely to maintain a disparity for Russian-Israeli parents. Russian-speaking parents, who immigrated to Israel in the 1990s, belong to the last generation that internalized the cultural heritage of Soviet Russia and as such, they are carriers of the conventional Russian-Soviet verbal style of interpersonal communication. They obviously bring their cultural assumptions into everyday interaction with their children, and their expectations, consequently, influence the format of communication. Their children, however, are Israeli-born bilingual Russian-Hebrew speakers who display local Israeli verbal behaviour styles. Thus this paper looks at the cross-cultural communication between the older and the younger generations in the families of Russian Israelis. It explores which culture-specific patterns of linguistic behaviour both parties, and children — especially, mobilize in their communication. It also reveals the meaning of the dominant discursive modes in particular communicative moments, as well as in the wider, cultural Russian-Israeli encounter.

2. RUSSIAN-SPEAKING FAMILIES IN ISRAEL: CULTURAL CONTINUITY AND CHANGE IN IMMIGRATION

As noted by Schieffelin and Ochs (1986: 164), everyday discourse is a “powerful socializing medium”, conveying crucial cultural information not only through content but also through the form of discourse. The research further extends Schieffelin and Ochs’ (Ibid.) language socialisation paradigm to explore how immigration affects the socialisation process of parents-children everyday communication.

In the framework of the immigrant community, multiculturalism is treated as a temporary compromise with the hope that the second generation will narrow down or close the gap to the mainstream (Alba and Nee 1997). In Israel likewise, better integration of new immigrants, obviously depends on their readiness to accept Israeli values and the cultural stereotypes of the new homeland. Crossing the cultural bridge to the host society goes hand in hand with the acquisition of a new language. Hebrew proficiency is regarded as a sign of a successful acculturation, and the general language policy of the state has been traditionally targeted at the ubiquitous encouragement of Hebrew use

with apparent disregard of other languages and separate cultural identities that these languages promote (Ben Rafael 1994; Spolsky and Shohamy 1999).

Within this general policy, however, as recent research on immigrants has reported, the unqualified majority of Russian Israelis, belonging to different socio-economic strata, tend to see Russian culture and language as a major factor in their identity, and are determined to preserve this part of their lives (Remennick 2003, 2007; Yelenevskaya and Fialkova 2013; Zbenovich and Lerner 2013). They also believe Russian culture and Russian language, in particular, to be one of the most important values to be transmitted to their children. Moreover, most immigrants perceive Russian culture and language as superior to Israeli culture and Hebrew language: they enjoy very deep roots in Russian culture and press extremely hesitant attitudes towards Israeli cultural life (Niznik, 2011a; 2011b).

As a part of their cultural capital, immigrant families have brought with them conceptual models of the successful parenting. There is no doubt, however, that the process of childrearing is to a certain extent challenged by the host culture. While Russian Israeli parents obviously transfer from their culture implicit knowledge of childrearing and goals for the education of their children, they encounter new implicit assumptions, as well as explicit practices concerning childrearing in Israel. In addition, while the adaptation to the host culture reveals itself in the public domain, the upholding of the traditional cultural patterns of raising the children is apparently favoured in (and in that is limited to) the private realm — home and family context. It is not uncommon, that children of this generation — who are for the most part Israeli-born with dominant Hebrew and a different perception of the world as part of their Israeli cultural background — experience tension and even confront parents' attempts to instil Russian Soviet cultural norms to the cultural world they live in.

Indeed, simultaneous with the evident success of Russian Israelis in preserving and maintaining their cultural heritage, recent research reports on a serious cultural change among the second generation of Russians in Israel: the younger Russian generation is going through extensive Israelization (Remennick and Celnik 2011). In spite of their self-definition as “Russians” or “Russian Israelis” some of them are no longer proficient in Russian language, particularly in reading and writing (Niznik 2007). Moreover, they do not continue to perform cultural practices that are considered part of the Russian identity (for example, reading books, musical training and cultural consumption (Elias and Khvorostianov 2010; Niznik 2011b). They adopt Israeli manners and customs and are thus visibly indistinguishable from the locals.

This ostensibly contradictory situation of cultural continuity, coupled with change within the Russian-speaking community in Israel, apparently constitutes a cross-cultural encounter within the Russian immigrant family. Different generations speak different languages and are exposed to different cultural models and practice different cultural styles of communication. It seems in this context, that the resources mobilised by the older generation of Russian Israeli immigrants to preserve their cultural and language universe and employed for passing the cultural capital onto their children are viewed

as going “against the flow” (Zbenovich 2013, 2014). It is also evident that the practices of raising children by Russian Israelis are mostly vivid and could be better examined through the prism of a ‘clash’ within the family dialogues between immigrant parents and their Israeli-born children, who possess the inherent local communicative style.

It should be noted that the linguistic and social motivations of cross-generational interaction have been recently extensively investigated in different cultural contexts. Research on children’s and adults’ linguistic performance in multilingual settings incorporates analysis of acculturation and maintenance of heritage language (Haque 2011; Nesteruk 2010; Ng 2007), linguistic and social meaning of language alternation (Gafaranga 2005; Guerini 2006; Torras and Gafaranga 2002), as well as language preferences in negotiating family values (Zhu 2008). The questions of how a multilingual context determines the use of linguistic forms and what are diverse factors that play a role in research on multilingual communication were also approached from a broader ethnographic perspective (Auer and Li Wei 2007; House and Rehbein 2004; Saviile-Troike 2003).

This extensive literature, and the empirical evidences it provides, helps to understand the sociolinguistic situation in different immigrant communities. It suggests that children learn the new language readily, before their parents, while parents use their native language to pass on their cultural heritage and knowledge to children. In the context of Russian-speaking immigrant communities, these insights seem particularly relevant, since most of the adult immigrants of the 1990s were monolingual and had little experience in learning languages, and have provoked intensive research. Sociolinguistic research on parents-children interaction within the Russian-speaking immigrant communities worldwide focuses on psychology of communication (Shulova-Piryatinsky and Harkins 2009) and emotion-related factors in language choice (Pavlenko 2004) and was based on data from parents’ questionnaires and discussions in Internet forums. On the Israeli scene, as far as Russian-Hebrew communication is concerned, the studies focus on the language policy models (Kopeliovich 2010; Schwartz 2008) and examine relationship between family relations and language maintenance (Tannenbaum and Berkovich 2005).

In consideration of the insights gained by these studies into the dynamics of the Russian language use in Israel, I suggest switching the focus of the analysis and tracking the ways linguistic forms are used in informal communication and how they reflect the cross-cultural encounter inherent in the life of immigrant families. I would argue for the necessity of incorporating cultural and pragmatic analysis of linguistic form that revolves around the examination of communicative modes and styles, as well as key cultural concepts. More specifically, the research aims at understanding not only the immigrants’ attitudes towards the maintenance of the Russian language, but rather how this language functions in the family’s private realm.

3. DATA AND METHODS

The study is based on ethnographic observations during the period 2009—2014 among Russian-speaking Israeli families residing in Jerusalem area, in the North of Israel (Haifa) and in the central part (Tel Aviv area). Research subjects are twenty eight urban,

educated, middle-class (the *intelligentsia*) families (56 children and 63 adults) who immigrated to Israel from the former Soviet Union in the early 1990's. The families were recruited through the snowball technique — those who were initially contacted helped us to find others². The parents (28 married couples and 7 single mothers) are in their mid-thirties to mid-forties, they immigrated to Israel during their late teens or early twenties. The majority of the parents graduated from Israeli universities and are employed in professional occupations (e.g., teachers, scientists and academics, medical doctors and staff, lawyers, graphic-designers, system analysts and counsellors). The children are Israeli-born junior schoolchildren between the ages of six and twelve.

At first, a pilot focus group of three families of parents was held in a home setting, where I elicited information by interviews conducted in an unstructured and informal manner. The observation was then escalated by allowing the parents to raise their own topics. The group discussions stimulated the families' recollections and thus produced the initial data and insights gained.

At the next stage, the research database was comprised of natural recorded conversations (over 120 samples of different length, about 50 hours of the recorded material), both pre-planned and spontaneous. The samples of family intergenerational communication were collected at mealtimes in home settings, at the public spaces (e.g. swimming pools, playgrounds and public transport). The conversations were conducted in Russian, however parts of them involve examples of code-switching. The families were told that the focus of the research was on the mechanisms of maintaining the Russian language; they were not, however, told of the research interest in culturally- and linguistically-bound ways of organizing communication, family control and language socialization in immigrant families.

Additional data were collected by way of interviews with the families on the issues of raising children in Israel, the host culture and Russian cultural values. The interviews create the broader context that explains data collected through observation of parent-children interactions³. The interviews and family interaction allow a combination of two types of information for the same research objective: to interpret the Russian-Israeli parents' and children's cultural perceptions as reflected in the patterns of their linguistic performance.

My approach to examining the interactional styles used by parents and children is guided by discourse analyses, elaborated within sociolinguistic studies, for accounts of socio-cultural process: speech acts theory (Austin 1999), pragmatic analysis (Grice 1975) and interactional sociolinguistics (Goffman 1967). To identify some particular modes of cross-cultural communication and exhibit some specific characteristics of "Russian-

---

² The first Russian-speaking parents were residents of the Jerusalem neighborhood of Rehavia. They contacted me in response to flyers I placed in primary schools in the area requesting the participants for the focus group.

³ The parents voiced the importance of exposure their children to Russian Soviet cultural norms, simultaneously, however, they expressed dissatisfaction at native Israelis' manner of child rearing. Asked during the interviews where they differ in parenting styles from native Israelis, Russian-Israeli parents repeatedly mentioned discipline, authority and children's status in the family.

ness” and “Israeliness” in family interaction, I turned to a close conversational analysis of how participants talk and to what aspects of talk they pay attention. To make sense of the particular fabric of family discourse, I adopted the communicative-pragmatic model suggested by Blum-Kulka (1997). I observed communicative patterns and key-terms that would best explicate the conversational mechanism of the cross-generational interaction. Simultaneously, I studied cultural grounds underlying these linguistic forms that could explain their meanings. In that line of analysis, I drew upon anthropological structural and linguistic approaches for interpretation of cultural key-words, key-concepts and key-symbols (Bloch 2003; Katriel 1991; Wierzbicka 1997). In the interpretative analysis, I looked for the moments of discursive resistance at the interactional level and examined the content and dynamics of the interaction, paying attention to parents’ and children’s negotiation patterns, code-switching modes, turn-taking and speaking rights in relation to family hierarchies in the following section, I examine two episodes in detail: one involves a discursive power game between parties as a result of different proficiency levels of Hebrew and Russian, the other reveals the event of linguistic resistance on the part of a child as reflected in the code-switching.

4. LANGUAGE CHOICE: THE PRAGMATICS OF HEBREW AND RUSSIAN

Different levels of familiarity with two languages, Russian and Hebrew, which create everyday discourse, are the underlying gap in the parent-children interaction that was observed. The parents are the main promoters of Russian: judging by the interviews, Russian Israeli parents would like their children to preserve a full mastery of the Russian language. As part of this, parents continue to speak their native language at home, to guide their children’s verbal comprehension and to supervise the accuracy of their speech. The parent’s desire to pass native language to their children is evidenced in immigrant parents’ exclusive use of Russian when speaking with children, even if the latter switch to Hebrew in their response.

The patterns of the language choice by children vary according to context. In examining bilingualism, broader social context scholars (Gumperz 1982; Auer 1988) have noted that code-switching performs discursive as well as social functions. The essential question regarding language use then concerns the pragmatic outcome of communicating in Hebrew — the children’s dominant language, and in Russian — which is dominant for the adults. More specifically, how do parents and children establish their positions in the discourse through language choices?

No less important is the subject of the children’s and parents’ meta-pragmatic comments around the encounter. In Blum Kulka’s (1997: 180) terms, these comments relate to all aspects of verbal (and non-verbal) behaviour considered worthy of attention. The explicit ways in which participants discuss verbal appropriateness are important in the bilingual discourse, since they act as an index for the communicants in regard to linguistic and conversational performance.

The analysis of the following interaction between Ben and his mother illustrates the pragmatic use of both languages. The conversation takes place at mealtime during

celebration of Hanukkah. In Israel, this is a holiday that focuses on children, since, according to the tradition, during it, children are given some pocket money.

Participants of the conversation are: mother, Ben, aged 8, and visitors — two adults and two children. The general conversation in Russian is taking place, when suddenly Ben switches to Hebrew.

- (1) Ben: (in Hebrew) *Ima, kvar tagidi...*
[Mom, say it already]
- (2) Mother: What should I say, Beni?
- (3) Ben: *She ahshav higiya ha-zman le-halukat dmey kis.*
[That the time has come to give the pocket money]
- (4) Mother: Yes. (Calls all the children) Kids, come here!
- (5) Ben: *Kama kesev tavi li?*
[How much money will you give me?]
- (6) Mother: *Ata ben shmone — tekabel shmone shekalim.*
[You are eight years old — you will get eight shekels]
- (7) Ben: *Shmona shekalim, ki shekel- ze zahar.*
(correcting the mother) [Eight shekels, because shekel is masculine]
- (8) Mother: Beni, you switch to Russian now!

In pursuit of his goal of getting money — a crucial component of the holiday ritual, Ben switches to Hebrew and directs the conversation to the relevant channel: he points out his mother's turn to speak — *ima, kvar tagidi* (mum, say it already...) in (1), and governs the setting of the thematic frame — that the time has come to give the pocket money — in (3). Eventually, in turn (5), Ben asks the direct question pertaining to the sum of his present — *kama kesev tavi li* (how much money will you give me?)

The first two exchanges reflect Ben's willingness to be informed about the missing component of communication, and one could estimate the boy's pragmatic vigilance and awareness: the moves (1) and (3) represent meta-pragmatic comments about the mother's verbal behaviour as regards the absence of her relevant contribution to the discourse in the context of the Hanukkah evening. According to the Gricean theory of conversation and successful communication (Grice 1975), the maxim of 'quantity' was violated: for the current purposes of talk, the mother's participation was less informative than needed.

Another act of control by the boy refers to the meta-linguistic level of the talk: In his last turn (7), Ben corrects his mother drawing attention to her improper grammatical use of gender of the numeral "eight" (the noun *shekel* is masculine, so the correct form is *shmona*, with the stress on the last syllable).

During the entire conversation Ben speaks Hebrew, and until the final move his language choice is 'unnoticed'. The mother, according to the holiday ceremony (where children and giving them money are in focus) regards her son's comments with understanding and invites the children in (4). To respond to Ben's question about money, pertinent within the holiday frame, the mother eventually switches to Hebrew as well — *ata ben shmone — tikabel shmone shekalim* (you are eight years old — you will get eight shekels) in (6). She responds in Russian in (8) only when she finds her son's meta-linguistic comment face threatening to the extent that she feels it necessary to code-

switch. The mother assumes the violation of politeness formula (of how things are said), and confronts it not only by switching to her native Russian, but also by protesting against further use of Hebrew on the part of her son.

If one considers the code-switching in relation not only to a particular speaker but to the dynamics of the interaction as a whole, Hebrew is preferable for the child in the context of the Hanukkah event, since Hebrew reflects the realities related to the Jewish and Israeli experience (for example, school preparation for the holiday). However, a high level of proficiency in Hebrew can also lead to a power game — the boy turns to this language as a pragmatic resource that allows him to question the very role of his parent as an authority. In this social perspective of a power game and shift of authorities, Hebrew embodies for the child an essential pragmatic function.

Consequently, the language choice figures as the most salient feature (Gafaranga 2005:291) of meta-control discourse. Meta-pragmatic comments issued by either parents or children manifest the use of the language, dominant and preferable for either party; they serve as a tool on the one hand, for eliciting appropriate ways of verbal behaviour from the communicative partner and on the other, for establishing the power discourse.

5. CODE-SWITCHING AS A MARKER OF LINGUISTIC RESISTANCE

Late Soviet and post-Soviet Russian-Israeli parents continue to encourage their ideas and practices of raising children, adjusting and adapting their educational aims to the new context. The Russian-Soviet parental discourse however is confronted by the manner of communication prevalent in Israel. The Israeli communicative style finds its expression in the very way Israelis interact with their children — the one that offers children to take up a higher proportion of talking space, permits children's arguments and resistance and allows them a great deal of directness in their self expression. As a result, children are active in communicating with grown-ups; their voices are heard in conversation and they can respond on an equal footing. Thus, growing up in Israel, Russian-speaking children internalize Israeli modes of children's communication and bring them back into their own family interactions.

Interpreting the assertive responses of Russian-speaking children, I would suggest that their verbal behavior denotes linguistic resistance that constitutes a boundary between the two discourses. In the following excerpt, we will observe a case of such a linguistic resistance to the repetitive style of Russian-Soviet parental educational discourse. Here Nila, aged 10, is practicing her violin homework, with his mother in the same room, hovering over what Nila is doing. It should be noted, that according to interviews with parents, many Russian-Israelis believe that violin learning (and musical training in general) is a solid practice of teaching discipline.

- (1) Mother: Nila, stand up straight.
- (2) Nila: Well, Mom.
- (3) Mother: And, Nila, you should do intervals when playing the short movements.
- (4) Nila: Well, Mom, *dai!* [Enough] Dora (the teacher) has already told me this, don't tell me this again and again — I do know it by myself.
- (5) Mother: But dear, this is indeed important!

- (6) Nila: *Lo naim li! Ani lo rotza she tagidi li yoter! Ani ken zokheetr et ze beatzmi!* [This is unpleasant! I don't want you to tell me this anymore!
I do remember this by myself]

In this example, the Russian educational communication reveals itself through the rhetoric of the mother's successive reiteration of comments regarding her daughter's appearance: (1) *stand up straight*, and performance (3): *you should do intervals when playing the short movements*. The repetitive instructions elicit the girl's displeasure, expressed in her linguistic resistance. Nila switches to Hebrew, yet the choice of the language is strongly emotionally contingent: only one word *dai* (4) is embedded in Nila's response, conducted entirely in Russian. This emotionally-charged word lends an impassioned quality to the girl's argument. In Johnstone's (1986) terms, the speaker may find herself in such emotional state that she does not care about reaching the final point of the conversation and instead tries to terminate what disturbs her immediately, using the "basic ground" — the ultimate possible reason, on which all other arguments can be based. For Nila, *dai* seems to be this ultimate ground — the deepest, most basic reason on which all others rest; a reason that seems to determine the language that the girl uses.

A substantial proportion of the examined conversation is conducted in Russian, with Hebrew being used less frequently and only by the daughter. Nila turns to code-switching as a linguistic resource to use in opposing and challenging her mother; to establish her position and terminate what she considers a non-desirable interaction. Nila's choice of Hebrew substantiates her negation and intuitively gives her a sense of confidence by adjusting the language to fit her feelings. In this exchange, the Russian phrase (4) — *I do know it by myself*, negates the mother's control. However, together with the Hebrew *dai* it does not merely establish cross-generational boundaries, but rather reveals the encounter between two different cross-cultural communicative modes: Russian-Soviet educational and Israeli self-centered.

To the mother's numerous comments on her appearance and behavior, Nila counterposes her own self-awareness and autonomy and indicates that she is able to control herself: (4) — *don't tell me this again and again*. However, the pattern of the girl's emotional negation seems to climax in her last retort (6). Nila reinforces her resistance by entirely switching to Hebrew, as she reclaims her independence: *Ani ken zokheret et ze beatzmi!* (I do remember this by myself!), and explicitly demands that the mother stop her comments: *Lo naim li! Ani lo rotza she tagidi li yoter!* (This is unpleasant! I don't want you to tell me this anymore!). In doing so, she is desperately trying to escape from her mother's educational discourse. Notable here is the girl's usage of the phrase *lo naim li* — literally, "I feel unpleasant with this". This Israeli expression reflects the child's high level of reflexivity, her awareness of her own emotions in considering interactions with the others, and attentiveness to her self-needs. This and other similar Hebrew expressions⁴ are ingrained in the self-centred communicative Israeli style (Zbenovich and

⁴ (Heb.) *matim li / lo matim li* : I feel like / I don't feel like,
ba li / lo ba li : It suits me / It doesn't suit me,
osse li / lo osse li : Turns me on/doesn't turn me on

Lerner 2013). Expressions of this kind, in their literal meaning, are barely translatable into Russian. They did not appear within the legitimate Russian-Soviet discursive, educational communicative style which did not encourage excessive reflection on one's emotions, and did not provide room for a child's articulation of her self-needs.

6. CLOSING REMARKS: IMMIGRANT CHILDREN AS AGENTS OF CHANGE

To conclude, cross-cultural and bilingual family communication is a fertile site to demonstrate that the practices of raising children are to a significant extent transmitted through culture-specific meanings embodied in language. Russian language is one of the most imperative ways in which Russian Israeli parents mold their culture in immigration, construct social identity and create their community. Moreover, the Russian language is an incentive for the parents' intuitive survival in their children: it symbolizes the human cultural capital that they strive to pass on to the next generation. This underlies the reason why Russian Soviet cultural scenario operates locally in a vibrant way; it is manifested in the linguistic repertoire and even enforced through language use. Thus the conversational fabric of family dialogues embodies linguistic testimony that cultural meanings and values associated with particular Russian and Soviet cultural domains are constructed through talk and are incorporated within the basically Israeli worldview of the children.

On the other hand, however, the familial discourse of child rearing is challenged in Israel by a new language and a new communication style that is deeply rooted in the Israeli cultural ethos. Israeli-born children subvert the Russian-Soviet educational messages inherent in their parents, which for them seem imported from "far away". The children mobilize various forms of linguistic resistance, and probe different discursive styles taken from their new cultural arsenal of Israeliness and its self-centered communicative style. Analyzing the multi-lingual fabric of Russian immigrant family communication we witness the educational discourse versus acts of code-switching, as well as episodes of pragmatic function of language ingrained in both cultures. Children switch back and forth from Russian to Hebrew and use meta-pragmatic comments to signal their feelings about the inappropriateness of the discursive behaviour of adults in the new Israeli cultural context. Children thus become the agents of the change, when they introduce a new type of discourse and language to the family's educational conversations.

While children's articulation of self-centeredness was not a part of their communication within the legitimate Russian-Soviet family discourse, it is given full reign in modern Israeli culture and is ingrained in the Israeli communicative style. Hence Russian-Israeli parents encounter and interpret a new type of child-rearing discourse and are challenged by the dilemma: to adapt to or to confront the style of communication their children display. Research suggests that both parties are involved in the process of 'cultural adjustment' of the language paradigms: the inherited mentalities of the "elders" and the different cultural experience of the younger generation are negotiated in the construction of socio-cultural and linguistic identities of the children.

REFERENCES

- Alba, R. and Nee, V. (1997). Rethinking assimilation theory for a new era of immigration, *International Migration Review*, 31: 4, 826—74.
- Auer, J.C. P. (1988). A conversation analytic approach to code-switching and transfer, in M. Heller (ed.), *Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives*, 187—215. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Auer, J.C. P. and Li Wei. (2007). *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Austin, J. (1999). *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
- Ben Rafael, E. (1994). *Language, Identity and Social Division*. Oxford: Clarendon Press.
- Bloch, L.R. (2003). Who's afraid of being a Freier? The analysis of communication through a key cultural frame. *Communication Theory*, 13, 125—159.
- Blum-Kulka, Sh. (1997). Dinner talk: Cultural patterns of sociability and socialization in family discourse. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Elias, N. and Khvorostianov, N. (2010). 'People of the Book': book reading by the FSU Immigrant Adolescents in Israel. *The Journal of Children and Media*, 4(3), 316—330.
- Gafaranga, J. (2005). Demythologising language alternation studies: conversational structure vs. social structure in bilingual interaction. *Journal of Pragmatics*, 37 (3), 281—300.
- Goffman, E. (1967). *Interaction Ritual: Essays on face-to-face behaviour*. New York: Doubleday Anchor.
- Grice, P.H. (1975). Logic and conversation, in Peter Cole and Jerry L. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics*, vol. 3. Speech Acts, 41—58. New York: Academic Press.
- Guerini, F. (2006). *Language Alternation Strategies in Multilingual Settings*. Bern: Peter Lang.
- Gumperz, J. (1982). *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haque, Sh. (2011). Migrant family language practices and language policies in Finland. *Apples — Journal of Applied Language Studies*, 5 (1), 49—64.
- House, J. and Rehbein, J. (eds.). (2004). *Multilingual Communication*, Amsterdam: John Benjamins.
- Johnstone, B. (1986). Arguments with Khomeni: Rhetorical situation and persuasive style in cross-cultural perspective. *Text* 6 (2), 171—187.
- Katriel, T. (1986). *Talking Straight: Dugri speech in Israeli sabra culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Katriel, T. (1991). *Communal Webs: Communication and culture in contemporary Israel*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Kopeliovich, S. (2010). Family language policy: From a case study of a Russian-Hebrew bilingual family towards a theoretical framework. *Diaspora, Indigenous and Minority Education*, 4 (2).
- Nesteruk, O. (2010). Heritage Language Maintenance and loss among the children of East European Immigrants in the USA. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 31 (3), 271—86.
- Ng, H.S. (2007). From language acculturation to communication acculturation: addressee orientations and communication brokering in conversations. *Journal of Language and Social Psychology*, 26 (1), 75—90.
- Niznik, M. (2007). Teaching Russian in Israel — Challenging the System. In: M. Kenigshtein (ed.) *Russian Face of Israel Features of Social Portrait*. Gesharim: Jerusalem — Moskva: Mosty Kul'tury, 403—420.
- Niznik, M. (2011a). Cultural practices and preferences of 'Russian' youth in Israel. *Israel Affairs*, 17 (1), 89—107.

- Niznik, M. (2011b). 'I've never been to the Theatre': Cultural Preferences of 'Russian' internet generation in Israel. *Sociological Papers*, 16 (The Emerging Second Generation of Immigrant Israelis), 78—92.
- Pavlenko, A. (2004). Stop Doing That, Ia komu skazala!: Language Choice and Emotions in Parent-Child Communication. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 25 (2) 179—203.
- Remennick, L. (2003). Language acquisition as the main vehicle of social integration: Russian Immigrants of the 1990s in Israel, *International Journal of the Sociology of Language*, 164, 83—105.
- Remennick, L. (2007). *Russian Jews on Three Continents*, New Brunswick: Transaction Publishers.
- Remennick, L. and Celnik, P. (2011). The Children of 'Russian' Immigrant Parents in Israel: Identity and Social Integration. *Sociological Papers*, 16 (The Emerging Second Generation of Immigrant Israelis), 1—38.
- Saville-Troike, M. (2003). *The Ethnography of Communication*, (third edition). Oxford, Blackwell.
- Schieffelin, B. and Ochs, E. (1986). Language socialization. *Annual Review of Anthropology*, 15, 163—191.
- Schönpflug, U. 2001. Intergenerational transmission of values. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 174—185.
- Schwartz, M. (2008). Exploring the Relationship between Family Language Policy and Heritage Language Knowledge among Second Generation Russian-Jewish Immigrants in Israel. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 29 (5), 400—18.
- Shulova-Piryatinsky, I. and Harkins, D.A. (2009). Narrative discourse of native and immigrant Russian-speaking mother-child dyads. *Narrative Inquiry*, 19 (2), 328—355.
- Spolsky, B. and Shohamy, E. (1999). *The Languages of Israel: Policy, ideology, and practice*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Limited.
- Tannenbaum, M. and Berkovich, M. (2005). Family relations and language maintenance: implications for language educational policies. *Language Policy*, 4(3), 287—309.
- Torras, M-C. and Gafaranga, J. (2002). *Social identities and language alternation in non-formal institutional bilingual talk: Trilingual service encounters in Barcelona*. *Language in Society*, 31, 527—48.
- Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Yelenevskaya, M. and Fialkova, L. (2013). *In Search of the Self: Reconciling the Past and the Present in Immigrants' Experience*. Tartu: ELM Scholarly Press.
- Zbenovich, C. (2013). The Russian-Jewish *babushka* in Israel: discourse analysis of a cultural phenomenon. In: S. Smyth & C. Opitz (eds.) *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*, 141—161. Peter Lang.
- Zbenovich, C. (2014). Linguistic performance of Russianness among Russian-Israeli parents. In: Ryazanova-Clarke (ed.) *The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities*, 189—205. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Zbenovich, C. and Lerner, J. (2013). Vospitanie — eto rabota: Intercultural encounters in educational communication within Russian-speaking families in Israel. *Russian Journal of Communication*, 5:2, 119—140.
- Zhu, H. (2008). Duelling Languages, Duelling Values: Codeswitching in bilingual intergenerational conflict talk in diasporic families. *Journal of Pragmatics*, 40, 1799—1816.

Article history:

Received: 23. July 2016

Revised: 29 August 2016

Accepted: 04 September 2016

For citation:

Zbenovich, C. (2016) Cross-Cultural Communication in Russian-Speaking Immigrant Families in Israel: Language Practices of the Second Generation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 103—116.

Bio Note:

Claudia Zbenovich, PhD, Senior Lecturer (EFL), at Hadassah Academic College, Jerusalem. *Research interests:* pragmatics, sociolinguistics, intercultural communication, discourse analysis, and dialogue analysis. *Contact information:* e-mail: claudia.zbenovich@gmail.com

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕМЬЯХ В ИЗРАИЛЕ: ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ ИММИГРАНТОВ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ

К. Збенович

Колледж Хадасса

91010, Израиль, г. Иерусалим, ул. Ханавиш, д. 37, а/я 1114

В статье рассматриваются вопросы динамики повседневного общения детей и родителей в семьях русскоязычных израильтян. Русскоговорящие родители, иммигрировавшие в Израиль в 1990-е гг., принадлежат к последнему советскому поколению и, по большому счету, являются носителями традиционного русско-советского вербального стиля межличностной коммуникации. Их рожденные в Израиле дети, владеющие русским и ивритом, являются билингвами и демонстрируют коммуникативное поведение, подчиняющееся местным культурным нормам. Анализ межкультурной и двуязычной семейной коммуникации показывает, что русско-советский и израильский культурные сценарии живо взаимодействуют; это проявляется в репертуаре лингвистических средств и имеет тенденцию усиливаться при использовании языка. Определяющим для исследования является вопрос о том, как язык отражает состояние кросскультурности иммигрировавших и какие модели речевого поведения задействованы в повседневной семейной коммуникации. Результаты прагматического, конверсационного и дискурсивного анализа раскрывают особенности некоторых языковых и коммуникативных практик, используемых вторым поколением иммигрантов, а также указывают на то, что дети — иммигранты во втором поколении — становятся агентами перемен. Выявлено, что обе стороны вовлечены в процесс «культурного перевода» языковых парадигм: унаследованный менталитет старшего поколения и новый культурный опыт младшего поколения взаимодействуют в построении социально-культурной и языковой идентичности детей иммигрантов.

Ключевые слова: межкультурная семейная коммуникация в иммиграции, культурный коммуникативный стиль

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 июля 2016

Дата принятия к печати: 04 сентября 2016

Для цитирования:

Збенович К. Межкультурная коммуникация в русскоязычных семьях в Израиле: языковые практики иммигрантов во втором поколении // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 103—116.

Сведения об авторе:

Збенович Клаудия, PhD, старший преподаватель (EFL) кафедры английского языка, Колледж Хадасса (Иерусалим, Израиль). *Сфера научных интересов*: прагматика, социолингвистика, межкультурная коммуникация, анализ дискурса, анализ диалога. Автор ряда научных статей, монографий. *Контактная информация*: e-mail: claudia.zbenovich@gmail.com

ИМИДЖ ЧЛЕНА ЖЮРИ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТЕЛЕШОУ (на материале телепроекта «Голос»)

А.С. Герасимова, О.С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, Россия, проспект Мира, д. 55

Статья посвящена особенностям публичного дискурса, а именно коммуникативным характеристикам имиджа членов жюри творческого развлекательного телепроекта «Голос». Актуальность исследования определяется популярностью передач подобного формата, а также тем фактом, что любое творческое телешоу обладает рядом особенностей, при которых коммуникативное поведение членов жюри выполняет не просто имиджеформирующую, прагматическую, но и сюжетно-композиционную функцию. Цель статьи — определить вербальные и невербальные доминанты русского коммуникативного поведения при оценивании, формирующие универсальный имидж наставника в творческом телепроекте (лексические средства и тактические речевые приемы, а также жесты, мимику, манеру держаться). С учетом относительной новизны подобных форматов на российском телевидении описание указанных ролевых особенностей актуально для расширения представлений о русском коммуникативном поведении в публичной опосредованной коммуникации. В целях выявления речевых и неречевых коррелятов роли члена жюри в статье сопоставляются понятия «имидж» и «лингвокультурный типаж». Теоретической основой исследования послужили работы как отечественных, так и зарубежных исследователей в области имиджологии и общественных отношений (И.Л. Викентьев, Г.Г. Почепцов, А.П. Федоркина, В.М. Шепель, P. Bird, J. Fiske, E. Sampson, P. Seitel), а также лингвоперсонологии и когнитивной лингвистики (О.А. Дмитриева, В.И. Карасик, В.П. Нерознак, R. Jackendoff, V. Evans, D. Geeraerts). Функциональная и содержательная сложность телевизионного дискурса в жанре телешоу предопределили использование в работе общих методов описания, интерпретации, обобщения и классификации, а также частных методов коммуникативно-дискурсивного и структурно-семантического анализа. Материалом для анализа стали 40 речевых ситуаций, собранных из эфира телепроекта методом сплошной фиксации звучащей речи. На основе анализа материала делается вывод о том, что характеристики имиджа складываются не только благодаря индивидуальным особенностям коммуникативного поведения каждого из членов жюри, но и за счет более общих элементов — музыкального образования, круга общения, сферы интересов и др. Обобщение данных характеристик позволяет выделить лингвокультурный типаж «наставник телепроекта», отличающийся культурологически особым речевым поведением. Понятие «лингвокультурный типаж» становится более общим, многомерным и объективным, но в редуцированном варианте превращается в имидж.

Ключевые слова: имидж, телешоу, речевая коммуникация, лингвокультурный типаж

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема воздействия языка на человека, на способ его мышления, мировосприятия и поведения напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Об исключительной роли масс-медиа, ставших сегодня ежедневной потребностью социокультурной жизни индивида, говорят представители разных наук. Так, например, большой вклад в понимание роли средств массовой информации в современном мире и механизмов воздействия на общественное мнение внесли М. Castells, М. McLuhan, F. Webster (Castells, 2006; McLuhan, 1994; Webster, 2002). Среди

отечественных исследователей масс-медиа хорошо известны работы А.И. Акопова, Е.Л. Вартановой, Я.Н. Засурского, Г.Я. Солганика, В.В. Ученовой (Акопова, 1990; Вартанова, 2015; Засурский, 2008; Солганик, 2007; Ученева, 2002).

Многие из этих исследователей сходятся во мнении, что телевидение сегодня превратилось в одно из основных средств построения коммуникативного пространства. Оно не только позволяет донести новую информацию, но также формирует ценностные ориентиры и модели коммуникативного поведения путем воздействия на массовое сознание. Такое воздействие становится особенно очевидным, когда речь идет о передачах развлекательного формата — различного рода конкурсах и телешоу. Если политическая тематика увлечет далеко не каждого, то отдыхать любят все — независимо от пола, возраста, уровня образования и других социальных характеристик. Так, в творческих телепроектах массовому зрителю предлагаются (а иногда и навязываются) музыкальные предпочтения, современные веяния моды и стиль одежды, образцы коммуникативного поведения и, в конечном итоге, социальные ценности. Имидж телеведущих, членов жюри — известных деятелей культуры и искусства, а также поп-звезд — играет главную роль в этом процессе.

Настоящее исследование посвящено вопросам формирования имиджа члена жюри в аспекте развлекательного телешоу. Целью исследования стало выявление основных речевых и неречевых характеристик, формирующих индивидуальный имидж наставника творческого телешоу, на основе синтеза которых можно было бы говорить о типичном имидже и моделях коммуникативного поведения членов жюри при оценивании, а также о складывающемся в русской речевой культуре лингвокультурном типаже «наставник телепроекта». Подобные форматы на российском телевидении относительно новы, и поэтому описание указанных типов ролевого поведения в аспекте их коммуникативной специфики актуально для расширения представлений о русском коммуникативном поведении вообще и в публичной опосредованной коммуникации в частности. Несмотря на широкий спектр отечественных и зарубежных исследований национального (в т.ч. русского) коммуникативного поведения (Прохоров, Стернин, 2007; Стернин, 1989; Стернин, 1996; Мацумото, 2008; Knapp, Daly, 2010; Overall, Sibley, Travaglia, 2010; West, Turner, 2000), задачи изучения его динамики в контексте новых коммуникационных каналов, жанров, форматов остаются по-прежнему актуальными.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для анализа послужили 40 речевых ситуаций, отобранных из телевизионного эфира вокального телепроекта «Голос» (1 и 3 сезоны, записанные в 2012—2014 гг.) и записанных методом сплошной фиксации звучащей речи с последующей расшифровкой фрагментов, содержащих оценочные высказывания. Все речевые ситуации представляют собой высказывания наставников телешоу на этапе «слепые прослушивания», где мнение членов жюри определяет последующую судьбу участника шоу. В качестве третьей составы выступают известные исполнители российской эстрады — А. Градский, Л. Агутин, Д. Билан,

Пелагея Ханова (псевдоним Пелагея). Анализ материала включает описание и интерпретацию языковых и внеязыковых формантов коммуникативного поведения членов жюри, выполненных в коммуникативно-дискурсивном и структурно-семантическом русле. В частности, в качестве имиджеобразующих характеристик мы рассматриваем коммуникативные приемы (тактики), которые свойственны конкретным персонам, а также выбор языковых средств для реализации той или иной интенции. Они отражают установки и ценностные ориентиры личности, актуальные для определения типовых лингвокультурных признаков членов жюри развлекательного шоу.

3. ПОНЯТИЯ «ИМИДЖ» И «ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ» В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСКОГО ТЕЛЕШОУ

Понятие «имидж» как объект научного интереса сформировалось в XX в. В изучении этого феномена следует выделить два направления: разработка теории имиджа (Почепцов, 2001; Шепель, 1994; Bird, 1994) и исследование прикладных аспектов имиджологии (Викентьев, 2001; Егорова-Гантман, Плешаков, 2002; Жмыриков, 1996).

В буквальном переводе на русский язык слово «имидж» (от фр. или англ. *image*) означает «образ», «облик». В.М. Шепель дает следующее определение понятия «имидж»: «Имидж — индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения внимания» (Шепель, 1994:8). Иными словами, имидж — это некий придуманный символ для эффективной коммуникации, чаще всего утрированный, особенно если речь идет о воздействии на массовое сознание. «Имидж — публичное „я“ человека, как его символическое преломление» (Почепцов, 2001:11). А.П. Федоркина и Р.Ф. Ромашкина характеризуют имидж как «социально-психологическое явление, отражающее влияние на него не только сознательного, но и бессознательного компонентов психики различных социальных групп, мотивации их поведения, а также формирование образов, которые затребованы сегодня народными массами» (Федоркина, 1996:84).

В этих определениях делается акцент на прагматическом компоненте построения имиджа. Имидж создается не только для целей самопрезентации, но и для того, чтобы воздействовать на «народные массы». «Имидж — это, по сути дела, то, чем и кем Я кажусь в своем окружении, каким видят и воспринимают меня Они. Это символическое преломление моего Я в сознании окружающих» (Шепель, 1994: 27). Таким образом, в понятие «имидж» входят не только анатомические особенности внешности и стиль одежды, но и практически все характеристики, доступные восприятию, в том числе и речевое поведение. По словам Полли Берда, имидж — это «полная картинка вас, которую вы представляете другим. Она включает то, как вы выглядите, говорите, одеваетесь, действуете; ваши умения, вашу осанку, позу и язык тела; ваши аксессуары, ваше окружение и компанию, которую вы поддерживаете» (Bird, 1994:1).

В лингвоперсонологии понятие имиджа очень тесно соотносится с понятием лингвокультурного типажа, где под последним зачастую понимают «узнаваемые

образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» (Нерознак, 1996:112—116), (Карасик, Дмитриева, 2005:8).

Лингвокультурный типаж, по мнению исследователей, представляет собой определенную модельную личность с набором уникальных характеристик, свойственных данной культуре, т.е. это некий символ культуры как внутри культуры, так и для представителей других национально-культурных сообществ. Но, в отличие от модельной личности, которая выступает как эталон поведения и пример для подражания, лингвокультурный типаж подобным примером не является (ср., например, модельную личность «учитель» и лингвокультурный типаж «бомж») (Дмитриева, 2007:6). Кроме того, лингвокультурный типаж представляет собой обобщение и в этом плане включает стереотипные представления о типизируемой личности. В число стереотипных характеристик типажа входят внешний вид, особенности коммуникативного поведения, сфера деятельности и круг общения, происхождение, возраст, а также ценности, в соответствии с которыми типаж строит свое речевое поведение.

Телевизионная реализация авторской идеи в творческом проекте «Голос», с одной стороны, определяется имиджем членов жюри. Так, принцип подбора третейского состава предполагает наличие общих характеристик в образе судей, а также проявление индивидуальных черт. С другой стороны, при формировании концепции программы создатели телепроекта ориентируются на лингвокультурный типаж, характерный для современной поп-культуры и способный соединить в себе не только традиционные элементы, характеризующие российского эстрадного исполнителя, но и ценности — самые глубинные характеристики культуры, выступающие неотъемлемым компонентом, влияющим на формирование имиджа членов жюри телепроекта «Голос».

Из указанных ранее характеристик очевидно, что имидж должен привлекать к себе как можно большее количество сторонников, быть социально одобряемым. Особенно это важно для представителей эстрады — их образ должен четко соответствовать интересам современной аудитории. «Если произведения высокой культуры завершены и существуют сами по себе, произведения поп-культуры из-за своей фрагментарности в сильной степени требуют включенности аудитории. Их нет за ее пределами, поэтому они слабо передаются через века, они четко привязываются к своему моменту во времени и к своей аудитории» (Почепцов, 2001:74). Телепроект «Голос» рассчитан на широкий круг зрителей всех поколений. Своей популярностью он обязан имиджу исполнителей из «разных эпох», работающих в разных музыкальных стилях. Остановимся более подробно на образе каждого из них.

А. Градский — советский и российский певец, мультиинструменталист, поэт и композитор — самый старший и самый опытный представитель третейского состава. В судейском кресле он всегда появляется в черной рубашке, черных брюках и черных ботинках, причем классический образ никогда не завершается пиджаком, галстуком или бабочкой, что говорит о стремлении к простоте стиля. Умение держаться просто и ярко проявляется и в речи А. Градского, насыщенной про-

сторечными формами слов, окказионализмами, сокращенными формами имен собственных, обращениями «на ты», элементами жаргона. Обратимся к примерам:

- (1) *Старик / ну это просто «прокол» / просто какой-то «прокол» // (прокол — неудача, возникшая в результате какой-либо ошибки, сама ошибка) (Ермакова, Земская, Розина, 1999: 166);*
- (2) *Верхняя нота должна быть такая / чтобы мы поняли / О! Она может! (просторечная форма глагола «может»);*
- (3) *Дает девка! (использование просторечной лексики);*
- (4) *А Вы сказали / Вы из Челябинской области? Земеля / город Копеевск / 49 год (использование просторечной лексики);*
- (5) *Володя Кузьмин поет это достаточно спокойно // А Вы даже его перекузьмили // (сокращенная форма имени собственного + окказионализм);*
- (6) *Не волнуйся / уже все проехало // Теперь мы будем волноваться // (обращение к участнику «на ты»).*

Следует отметить, что такие речевые приемы никак не принижают имидж А. Градского — истинного ценителя хорошей музыки, профессионала своего дела, человека с прекрасным образованием, тонким вкусом и чувством юмора. Об этом свидетельствуют замечания музыканта, обращенные к конкурсантам, — он легко угадывает возраст участника, физиологические особенности его голосового аппарата, уровень подготовки, поэтому нередко пользуется коммуникативной тактикой «совет».

- (7) *Ну / мне это исполнение понравилось // Вам лет 36? (участник отвечает, что ему 39);*
- (8) *Восточная кровь где-то есть немного? Вот это и слышно // (подчеркиваются особенности строения связок и извлечения звука);*
- (9) *Настолько точные были / правильные ноты снизу вверх / вот эти вот все штуки / и это говорит о том / что Вы эту вещь досконально знаете и удивительным образом почувствовали // (подчеркивается тот факт, что участник тщательно подготовил музыкальный материал);*
- (10) *Значит / вот такой совет / пока ни на какие конкурсы не ходите / не нужно // Добейтесь с Вашим педагогом / чтобы у Вас вибрация в нижнем регистре была более широкой / амплитудной // (совет очень важен для конкурсанта, так как дальнейшее участие в конкурсах может навредить его голосовому аппарату).*

Отличительной чертой идиостиля А. Градского является частое использование метафоры «убил/убила» — обычно для характеристики очень хорошего выступления и выражения крайнего положительного полюса оценки:

- (11) *Ну ты дала вообще! Убила! Убила!*
- (12) *Ну ты молодец! Просто убил!*

Коммуникативное поведение Л. Агутина — певца, поэта-песенника и композитора — отчасти напоминает манеру А. Градского:

- (13) *Алиса / я скажу / что / конечно / мы все мужики тут понимали / что петь Вам надо с Пелагеей / это ясно // (использование просторечно-разговорного обозначения мужчин);*
- (14) *Она пела эту песню как хохму / потому что эта песня есть хохма // И большие ничего она из себя не представляет // (хохма — нечто сказанное или рассказанное)*

ное с целью вызвать смех — в частности острота, анекдот или реальная история) [(Ермакова, Земская, Розина, 1999:242); (15) *Где работаешь?* (обращение «на ты»).

Однако Л. Агутин более сдержан в своих высказываниях и зачастую занимает позицию сдержанного в своих эмоциях эксперта. Исполнитель либо никак не комментирует выступление конкурсанта, либо выражает свое восхищение лаконично: «*Браво!*». Такое немногословие не становится намеком на отстраненность и неумение оценить выступление, а, напротив, свидетельствует о том, что исполнитель на все имеет собственное мнение, однако вовсе не склонен вступать в полемику либо повторять уже сказанное. Сдержанное поведение также подтверждает имидж Л. Агутина, созданный за все годы работы на отечественной эстраде — зрителю известны лишь творческие успехи исполнителя, обсуждение личной жизни входит в зону «запретных тем». Утонченность вкуса певца подчеркивается умением сочетать классический стиль одежды с современными тенденциями моды — в эфире телепроекта Л. Агутин всегда появляется в пиджаке, рубашке и джинсах.

На контрасте с Л. Агутиным выступает Д. Билан, коммуникативное поведение которого отличается раскованностью и высокой степенью эмоциональности. Его высказывания содержат огромное количество междометий, элементы молодежного жаргона, сленговые метафоры, окказионализмы. Однако такая свободная манера держаться на публике ограничивается дистантным обращением к участнику и использованием форм обращения «на Вы». Переход «на ты» всегда маркирован и подчеркивает особую симпатию наставника по отношению к участнику:

- (16) *У / у / у!* (возглас появляется во время выступления участника и сопровождается свистом);
- (17) *Я прифигел / мне / честно не хватает какой-то бойкости в коллективе / какой-то безбашенности / в хорошем смысле //* (офигеть — прийти в крайнее эмоциональное состояние (до потери разума) от какого-то невероятного происшествия (плохого или хорошего, но неожиданного и удивительного), обалдеть [Ермакова, Земская, Розина, 1999:143]);
- (18) *Какая милая уютная дама!* (метафора);
- (19) *Ну / загвоздячила сразу всех!* (окказионализм);
- (20) *Ты достойная / ты очень достойная //* (обращение «на ты»).

Будучи одним из самых популярных певцов отечественной эстрады, победителем конкурса «Евровидение» и героем церемоний «Муз-ТВ», Д. Билан больше всего соответствует распространенному мнению о том, каким имиджем должна обладать поп-звезда. Так, в своей работе «Профессия: имиджмейкер» Г. Почепцов приводит основные характерные особенности имиджа поп-звезды. В эти особенности входят: 1) принципиальная ориентация музыкального материала на потребности зрителя; 2) стертость лишней информации и яркость вводимой; 3) усиленное внимание к внешности, символизм и динамичность образа; 4) участие в разных сферах социокультурной деятельности (Почепцов, 2001:75—79).

Действительно, весь репертуар Д. Билана соответствуют современным музыкальным тенденциям, именно поэтому многие исполненные им песни уже пре-

вратились в хиты. Что касается личной жизни поп-звезды, то ее подробности всегда остаются тайной для зрителя. Очень редко СМИ освещают информацию о романах певца с привлекательной внешностью.

Такое усиленное внимание к внешности также не случайно — именно динамичность образа (от «ночного хулигана» до «стиляги») обеспечивает популярность и подчеркивает вкусы исполнителя. Оставаться на пике славы артисту также помогает и участие в разных общественных социокультурных сферах. Например, не так давно вышел социальный клип Д. Билана и Н. Водяновой «Не молчи», обращающий внимание общества на проблемы детей с ограниченными способностями, кроме того, артист снялся в фильме о Первой мировой войне, где играет офицера русской армии.

Все перечисленные особенности имиджа обеспечивают востребованность артиста, повышенный интерес поклонников к его личности, а также обуславливают раскованное коммуникативное поведение и речь, в которых подчеркивается уверенность в себе и самодостаточность.

Пелагея — популярная исполнительница фольклорной музыки, романсов, авторских сочинений, самая молодая и единственная представительница прекрасного пола в составе жюри конкурса. В контексте всего телешоу она становится неким воплощением женственности и красоты, совмещенной со стилевой эклектикой музыкальных жанров. Об этом свидетельствуют разнообразные наряды певицы — от народных платьев и головных уборов до стильных сексапильных костюмов и туфель на шпильках. Отличительной чертой имиджа этой наставницы становится искренняя улыбка, которая так легко располагает к себе участников. Коммуникативное поведение певицы в силу небольшой возрастной разницы частично схоже с поведением Д. Билана. Так, оценочные высказывания могут включать междометия, лексику молодежного жаргона и сленг, метафоры, окказионализмы, слова-димиутивы, англоязычные слова, формы обращения «на ты»:

- (21) *А / е / е / е / е!* (выражение восторга через междометие);
- (22) *Просто какие-то траектории слишком космические* // (говорит о высоких нотах — метафора);
- (23) *И вы прям статуэточка такая* // (димиутив);
- (24) *Вы немножко формальненько это сделали* // (димиутив);
- (25) *Воу! Окей! Сорри тогда за то / что я пальцем в небо сейчас не попала* // (англицизмы);
- (26) *Ты крутая! Иди ко мне!* (обращение «на ты», жаргонизм «крутой» — высшего образца [(Ермакова, Земская, Розина, 1999:86)]);

Стоит отметить, что высказывания Пелагеи носят аналитический характер, поэтому могут рассматриваться как тактика совета. Так же, как и А. Градский, певица подмечает вокальные особенности конкурсанта, что еще раз подчеркивает серьезную музыкальную школу:

- (27) *Вы нашли / как открывать звук / но тут еще такая интересная штука / у Вас тембр низкий / но при этом / исполненная Вами нота не низкая / а она у Вас проваливается // Все должно звучать открыто / в одну линеечку //*

(28) *Можно я сейчас скажу одну вещь / за которую меня и в Российской академии им. Гнесиных окончательно перестанут любить на народном отделении // Я в оппозиции стою к той манере /в который Вы как раз поете / потому что для меня это максимально формально //*

Однако, несмотря на глубокие замечания, лексическими доминантами речевых высказываний наставницы стали такие жаргонные оценочные слова, как: «крутой», «классный» (высшая положительная оценка [(Ермакова, Земская, Розина, 1999:74)], «клевый» (высшая положительная оценка [Там же]), «кайфовая» (приятный, доставляющий удовольствие [Там же, 1999:69]). Возможно, это связано с желанием певицы звучать современно либо с ограниченным репертуаром оценочных языковых единиц.

4. ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМИДЖА ЧЛЕНА ЖЮРИ ТЕЛЕПРОЕКТА «ГОЛОС»

Итак, говоря об имидже каждого из членов жюри в контексте телепроекта «Голос», можно сделать вывод о том, что, несмотря на возрастную разницу, приверженность разным музыкальным жанрам и индивидуальный имидж, созданный в течение долгого времени работы на эстраде, всех наставников объединяет высокий уровень образования, утонченность вкуса, умение свободно держаться на публике и располагать к себе конкурсанта, независимо от того, согласны ли они взять его в команду.

Таким образом, в аспекте телешоу можно говорить о типичном имидже наставника проекта, который, по сути, является «коммуникативной единицей, идеально соответствующей требованиям коммуникативного пространства» (Почепцов, 2001:24). При этом очень важным фактором остается узнаваемость имиджа в новых коммуникативных ситуациях на протяжении всех трех сезонов телепроекта.

Помимо уровня образования, предпочтений в музыке и одежде, манеры держаться, к невербальным характеристикам имиджа членов жюри телешоу также можно отнести и некоторые элементы поведения. Так, например, Пелагея может легко позволить себе потанцевать, а Д. Билан снять пиджак и покрутить им у себя над головой или же выйти на сцену и спеть вместе с конкурсантом, Л. Агутин часто аплодирует стоя. А вот для А. Градского такие действия стали бы не совсем соответствующими имиджу обстоятельного эксперта. Тем не менее подобные различия в поведении не подрывают универсальности имиджа, а лишь подчеркивают желание нравиться публике, воздействовать на аудиторию, создавать иллюзию свободного общения.

К вербальным характеристикам имиджа членов жюри можно было бы отнести простоту и грамотность речи (что задается параметрами публичной ситуации общения), а также использование экспрессивных средств языка — эпитетов (*«космическая внешность»*), метафор (*«Я люблю / когда девочки так низко разговаривают / низко поют / это настоящее «мясо» // Пелагея*), окказионализмов (*«Я сейчас говорю / и у меня мурашит правую сторону // Пелагея; Космическая супердылда /*

в смысле голоса // Д. Билан), профессионализмов (...интересно было послушать / как Вы эту ноту обопрете // А. Градский; У Вас блю-ноты замечательно получаются // Л. Азутин; «хорошее вibrато», «фальцетный вариант», «низкий обертон», «киксанула разочек», «вот эти тесситурки»), жаргонизмов и сленгизмов (Значит / смотрите / какая тут главная фигня... // А. Градский; Напортачил все-го / и того / и другого / и пятого // А тут я облажаюсь / а тут нет // А. Градский).

В контексте публичного музыкального дискурса можно отметить частотные переносные значения, которые приобретают слова «вкусный» (интересный, необычный), «вещь» (материал, песня), «история» (выступление, стиль), «фирма» (отличное, высококлассное выступление):

- (29) Ну / скажу честно / я люблю такие вещи // (А. Градский);
 (30) Я так люблю / когда такие / как будто бы / позитивные шуточные вещи передаывают тоже позитивно и с юмором... // (Пелагея);
 (31) А вibrато какое! Вкуснейшее! Звучание крутейшее! Вот это фирмища! (Пелагея);
 (32) Я не умею вот это вот делать / и ты немножечко передознула для меня вот с этой историей // (Пелагея).

На протяжении всего телешоу наставники пытаются демонстрировать теплоту, заинтересованность в участниках, их дальнейшей судьбе, стремятся позиционировать себя максимально сближенными с начинающими артистами, сопереживающими им (обозначим это как тактику эмпатии):

- (33) Но / конечно / вопрос возник / есть ли у Вас верхние ноты // Скажите / у Вас / наверно / в горле пересохло или нет? (Д. Билан);
 (34) И / конечно / совершенно бессмысленно нам сейчас что-то говорить / после того / как Вы рассказали // Пойте / дай Вам Бог здоровья! Вы совершенно поете / на слух / вот / спиной / как абсолютно здоровый и очень талантливый человек // (Пелагея).

Очень выигрышным речевым приемом с точки зрения сближения с участниками становится коммуникативная тактика «самопрезентация» или «перевод стрелок на себя»:

- (35) Ачи / ну / я вынужден Вам сказать, по праву тоже повернувшегося / что / ну конечно / Ваши / естественно / выбор и все... Но это мое / вообще / то есть совсем // То / что Вы делаете / то / что Вы способны делать — это то / что я всю жизнь хочу делать / но не способен // Но с удовольствием бы это поставил в правильное место // (Л. Азутин);
 (36) У меня ситуация несколько сложнее / потому что то / как Вы это делали / и то / зачем Вы это делали — это как раз то / что мне самому нравится // (А. Градский).

В ситуации согласия (когда члены жюри согласны приять участника в свои команды) данный прием также помогает заинтересовать конкурсанта и, в буквальном смысле, заманить его к себе в команду. В ситуации отказа — дает возможность оправдаться или извиниться за то, что выступление осталось без внимания:

- (37) Вы знаете / ничего не могу с собой поделат / — у меня плохие отношения с этим псевдоджазом // Я его очень не люблю // Вы / ради Бога / меня извините // Это / наверное / из-за того / что в моей жизни слишком много джаза / и я его искренний поклонник / поэтому «псевдо» я не очень люблю // (Л. Азутин).

Не менее удачными речевыми приемами для выражения сопереживания и создания имиджа эмпатичного наставника становится группа компенсаторных речевых тактик в ситуации отказа: тактика «утешение», тактика «похвала» или «комплимент», тактика «самооправдания»:

- (38) *Все будет хорошо! Все еще впереди! (Пелагея)* (тактика «утешение»; чаще всего помогает завершить оценочное высказывание на дружелюбной ноте);
- (39) *Очень красиво пели / очень хороший язык / естественно / но неровная очень получилась по подаче / неровная / скажем так / вокальная партия / если можно так сказать // (А. Градский)* (девушка спела не в балансе между «форте» и «пиано», что сделало вокальную партию «рваной» и дисгармоничной; однако оценочное высказывание открывается тактикой похвалы, что помогает сгладить отказ и отметить положительные стороны исполнения);
- (40) *Вы врач / но Вы допускали в пении те же ошибки / которые обычно допускают тенора / которые десять лет работают в театре // (А. Градский)* (в примере представлен комплимент «от противного»; наставник одновременно и подмечает неточности исполнения, и говорит, что участник спел на уровне оперного певца — для врача — человека, некомпетентного в вопросах музыки, — это звучит вдвойне приятно);
- (41) *Я оправдуюсь первая / почему не нажала... Я не умею (показывает голосом) вот это делать / и ты для меня немножко «передознула» // (Пелагея)* (в данном примере без труда можно заметить, тактика «самооправдание» плавно сменяется тактикой «самопрезентация»; зачастую члены жюри не допускают участника до следующего тура, потому что считают его исполнение неверным, исходя из личных мотивов).

Выделенные особенности имиджа членов жюри позволяют говорить о формировании в русской коммуникативной культуре лингвокультурного типажа «наставник телепроекта», который становится более общей единицей в контексте телешоу, включающей в себя не только характеристики имиджа, но и такие элементы, как вовлеченность представителей третьей стороны в различные сферы деятельности (н-р, благотворительность или участие в других сферах культуры и искусства), их происхождение из творческой семьи и, самое главное, общие ценностные ориентиры и взгляды. Данные ценностные ориентиры, прежде всего, основаны на представлениях о том, каким должно быть хорошее исполнение музыкального материала, продиктованное русской и/или западной музыкальной культурой. На основе таких ориентиров и выстраиваются оценочные суждения, отличающиеся теми или иными лингвистическими характеристиками.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрели языковые и внеязыковые особенности коммуникативного поведения членов жюри телепроекта «Голос» на этапе «слепые прослушивания», где наиболее ярко и выпукло обнаруживается имидж каждого из наставников творческого телешоу. Проанализировав 40 речевых ситуаций, включающих оценочные суждения наставников, мы можем сделать вывод о том, что, будучи социально-психологическим явлением, имидж включает не только ес-

тественные свойства личности, но и специально наработанные и созданные за долгие годы творческой деятельности. Так, в телешоу «Голос» каждый из наставников предстает в своем амплуа — образе метра российской эстрады (А. Градский) или поэта-песенника с тонким джазовым вкусом (Л. Агутин), образе тонко чувствующей народную культуру исполнительницы этнических композиций (Пелагея) или стильной поп-звезды и победителя известного вокального конкурса «Евровидение» (Д. Билан).

Однако, несмотря на подобную индивидуальность, на протяжении всего телешоу все наставники пытаются демонстрировать теплоту, заинтересованность в участниках, их дальнейшей судьбе, стремятся позиционировать себя максимально сближенными с начинающими артистами, соперечающими им. Это выражается не только при помощи средств лексического уровня языка (формы-диминытивы, междометия, молодежный сленг и профессиональный жаргон, вульгаризмы, англицизмы, просторечно-разговорные варианты слов, метафорические и окказиональные выражения), но и при помощи разнообразных коммуникативных тактических приемов (тактики комплемента, похвалы, самооправдания, самопрезентации, утешения). Объединяющее наставников стремление к эмпатии в совокупности с высоким уровнем образования, утонченностью музыкального вкуса и свободной манерой публичного общения позволяют выделить универсальный имидж наставника творческого телепроекта — в этом случае его точнее назвать лингвокультурным типажом. Он легко узнаваем в каждом из трех сезонов и позволяет достичь желаемых результатов — завоевать зрительские внимание и доверие и тем самым обеспечить популярность телепроекту.

Стоит отметить, что в нашем случае понятие лингвокультурного типажа телепроекта «Голос» сближается с понятием универсального имиджа наставника телепроекта. Единственным отличием может стать лишь тот факт, что лингвокультурный типаж отличается от имиджа многомерностью и относительной объективностью. Если имидж формируется намеренно как инструмент воздействия на общественное мнение, то типаж возникает спонтанно в результате развития социума. Таким образом, на нашем материале мы находим подтверждение высказанной ранее В.И. Карасиком идее, что «в редуцированном варианте типаж может превратиться в имидж (Карасик, Дмитриева, 2005:20). В условиях заранее определенного сценария телевизионного проекта такая перспектива развития коммуникативного поведения членов жюри отнюдь не исключается.

© Герасимова А.С., Иссерс О.С., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акопов А.И. *Средства массовой информации*. М., 1990.
- Вартанова Е.Л. *Медиасистема в России*. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Викентьев И.Л. *Приемы рекламы и public relations*. СПб.: Триз-Шанс и Бизнес-пресса, 2001.
- Дмитриева О.А. *Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века*. Волгоград: 2007. С. 6.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. *Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона*. М.: Азбуковник, 1999.

- Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. *Политическая реклама*. М.: Никколо-Медиа, 2002.
- Жмыриков А.Н. *Психология политического лидерства в современной России*. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар., центр, 1996.
- Засурский, Я.Н. *Основные понятия теории журналистики*. М., 2003.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы*: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 8—20.
- Мацумото Д. *Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования, открытия*. СПб.: Прайм Еврознак, 2008.
- Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. *Язык. Поэтика. Перевод*. М., 1996. № 426. С. 112—116.
- Почепцов Г.Г. *Профессия: имиджмейкер*. СПб.: Алетейя, 2001.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. М.: Флинта, 2006.
- Солганик Г.Я. *Язык массовой и межличностной коммуникации*. М., 2007.
- Стернин И.А. *О понятии коммуникативного поведения* // *Kommunikativ-funktionale Sprachbe-trachtung*. Halle, 1989. С. 279—282.
- Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М.: Наука, 1996. С. 97—112.
- Ученова В.В., Старых Н.В. *История рекламы*. СПб.: Питер, 2002.
- Шепель В.М. *Имиджология. Секреты личного обаяния*. М., 1994.
- Шпалинский В.В. *Психология менеджмента: учебное пособие*. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Федоркина А.П. Проблемы имиджа в контексте социального психоанализа / Под ред. А.П. Федоркина, Р.Ф. Ромашкина // *Имидж госслужбы*. М.: АТС, 1996.
- Bird, P. (1994). *Sell Yourself. Persuasive Tactics to Boost Your Image*. London.
- Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford: University Press.
- Evans, V. (2006). *Cognitive linguistics*. Edinburgh: University Press.
- Fiske, J. (1992). *Understanding popular culture*. London etc.
- Fiske, J., Hartley, J. *Reading television*. London etc., 1978.
- Geeraerts, D. (2006). *Cognitive linguistics: basic readings*. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter.
- Jackendoff, R. (2007). *Language, consciousness, culture: essays on mental structure*. USA
- Knapp, M.L., Daly, J.A. (2010). Editors' introduction: Interpersonal communication. In M.L. Knapp & J.A. Daly (Eds.), *Interpersonal communication, volume 1: Introduction, history and communicator characteristics* (pp. 21—33). Los Angeles: Sage.
- McLuhan, M. *Understanding media: the extensions of man*. Cambridge: The MIT Press.
- Overall, N.C., Sibley, C.G., Travaglia, L.K. Loyal but ignored: The benefits and costs of constructive communication behavior. *Personal Relationships*. Printed in the United States of America, 127—148.
- Sampson, E. (1994). *The image factor. A guide to effective self-presentation for career enhancement*. London.
- Seitel, P.P. (1992). *The practice of public relations*. New York etc.
- Webster, F. (2002). *Theories of the Information Society*. London, New York.
- West, R., Turner, L.H. (2000). *Introducing communication theory: Analysis and application*. Mountain View, CA: Mayfield.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 мая 2016

Дата принятия к печати: 28 июня 2016

Для цитирования:

Герасимова А.С., Иссерс О.С. Имидж члена жюри развлекательного телешоу (на материале телепроекта «Голос») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 117—131.

Сведения об авторе:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; главный редактор международного научного журнала «Коммуникативные исследования»; *Сфера научных интересов*: коммуникативистика, речевое воздействие, дискурсивные исследования. Разрабатывает направления, связанные с описанием стратегического аспекта речевой коммуникации, современных дискурсивных практик. Автор более 250 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия и научные статьи. *Контактная информация*: e-mail: isserso@mail.ru.

Герасимова Анастасия Сергеевна, аспирант третьего года обучения, преподаватель кафедры английской филологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского; *Сфера научных интересов*: прагматический аспект коммуникации, стратегии и тактики речи, публичный дискурс. Автор 10 научных статей. *Контактная информация*: e-mail: staisy_1009@mail.ru.

THE JUROR'S IMAGE OF AN ENTERTAINMENT TV-SHOW (on the Basis of "The Voice" Show)

Anastasia S. Gerasimova, Oxana S. Issers

F.M. Dostoevsky Omsk State University
55, Prospect Mira Str., 644077, Omsk, Russia

The article is devoted to the peculiarities of a public discourse and communicative characteristics of the juror's image in a creative TV-show «The Voice». Nowadays TV-show has become a popular entertaining program where the image of the juror is not only a pragmatic component of public communication but an element creating the plot of the program as well. Based on the material of oral statements in 40 speech situations, the research defines verbal and non-verbal dominants of Russian communicative behavior while assessing (means of lexical expression, speech tactics, gestures, mimicry and manners) which form a universal image of a juror throughout a creative TV-show. Being quite new for Russian television, such entertaining format creates a necessity of describing role peculiarities expanding the idea of Russian communicative behavior in conditions of public vicarious communication. To find out verbal and non-verbal correlates of the juror's role such phenomena as «image» and «lingvocultural type» are compared in the article. Theoretical basis of the study was formed due to works of Russian and foreign researchers devoted to image-making and public relations (I.L. Vikent'ev, G.G. Pochepsov, A.P. Fedorkina, V.M. Shepel', P. Bird, J. Fiske, E. Sampson, P. Seitel) as well as works in the sphere of lingvopersonology and cognitive linguistics (O.A. Dmitrieva, V.I. Karasik, V.P. Neroznak, R. Jackendoff, V. Evans, D. Geeraerts). Functional and semantic complexity of a TV-discourse in its genre of a show determined the usage of general description methods, methods of interpretation, generalization and classification. Among some particular

the methods of communicative, discourse, structural and semantic analysis were used. In result the study shows that image characteristics are formed not only thanks to the individual peculiarities of the juror's communicative behavior, but also due to general elements — musical education, sphere of communication, interests etc. These generalized characteristics make it possible to differentiate a lingvocultural type «TV-project tutor» which is notable for its specific cultural speech behavior. The concept «lingvocultural type» becomes a generalized, multivariate, and objective phenomenon. However, in its reduced variant it turns into image.

Key words: image, TV-show, oral communication, language and culture type

REFERENCES

- Akopov, A.I. (1990). *Sredstva massovoi informatsii* [Mass Media]. Moscow (In Russian)
- Bird, P. (1994). *Sell Yourself. Persuasive Tactics to Boost Your Image*. London
- Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford: University Press.
- Dmitrieva, O.A. (2007). *Lingvoculturnye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka* [Lingvocultural character types of Russia and France]. Volgograd. 6 (In Russian)
- Egorova-Gantman, E.V., Pleshakov K.V. (2002). *Politicheskaya reklama* [Political advertisement]. Moscow: Nikkolo-Media (In Russian).
- Ermakova, O.P., Zemskaya, E.A., Rozina, R.I. (1999). *Slova, s kotorymi my vse znakomy* [Words that we all met: explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: Azbukovnik (In Russian).
- Evans, V. (2006). *Cognitive linguistics*. Edinburgh: University Press.
- Fedorkina, A.P. (1996). *Problemy imidzha v kontekste sotsial'nogo psikhoanaliza* [Problems of image in the context of social psychoanalysis]. In A.F. Fedorkin, R.F. Romashina (ed.). Moscow: ATS (In Russian).
- Fiske, J., Hartley, J. Reading television. London etc., 1978.
- Fiske, J. (1992). *Understanding popular culture*. London etc.
- Geeraerts, D. (2006). *Cognitive linguistics: basic readings*. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter.
- Jackendoff, R. (2007). *Language, consciousness, culture: essays on mental structure*. USA
- Karasik, V.I., Dmitrieva, O.A. (2005). *Lingvokul'turnyi tipazh: k opredeleniju ponyatia* [Lingvocultural character type: to the definition of the concept]. Volgograd: Paradigma. 5—25 (In Russian).
- Knapp, M.L., Daly, J.A. (2010). Editors' introduction: Interpersonal communication. In M. L. Knapp & J.A. Daly (Eds.), *Interpersonal communication, volume 1: Introduction, history and communicator characteristics* (pp. 21—33). Los Angeles: Sage.
- Matsumoto, D. (2008). *Chelovek, cultura, psikhologiya. Udivitel'nye zagadki, issledovaniya, otkrytiya* [Man, culture, psychology. Wonderful riddles, researches, discoveries]. Saint-Petersburg: Praim Evroznak (In Russian).
- McLuhan, M. *Understanding media: the extensions of man*. Cambridge: The MIT Press.
- Neroznak, V.P. (1996). *Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny* [Linguistics personology: to the definition of the discipline status]. Moscow: Sbornik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta: Yazyk. Poetika. Perevod 426, 112—116 (In Russian).
- Overall, N. C., Sibley, C. G., Travaglia, L. K. Loyal but ignored: The benefits and costs of constructive communication behavior. *Personal Relationships*. Printed in the United States of America, 127—148.
- Pocheptsov, G.G. (2001). *Professiya: imidzhmeiker* [Occupation: image-maker]. Saint-Petersburg: Aleteiya (In Russian).

- Prokhorov, Yu.E, Sternin, I.A. (2006). *Russkiye: kommunikativnoe povedenie* [Russians: Communicative behavior]. Moscow: Flinta (In Russian).
- Sampson, E. (1994). *The image factor. A guide to effective self-presentation for career enhancement*. London.
- Seitel, P.P. (1992). *The practice of public relations*. New York etc.
- Shepel', V.M. (1994). *Imidzheologiya. Sekrety lichnogo obayaniya* [Imageology. Secrets of personal magnetism]. Moscow (In Russian).
- Shpalinskiy, V.V. (2000) *Psikhologiya menedzhmenta* [Psychology of management]. Moscow: URAO. (In Russian).
- Solganik, G.Ya. (2007). *Yazyk massovoi i mezhlchnostnoi kommunikatsii* [Language of mass- and interpersonal communication]. Moscow. (In Russian)
- Sternin, I.A. (1989). *O ponyatii kommunikativnogo povedeniya* [About the notion of communicative behavior]. 279—282 (In Russian).
- Sternin, I.A. (1996). *Kommunikativnoe povedenie v structure natsional'noi culture* [Communicative behavior in ethnic culture]. Moscow: Nauka. 97—112 (In Russian).
- Uchenova, V.V., Starykh, N.V. (2002). *Istoriya reklamy* [History of advertisement]. Saint-Petersburg: Piter (In Russian).
- Vartanova, E.L. (2015). *Mediasistema v Rossii* [Media system in Russia]. Moscow: Aspect Press (In Russian).
- Vikent'ev, I.L. (2001). *Priemy reklamy i public relations* [Advertising methods and public relations]. Saint-Petersburg: Triz-Shans i Biznes pressa (In Russian).
- Webster, F. (2002). *Theories of the Information Society*. London, New York.
- West, R., Turner, L. H. (2000). *Introducing communication theory: Analysis and application*. Mountain View, CA: Mayfield.
- Zasurskii, Ya.N. (2003). *Osnovnye ponyatiya teorii zhurnalistiki* [Basic notions of journalism theory]. Moscow: Ya.N. Zasurskiy (In Russian).
- Zhmyrikov, A.N. (1996). *Psikhologiya politicheskogo liderstva v sovremennoi Rossii* [Psychology of political leadership in contemporary Russia]. Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyi tsentr (In Russian).

Article history:

Received: 23 May 2016

Revised: 14 June 2016

Accepted: 28 June 2016

For citation:

Gerasimova, A., Issers, O. (2016). The Juror's Image of an Entertainment TV-show (on the basis of "The Voice" show. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 117—131.

Bio Note

Gerasimova Anastasia Sergeevna, PhD student of the third year, teacher of English Philology Department of Dostoevsky Omsk State University; *Scientific field*: pragmatic aspect of communication, strategies and tactics of speech, public discourse. The author of 10 research papers. *Contacts*: e-mail: staisy_1009@mail.ru.

Issers Oksana Sergeeva, Doctor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department of Dostoevsky Omsk State University; editor-in-chief of international academic journal "Communication Studies"; *research field*: theory of communication, discourse analysis. Develops aspects connected with description of communicative strategies and modern discourse practice. The author of over 250 publications. *Contacts*: e-mail: isserso@mail.ru.

GRAMMATICAL ASPECT AND GESTURE IN FRENCH: A KINESIOLOGICAL APPROACH

Dominique Boutet¹, Aliyah Morgenstern²,
Alan Cienki³

¹Université de Rouen
140, rue de Belleville 75020 Paris, France

²Université Sorbonne Nouvelle
12, rue St Fiacre, 75002 Paris, France

³Universiteit Amsterdam & Moscow State Linguistic University
VU, De Boelelaan 1105 1081 HV Amsterdam, Netherlands

In this paper, we defend the idea that research on Gesture with Speech can provide ways of studying speakers' conceptualization of grammatical notions as they are speaking. Expressing an idea involves a dynamic interplay between our construal, shaped by the sensori-motoric and interactive experiences linked to that idea, the plurisemiotic means at our disposal for expressing it, and the linguistic category available for its expression in our language. By analyzing the expression of aspect in Speech with Gesture (GeSp) in semi-guided oral interactions, we would like to make a new contribution to the field of aspect by exploring how speakers' construal of aspectual differences grammaticalized in their language, may be enacted and visible in gesture.

More specifically we want to see the degree to which event structure differences expressed in different grammatical aspects (perfective and imperfective) correlate with kinesiological features of the gestures. To this end, we will focus on the speed and flow of the movements as well as on the segments involved (fingers, hand, forearm, arm, shoulder). A kinesiological approach to gestures enables us to analyze the movements of human bodies according to a biomechanical point of view that includes physiological features. This study is the first contribution focused on the links between speech and gesture in French in the domain of grammatical aspect.

Grammatical aspect was defined by Comrie (1976) [1989] as involving the internal unfurling of the process, «[...] tense is a deictic category, i.e. locates situations in time, usually with reference to the present moment [...]. Aspect is not concerned with relating time of the situation to any other time-point, but rather with the internal temporal constituency of the one situation; one could state the difference as one between situation-internal time (aspect) and situation-external time (tense) » (Comrie, 1976 [1989]: 5).

Can kinesic features express and make those semantic differences tangible? When a speaker produces a gesture with specific physiological properties, for example a certain speed, is there an underlying source that motivates that speed? Could a speaker's construal of the event, seen in her choice of grammatical aspect, lead to her performing a gesture with specific properties? This study is an attempt to tackle these questions and present new methods to analyze gestures.

1. INTRODUCTION

1.1. Aspect in speech: focus on French

The great Alexandrian grammarian, Dionysios Thrax (170—90 B.C., see Lallot & Thrace, 1998) had already indicated in what remains of his written work that Greek verbal forms express both time and aspect. Indeed, if grammatical tenses merely expressed chronological time, there would only be one tense per time meaning. This paradox in the Greek verbal system is also illustrated in past tenses in French. The existence of several forms can be explained by aspectual differences added to reference to chronological time.

Aspect became extensively described thanks to the analysis of Slavic languages. The study of Slavic verb aspect influenced Indo-European linguistics and was then transmitted to the French linguistic tradition mostly in the 19th century according to Wilmet (2003). For de Boer (1947), as for a number of subsequent linguists working on French, the only aspectual difference that he finds preserved in French is the opposition between the three past tenses, *passé composé*, *imparfait*, and *passé simple*. Despite the fact that Damourette & Pichon (1929) explain that aspect is not present in a systematic way in the French system as a whole, according to Gosselin (2005), French is a language in which lexical and grammatical aspect can be clearly distinguished and for which indeed grammatical aspect is expressed in addition to reference to time in the past tenses.

What Gosselin calls a clear distinction was not very precisely described at first by linguists working on French. Verbal aspect is mentioned throughout Ferdinand Brunot's book (1922) that is fundamental for many specialists of French, but the distinction between grammatical and lexical aspect is rather blurred. *Le bon usage* by Maurice Grevisse (1953) however, offers quite a good general definition of aspect: 'L'aspect du verbe est le caractère de l'action considérée dans son développement, l'angle particulier sous lequel l'accomplissement (le "processus") de cette action est envisagé' (the aspect of a verb is the character of the action considered in its progress; the particular angle from which the accomplishment (the "process") of the action is viewed). A more theoretical analysis of aspectual differences for French past tenses was introduced extensively and in detail by Guillaume (1929). In his terminology, simple verbs are in the TENSIVE aspect, compound verbs in the EXTENSIVE aspect. Syntax is thus to be taken into account when describing grammatical aspect. Guillaume skillfully characterizes *passé simple* (now used in written French only), *passé composé* and *imparfait*. According to him, the three types of aspects involved are:

- The "global" aspect, which is described as being an aoristic, perfective or inceptive aspect. It is expressed by the "passé simple" and gives an account of the event in its entirety: *il entra dans la maison* (he entered the house).
- The aspect "accompli", which expresses a resulting state: *il a terminé son travail* (he has finished his work).
- The imperfective (aspect "inaccompli") which views the event from an internal perspective: the temporal boundaries of the event are not taken into account and only part of the process is presented: *il mangeait* (he was eating).

The concept of open and closed boundaries, which is considered by Desclés & Guenchéva (Desclés & Guenchéva, 1996: 27) as fundamental for the study of aspect is taken up, reintroduced and reinforced after Guillaume by Culioli around 1970 in his seminars (see Culioli, 1999).

In contemporary spontaneous oral French, the *passé simple* is not used anymore. It is described as having been replaced by the *passé composé* and in a lot of cases of vivid descriptions, by the narrative *présent* as we will see in our data. It is difficult to formally distinguish what Guillaume called “aspect global” and “aspect accompli” as they are very often both expressed by the *passé composé*. In this paper based on French data of oral interactions, we will thus mostly focus on the distinction between *passé composé*, which we will associate to the perfective aspect, and the *imparfait*, associated to the imperfective aspect.

1.2. The gestural expression of aspect

The notion of boundary, which comes from linguistic analyses of events in several languages, is also present in a variety of studies on aspect and gesture. Those studies indicate that verbal forms with perfective aspect are co-produced with gestures characterized by sudden halts, and those with imperfective aspect by continuous movement.

Duncan (2003), in her paper on perfective and imperfective aspect in English and in Mandarin, expected that the gestures associated with the imperfective would express the temporal unfurling of the event and that the gestures associated with the perfective would be less imagistic, as perfective involves an external viewpoint on the event. Her study indicates no gestural difference between the two languages. The gestures associated to the different categories of verbal forms have the same features: for the imperfective verbal forms, their length is greater and the shape of the gestures is more complex. Perfective only enacts path (Talmy 1985), whereas gestures with imperfective forms indicate mostly manner or even sometimes figure and ground in Talmy’s sense. If significant results are given as far as duration is concerned, the complexity of the gestures associated to the imperfective is not quantified in the study.

The author attributes features that are grounded in the very essence of the gestures produced with perfective and imperfective verbal forms. The aspect-gesture correspondence is transparent in her study: the gestures with imperfective are rendered by a continuous movement and project an image of the action, which explains the rich categories involved. The question concerning the justification of the structure of the event expressed in gestures is an important issue in the paper. The goal is to capture the relation between speech and gesture by studying the expression of aspect. Despite formal differences between Mandarin and English in the expression of aspect, no formal differences between the gestures in the two languages are found. However, common gestural distinctive features are described for perfective *versus* imperfective aspect as if a common element linked each grammatical category and its gestural enactment. The aspectual dichotomy is expressed by different spoken forms in each language but is based on the same type of features in gestures, but as we will see, also in sign languages. In a study on gesture and American Sign Language, Malaia and Wilbur (2012) give arguments in favor of si-

milarities in gesture and sign as far as the dichotomy between telicity (when the event expressed is presented as having an endpoint) and atelicity (the event or state is presented as having no endpoint) is concerned. They had already presented the kinematic dimension on which this aspectual dichotomy is based in a study published in 2008. In their research, five properties differentiate telic and atelic forms. 1) The length of telic signs is shorter than atelic signs. 2) The peak speed is more important for telic than for atelic signs. 3) The deceleration is more important for telic signs. 4) The peak speed is reached faster for atelic than for telic signs. 5) The slope between the peak speed and the local minimum speed is significantly stronger for telic signs. This means that deceleration is either stronger or reached more quickly: the stopping is more sudden for telic signs, which indicates a boundary.

If telicity and perfectivity are of course different notions involving lexical *versus* grammatical aspect depending on the languages under study, there are however common features that might help distinguish both types of aspectual categories according to the course of action of the GeSp or signs. At this level, the difference is not based on the shape of the gestures or the signs. It takes *path in motion* into account and views movement from within the motion itself. What is usually called *path* and *manner* in the literature is no longer relevant. The study questions a self-explaining view of the gestural expression of event structure. Wilbur (2003) contends that “Since crossing a distance (path) involves elapsing time, it is not surprising that path movement also provides the meaning ‘time between events’ in the habitual (sort) and iterative (long, elongated semi-circular) aspects” (Wilbur, 2003:10).

This purely actional view of gestuality is grounded in physics and geometry (Wilbur 2003), — we will call them *kinematic* features — as if speed, acceleration and deceleration provided a sufficiently tangible basis. Is it really possible to analyze gestures without taking our body and its physiological properties into account? This paper is an attempt to show that the bio-mechanical properties of gestures have an impact on their form and function. Our approach that takes form AND function into account is a *kinesiological* approach.

A recent study by Strickland et al. (2015) on telic and atelic signs¹ and pseudo-signs extends Wilbur’s observations to three sign languages and tests hearing non-signers’ perception of telicity. We will not give the details of the complex protocol consisting of a series of experiments used in the study. However, the results show on the one hand that those three sign languages have similar encoding of telicity and atelicity and that on the other hand, non signers significantly recognize signs’ telic and atelic properties even when pseudo-signs are used in the experiments. Thus, apparently, signers and non-signers encode telicity in signs and gestures in what the authors call a “universal” manner.

---

¹ We use Wilbur’s (2003) definition of telicity in this paper: “The notion of telicity used here is associated with the presence of a final end-State in the event structure, that is, with Transitions” ... “An atelic Process that occurs in the context of a final state or a bounding event is thus interpreted as part of a telic predicate” (p. 356).

1.3. Gestural rendering of (un)boundedness

1.3.1. Boundary schemas

The concept of boundaries (and of their absence) is constantly focused on throughout the studies on verbal aspect as well as on the production of signed or gestural aspect. We have thus taken up that concept in the present study.

The notion of boundaries has been applied to gesture schemas as early as 1998 (Müller). Coding “Boundary schemas” for aspectual patterns is a way of capturing how they express event structures. Müller made a bottom-up analysis of 647 gestures referring to events from 10 conversations between pairs of German speakers and 10 between pairs of Spanish speakers. Motion schemas found there were compared with the existing Aktionsart and aspect categories in the scholarly literature and the overlap between them resulted in a set of “boundary schemas”. These have to do with whether events are being portrayed gesturally as involving boundedness on the action, and if so, how (initially, finally, repeatedly through iteration, totally via punctuality), or not.

In our common project, we have used the schemas presented in table 1.

Table 1

Schemas for the boundaries

Bounded		Unbounded	
Onset	-----	Unbounded	-----
Offset	-----		
Double bounded	-----		
Multiple bounded	--- --- ---	Iterative	--^--^--^--^--
Punctual	----- -----		

The dashes represent the unfurling of the event, the vertical bars represent boundaries. The circumflex accents indicate the repetition of the same sequence of events (based on Müller 1998).

1.3.2. Kinesiological features of (un)boundedness

Along with Müller’s (1998) gesture study using the notion of boundary for Aktionsart and Culioli’s (1999) notion of “aoristic” in French with the boundary (“fermé” i.e. “closed”), we consider that perfective aspect corresponds to a bounded event and imperfective aspect to an unbounded event. By taking a kinesiological approach to gestures, we can uncover two key components of the movement of gestures used to express boundedness and unboundedness: the path of the gesture, including taking its shape into consideration, and the quality of its movement. Those two components are somewhat independent from each other and can therefore be associated.

Path in motion is rendered by the movement of at least one part of the upper limb in a bounded or unbounded manner. For example, a circle that is traced thanks to the gesture can be either viewed as bounded or unbounded. Boundedness can be expressed by discontinuity such as a sudden halt or a back and forth movement. In those two cases, the tracing of the straight line or the curve involves a sudden change in the unfurling of the movement, which corresponds to a variation in speed, either acceleration or deceleration. Unboundedness is rendered by continuous or homogeneous speed.

Via the tracing of a path and the consequent description of a shape, any gesture can be viewed as either bounded or unbounded. Possible combinations between a *shape* (such as a circle) and a *path in motion* indicate that (un)bounding effects can either be added to each other or can diverge such as when a non-bounded shape is produced with an acceleration of the movement which creates a boundary. Path is produced thanks to movement — acceleration/deceleration versus homogeneous speed are essential characteristics of the gestural rendering of (un)boundedness.

In addition to path and shape, *quality of the movement* enables us to view the movement from within its execution. It gives us an internal viewpoint contrary to *path in motion* and *shape*, which are considered with an external viewpoint. Movement quality is the most “intimate” part of a gesture. By using this component, we do not consider gesture as a result, but as a process: we analyze the unfolding of the movement from segment to segment (the arm, the forearm, hand, fingers) from a kinesiological point of view, i.e. an explanatory approach to the movement, (for a good introduction to the physiology of the upper limb, see Kapandji 1997). Gesture is thus captured from inside its very motion in relation to the physical properties involved in its production.

The first characteristic of the quality of the movement we will consider here is inertia: each gesture depends on the specific inertia of each segment involved. The hand represents 25% of the mass of the forearm, and the forearm constitutes 65% of the inertial mass of the arm (Dumas et al. 2007, for a similar notion see Laban & Lange 1975 and the concept of “effort” in dance). The movement of the gestures therefore flows more naturally when it unfolds from shoulder to fingers. This asymmetry between segments leads to three consequences:

1) The movement of a gesture is more naturally transferred from a proximal² segment — shoulder or arm — to a distal segment — hand or even fingers. The number of segments in motion can be high (maximum 5).

2) When the movement propagates the other way — from the segments with the lowest inertia, fingers-hand, towards the segment with higher inertia — the energy to deploy must be so strong when segments with lower inertia are involved that the gesture often remains in the fingers, the hand or the forearm. The number of segments engaged in the movement is thus lower (1 to 3 most of the time).

3) Speed accumulates on the most distal segments — hand and fingers. Gestures that originate on the shoulder or the arm and propagate to the forearm then the hand often become faster once the hand is involved but without any specific jerk. Before it moves on its own, the hand is in motion (because of the movement of the arm and forearm). When the hand starts moving on its own, the movement of the arm itself is already decreasing. We will call this process *the propagation flow* of the proximal-distal movement (Boutet 2001, 2010). In the case of a movement that originates on the hand and is propagated up to the forearm, the hand acquires a certain speed with accelerations. As speed depends on the length of the segment, it is slower when measured on the joints of the fingers than on the wrist for a movement of the forearm (the wrist being the joint

---

² Proximal segments of the upper limb are the segments that are closest to the torso, distal segments are the farthest to the torso.

between the hand and the forearm). The length of the forearm is about three times the length of the hand. When the movement is transferred from the hand to the forearm, the jolt in speed is potentially important for the hand, leading to acceleration, which is often visible in the blurry quality of the video recording (on average quality recordings). We call the direction of the propagation of the movement distal-proximal flow.

The number of segments in motion is potentially more important for the proximal-distal flow than it is for the distal-proximal flow.

Therefore, the bounding process of the quality of the movement component consisting in the sudden variation in velocity (acceleration, deceleration) is much more likely to be performed with distal-proximal flow and the absence of bounding is more likely to be performed with proximal-distal flow.

For this third component, bounding is marked by speed and acceleration/deceleration. As in the *path in motion* component, the quality of the movement can help us characterize all gestures in terms of the bounded/non-bounded expression of perfective/imperfective aspect. The parameter used for both components is the same: speed. Our study will help us determine whether gestural bounding and non-bounding depend on the *path in motion* or on the *quality of movement*.

If gestures do indeed embody mentally simulated actions (Hostetter & Alibali 2008), a kinesiological approach to gesture analysis, closely connected to the embodied properties of muscular exertion or effort (Laban & Lawrence 1974/1947) and to biomechanical properties, can provide clues to understand speakers' dynamic construals of events (McNeill 1992).

1.4. A Kinesiological approach to gestuality

Kinesiologic analysis is based on the biomechanics of the segments involved in a gesture and their degree of freedom (Viviani & Flash 1995, Berthoz 1997, Kapandji 1997, Boutet 2007). A degree of freedom is defined as the relative movement of each segment independently of the adjacent segment. More concretely, each degree of freedom corresponds to the rotation of a segment around an axis relatively to another segment. Flexion/extension is an example of degree of freedom. There are 3 degrees of freedom on the arm, 2 on the forearm and 2 on the hand (for more details see Kapandji 1997, Boutet 2010). A movement initiated on one of the degrees of freedom can be transferred to another one either on the same segment, or another segment. Movement transfer is thus dependent on very specific biomechanical considerations that enable us to anticipate in which direction and according to which amplitude a movement might be performed after its initial impulse. The propagation flow of the movement can also be a structuring component of gestures. The distinction between proximal-distal flow and distal-proximal flow is not easy to measure with the naked eye. Using slow motion is often the only way to assess the order in which the segments are set in motion and thus their temporal intervals (Allen 1983). In order to achieve that assessment, we must distinguish between the motion of a segment and its own "active" movement. For a proximal-distal gesture, which begins with a movement of the arm, the forearm and the hand are involved in the motion without initiating the movement on their own. If we can distinguish those two types of motions (the motion that a segment is subjected to and the motion that the

segment actually initiates), we can determine the propagation flow. This forces us to examine the actual course of the gesture in time. This kinesiological approach enables us to analyze gesture as a process and to shed light on the biomechanical factors that explain the various parameters that express (im)perfectivity or (a)telicity (variations in speed, contacts, change of shape, duration of the gesture) and that seem quite unconnected to each other. Our approach provides analytic tools for our investigation of the most hidden features of the grammar of gestures.

Our hypothesis in the Polimod project based on the theoretical literature on aspect and previous studies on sign language and gesture was that there *might* be a correlation between imperfective and unbounded gestures and perfective aspect and bounded gestures. In this paper we test this hypothesis on our French data.

2. DATA AND METHOD

Our method of data elicitation was built on what Becker et al. (2011) devised in their study. It is a compromise between two methods: video recordings of natural interaction and retelling specific narratives. After having participants discuss a warm-up question about their favorite place in the world, the study involves giving them prompts to tell stories from their own personal experience about events of different types: ones that took a long time to play out (e.g., dealing with bureaucracy) and ones that involved a sudden event (e.g., an accident that they witnessed). This offers a medium between spontaneous and controlled discourse, and between narrative and conversation, the combination of the warm-up question and the conversation prompts targeted towards narratives results in a mix of uses of present and past verb tenses. This proves important since our study focuses on past tense verbs characterizing events of various types.

The data was then transcribed by a native French transcriber, checked by author 2 and aligned with the video in ELAN. The coding system was devised with the Polimod team. We decided to code verb forms, chronological time, tense, the lemma, whether there was a co-produced gesture and what we called the *boundary schema* of the gesture.

We coded the gestures that had any temporal overlap with the utterance of a verb. Gesture-verb overlap, even if only during the beginning preparation phase or final retraction phase of a gesture, helped us capture a large proportion of gestures that “go with” verbs (GeSp), without also including gestures that are affiliated with concepts expressed in other parts of the clause.

Building on Müller (1998), we defined bounded gestures as involving a pulse of effort at the onset, offset, or in the gesture stroke, while unbounded gestures involve smooth, controlled motion (see Table 1).

An ELAN template with controlled vocabulary was created and implemented by Author1³. The first two authors coded 15% of the French data at the verbal level (verb

---

³ In the Polimod project, the coding system was discussed and established as a team by (alphabetical order) Dominique Boutet, Alan Cienki, Olga Irishkanova, Aliyah Morgenstern, Cornelia Mueller. Coding of tense was specific to each language (German, French, Russian) but followed the same format.

form, lemma, tense, time, presence or absence of co-verbal gesture) together in order to reach an agreement. The coding categories at this level are objective as they are descriptive. Author 2 then coded about 50% of the data with a second native speaker of French and the rest of the data by herself.

The Polimod group worked on the coding of the boundary schemas in the three languages, did double blind coding, and collectively discussed differences until they reached an agreement. The boundary schemas were coded with the sound off and without any other tier visible in ELAN. 30% of the French data was coded for gestural boundary schemas by the two first authors of this paper together in order to create coding habits. Author 1 then coded the rest of the data and discussed the coding with author 2⁴.

Using commands in ELAN, we then counted the frequency of occurrences of the different verb forms as well as their frequency of overlap with gestures and the rate of each type of boundary schema according to tense of the co-occurring spoken verb form.

The third step of the coding which was only done for data from four of the French conversational pairs included separate coding of propagation flow of the movement, the segments involved in the movement of each gesture, the length of strokes and their speed. The coding of speed was too difficult to conduct with the naked eye and is thus not accounted for in the results presented in section 3.

3. QUANTITATIVE RESULTS FOR FRENCH

3.1. Use of tenses in French

Our results for the coding of time meaning confirm the fact that we were able to design a protocol that elicited a majority of past tenses (table 2). 52% of the verb forms used in the data referred to past time.

Table 2
Number and percentage of form according to time meaning

Past	Present	Future	atemporal	Total
1 439	1 096	77	143	2 755
52%	40%	3%	5%	100

We focused on the forms used in the *imparfait*, *passé composé*, *plus-que-parfait* and narrative present.

Table 3
Number and percentage of past tense forms

<i>imparfait</i>	<i>Passé composé</i>	<i>Plus-que-parfait</i>	<i>Présent</i>	Other	total
457	443	70	130	339	1 439
32%	31%	5%	9%	24%	100

⁴ This method was chosen in order to ensure more homogeneity to the data: the whole data was thus analyzed by author 2 for speech and author 1 for gesture.

3.2. Tenses with and without gestures

Within the forms referring to past tense, 392 (27%) were produced with gestures.

Table 4

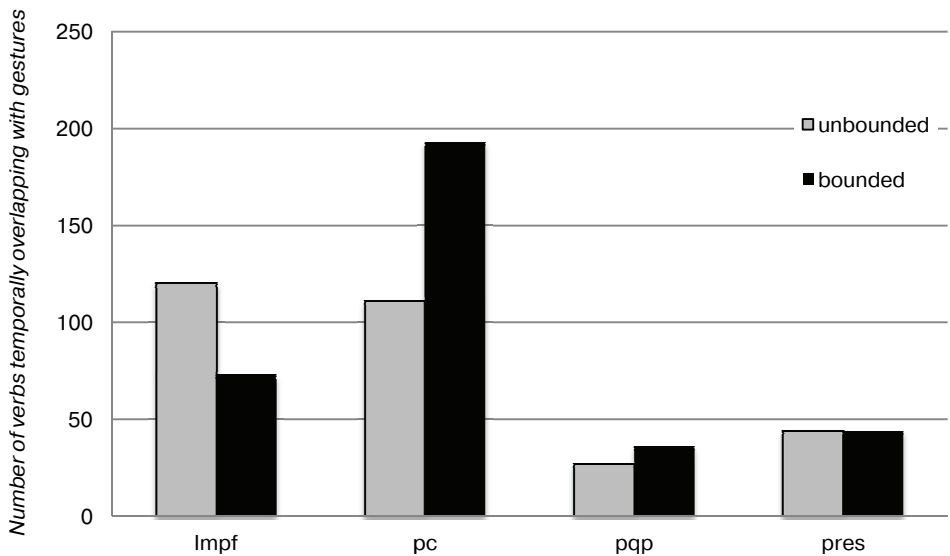
Number of forms with and without gestures and % GeSp per tense

	with gestures	without gestures	Total	% with gesture
<i>imparfait</i>	157	300	457	34%
<i>passé composé</i>	150	293	443	34%
<i>présent</i>	63	67	130	48%
<i>plus-que-parfait</i>	37	33	70	53%

The speakers used more *imparfait* (Impf) and *passé composé* (pc) than other tenses to refer to past events in the data but interestingly enough, narrative present and *plus-que-parfait* (pqp) were more often produced with gestures. For the purpose of this study we will nevertheless focus on the two main tenses, for which we know there is a clear aspectual contrast in French. They were used in equal proportion and were co-produced with gestures in equal proportion (34% of the time) which makes them quite comparable for our study.

3.3. Boundary schemas

The results of our coding of the boundary schemas are presented in graph 1.

Graph 1. Distribution of boundary schemas for the co-verbal gestures produced with past tense forms

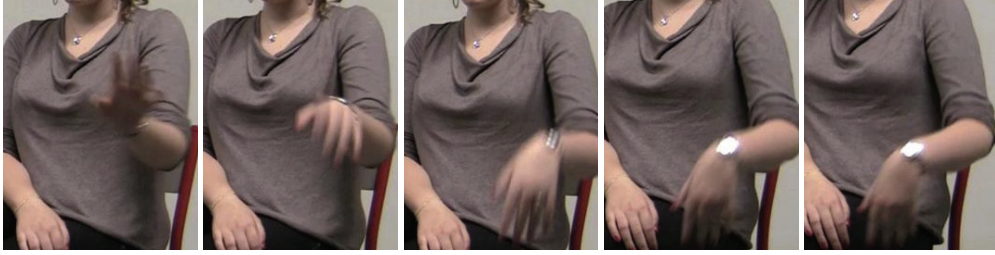
Plus-que-parfait and *présent* (pres) don't have marked aspectual differences, and there is no significant difference in the boundary schemas in the data.

However the difference for *Imparfait* and *plus-que-parfait* is quite significant.

For the *imparfait*, 66.88 % GeSp are unbounded and 33.12% are bounded.

For the *passé composé*, 28.43% GeSp are unbounded and 71.57% are bounded.

Here are examples to illustrate this difference.

Example 1

Figure 1. “Tout le monde passait à côté” (everyone was walking past them). The photos of the video are taken every two images. This gesture is co-occurent to “was walking past”. The movement is quite slower at the end of the gesture (images 4 and 5). Movement is much more homogeneous from image 1 to 4

Ludivine et Caroline 8 time code 2.29

*CAR: elle est tombée.

she fell.

et en fait elle a dû dévaler les [/] les marches.

and in fact she must have tumbled down the stairs.

et personne n' est allé la voir.

and no one went to check on her.

*LUD: puzzled expression.

*CAR: donc euh **tout le monde passait à côté.**

*so, um, everyone **was walking** passed her.*

*CAR: et i(l)s en **avaient** rien à faire.

and they couldn't care less.

The unbounded gesture is co-produced with the verbal form in the *imparfait*.

Example 2

Figure 2. J'y suis allée trois fois. (I went there three times).

These movements are co-occurent to “went there three times”. The 5 first photos are taken every four images. The following ones every 2 images. There is a strong acceleration between the 4th and 5th photo corresponding to the past participle «allée»

Example 2: Marion and Aurore. *Passé composé* with bounded gesture. They are talking about their problems with university registrations.

*MAR: (en)fin bon **j' y suis allée** trois fois avant mais bon.

oh well, anyway, I went there three times before that.

quand j' ai réussi à y aller (laughs).

When I was able to go there.

- *AUR: (laughs)
*MAR: et j' y retourne deux semaines après.
and I go back three weeks later.

The bounded gesture is coproduced with the *passé composé*. The strong acceleration between images 4 and 5 marks a clear frontier. The other key images (7 to 11) are taken when MAR says «trois fois» (three times). The gestures are also abrupt especially in photo 7, which shows the first occurrence, but also in 8 and 9 which show a flexion of the little finger and of the ring finger. There is also a lowering of the hand on the second occurrence, and a flexion of the ring finger in photos 10 and 11.

The results for the two main French tenses used to refer to past events match our hypothesis. *Passé composé*, which corresponds to perfective/delimited aspect highly correlates with bounded gestures and *imparfait*, which corresponds to imperfective/undelimited highly correlates with unbounded gestures. This seems to indicate that the linguistic and cognitive differences between *imparfait* and *passé composé* could be co-expressed in a majority of the gestures produced with the forms or the *path in motion*.

However the use of boundary schemas does not help us describe the specific properties of the GeSp involved and to capture what exactly in gesture production might enact the conceptual properties of the two opposing aspects in French. We therefore turned to the coding of specific kinesic features of the gestures.

4. KINESIOLOGIC FEATURES OF THE BOUNDARY SCHEMAS

When we coded the boundary schemas, we had a set of visual criteria to help us code the boundedness or unboundedness of the gestures we were coding.

Beyond those visual criteria, we wanted to get a grasp of the actual physiological features of the gestures produced. We therefore made a move towards a fine-grained kinesiological system of analysis, which provides a way of analyzing the details of what it means physiologically to talk about bounded/unbounded motion in gestures of the hands and arms.

When we determined the boundaries, our discrimination was mostly based both on velocity and acceleration; we will focus on those features adding the flow of the movement and the number of segments involved in the gesture

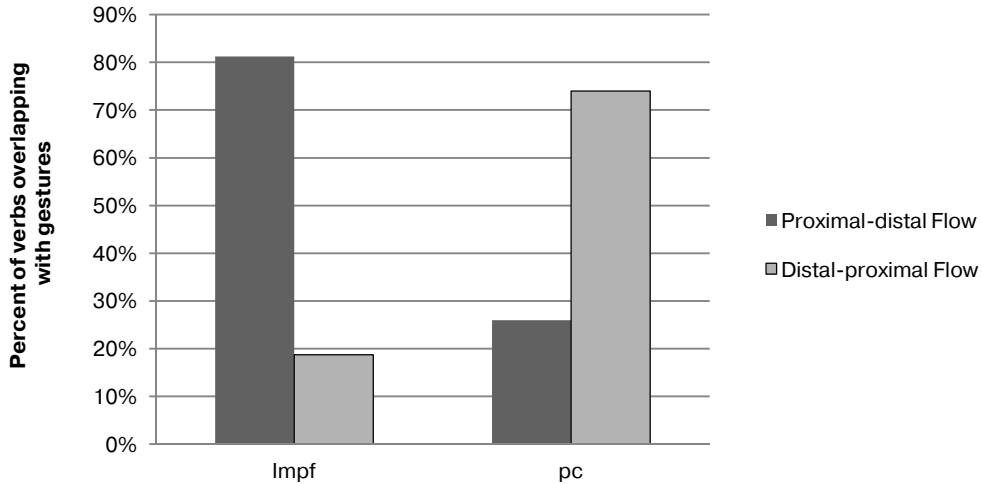
4.1. Results of the coding of kinesiological features

Three types of results will be presented here:

- the propagation flow of the movement of the gesture in relation to imperfective and perfective aspect in the verbal tier;
- the number and type of segments involved in the movement associated to the two aspects
- length of the flows associated to perfective and imperfective.

4.1.1. Propagation flow and perfectivity

The propagation flow expected for the gestures associated to the *imparfait* (imperfective) is proximal-distal (from the arm to the fingers), whereas for the gestures associated to the *passé composé* the flow is expected to be distal-proximal (from the fingers to the arm).

Graph 2. Distribution of the two propagation flows according to the tenses used *imparfait* (*Impf*, imperfective) and *passé composé* (*pc*, perfective)

Our analysis was conducted on 4 out of the 10 sessions chosen at random. The results indicate a marked tendency, even stronger than the one we found with the boundaries. The proximal-distal propagation flow is predominantly associated to the *imparfait* (for 81.3% of our occurrences). The distal-proximal flow is associated predominantly to the *passé composé* (74%). This dichotomy seems to be even more relevant to gestures associated with aspect than the boundary schemas for our sample. We will try to give an explanation for this strong correlation.

4.1.2. Number and type of segments and perfectivity

Another level of differentiation inherent to the propagation flow and to inertia concerns the number and type of segments involved in the movement. Let us briefly summarize the nature of that link. In the case of a proximal-distal propagation flow, inertia drives the transfer of the movement to the segments with weaker inertia. Segments have decreasing inertia as they go from shoulder to arm, to forearm, to hand and finally to the last phalanx of the fingers. Thus, when the arm initiates a gesture, the transfer of the movement to the fingers will not encounter inertial resistance. The shoulder to arm direction involves a naturally declining slope. Whatever segment initiates the movement at the beginning of the gesture, transfer will be made onto a more distal segment.

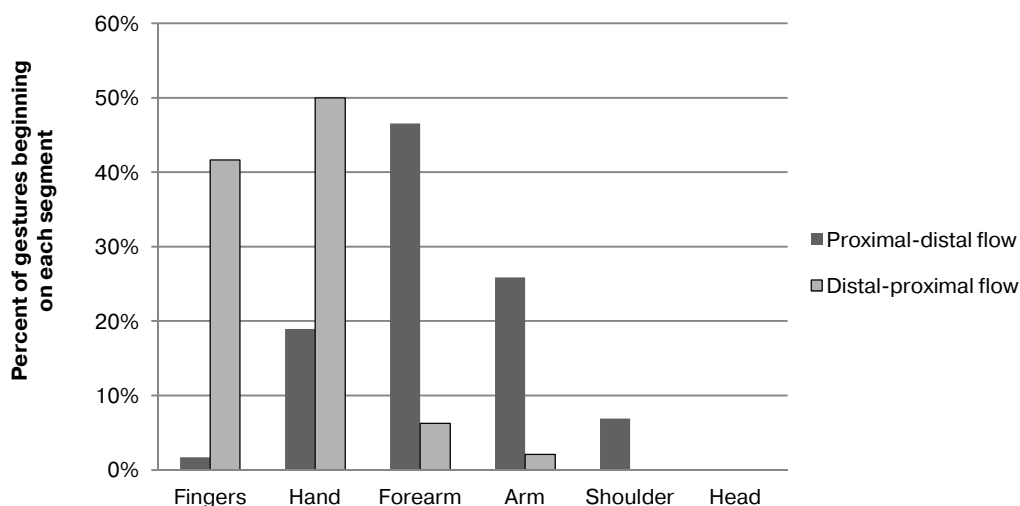
The number of segments involved in the gesture will therefore be higher in this case. For the opposite flow — distal-proximal — it will be the contrary. Within that flow, for each new segment involved by the movement transfer, inertia will increase. Thus for the

gestures with a distal-proximal flow, the number of segments involved by a movement should be reduced. This difference is not marked in our data. We will come back to that in our discussion.

4.1.3. Length of verbs and gestures

The other difference associated to flow is linked to the type of segment that initiates motion. For the proximal-distal flow, initial motion should be started on a segment with greater inertia, close to the chest. For the distal-proximal flow, the motion should be initiated on the fingers or the hand.

Graph 3. Distribution of the first segment in motion according to the flow

Results meet our expectation. Over 90% of the gestures with distal-proximal flow start on the fingers or the hand, whereas over 80% of the gestures with proximal-distal flow are initiated by the shoulder, the arm or the forearm.

Our data does not show significant difference in the length of the gestures associated to the verbs in the *imparfait* and those associated to the *passé composé*. The results on the length of gestures in Duncan's study (2003) as well as Malaia & Wilbur (2012) for the three sign languages are not confirmed in this study. However a similar tendency is observed: the gestures associated to the perfectives are shorter than the gestures associated to the imperfective (see last two columns of table 5) although verbs in the *imparfait*, which is an inflectional form, are on average shorter to pronounce than verbs in the *passé composé* which combine an auxiliary and a past participle (see first column of table 5). The speech flow can influence the timing and length of the gestures that are associated. In the 4 sessions under study, the average length of the verbal constituent of the verbs in the *passé composé* is 364 ms ($N = 51$, $SD = 154$) whereas the length of *imparfait* is 309 ms ($N = 52$, $SD = 110$). The perfective is longer than the imperfective for these verbs. Do those durations have an impact on the gestures? The analysis of the gestures associated to each tense indicates that imperfective is associated to longer gestures than perfective (columns 3 and 4 in table 5).

Table 5

Length of verbs in the *imparfait* and *passé composé* and gestures produced with those verbs

	Duration (ms)	Duration Flow proximal-distal (mean)	Duration Flow distal-proximal (mean)
<i>imparfait</i>	309	594 SD: 439	502 SD: 293
<i>passé composé</i>	364	548 SD: 386	493 SD: 284

4.2. Discussion of the results of the analyses of kinesiological features

The analysis of the specificities of flow gives coherence to apparently unrelated phenomena. Perfectivity can be semantically related to the propagation flow of the movement.

The distal-proximal flow involves the initiation of the movement with segments whose amplitude is reduced (see Boutet 2015:121—122). The articulatory stop is reached more quickly on the fingers and the hands than on the forearm and the arm. The movement is blocked more rapidly even if the transfer of the gesture continues onto the forearm. This natural boundary echoes the perfectivity of the event — or the accomplishment of the event.

On the contrary, the proximal-distal flow involves a movement that is predominantly executed on the arm or the forearm. The amplitude of those segments, being much greater, rarely reaches a stop before the adjacent distal segment is in turn in motion. As inertia decreases, the movement propagates progressively and seems to be more homogeneous and without borderlines, even when it involves the hand. The imperfective aspect of the event, without marked boundaries corresponds to the proximal-distal flow. Moreover, the internal point of view carried by the imperfective (Comrie 1981:3) is echoed in the involvement of the segments closer to the chest — that are more internal —, whereas the gestures of the distal-proximal flow set more distal segments in motion, which can correspond to an external point of view associated to the perfective.

The length of the gestures associated to the *imparfait* and the *passé composé* is interesting to consider. The distal-proximal gestures are executed more quickly (means in milliseconds: 493 with *passé composé* and 502 with *imparfait*) and the proximal-distal gestures are lengthier (means: 548 and 594). The difference in standard deviation for each flow is also important (see values SD in columns 3 and 4, table 5). These trends are not statistically significant and indicate that a more thorough investigation of the duration of each gesture according to the number of segments involved in the movement could be relevant. Our results illustrate the importance of taking co-verbal gestures into account in the analyses of aspect in French for past events — raising questions about what the results might be like for other languages with grammaticalized aspectual distinctions.

5. CONCLUSION

In this study, we have shown that in our data of interactions in French, gestures that mark a boundary are predominantly associated with the *passé composé* (perfective) whereas the gestures without boundaries are more often associated with the *imparfait* (imperfective).

The notion of boundary associated to aspect in the literature was conceptual. As far as gestures are concerned, that notion is anchored in kinesiological features and boundedness is thus enacted in our French speakers' gestures. Boundaries are marked by change or preservation of speed. It is a purely kinematic feature.

In our more detailed kinesiological study of 4 sessions of those French interactions, the specific features of flow correspond to verbal perfectivity even more closely than the boundary schemas we had defined based on kinematic criteria. Indeed kinematic features represent the study of the movements independently from their cause, whereas a kinesiological approach to gestures helps us determine the links between form and function. The question raised is whether physical and kinematic features are the ultimate criteria we should take into account for the gestural expression of perfective and imperfective aspect.

Flow, which is a kinesiological notion that takes both biomechanic properties and their cause into account, corresponds better to the enactment of (im)perfectivity in French than gestural boundaries based on kinematic criteria. The question of the status of kinematics and kinesiology is thus at play in this study. Are the physical and kinematic properties the ultimate criteria to understand the gestural expression of aspect? If they are, at a kinesiological level, flow would simply be a means. Another option is to consider flow as a marker whereas the kinematic elements (speed, duration, acceleration) would only be its natural consequences. The issue is to understand whether the gestural expression of aspect is linked to a logic that is external to gestuality itself (kinematic features independent of the speakers' conceptualizations and intentions), or whether they derive from the internal functioning of gestures.

Further investigations are needed in order to pursue the difference between the kinematic option in which the gestures' boundedness would be an enactment of the aspects marked in speech, and the kinesiological option that accounts for the biomechanic properties of the movement enacting (im) perfectivity.

We have shown in this paper that both kinematic features and kinesiological features are expressed in the gestures associated to speech about past events narrated by French speakers. Either way, co-verbal gestures associated with the *passé composé* and the *imparfait* could thus be enactments of perfectivity and imperfectivity.

© Dominique Boutet, Aliyah Morgenstern, Alan Cienki, 2016

REFERENCES

- Allen, James F. (1983). Maintaining knowledge about temporal intervals. *Communications of the ACM* 26, n° 11, 832—43.
- Becker, Raymond, Alan Cienki, Austin Bennett, Christina Cudina, Camille Debras, Zuzanna Fleischer, Michael Haaheim, Torsten Müller, Kashmiri Stec, Alessandra Zarccone. (2011). Aktionsarten, Speech and Gesture », 2011. <http://pub.uni-bielefeld.de/publication/2300874>.

- Berthoz, Alain (1997). *Le sens du mouvement*. Bibliothèque (Paris. 2007). Paris: O. Jacob.
- Boutet, Dominique (2001). *Approche morpho-dynamique du sens dans la gestuelle conversationnelle*. Université de Paris VIII.
- Boutet, Dominique (2015). Conditions formelles d'une analyse de la négation gestuelle». *Vestnik of Moscow State Linguistic University* Discourse as social practice: priorities and prospects, n° 6 (717), 116—29.
- Boutet, Dominique (2007). Gesturing as Substratum and Support: a Case of Continuity. In *Interacting Bodies*. Lyon; France. http://hal.archives-ouvertes.fr/index.php?halsid=rrlb1bfqut9aih17fvqyjorig0&view_this_doc=halshs-00186622&version=1.
- Boutet, Dominique (2010). Structuration physiologique de la gestuelle: modèle et tests». Édité par Jean-Marc Colletta, Agnès Millet, et Catherine Pellenq. *Lidil*, Multimodalité de la communication chez l'enfant, n° 42, 77—96.
- Bressemer, Jana, et Cornelia Müller (2014). The family of AWAY-gestures. In *Body-Language-Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Handbooks of Linguistics and Communication Science, 38.2. Cornelia Müller, Alan Cienki, Ellen Fricke, Silva H. Ladewig, David McNeill & Jana Bressemer.
- Brunot, F. *La pensée*.
- Calbris, Geneviève (2011). *Elements of Meaning*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- The Semiotics of French Gestures*. (1990). Advances in semiotics. Bloomington: Indiana University Press.
- Comrie, B. (1976). *Aspect An introduction to the study of verbal aspect and related problems*.
- Comrie, Bernard (1981). Aspect and Voice: Some Reflections on Perfect and Passive in Tense and Aspect. In Philip Tedeschi and Annie Zaenen.
- Culioli A. (1999). Valeurs aspectuelles et opérations énonciatives: l'aoristique, in *Pour une linguistique de l'énonciation, tome II*, Paris: Ophrys, 127—143.
- Damourette, Jacques, Edouard Pichon (1935). *Des Mots à la pensée: essai de grammaire de la langue française, 1911—1940*. 8 vol. Paris, France: édition d'Artrey.
- de Boer, Cornelis. (1947). *Syntaxe du français moderne*. Universitaire Pers Leiden.
- Desclés, Jean-Pierre, Zlatka Guentchéva (1996). Convergences et divergences dans quelques modèles du temps et de l'aspect. *IN Semantyka a konfrontacja jezykowa, I, Varsovie*, 23—42.
- Dumas, R., Chèze L., Verriest J.-P. (2007). Adjustments to McConville et Al. and Young et Al. Body Segment Inertial Parameter. *Journal of Biomechanics* 40, n° 3, 543—53. doi: 10.1016/j.jbiomech.2006.02.013.
- Duncan, Susan D. (2002). Gesture, verb aspect, and the nature of iconic imagery in natural discourse». *Gesture* 2, n° 2, 183—206.
- Gosselin, L. (2005). *Temporalité et modalité*. (postface de B. Victorri), Bruxelles, Duculot-de Boeck, col. Recherches. 254 p.
- Gosselin, Laurent, Cédric Person (2005). Temporalité. In *Sémantique et traitement automatique des langues*, édité par Patrice Enjalbert, 173—214. *Traité IC2, série Cognition et traitement de l'information*. Hermès Sciences, Lavoisier.
- Grevisse, Maurice, André Goosse (1991). *Le bon usage: grammaire française*. Duculot. Paris, France, Belgique.
- Guillaume, Gustave (1929). *Temps et verbe: théorie des aspects, des modes, et des temps: suivi de L'architectonique du temps dans les langues classiques*. H. Champion.

- Hostetter, A.B., M.W. Alibali (2008). Visible Embodiment: Gestures as Simulated Action. *Psychonomic Bulletin & Review* 15, n° 3, 495—514. doi: 10.3758/PBR.15.3.495.
- Kapandji, I.A. (1997). *Physiologie articulaire*. 1, Membre supérieur. Paris: Maloine.
- Kendon, Adam (2004). *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Laban, Rudolf, Frederick Charles Lawrence (1974). *Effort: economy of human movement*. Macdonald and Evans.
- Lallot, J. de Thrace, D. (1998). *La grammaire de Denys de Thrace*. Paris: CNRS Editions.
- Malaia, Evie, Ronnie B. Wilbur (2012). Kinematic signatures of telic and atelic events in ASL predicates. *Language and speech* 55, n° 3, 407—421.
- McNeill, David (1992). *Hand and mind: what gestures reveal about thought*. Chicago; London: University of Chicago press.
- Müller, Cornelia (1998). *Redebegleitende Gesten: Kulturgeschichte, Theorie, Sprachvergleich*.
- Strickland, Brent, Carlo Geraci, Emmanuel Chemla, Philippe Schlenker, Meltem Kelepir, Roland Pfau. «Event Representations Constrain the Structure of Language: Sign Language as a Window into Universally Accessible Linguistic Biases». *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 27 avril 2015, 201423080. doi: 10.1073/pnas.1423080112.
- Talmy, Leonard (1985). Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. *Language typology and syntactic description* 3, 57—149.
- Viviani, Paolo, Tamar Flash (1995). Minimum-jerk, two-thirds power law, and isochrony: converging approaches to movement planning. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance* 21, n° 1, 32.
- von Laban, Rudolf, Roderyk Lange (1975). *Laban's principles of dance and movement notation*. Princeton Book Co Pub.
- Wilbur, Ronnie (2003). Representations of telicity in ASL. In *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 39:354—368. Chicago Linguistic Society. <http://www.ingentaconnect.com/content/cls/pcls/2003/00000039/00000001/art00023>.
- Wilmet, Marc (2003). Grammaire critique du français. *Grammaire critique du français, Bruxelles: Duculot*.

Article history:

Received: 18 July 2016

Revised: 16 August 2016

Accepted: 18 August 2016

Finance and Acknowledgement

This paper is part of a larger research project led by Alan Cienki at Moscow State Linguistic University and has been supported by grant number RSF 14-48-00067 from the Russian Scientific Foundation. The main members who have participated in the elaboration of the ideas expressed in this paper are Olga Iriskhanova, Cornelia Müller, Nicole Richter and the authors of this paper. We thank our anonymous reviewers for their insightful comments.

For citation:

Dominique Boutet, Aliyah Morgenstern, Alan Cienki (2016). Grammatical Aspect and Gesture in French: A kinesiological approach. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 132—151.

Bio Note

Dominique Boutet is associate Professor at the University of Rouen. He is a linguist in the domain of gestures and Sign Language. His *research* focuses on the interface between gestuality and Sign Languages especially on semantic invariant features with a kinesiological approach to gestures. *Contact information*: e-mail: dominique_jean.boutet@orange.fr

Aliyah Morgenstern is currently Professor at the Sorbonne Nouvelle University where she teaches English linguistics and language acquisition. She supervises a number of research projects on children's communication and linguistic development, on sign language and on gestures in spontaneous interaction financed by several agencies. She has published books and papers on language acquisition and multimodal communication using socio-pragmatic, constructionist, cognitive and functionalist perspectives. *Contact information*: e-mail Aliyah.Morgenstern@univ-paris3.fr

Alan Cienki, Professor of Language Use and Cognition at the Vrije Universiteit Amsterdam, Netherlands and Professor at Moscow State Linguistic University, Russian Federation, where he founded and directs the Multimodal Communication and Cognition Lab (PoliMod). His research interests include cognitive linguistics, gesture studies, and comparative/contrastive linguistics with a focus on spoken language. *Contact information*: a.cienki@vu.nl

ЖЕСТЫ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ АСПЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: КИНЕСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Доминик Бутэ¹, Алия Моргенстерн², Алан Ченки³

¹Университет Руана

5020 Франция, Париж, ул. Belleville, 7

²Университет Париж III Новая Сорбонна

75002 Франция, Париж, ул. St Fiacre, 12

³Свободный университет Амстердама

1105 1081 HV Амстердам, Нидерланды, VU, De Boelelaan

Цель данной статьи — доказать, что исследование жестов в речи может пролить свет на понимание особенностей концептуализации грамматических категорий в процессе говорения. Выражение мысли говорящим предполагает динамическое взаимодействие нескольких факторов: высказывание формируется под воздействием связанных с передаваемой мыслью сенсомоторных ощущений, множественных семиотических средств, которыми мы располагаем для выражения мысли, и имеющейся в языке той или иной лингвистической категории. Анализ категории аспекта в речи, сопровождаемой жестами, в устных интеракциях в условиях эксперимента, нацелен на изучение того, как конструирование говорящими аспектуальных различий, грамматикализованных в языке, может проявляться в жестикуляции. Ставится вопрос о том, до какой степени различия в структуре события, выраженные грамматическим аспектом (совершенным и несовершенным видом), коррелируют с кинесиологическими особенностями жестикуляции. Для этой цели анализу подвергаются скорость и последовательность движений, а также участвующие в жестикуляции части тела (пальцы, кисть руки, предплечья, руки, плечи). Кинесиологический подход к жестикуляции позволяет анализировать движения человеческого тела в соответствии с биомеханической точкой зрения, которая принимает во внимание физиологические особенности.

Грамматический вид, по Б. Комри (1976) [1989], предполагает внутреннее развертывание процесса. В его интерпретации, «время — это дейктическая категория, т.е. оно локализует ситуацию во времени, соотнося ее, главным образом, с настоящим моментом. Вид не соотносит время ситуации с какой-либо другой временной точкой, он скорее характеризует внутреннюю темпоральную структуру ситуации; различие между временем и видом можно определить как разницу между внутренним временем ситуации (категорией аспекта) и внешним временем ситуации (категорией времени)» (Comrie, 1976 [1989]:5).

Может ли кинесика быть связанной с выражением семантических различий такого рода? Когда говорящий делает жест, характеризующийся специфическими физиологическими свойствами, например определенной скоростью, есть ли внутренний источник, который влияет на эту скорость? Может ли трактовка события говорящим, которая просматривается в выборе видовой формы, вести к выбору жеста, который характеризуется специфическими свойствами? В данном исследовании предпринимается попытка ответить на поставленные таким образом вопросы и апробировать новые методы анализа жестовой стороны речи.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 июля 2016

Дата принятия к печати: 18 августа 2016

Для цитирования:

Доминик Бутэ, Алия Моргенстерн, Алан Ченки. Жесты и грамматическая категория аспекта во французском языке: кинесиологический подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 132—151.

Сведения об авторах:

Доминик Бутэ, доктор, Университет Руана. Сфера научных интересов: невербальная коммуникация, язык глухих, кинезиологический подход к изучению языка жестов. *Контактная информация:* e-mail: dominique_jean.boutet@orange.fr

Алия Моргенстерн, профессор, Университет Париж III Новая Сорбонна. *Сфера научных интересов:* биллингвизм и коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, прагматика, невербальная коммуникация (язык жестов). Руководитель международных исследовательских проектов, автор ряда научных трудов в русле вышеуказанных направлений. *Контактная информация:* e-mail Aliyah. Morgenstern@univ-paris3.fr

Алан Ченки, профессор, Свободный Университет Амстердама. Директор и основатель Когнитивной лаборатории полимодальной коммуникации на базе Московского государственного лингвистического университета. *Сфера научных интересов:* когнитивная лингвистика, невербальная коммуникация, сравнительное языкознание. *Контактная информация:* e-mail a.cienki@vu.nl

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ УСТНОГО ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

А.В. Штанов¹, Е.Н. Белых²

¹Московский государственный университет
международных отношений (Университет) МИД РФ
109033, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

²Военный Университет Министерства Обороны РФ
109033, г. Москва, Россия, ул. Волочаевская, д. 3/4

Статья посвящена особенностям реализации образности в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления. Материалом для анализа послужили устные публичные выступления современных турецких политических деятелей. Цель исследования — определить языковые средства, за счет которых реализуется образность в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления. В статье сделан вывод о том, что трехчленная структура образа объединяет признаки исходного предмета, переносит их в новый предмет, и новое слово (словосочетание) приобретает новое значение.

Образность является структурно-семантическим свойством слова, в каждом слове заключена образность. Подчеркивается мысль о том, что осознание реципиентом образного содержания лексической единицы и коммуникативной значимости реализованного в ней образа показывают контексты. Каждое образное слово и выражение обладает своими ассоциативными ресурсами. Способность реципиента понять верный смысл, заложенный в образной лексике, зависит от полноты ассоциирования. Понятие образности сопряжено с понятием метафоризации. Образные средства языка в устном публичном выступлении политического деятеля являются определенным инструментом воздействия на аудиторию с целью повлиять на видение политической ситуации. В турецком политическом дискурсе устного публичного выступления существуют как универсальные, так и национально-культурные особенности функционирования образных языковых средств. Под средствами реализации образности в данном исследовании понимаются изобразительные средства языка, а именно тропы, такие как метафора, метонимия, образное сравнение, фразеологизм, эпифора и другие.

Ключевые слова: образность, образное выражение, политический дискурс, устное публичное выступление

1. ВВЕДЕНИЕ

Образность — это сложное явление, имеющее двоякую сущность. Образность встречается в литературных произведениях, а следовательно, является элементом художественного стиля, но также пронизывает все сферы общения людей, от ситуаций повседневного общения до различных сфер профессиональной деятельности, то есть находится в дискурсивной плоскости. Актуальность вопроса о сущности понятия образности как раз состоит в том, что вопросу изучения художественной образности уделяется достаточно большое внимание, и это правомерно с точки зрения исследования художественных элементов, создающих эстетический эффект. Однако существует эвидентная и особенно потенциальная образность в профессионально-деятельностном речевом контексте. Современные лингвистические исследования языка в различных профессиональных сферах деятельности человека открыли двери для исследований образности в различных дискурсах, а в данном исследовании — в политическом дискурсе устного публичного выступления.

Сфера исследований образности содержит еще достаточно лакун в контексте привлечения конкретных профессиональных дискурсов, а также в рамках сопоставительных исследований.

Понятием «образность» занимаются такие науки, как философия, литературоведение, логика, психология, лингвистика. Несмотря на различное видение и различные определения понятия образности, общим во всех отраслях науки остается то, что образность рассматривается как способ постижения мира. В философии источником образности служит весь материальный мир, в литературоведении — это художественное произведение, а в лингвистике — это единицы языка различного уровня.

Традиционно образность соотносилась в лингвистике со средствами выразительности, такими как тропы и фигуры речи, при этом образность — это абстрактное понятие, реализующееся в языке и речи. Основу для выражения образности составляют языковые единицы различных уровней (слово, словосочетание, предложение). Активное изучение образности в современной когнитивной лингвистике (В.Б. Гольдберг, В.И. Карасик, З.Д. Попова, М.Я. Розенфельд, И.А. Стернин) и междисциплинарных науках, таких как социолингвистика, психолингвистика и другие (А.А. Залевская, Ж.И. Фридман, И.Н. Горелов) расширяет возможности ее понимания, проливает свет на новые грани этого явления.

Предметом данной работы являются образные языковые средства, используемые турецкими политическими деятелями в устных публичных выступлениях.

Объектом исследования является политический дискурс, представленный устными публичными выступлениями современных турецких политических деятелей (президент Турции, премьер-министр, председатель оппозиционной партии) на международных саммитах и встречах, выступлениях во время визитов в арабские и европейские страны, в парламенте Турции, на съездах политических партий. Материал взят с официальных сайтов аппарата президента и премьер-министра, сайта министерства иностранных дел Турецкой Республики, официальных сайтов правящей партии Справедливости и Развития (ПСР) и Народно-республиканской партии (НРП), Анатолийского информационного агентства “Anadolu Haber Ajansı”, сайта телевизионного канала “HaberTürk”.

Исследование базируется на методах сравнительно-сопоставительного и семантического анализа, дискурс-анализа.

2. ПОНЯТИЕ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Вопросами образности занимались такие отечественные лингвисты, как С.М. Мезенин, П.И. Пахуткин, И.В. Арнольд, С.Г. Ваняшкин, Н.Э. Алова, И.А. Кондакова, К.А. Рогова, В.В. Михайлов и др., зарубежные ученые Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Ортони и другие.

В вопросе рассмотрения понятия образности важным моментом является разграничение понятия образности и понятия образа. Традиционно понятие образа соотносится с художественной литературой, то есть разграничивают художественный образ и языковую образность.

Образ конкретен, это то, что возникает у человека в сознании при назывании какого-либо предмета или явления. Образ — это отражение внешнего мира в сознании человека. Между тем образность абстрактна, так как связана с такими понятиями, как оценочность, экспрессивность, выразительность.

В настоящее время в лингвистической литературе понятия «образность» и «образ» нередко отождествляются. При этом лингвисты в понимании образа исходят из определения понятия образности как лингвистической категории. Семантическая двуплановость лингвистической образности тесно связана с лингвистическим образом, который создается через языковые средства образности, в основе которых заложено изображение одного предмета через другой.

Представитель когнитивной психологии Р. Солсо под образом понимает презентацию в уме несуществующего предмета или явления действительности. Образ ставит перед собой задачу сохранить в памяти события, предметы или явления действительности в виде определенной «картинки в голове» (Лукьянова, Черемисина, 1986:252).

Д.О. Добровольский отмечает, что «образ действует как когнитивная схема — структура знаний, содержащая в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» (Баранов, Добровольский, 2009:31).

Двойкая сущность понятия языковой образности заключена в том, что образность рассматривается как языковой знак с одной стороны, и как коммуникативная единица — с другой стороны. Первой идеи о знаковости языковой образности придерживались А.А. Потебня, Г.О. Винокур, Б.М. Гаспаров, С. Ульман, М. Блэк, В.П. Григорьев, Н.Д. Арутюнова, С.М. Мезенин и другие. Образность создается средствами языка, где изображение одного предмета выражается через другой предмет.

О.В. Загоровская отмечает, что практически любое слово, имея образную силу, в определенном контексте способно проявить свою образность. То есть существуют слова с потенциальной образностью и слова, где образность реализована. О.В. Загоровская выделяет два типа слов: с мотивированной образностью и без первичной номинативной базы (Загоровская, 1983:17).

В лингвистических работах понятие языковой образности основывается на первичном чувственно-наглядном образе и на вторичном двуплановом образе.

В первом случае, например, Н.А. Лукьянова дает такое определение понятию образности как лексико-семантической категории: «образность — это семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание посредством целостного, наглядного представления-образа для характеристики обозначаемого им объекта и выражения эмоциональной оценки, со стороны говорящего лица» (Лукьянова, Черемисина, 1986:261). Н.А. Лукьянова также подразделяет образность на мотивированную и немотивированную.

Показательным является тот факт, что ассоциативный потенциал мотивированной образности в разных языках может как совпадать, так и естественным образом отличаться. Совпадение в значительной степени обусловлено материальным характером окружающего нас предметного мира. Отличия же связаны с наличием

в языках национальной сетки понятий, основывающейся на уникальных, национально маркированных ассоциативных образах (Потебня, 1976:61).

«Поскольку в систему наименования включается специфический, характерный для жизнеобитания данного лингвистического этноса предметный мир (экстенциональное значение) в момент чувственного восприятия и воображения мира языка данного этноса (интенциональное значение) на этапе рациональных операций по сопоставлению и оценке, то сигнификат нередко приобретает национальный характер» (Ричардс, 1990:22).

Во втором случае, когда понятие лексической образности основано на вторичном двуплановом образе, то оно напрямую связано с понятием внутренней формы слова.

Идея о внутренней форме слова принадлежит А.А. Потебне, который отмечал, что «внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» (Потебня, 1976:146). «Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперципировать свои восприятия. Внутренняя форма кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление», — пишет А.А. Потебня (Потебня, 1976:147).

Весомый вклад в изучение образности внесли представители когнитивной лингвистики. Например, И.А. Стернин и Г.А. Быкова при описании концептов-представлений (обобщенных чувственно-наглядных образов предметов или явлений действительности) выделяют лексемы, которые могут обладать сверхвысоким, высоким, существенным, средним и низким уровнями образности. Отмечается, что сверхвысоким и высоким уровнем образности обладают лексемы с ярким наглядно-образным содержанием. Низкой степенью образности обладают названия физиологических состояний человека, родовые (предельно общие) названия предметов, названия явлений социального характера (Бибчук, 1991:10).

О.И. Глазунова отмечает, что в основе ассоциативной соотнесенности признака с образом заложена эмоциональная оценка, которая может оказывать влияние на отношение к образному компоненту ассоциативной связи (Глазунова, 2000:36).

Образность зачастую затрудняет для реципиента извлечение смысла из сказанного. Чем сложнее и насыщеннее образ, тем больше возникает затруднений для его полноценного понимания. Ш. Балли писал о том, что «чем детальнее образ, тем он конкретнее осязателее, тем сильнее он действует на воображение и ... тем вероятнее он плод индивидуального творчества» (Балли, 200:232).

Как отмечает И. Кечкеш, задача докладчика путем известных ему представлений и восприятий (знаний о мире) аудитории свое выступление построить таким образом, чтобы суметь достигнуть понимания аудиторией докладываемой информации (Кечкеш, 2014:9).

Достижение такой цели докладчиком реализуется за счет образности выступления.

По справедливому замечанию Т.В. Дубровской, для любого докладчика важным в выступлении является стремление звучать решительно, убедительно и не-

оспоримо. То есть высказывание не должно иметь двоякого толкования. Для этого используются определенные языковые «средства усиления остроты звучания» (Дубровская, 2003:187). Среди таких средств необходимо выделить языковые средства образности, а именно тропы и фигуры речи.

Также важную роль играют коммуникативы, которые можно отнести к разряду образной лексики, так как они обладают высокой степенью экспрессивности. Коммуникативы позволяют докладчику выразить мнение относительно фактов объективной действительности, также они оказывают эмоционально-волевое воздействие на аудиторию, придают высказыванию информационную насыщенность и динамичность высказанной мысли (Беляков, 2015:127—128).

Понимание языковой образности заложено в знаниях аудитории о значениях сравниваемых форм, знании контекста и широты ассоциативных связей (Кечкеш, 2014:9).

Как раз именно здесь могут возникать факторы конфликтного риска (Бибчук, 1991:128), которые обуславливаются противоречиями порождения выступления и его восприятия аудиторией.

Образность — это лексико-семантическая категория, которая включает в себе структурно-семантические качества лексико-фразеологических единиц, обладающие свойством обозначать определенные явления внеязыковой действительности в ассоциативных связях с другими предметами или явлениями действительности либо имеет определенные сходства, возникающие за счет внутренней формы данной языковой единицы.

Под средствами реализации образности в данном исследовании понимаются изобразительные средства языка, а именно тропы, такие как метафора, метонимия, образное сравнение, фразеологизм, эпифора и другие. Данные образные языковые средства заключают в себе особый потенциал эмоционального, экспрессивного воздействия. Это является одной из значимых прагматических интенций политического деятеля.

3. СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ УСТНОГО ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Образность — это одна из отличительных черт турецкого политического дискурса устного публичного выступления. Образные средства языка в устном публичном выступлении политического деятеля являются определенным инструментом воздействия на аудиторию с целью повлиять на видение политической ситуации и изменить в нужном для политического деятеля русле отношение к актуальной ситуации и информации. Образность турецкого политического дискурса устного выступления может быть ярко выраженной и легко воспринимаемой реципиентом за счет наличия в выступлении следующих троп и фигур речи:

“Suriye’deki kanlı rejim” — «кровавый режим в Сирии» метафора, “istikrar adası” — «остров стабильности» метонимия, “bir umut kapısı” — «дверь надежды» метафора, “terörün çirkin yüzü” — «уродливое лицо терроризма» олицетворение, “Türkiye’nin

kapılarını bütün dünyaya açıyoruz” — «Мы открываем двери в Турцию для всего мира» олицетворение.

Однако сложность понятия «образность» в политическом дискурсе именно устного публичного дискурса заключена в том, что реализация образности происходит не только за счет троп и фигур речи, традиционно сложившихся в сознании человека.

В турецком политическом дискурсе устного публичного выступления существуют как универсальные, так и национально-культурные особенности функционирования образных языковых средств. Наличие и реализация образности обусловлена как экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными и т.п.) факторами, так и собственно языковыми особенностями.

Мотивированная образность имеет место в случае сравнения двух реальных предметов или явлений действительности. Например:

“Solcu, ulusalcı, anti-kapitalist Müslüman, böyle bir şey de çıktı, muhalif zannediyorlardı. Aslında alet olduklarını anlamadılar ve anlamayacaklar. Onlar maşa olarak kullanıldılar. Onlar piyon olarak kullanıldılar”. (Там оказались левые, националисты, мусульмане-антикапиталисты, они думали, что являются оппозицией. По сути, они не поняли и не поймут, что были лишь инструментом. Их использовали как щипцы, как пешку.)

В приведенном примере совпадение ассоциативной образности присутствует в лексических единицах “alet” (инструмент) и “piyon” (*шахм.*: пешка), но проявляет различия в лексической единице “maşa” (щипцы, пинцет; чека). Точнее сказать, что имеет место не столько различие ассоциативной образности, сколько наличие таковой в турецком языке и практическое отсутствие в русском. В турецком же языке образность слова “maşa” строится на двух ассоциативных составляющих, связанных с характеристиками человека — «несамостоятельность» (происходит непосредственно от семантики слова) и «слабость, худоба» (происходит на основе образного отражения внешних особенностей такого предмета, как «щипцы, пинцет»).

Немотивированная образность существует за счет расплывчатости внутренней формы слова, нечеткости окказиональных образных представлений индивида, не подкрепляемых также речевой традицией, либо когда данная речевая традиция еще только находится в стадии формирования. Например:

“Liderlik vasıflarına sahip idarecilerimizin sayısını ne kadar çoğaltırsak hedeflerimize ulaşma şansımız da bir o kadar artıracaktır. Statükonun gardiyanlığını yapan bir bürokrasi ülkeye sadece patinaj yaptırır”. (*досл.*: Насколько мы сможем увеличить количество наших управленцев, наделенных лидерскими качествами, настолько же повысятся наши шансы в достижении наших целей. Бюрократия, являющаяся тюремным надсмотрщиком за статус-кво, лишь заставляет страну буксовать.)

Выражение “gardiyanlık yapmak” означает «выполнять обязанности тюремного надсмотрщика» и образным не является, однако в данном контексте можно предположить, что данное выражение использовано для актуализации образного понятия «бдительно охранять что-л.», т.е. «хранить как зеницу ока». Анализ аутен-

тичных источников позволяет сделать вывод о том, что данный образ в турецкой лингвокультуре находится в стадии закрепления, т.е. перехода от окказионального явления к составляющей речевой традиции.

Между тем выражение “*patınaj uaptırmak*”, состоящее из лексической основы “*patınaj uapmak*” (буксовать, пробуксовывать) и грамматического каузативного компонента, имеет ярко мотивированную как в турецком, так и в русском языке образность, связанную с понятием «трудиться, работать, но при этом стоять на месте, не развиваться».

Осознание реципиентом образного содержания лексической единицы и коммуникативной значимости реализованной в ней образа показывают контексты. Образное значение может реализовываться в контексте благодаря тому, что лексическая структура контекстов усиливает заложенный образ, помогает развить ассоциации у реципиента.

“*Sınırlar, günümüzde, erozyona uğramış. Suriye ve Irak’ta yaşanan hadiselerde olduğu gibi terörizm, istikrarsızlık ve göç sorununun yüzlerce ülkeyi bir şekilde etkilediğini göğüyoruz*”. (В настоящее время границы подвержены эрозии. Мы видим, что терроризм, нестабильность, проблема беженцев в событиях, произошедших в Сирии и Ираке, одинаково повлияли на сотни стран.)

Слово “*erozyon*” изначально имеет два значения, связанные с понятием «эрозия», такие как «геологическое разрушение горных пород и почв», и как «потеря уважения и ценности». Фраза “*sınırlar erozyona uğramış*” (границы подверглись эрозии) требует контекста, достаточного для того, чтобы понять ситуативную образность слова “*erozyon*”, которое использовано для актуализации понятия «непрочность, неустойчивость, незащищенность».

Контекст эксплицирует содержание образной лексической единицы, фрагменты образного строя языка, то есть парадигмы с общностью образных ассоциаций.

В приведенном ниже отрывке выступления лексемы обладают высоким уровнем образности, так как обладают ярким наглядно-образным содержанием:

“*Sınırlarımızın içinde sürdürdüğümüz mücadeleye bakışımız ne ise Suriye’deki hassasiyetimiz de aynıdır. Güney sınıgımızda yeni bir Kandil’in oluşmasına asla izin vermeseyiz*”. (Мы в одинаковой степени обеспокоены вопросом борьбы, которую мы ведем в пределах границ нашей страны, так и той ситуацией, которая складывается в Сирии. Мы никогда не позволим, чтобы на нашей южной границе образовался новый Кандиль.)

Выражение “*yeni bir Kandil*” обладает ярким наглядно-образным содержанием, основывающимся на топониме “*Kandil*” (район на севере Ирака), дополненным экстралингвистическим содержанием — «район на севере Ирака, который организация Рабочая партия Курдистана использует для оборудования своих баз и тренировочных лагерей, и по которому турецкие ВС периодически наносят как воздушные удары, так и наземные в ходе так называемых трансграничных операций».

Образность может как затруднять восприятие, так и способствовать лучшему пониманию реципиентом получаемой информации благодаря задействованию актуальных ассоциаций. В формировании ассоциативных связей принимают уча-

стие лишь те явления и предметы действительности, за которыми стабильно закреплён свойственный ему признак.

“Bilin ki entegre stratejisinin uygulanması için hepimiz bir zincirin halkalarıyız. Kim bu zincirin halkalarında kopuk halkaya sebep verirse hesabını verir”. (Знайте, мы все являемся звеньями одной цепи в реализации стратегии интеграции. Кто позволит выпасть звену в этой цепи звеньев, тот будет за это держать ответ.)

За образным выражением “bir zincirin halkaları” (звенья одной цепи) стабильно закреплены такие признаки, как «устойчивая связь, единство, целостность».

Каждое образное слово и выражение обладает своими ассоциативными ресурсами. Способность реципиента понять верный смысл, заложенный в образной лексике, зависит от полноты ассоциирования. Стандартные ассоциативные связи могут также создавать и сложности при восприятии образных средств (образные выражения с полностью затемненной семантикой).

“Türkiye, Suriye meselesindeki bu duruşuyla küresel vicdanın sesi olmuş, insanlığın onurunu kurtarmıştır”. (Турция благодаря этой своей позиции по сирийскому вопросу стала голосом всемирной совести, спасла честь человечества.)

Образное выражение “küresel vicdanın sesi” (голос всемирной совести) является эпифорой, которая служит для обеспечения смысловой и эмоциональной целостности и является элементом воздействия на сознание слушателя и изменение его политической картины мира.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье показано, что образность способна обозначать определенное явление внеязыковой действительности на основе связи с другим предметом или явлением действительности через общие черты сходства этих двух предметов.

Как показали результаты нашего исследования, отдельные образные слова и выражения могут выступать в качестве единиц образного строя как языка в целом, так и в различных его профессиональных модификациях, среди которых активное использование образности в речевых целях наблюдается в политическом дискурсе устного публичного выступления.

Образность, имея трехчленную структуру, объединяет признаки исходного предмета, переносит их в новый предмет и новое слово (словосочетание) приобретает новое значение.

Образность является структурно-семантическим свойством слова, которое оказывает влияние на семантику.

Осознание реципиентом образного содержания лексической единицы и коммуникативной значимости реализованного в ней образа показывают контексты. Каждое образное слово и выражение обладает своими ассоциативными ресурсами. Способность реципиента понять верный смысл, заложенный в образной лексике, зависит от полноты ассоциирования. Понятие образности сопряжено с понятием метафоризации.

Полнота ассоциирования играет важную роль в коммуникативном акте. Зачастую стандартные ассоциативные связи могут также создавать и сложности при восприятии образных средств.

Образность турецкого политического дискурса устных публичных выступлений реализуют изобразительные средства, такие как метафора, олицетворение, сравнение, эпитифора и другие.

Такие средства создания образности, как метафора, олицетворение, метонимия за счет своей изобразительной функции помогают сделать выступление политического лидера более ярким, наглядным. Образная форма высказывания привлекает аудиторию и способна оказать влияние на аудиторию и полностью реализовать коммуникативный акт.

© Белых Е.Н., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Балли Ш. *Французская стилистика*. М.: Серия «Лингвистическое наследие XX века», 2001. 392 с.
- Баранов А.Н., Добровольский О.Д. Принципы семантического описания фразеологии // *Вопросы языкознания*. 2009. № 6. С. 21—34.
- Бибчук Е.М. *Образный компонент в лексическом значении русского существительного*: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.
- Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 124—132.
- Блэк, М. Метафора Текст // Под ред. Н. Д. Арутюновой. *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- Глазунова О.И. *Логика метафорических преобразований*. СПб.: Филол. ф-тет СПб. гос. ун-та, 2000. 190 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М., 2004. 477 с.
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 124—132.
- Дубровская Т.В. *Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении*: Дисс. канд. ... филол. наук. Саратов, 2003. 233 с.
- Загоровская О.В. Образный компонент в значении слова // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака*. Воронеж, 1983. С. 16—20.
- Лукьянова Н.А., Черемисина М.И. Образность как характеристика значения слова // *Синтаксическая и лексическая семантика*. Новосибирск, 1986. С. 258—265.
- Ричардс А.А. *Философия риторики* // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 44—67.
- Потебня А.А. *Эстетика и поэтика*. М.: Наука, 1976. 614 с.
- Ортони Э. *Теория метафоры* / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс. 1990. 512 с.
- Солсо Р. *Когнитивная психология*. СПб.: Питер, 2006. 589 с.
- Финкельберг Н.Д. *Теория семантических доминант* (на материале АЛЯ): Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. М., 1994. 36 с.
- Штанов А.В. *Технология перевода и методика преподавания (компетентностный подход)*. М.: МГИМО-Университет, 2011. 250 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 марта 2016

Дата принятия к печати: 31 мая 2016

Для цитирования:

Штанов А.В. Белых Е.Н. Образность как лингвистическая категория и ее выражение в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 152—163.

Сведения об авторе:

Штанов Андрей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, член редколлегии журнала «Филологические науки в МГИМО». *Сфера научных интересов*: грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, теория перевода, методика перевода, общая и частная (турецкий язык) методика преподавания иностранных языков. Автор более 50 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия и научные статьи. *Контактная информация*: e-mail: ashtanov@rambler.ru.

Белых Екатерина Николаевна, адъюнкт заочной формы подготовки кафедры Ближневосточных языков ФГОУ ВПО «Военный университет». *Сфера научных интересов*: теория и практика перевода, политический дискурс, анализ дискурса, сравнительно-сопоставительное языкознание. *Контактная информация*: e-mail: belo4ka1012@mail.ru.

FEATURES OF REALIZATION OF FIGURATIVENESS IN THE TURKISH POLITICAL DISCOURSE OF ORAL PUBLIC STATEMENTS

A.V. Shtanov¹, E.N. Belykh²

¹Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO UNIVERSITY)

76, prospekt Vernadskogo, 109033, Moscow, Russia

²Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
3/4, Volochayevskaya Str., 111033, Moscow, Russia

Article is devoted to features of realization of figurativeness in the Turkish political discourse of an oral public statement. As material for the analysis oral public statements of modern Turkish politicians have served. A research objective — to define language means at the expense of which figurativeness in the Turkish political discourse of an oral public statement is realized. In article the conclusion is drawn that the tripartite structure of an image unites signs of an initial subject, transfers them to a new subject, and the new word (phrase) gains new value.

Figurativeness is structural-semantic property of the word, in each word figurativeness is concluded. The thought that understanding by the recipient of figurative maintenance of a lexical unit and the communicative importance of the image realized in her show contexts is emphasized. Each figurative word and expression possesses the associative resources. Ability of the recipient to understand the right sense put in figurative lexicon depends on completeness of association. The concept of figurativeness is accompanied by concept of a metaforization. Figurative means of language in an oral public statement of the politician are a certain instrument of impact on audience with the purpose to influence vision of a political situation. In the Turkish political discourse of an oral public statement there are both universal, and cultural features of functioning of figurative language means. Figurativeness implementers in this research are understood as graphic means of language, namely a track, such as a metaphor, a metonymy, figurative comparison, the phraseological unit, an epifor and others.

Key words: figurativeness, trope, political discourse, oral public statement

REFERENCES

- Bally, Ch. (2001). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Seriya «Lingvisticheskoe nasledie XX veka» (In Russian).
- Baranov, A.N., Dobrovol'skii O.D. (2009). *Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii* [Principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6, 21—34 (In Russian).
- Bebchuk, E.M. (1991). *Obraznyi komponent v leksicheskom znachenii russkogo sushchestvitel'nogo* [Metaphorical component in the lexical meaning of Russian noun]. Voronezh (In Russian).
- Belyakov, M.V. (2015) *Kharakter emotivnosti diplomaticheskogo discursa* [Emotive Character of a Diplomatic Discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 124—132 (In Russian).
- Black, M. (1990). *Metafora. Tekst* [Metaphor. Text]. In N.D. Arutyunova (ed.). Moscow: Progress (In Russian).
- Dubrovskaya, T.V. (2003). *Rechevye zhanry "osuzhdenie" i "obvinenie" v russkom i angliiskom rechevom obshchenii* [Speech genres «condemnation» and «accusation» in Russian and English conversations]. Saratov (In Russian).
- Finkel'berg, N.D. (1994). *Teoriya semanticheskikh dominant (na materiale ALYA)* [Theory of semantic dominants (a case study of Standard Arabic)]. Moscow (In Russian).
- Glazunova, O.I. (2000). *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [The Logic of Metaphorical Transformations]. Saint-Petersburg: philologicheskiiy facultet Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (In Russian).
- Karasik, V. I. (2004) *Jazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Moscow. (In Russian).
- Kecskes, I. (2014). Slovo, kontekst i kommunikativnoe znachenie [Word, context and communicative meaning]. *Russian Journal of Linguistics*. 1, 7—18. (In Russian).
- Luk'yanova, N.A., Cheremisina, M.I. (1986). *Obraznost' kak kharakteristika znacheniya slova. Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika* [Imagery as a characteristic of world meaning. Syntactic and lexical semantics]. Novosibirsk. (In Russian).
- Ortony, E. (1990). *Teoriya metafory*. [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress (In Russian).
- Richards, A.A. (1990). *Filosofiya ritoriki. Teoriya metafory* [Philosophy of rhetoric. Theory of Metaphor]. Moscow (In Russian).
- Potebnya A.A. (1976). *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Nauka (In Russian).
- Shtanov, A.V. (2011). *Tekhnologiya perevoda i metodika prepodavaniya (kompetentnostnyi podkhod)* [Translation technology and teaching techniques (competence-based approach)]. Moscow: MGIMO-Universitet (In Russian).
- Solso, R. (2006). *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive psychology]. Saint-Petersburg: Piter (In Russian).
- Zagorovskaya, O.V. (1983). *Obraznyi komponent v znachenii slova. Leksicheskie i grammaticheskie komponenty v semantike yazykovogo znaka* [Metaphorical component in the word meaning. Lexical and grammatical components in the semantics of language sign]. Voronezh. 16—20 (In Russian).

Article history:

Received: 16 March 2016

Revised: 7 May 2016

Accepted: 31 May 2016

For citation:

Shtanov, A., Belykh, E. (2016) Features of Realization of Figurativeness in the Turkish Political Discourse of Oral Public Statements. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 152—163.

Bio Note:

Shtanov Andrey Vladimirovich, Doctor of Philosophy in Linguistics, Associate Professor, Head of Department of Middle East Languages of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), associate editor of the journal “Philological Sciences in MGIMO”. *Research interests*: grammar, semantics, cognitive linguistics, translation theory, translation technique, SLT. The author of over 50 publications. *Contact information*: e-mail: ashtanov@rambler.ru.

Belykh Ekaterina Nikolaevna, external adjunct of Middle Eastern languages department FGOU VPO Military university. *Research interests*: theory and practice of translation, political discourse, analysis of a discourse, comparative and comparative linguistics. *Contact information*: e-mail: belo4ka1012@mail.ru.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ TERMINOLOGY COMPARATIVE ANALYSIS

A MULTI-WORD LEXICAL UNIT IN ENGLISH AND SLOVAK LINGUISTICS TERMINOLOGY

Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová

University of Prešov in Prešov
1, 17 Novembra Str., 08078, Prešov, Slovakia

The research issue discussed in the paper falls within pragmatics, lexicographic and translation studies. It is part of the research grant project entitled “Virtual interactive English-Slovak bilingual encyclopedic linguistics dictionary”. One of the key tasks is to deal with the linguistics term as a concept. This presupposes understanding not only the surface structure but also the deep structure of the term. In preparing the inventory of the prospective dictionary, conceptualization has to take place and defining and translating of the term has to be done accordingly. The ongoing research has shown that one of the most problematic terms is “multi-word lexical unit” (in Slovak “viacslovné pomenovanie”). The problem lies in the different conceptualization of the terms in the two languages. Straightforwardly, in Slovak, the term implies examples that in English would be mostly considered compounds (Ološtiak, Ivanová 2015); in other words word-formation is the case here. In English, the term is more heterogeneous and encompasses categories like collocation, phrasal verb, idioms, speech formulas (on the term, see Sonomura 1996), situation bound utterances (on the term, see Kecskes 2010), and paremiological expressions (Moon 2015). In these categories, pragmatics rather than word-formation and syntax is the case (Erman and Warren 2000; Gibbs Jr. 2002, Kecskes 2014). The paper offers the analysis of the deep structure of the term in question, explores the role of figurativeness, exemplifies the differences, proposes the translation equivalents, and justifies the different nature of the seemingly corresponding terms, often making an impression of being a calque.

Key words: term, conceptualization, multi-word lexical unit, compound, collocation, idiom

1. INTRODUCTION

In modern linguistics, a multi-word lexical unit (hereinafter an MWU) is categorized into numerous typologies and classifications. Also, different signifiants are utilized for this concept: e.g. in English, multi-word/multiword unit, MW expression, MW item (Fernando, 1996; Sonomura, 1996; Mel'čuk, 2012; Moon, 2015; Hoey, 2015); in Slovak, viacslovné pomenovanie, viacslovná lexikálna jednotka, viacslovná lexéma (Jarošová, 2000), (Ološtiak, 2011). Though formally different, they share the common feature of being a hyperonym for notions typified by the degree of collocability with particular lexemes, hence stability of projected meaning, while being flexible in and/or sensitive to the established partnership. As a result, generally, MWUs are characterized by varying degrees of institutionalization, ossification, “meaning unitarism”, syntactically, phono-

logically, and intonationally expressed wholeness, and (as it were, especially in English) figurativeness.

MWUs are relatively comparable in terms of the shared feature claimed above; in English and Slovak linguistics, however, MWUs are viewed as belonging into differing linguistic fields. In English, this concept is principally attributed to the pragmatics of language; while in Slovak, their treatment is more system-oriented. Our starting premise is that this difference is attributed to dissimilar distribution of figurativeness. Hence, it is necessary to find an answer to the following question: What are the similarities and differences in the conceptualization of an MWU in English and Slovak? The stated question embodies a partial research task within a research project of designing an entry in a linguistics dictionary.

The ongoing research (Bilá, Kačmárová, Vaňková, Forthcoming) has shown that in academia it is purposeful to account for a hybrid nature of the term entry. The proposed hybrid nature implies that mere translating or mere defining do not provide for a comprehensive treatment; rather, the two processes need to be combined and supplemented with the conceptualization of the term in a given linguistic culture. We suggest that the entry be composed of four items of information: the linguistics field that the term belongs to, the explanation of what the concept of the term stands for in the language of origin, a contextualized example, and suggested translation. The reasoning is as follows (Bilá, Kačmárová, Vaňková, forthcoming):

Identifying the linguistics field that the term belongs to will make available the conceptualization, more specifically conceptualization in the sense of the establishment of the frame. Through the explanation of what the concept stands for in the language of origin, pre-understanding is supported. Providing an example will help to build salience. Suggested translation of the term will enable conceptualization, more specifically conceptualization in the sense of the configuration of the code and help avoid misinterpretation of the term.

In the process of compiling the prospective dictionary, we encountered problems of different nature; among them different levels of form and content equivalence, culture-specific conceptualization of the terms of the same origin, or a different degree of the concept of “false-friend-ness”.

A case that deserves closer inspection is the term “multiword unit” (in Slovak “viacslovné pomenovanie”). The formal side reminds us of a calque; however, the research into the deep structure of the term shows some imbalance in content and functions in English and Slovak linguistics: they at once share certain features and manifest great discrepancies. One of the reasons of the assumed discrepancies may as well be figurativeness. The discussion on MWUs provides space for juxtaposing literal and figurative meaning. Literal meaning is given by grammatical structures of the language; it is directly accessible, fully compositional, and independent of context. Figurative meaning is derivable from the psychological metaphor shaped by the extra-linguistic context. English and Slovak MWUs demonstrate their share differently. The present paper aims to arrive at the conceptualization of the given term in the two languages through pointing out and evidencing the indicated discrepancy, and ultimately to capture the essence of the term in question in English and in Slovak.

2. FIGURATIVENESS IN ENGLISH MWUs

A great deal of spoken production in English can carry both literal and non-literal (figurative) meaning, and either is triggered by specific context. This is so because English is mostly dependent on the co-existence of open-choice principle and idiomatic principle. In the former, a word enters ad hoc syntagmatic relations with adjacent lexemes (Sinclair, 1999). However, the language dynamics often causes syntagms to fossilize, which yields prefabs for specific mental frames and for specific communicative situations. The primary feature of such linguistic partnerships is idiomaticity, i.e. a native-like language choice in that particular communicative situation. Using such language chunks is a manifestation of idiom principle (Sinclair, 1999).

In the communication between people from the same language community, it is the idiom principle that is more at work; Kecskes (2014) maintains that in the English verbal production we do “more remembering than putting together”. He (Kecskes, 2014) supports his view with those of Hymes, Fillmore, and Altenberg: Hymes pointed out that an immense portion of verbal behavior consists of linguistic routines; Fillmore found out that an enormously large amount of natural language is formulaic, automatic and rehearsed, rather than propositional, creative, or freely generated; Altenberg claimed that almost eighty per cent of our language production can be considered formulaic. MWUs have the form of syntactic structures, and mostly project formulaic and/or figurative meaning. This may as well be the reason why, in modern English linguistics, a common theoretical framework for studying English MWUs is pragmatic competence and the relationship between semantic and pragmatic meaning ([Ermann, Warren, 2000; Gibbs, 2002; Kecskes, 2014]). MWUs are actually prefabs, linguistic units the meaning of which is not generated again and again, rather stored in the users’ minds as attached to that particular combination of words.

In English, one of the basic prerequisites for sounding natural is exploiting collocations. If a speaker wants to avoid breaching idiomaticity tenets, they need to approach a collocation as a fixed phrase, a formulaic expression, not necessarily figurative in nature, yet stable in the linguistic partnership that the words establish. The head and/or the determining element keep their propositional meaning, which predetermines the syntagmatic partner, as a matter of fact. English speech is largely built up upon the capability of a certain lexeme to collocate with a different lexeme. The degree of collocability, naturally, varies; it may range from rather flexible lexemes (in terms of collocability), through more fixed phrases, to phrases syntagmatically and paradigmatically ossified, almost resembling semi-idioms (a lexical kin of collocations). Such partnerships mostly project literal meaning, yet may well deserve a tag of a formulaic expression.

In English morphosyntax, a term multi-word verb is commonly used to denote what in lay terms is referred to as a phrasal verb. Grammarwise, a phrasal verb is one type of a multi-word verb. A multi-word verb is a two- or three-word verb consisting of a lexical verb and an adverb (e.g. look up), a lexical verb and a preposition (e.g. look for), or a lexical verb and both particles (look forward to); technically speaking, the first one is a phrasal verb, the second one a prepositional verb, and the third one a phrasal-prepositional verb. Another multi-word verb is ‘may/might as well’, which is referred

to as a modal idiom (Quirk, 1985). These multi-word verbs share one feature — formulaic nature. Moreover, more often than not they are idiomatic, i.e. they are implicitly figurative — the meanings of individual lexemes do not provide for the meaning of the verb phrase.

The above mentioned idiomatic nature is more than obvious in mere idioms, which is a category very typically mentioned among MWUs by researchers of the English language. The concept of the idiom has been studied in depth and many classifications and typologies exist; out of many, e.g. Strässler, 1982; Sonomura, 1996; Moon, 2015; Mel'čuk, 2012, Kecskes, 2014. In English linguistics, the term refers to a multi-word lexical unit that is semantically non-compositional, and the meaning is attached to a phrase as a whole, not to individual lexemes that the phrase is composed of. Different authors classify idioms according to the structure, degree of opacity, etc. Sonomura (Sonomura, 1996) defines an idiom as a syntagm, in which a figurative meaning is favored over possible alternatives of literal interpretations. Kecskes (2014) describes idioms from a pragmatic point of view. He claims that, similarly to metaphors, they result from the creative usage of a language.

The concept similar but at the same time different from the one above is a speech formula. Sonomura (1996) calls attention to many conventionalized and contextualized expressions that are neither idioms nor collocations. They do not have literal counterparts, yet they can be ambiguous. Kecskes (2014) uses this term to refer to utterances with a discursive function, so-called conversation routines. They are not linked to a communicative situation, rather to the function of that communication act; this is to say, their meaning is the same irrespective of the topic of the conversation or situational context. Kecskes (2014) uses examples like 'You know', 'I see', 'No problem,' — they have lost the denotative meaning, so they are independent of the situational context, they depend on the function of the communication act. The meaning that is foregrounded is formulaic and/or figurative in nature.

The interface between literal and figurative is even more challenging in situation-bound utterances (on the term, *cf* [Kecskes, 2010]). Kecskes (2003 In [Kecskes, 2014:125]) considers them pragmatic idioms because, as opposed to semantic idioms, they usually involve also a freely generated element and their meaning is transparent: "In contrast to idioms, SBUs do not mean anything different from the corresponding free sentences: they simply mean less." They make sense only in specific situations. It may even happen, that their linkage to a particular situation is so strong that the literal meaning is overshadowed by the figurative one. Hence, such phrases and/or utterances can be viewed as prefabs with a high probability of occurrence in the situations sharing the social function. Under certain conditions they may remind us of institutionalized formulas, almost speech habits and clichés; e. g. welcome aboard, welcome to the club, help yourself, or a piece of cake. They look like fully compositional, however, their function is granted only if interpreted holistically in unison with the situational context (Kecskes, 2014).

In English, an MWU embraces also examples like 'Happy birthday'. Mel'čuk (2012) tags it a cliché and describes it as a semantic-lexical phraseme, a compositional unit communicating a holistic meaning. The same is true about binomials and trinomials — they fall within a single word-class, express a holistic meaning and can often be com-

positional. Characteristically, these fall under the umbrella term of paremiological expressions. The term as such includes also a proverb, saying, or weather lore; however, these are not typically mentioned among MWUs in English, allegedly because of their folk background and, as a result, of their different function in a communicative situation. Statements like ‘make hay while the sun shines’ fulfill somewhat educational function and, as it were, are on the periphery with regard to everyday communicative situations.

3. FIGURATIVENESS IN SLOVAK MWUS

Slovak MWUs are labeled as such principally according to their structure, i.e. as naming units consisting of more than one word. They involve two distinct classes: phrasemes and non-phrasemes. The latter are further categorized as non-terms/neutral MWUs, terms, and proper names (Ološtiak, 2011). Slovak and English phrasemes share the underlying feature of figurativeness; the conceptualization of non-phrasemes is such that the English counterpart of Slovak non-phrasemes is a compound, not an MWU. As a matter of fact, it is often confusing what is actually a compound and what is an MWU. English compounds do not belong among MWUs, which can be supported by Moon ([2015:121]; her emphasis):

...Also excluded are compound nouns, verbs and adjectives, where multi-wordedness is a matter of orthography, with open forms often in free variation with hyphenated or solid forms; consider examples like *textbook*, *text book*, *text-book* and the slight but increasing tendency for prefixes to be written as separate words (*the anti war demonstrators*, *non existent*).

In English linguistics, a compound consists of one or more elements, including content and/or structure words and that it can have the form of one word composed of two one-syllable lexemes (e.g. *bedroom*), two or more separate words (e.g. *peanut butter and jelly sandwich*), or a hyphenated expression (e.g. *forget-me-not*). Obviously, the structure is multi-word; however, the meaning is always rendered holistically, as a sum of the meanings of the constituents. The Slovak understanding of a compound is different from the English one. In Slovak linguistics, it is always two or more words either written as a solid lexeme, or hyphenated, or with a combining element ‘o’/‘e’/‘i’; e.g. *vždyzelený* (Engl. *evergreen*), *socio-ekonomický* (Engl. *socio-economic*), *čiernobiely* (Engl. *black and white*), respectively.

The Slovak understanding of MWUs foregrounds primarily non-phrasemes, however, the recent interest in phrasemes is on the increase, which is based on the fact that folk tradition is not the only source that matters in interpreting fossilized chunks. In the past, in Slovak linguistics, language means were viewed as a cultural heritage, as accumulation of folk wisdom and life experience echoing the historical, social, cultural, and psychological development of a cultural community. That is to say, if they exhibited such idiomaticity, they were tagged as interlingually untranslatable (*cf.* Ďurčo, 2016), thus deemed to represent a marked, non-neutral, rather expressive, figurative, and evaluative portion of lexis; using Slovak technical language — phrasemes. Current “demand” for phrasemes and their emergence in communication illustrates that the necessity of phraseology in communication is systemic and its current usage has thus ceased to be

solely combined with idiomaticity (in the sense of culture-specificity and untranslatability, though this feature may normally be present).

The current Slovak professional view is that phraseology adds distinctiveness to the verbal behavior and it is not confined only to literary texts; it is also utilized in journalistic texts, in commercials and everyday interactions (Ološtiak, 2011). Here we can find a parallel to the English idiom principle. However, its Slovak functioning, its role in communication, and its linguistic treatment differ from those in English due to several reasons. Firstly, it may have resulted from the historical and social development of the respective culture communities, the manner in which Slovak was standardized and further developed; secondly, from the more prescriptive tradition in language use.

A Slovak prototype phraseme results from the complex interaction of several aspects — semantic, syntactic, evaluative, and figurative/expressive. In Slovak linguistics, when a syntagm changes into phraseme (so-called process of “phraseologization”), evaluative and expressive, connotational and pragmatic components are given primary importance. With regard to phrasemes, some Slovak and Czech linguists conceptualize figurativeness as a metaphor (Mlacek 1980 In [Ološtiak, 2011]). Others (Čermák, 1985 In [Ološtiak, 2011]) do not regard the meaning shifts vital; rather they attach the key role to semantic transposition. In Slovak linguistics, the systemic treatment is reflected also in the rigid classification of phrasemes based on their content and structure. The former involve phraseological fusions, phraseological unities, and phraseological combinations (generally accepted classification and terminology based on Vinogradovian tradition); the latter encompass phrasemes structured as complete utterances, phrasemes that are structurally syntagms, minimum phrasemes and subphrasemes, and one-word phraseme; there is also a separate class of paremiological expressions (humorous comments on a situation, sayings, proverbs, quotes, and weather lores).

More specifically, with regard to content, the classification implies the level of transparency of the components. In phraseological fusions, the overall meaning completely differs from the meanings of their components; Čermák (1985 In [Ološtiak, 2011]) calls them idioms. In phraseological unities, the overall meaning is slightly implied by one of their components. In phraseological combinations, one component has retained its original meaning and other word/s are used in figurative meaning/s (Ološtiak, 2016). Structurewise, phrasemes having the form of complete utterances are labelled as propositional phrasemes (composed of both content and structure words as well as collocations). They are either propositional or poly-propositional phrasemes; conceptually, they have counterparts in English in that the former bear functional resemblance with discourse markers and the latter that with speech formulas (Filipec, Čermák 1985 In [Ďurčo, 2016]). Slovak phrasemes with the form of syntagms are of two kinds: structurally, they are close to noun phrase or verb phrase; thus, the former remind us of an English compound, the latter of an idiom.

Minimum phrasemes contain merely one content word and the remaining components are only structure words; functionally they work as English idioms. Subphrasemes comprise only structure words, hence reminding us of English discourse markers. Within the inventory of Slovak phraseology, one-word phrasemes are also present. In addition to their figurativeness, Slovak linguists point at their evaluative nature in that they reflect a certain model everyday situation; hence they belong into informal lexis. In English, this

function is undertaken by phrasal verbs and slang. They reach far beyond a one-word metaphor the meaning of which, through its recurrent usage, “fades away” and the word thus undergoes lexicalization. A one-word phraseme, however, is hybrid in that it oscillates between langue potentiality and parole topicality (Ďurčo, 2016).

Paremiological expressions have their origin in folk speech and culture. Their typology includes humorous comments on a situation, sayings, proverbs, quotes, and weather lores. A humorous comment on a situation, in a conventionalized manner and through stable language means reflects a situation without making generalizations (as a proverb) or “giving a lesson” (as a saying). A saying or a proverb are more “serious” than a comment, they refer to a particular situation in a figurative manner. A humorous comment is viewed as an initial stage of a saying or proverb. In Slovak, a proverb is considered to be the essential type of paremiological expressions. (J. Mlacek, 1983 In [Ďurčo, 2016]).

4. SUGGESTIONS FOR ENTRY FORMATION

The desk research presented above has made it possible to arrive at the conceptualization of the multi-word unit in English and “viacslovné pomenovanie” in Slovak. The juxtaposition of the existing typologies and classifications provided for differentiating between English and Slovak concepts. The analysis unveiled some overlapping but also some clashes. The table below manifests the detected similarities and dissimilarities in the term conceptualization in the two languages. The tinted areas point to the notable differences and/or clashes. The chosen instances are not meant to capture the target concepts in their entirety, they were chosen to sketch the salient characteristics of the concepts that they represent. To our knowledge, this is the first attempt with regard to this kind of analysis.

Table 1

Conceptualization of an MWU in English and Slovak

Epitome of the structure	Conceptualization in Slovak			Conceptualization in English		
	Figurativity	Significant	Lg field	Figurativity	Significant	Lg field
to dust furniture	–	collocation	Lexicology	+	collocation	Idiomatology
to sleep in	----	----	----	+	phrasal verb	Idiomatology
to beat about the bush	+	ph. fusion	Lexicology	+	Idiom	Idiomatology
Are you ok?	----	----	----	+	speech formula	Idiomatology Pragmatics
How are you?	+	formula	Stylistics/ Pragmatics	+	situation-bound utt.	Idiomatology/ Pragmatics
big brother	+	ph. fusion	Lexicology	+	cliché	Idiomatology
to and fro	+	sub-phraseme	Lexicology	+	binomials/ trinomials	Idiomatology
a garden chair	–	non-term	Lexicology	–	compound	Word-formation
the dog rose	–	term	Lexicology	–	compound	Word-formation
Charles the Great	–	compound proper name	Lexicology	–	compound	Word-formation
Potemkin village; Gordian Knot	+	ph. fusion (syntagm)	Lexicology	+	idiom	Idiomatology

Epitome of the structure	Conceptualization in Slovak			Conceptualization in English		
	Figurativity	Significant	Lg field	Figurativity	Significant	Lg field
The die is cast; One swallow does not make a summer	+	ph. unity (utterance)	Lexicology	+	cliché	Idiomatology
"my way" [po svojom]	–	minimum phraseme	Lexicology	–	unmarked syntactic phrase	Syntax
Go (Peter) go [do toho] So, ... [no tak ...]	+	subphraseme	Lexicology	+	speech formula discourse marker	Idiomatology Stylistics
junk [haluz]	+	one-word phraseme	Lexicology	+	colloquial- ism	Stylistics

Based on the analysis presented above, we propose the following entry design of the target term to be included into the prospective dictionary.

ENGLISH PART

Multi-word unit (item/expression)

1. idiomatology, study of idioms
2. a phrase or an utterance the elements of which collocate with each other, represent a syntactic and phonological whole, and communicate a holistic meaning, which is not necessarily the sum of the meanings of individual components; except for collocations, they exhibit a streak of figurativity; they are regarded as formulaic language, thus they are stored in the mental lexicon as prefabricated units
3. to dust furniture (collocation), to sleep in (phrasal verb), to beat about the bush (idiom), Are you ok? (speech formula), How are you? (SBU), big brother (cliché), to and fro (binomial/trinomial)
4. viacslovná lexikálna jednotka, viacslovné pomenovanie

Note: in the prospective dictionary, it will be possible to cross-reference the terms in brackets provided in point 3.

SLOVAK PART

Note 2: in the prospective dictionary, the text will be in Slovak (except for item 4)

Viacslovné pomenovanie

1. lexicology, study of lexis
2. a lexical unit consisting of two-or more lexemes that represents a syntactic, phonological and semantic whole; based on the share of non-figurativity, figurativity, and uniqueness, non-phrasemes and phrasemes are recognized. Non-phrasemes include non-terms, terms, and compound proper names. Phrasemes are classified based on the content and structure. Contentwise, phraseological fusions, unities, and combinations are recognized; structurewise, syntagms, utterances, minimum phrasemes, subphrasemes, and one-word phrasemes are recognized.

3. Non-phrasemes: a garden chair (non-term), the dog rose (term), Charles the Great (compound proper name)

Phrasemes:

Content-based: “Potemkin village” (phraseological fusion), “The die is cast” (phraseological unity), “poor as a church mouse” (phraseological combination); Structure-based: “Gordian Knot” (syntagm), “One swallow does not make a summer” (utterance); “my way” (minimum phraseme [po svojom]), “Go (Peter) go” (subphraseme [do toho]), junk (one-word phraseme [haluz]).

4. a multi-word unit (item/expression)

Note 3: examples in item 3 are literal translations of what will be included in this entry.

5. CONCLUSIONS AND IMPLICATIONS

As it were, English MWUs are heterogeneous in that they cover syntactic units from a two-member syntagm to a predicated utterance. They typically involve idioms and formulae (Moon, 2015). We believe the inventory of an MWU is much broader and may well involve the following cases: collocations, phrasal verbs, idioms, speech formulas, situation-bound utterances, paremiological expressions (Bilá, Kačmárová, Tomášiková, Kášová, Vojtek, Koželová, 2015). Their nature and areas of usage suggest that they be dealt with within idiomatology (study of idioms) and with pragmatics (i.e. a user) in mind. This is to say, in the English concept of an MWU, the defining feature is the figurativeness of meaning in syntactic structures forming a psychological whole. English MWUs largely carry culturally and situationally conventionalized, almost ritualized, figurative meaning. The only type of MWU that does not manifest figurativeness is a stable collocation. Slovak MWUs are typically understood as either notional or emotional/attitudinal (Jarošová, 2000). Primarily, a Slovak MWU is represented by a syntagm with a notional meaning (i.e. conceptually an English compound) and it is studied within lexicology (Slovak understanding of lexicology covers also word-formation [the authors’ note]); they display non-figurativeness. Lexical units being emotional or attitudinal in nature are referred to as phrasemes, display figurativeness and are dealt with within idiomatology (for which East-European linguistics uses the term phraseology [the authors’ note]).

© Magdaléna Bilá, Alena Kačmárová, 2016

REFERENCES

- Bilá, M. Kačmárová, A., Tomášiková, S., Kášová, M., Vojtek, D., Koželová, A. “Výskum viacslavných pomenovaní v germánskych jazykoch (angličtina, nemčina) a v románskych jazykoch (francúzština, španielčina)”. (2015). In Ološtiak, M. (ed.). “*Viacslavné pomenovania v slovenčine*” (pp. 57—127). Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.
- Bilá, M., Kačmárová, A., Vaňková, I.¹ “Considering a socio-cognitive approach in the compiling of a linguistics dictionary”.
- Bilá, M., Kačmárová, A., Vaňková, I.² “What Is behind the Compiling of a Dictionary for a Bilingual User?” Forthcoming.

- Ďurčo, P. (2016, June 31). *Frazeologická terminológia*. Retrieved from: http://www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia.
- Erman, B., Warren, B. (2015, December 15). *The idiom principle and the open choice principle*. Retrieved from: http://lex tutor.ca/n_gram/erman_warren_2000.pdf.
- Fernando, C. (1996). *Idioms and Idiomaticity*. Oxford: Oxford University Press.
- Gibbs Jr., R.W. (2002). A new look at literal meaning in understanding what is said and implicated, *Journal of pragmatics* 34, 457—486. Retrieved from: www.elsevier.com/locate/pragma.
- Hoey, M. (2015). Words and their neighbours. In J.R. Taylor (ed.). *The Oxford Handbook of the Word*. (pp. 141—156). Oxford University Press.
- Jarošová, A. (2000). *Lexikalizované spojenie v kontexte ustálených spojení*. In J. Dolník (ed.). Bratislava: Univerzita Komenského.
- Kecskes, I. (2010). Situation-bound utterances as pragmatic acts. *Journal of Pragmatics* 42, 2889—2897.
- Kecskes, I. (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford University Press.
- Meščuk, I. (2012). Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. *Yearbook of Phraseology*, 3, 31—56. Retrieved from: http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/yop_2012_0003.final.pdf.
- Moon, R. (2015). Multi-word Items. In J.R. Taylor (ed.). *The Oxford Handbook of the Word* (pp. 120—140). Oxford University Press.
- Ološtiak, M. (2011). *Aspekty teórie lexikálnej motivácie*. Prešov: FF PU.
- Ološtiak, M. (2016, July, 31). *Frazeológia*. Retrieved from: <http://olostiak.webz.cz/2prekl/P8-frazeologia.pdf>.
- Quirk, R. et al. (1991). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Longman.
- Sinclair, J. (1991). *Corpus, Concordance and Collocation*. OUP.
- Sonomura, O. M. (1996). *Idiomaticity in the basic writing of American English*. New York: Peter Lang Publishing, Inc. Group Limited.
- Strässler, J. (1982). *Idioms in English: A pragmatic analysis*. Tübingen: Narr

Article history:

Received: 28 May 2016

Revised: 16 June 2016

Accepted: 18 June 2016

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been conducted within the authors' research activities in the following projects: KEGA 007PU-4/2015 Virtual interactive encyclopedic English-Slovak and Slovak-English dictionary of general linguistics; APVV-0342-11 Dictionary of MWUs (lexicographical, lexikological and comparative research) and in the project entitled "Retrofitting and Extension of the Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting" supported by the Research & Development Operational Programme funded by the ERDF. Project code: 26220120044, Agreement Number: 031/2009/2.1/OPVaV.

For citation:

Bilá M., Kačmárová A. (2016). A Multi-Word Lexical Unit in English and Slovak Linguistics Terminology. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 164—175.

Bio Note

Magdaléna Bilá is Associate Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include comparative and contrastive experimental phonetics research into suprasegmentals in English and Slovak and discourse studies. *Contact Information*: e-mail: magduska_bila@yahoo.com.

Alena Kačmárová is Associate Professor at the Institute of British and American Studies, Faculty of Arts, The University of Prešov in Prešov. Her research interests include pragmalinguistic research into spoken informal discourse, lexical, syntactic and pragmatic aspects of American English in comparison with the Slovak language and general intercultural context. *Contact information*: e-mail: alena.kacmarova@unipo.sk.

СЛОЖНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Магдалена Била, Алена Качмарова

Прешовский университет
08078, Словакия, Прешов, ул. 17 Ноября, 1

Рассматриваемая проблема находится на стыке прагматики, лексикографии и переводоведения. Одной из ключевых задач настоящего исследования является решение проблемы лингвистического термина как концепта. Такой подход предполагает обращение не только к поверхностной, но также и к глубинной структуре термина. Представляется, что при подготовке словаря будущего словаря необходимо учесть результаты концептуализации, в соответствии с которой термин должен получить соответствующее толкование и перевод. Как показывают данные исследования, большие проблемы вызывает термин, в основе которого лежит сложная номинативная единица (ср.: в словацком *viacslovnépotenovanie*). Трудности проистекают из различий в концептуализации терминов в рассматриваемых языках. Словацкий термин подобной природы в качестве эквивалента в английском языке зачастую имеет сложное слово (Ološtiak, Ivanová 2015); иными словами, в данном случае речь идет о словообразовании. В английском языке термин морфологически гетерогенен и может выражаться посредством таких единиц, как словосочетания, фразовые глаголы, идиомы, разговорные клише (Sonopura 1996), ситуативно обусловленные высказывания (Keckses 2010) и паремнологические выражения (Moon 2015). В подобных случаях на первый план выходит прагматика, нежели чем словообразование и синтаксис (Erman and Warren 2000; Gibbs Jr. 2002, Keckses 2013). В статье проводится анализ глубинной структуры изучаемого типа термина, различия иллюстрируются примерами, предлагаются переводческие эквиваленты и обосновывается выбор, казалось бы, одинаковых корреспондирующих структур, которые часто производят впечатление переводческих калек.

Данное исследование выполнено в рамках гранта «Виртуальный интерактивный англо-словацкий двуязычный энциклопедический лингвистический словарь».

Ключевые слова: термин, концептуализация, сложная номинативная единица, сложное слово, словосочетание, идиома

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 мая 2016

Дата принятия к печати: 18 июня 2016

Для цитирования:

Била М., Качмарова, А. Сложные номинативные единицы в английской и словацкой лингвистической терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 164—175.

Сведения об авторах

Магдалена Била, доктор, Университет г. Прешов. *Сфера научных интересов*: сравнительная фонетика английского и словацкого языков, теория и практика дискурса. *Контактная информация*: email: magduska_bila@yahoo.com.

Алена Качмарова, доктор, Университет г. Прешов. *Сфера научных интересов*: исследование разговорного дискурса в прагмалингвистической парадигме, сравнительное языкознание, в частности изучение лексических, синтаксических и прагматических аспектов американского варианта английского языка в сравнении со словацким языком. *Контактная информация*: alena.kacmarova@unipo.sk.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

Е.В. Кулевская, Н.А. Дудик

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, Россия, ул. Остоженка, д. 38

Статья посвящена описанию семантической структуры юридического термина. В настоящее время вследствие быстрого развития межкультурной коммуникации профессиональная деятельность человека сопровождается изучением специальных языков, в том числе и языка юриспруденции, важной составляющей которого являются термины, нередко затрудняющие процесс удачной межкультурной коммуникации. В этой связи обучение межкультурной коммуникации, согласно многим исследователям, в том числе Р. Крэнмеру [23] и К. Коскинен [26], имеет первостепенное значение. Цель статьи — продемонстрировать, что юридический термин, как слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия и на практике не всегда имеет точный и определенный смысл, так как для некоторых юридических терминов характерно явление полисемии. Для доказательства данного факта исследовалась семантическая структура юридического термина с когнитивной точки зрения. В начале статьи приведены основные понятия — *термин*, *фрейм*, *лексико-семантический вариант слова*, *микрофрейм-референт*. Далее, вслед за Е.Г. Беляевской [2], в результате анализа когнитивных оснований типологии семантических структур и классификации значений выделен перечень различных семантических структур юридических терминов: *гомогенные семантические структуры* (в которых разные ЛСВ многозначного слова отображают разные аспекты одного микрофрейма-референта), включающие однозначные термины, термины с многозначной гомогенной семантической структурой, термины с промежуточным типом лексем, и *гетерогенные семантические структуры* (в которых ЛСВ соответствует не одному, а двум или нескольким фреймам-референтам), реализующие «классическую» полисемию, в статье рассматриваются два типа гетерогенных семантических структур. При рассмотрении данных структур анализируются примеры актуализации лексического значения юридических терминов в речи; обосновывается положение о их полисемантности. Материалом исследования послужили официальные юридические документы, тексты законов на английском и русском языках, Британский национальный корпус и Национальный корпус русского языка. Для анализа функционирования терминов использовались Oxford Advanced Learner's Dictionary, Новый Большой англо-русский словарь, Англо-русский полный юридический словарь и Black's Law Dictionary. В исследовании применялись методы дефиниционного, контекстуального, концептуального и сопоставительного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, в преподавании английского языка студентам юридических факультетов, в преподавании практики перевода.

Ключевые слова: юридический термин; микрофрейм; микрофрейм-референт; семантическая структура; английский язык; русский язык.

1. ВВЕДЕНИЕ

Основу юридического, как и любого специального дискурса, составляют термины. Проводить контрастивное исследование систем юридических терминов в английском и русском языках сложно, так как сопоставляются разные правовые системы. Известно, что существуют значительные различия между российским

(кодифицированным) и англо-американским (прецедентным) правом, которые прослеживаются в том числе и на уровне терминологии. Более того, юридические системы Англии, США, Северной Ирландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии (страны общего права) и России, Германии, Франции, Швейцарии, Австрии и др. (страны континентального права) основываются на разных концептах. Словарная дефиниция часто не дает верного представления о лексической единице, так как за аналогичными терминами в двух языках стоят либо разные понятия, либо разный объем значения близких по смыслу понятий.

В толковом словаре русского языка под термином понимается слово, являющееся названием строго определенного понятия; специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии (Ушаков, 2004:165). В.Н. Комиссаров отмечает, что «терминами называются слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники. В качестве терминов могут использоваться как слова, употребляемые почти исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общенародных слов» (Комиссаров, 1990:110). А.А. Реформатский относил к терминам «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» (Реформатский, 1996:61). Р.А. Будагов идет вслед за Реформатским определяет термин как «слово со строго определенным значением... Термин стремится к однозначности (моносемии)» (Будагов, 1958:23).

Юристы определяют юридический термин следующим образом: «Юридический термин — это слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающийся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» (Пиголкин, 1990:65).

Однако на практике юридический термин не всегда имеет все свойства, перечисленные выше. Для доказательства данного факта мы решили исследовать семантическую структуру юридического термина с когнитивной точки зрения, анализируя не только категорию значения, как при структуралистском подходе, но и категорию смысла.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашей статье мы опирались на основные теоретические принципы когнитивного представления о лексическом значении, разработанные Е.Г. Беляевской, которая выделяет когнитивные основания типологии семантических структур и классификации значений с учетом разработанных когнитивных представлений о семантике слова. В ее работе рассматриваются гомогенные семантические структуры, куда входят однозначные слова, и многозначные гомогенные семантические структуры; разбирается промежуточный тип лексем; анализируются гетерогенные семантические структуры; широкозначные семантические структуры; разбирается переносное и связанное значение слова (Беляевская, 1992).

Для подробного анализа семантической структуры юридического термина как многослойной иерархической структуры с когнитивной точки зрения приведем основные определения. Одним из основных понятий при рассмотрении семантической структуры с когнитивной точки зрения является понятие *фрейм*: «*Фрейм* (англ. frame) — организованная структура представлений, хранимых в памяти человека; структура данных для представления стереотипной ситуации» (Глоссарий СКоДис). «Фрейм мыслится как иерархически организованная структура, в которой при неизменности общего содержательного наполнения некоторые аспекты могут выдвигаться на первый план, а другие — уходить на уровень фона или вообще на время как бы „исчезать“ из поля зрения» (Беляевская, 1992:41).

Е.Г. Беляевская подчеркивает, что значение слова соотносимо со всем объемом знаний об обозначаемом, т.е. значение слова представляет собой фрейм, который в отличие от фрейма целостной ситуации, где объект, обозначаемый данным словом, выступает в качестве одного из терминалов, называется *микрофреймом*. Микрофрейм включает в себя все признаки обозначаемого: те, которые необходимы для идентификации данного класса; потенциальные признаки, логически выводимые из общего знания об обозначаемом; ассоциативные признаки, отражающие взаимодействие обозначаемого с другими объектами предметного мира. В микрофрейме выделяется два уровня: референциальный уровень, позволяющий идентифицировать обозначаемое и создать его достаточно полный и разносторонний мыслительный образ, и глубинный уровень — уровень когнитивной модели, лежащей в основе значения. Когнитивная модель значения — это некоторая концептуальная схема, задающая указание на «фокус» микрофрейма, т.е. выделяющая те его особенности, которые выдвигаются на первый план (Беляевская, 1992:58—59).

Часто одна языковая форма ассоциируется с различными значениями, и многие ученые отмечают существование терминологической полисемии (В.И. Озюменко, К.П. Чилингарян, 2015; Я.А. Писарев, 2014). В рамках теории полисемии было выдвинуто предположение о различных значениях полисемантического слова как его вариантах, которые называются лексико-семантическими вариантами (далее ЛСВ). А.И. Смирницкий отмечает, что «*лексико-семантический вариант* — это двухсторонняя единица (наименьшая двусторонняя лексическая единица), формальную сторону которой составляет звуковая форма слова, а содержательную сторону — одно из значений данного слова, т.е. обозначение определенного класса предметов» (Смирницкий, 1956:42).

Говоря о ЛСВ слова, Е.Г. Беляевская указывает, что «существование лексико-семантических вариантов одного и того же слова предполагает, что они представляют собой не изолированные, но взаимосвязанные сущности, определенным образом коррелирующие между собой и образующие своеобразное единство. Системная взаимосвязь различных ЛСВ одного и того же слова в пределах его тождества образует основу его семантической (или смысловой) структуры, которая может быть определена как упорядоченное (обнаруживающее системную взаимосвязь своих элементов) множество ЛСВ одного и того же слова. Как следует из данного определения, понятие семантической структуры применимо только

к многозначным словам, поскольку семантическая структура по сути своей является структурой ЛСВ и, если слово имеет только один ЛСВ, оно не может иметь структуры лексико-семантических вариантов» (Беляевская, 1992:112).

Далее для когнитивного анализа семантической структуры юридического термина обратимся к понятию *микрофрейм-референт*. Е.Г. Беляевская отмечает, что «при изучении семантической структуры слова следует, прежде всего, учитывать референтную отнесенность значения — фрагмент действительности, который обозначает данное слово. Фактически это микрофрейм лексического значения с той лишь разницей, что микрофрейм, будучи языковым явлением, структурирован благодаря фиксации его фокуса в процессе номинации». Следовательно, фрагмент действительности, соответствующий лексическому микрофрейму, называется микрофреймом-референтом (Беляевская, 1992:195—196).

Опираясь на данную теорию, предлагаем следующую классификацию семантических структур юридических терминов, которая будет далее рассмотрена в статье:

- 1) однозначные термины;
- 2) термины с многозначной гомогенной семантической структурой;
- 3) термины с промежуточным типом лексем;
- 4) гетерогенные семантические структуры.

Материалом исследования послужили официальные юридические документы, тексты законов на английском и русском языках, Британский национальный корпус и Национальный корпус русского языка. Для анализа функционирования терминов использовались *Oxford Advanced Learner's Dictionary* (далее — OALD), *Новый Большой англо-русский словарь* (далее — НБАРС), *Англо-русский полный юридический словарь* и *Black's Law Dictionary* (далее — BLD). Нами было выделено 105 терминов, некоторые из которых представлены в примерах ниже. В исследовании применялись методы дефиниционного, контекстуального, концептуального и сопоставительного анализа.

3. ГОМОГЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Случаи, когда разные ЛСВ многозначного слова отображают разные аспекты одного микрофрейма-референта, можно описать как однородные или гомогенные семантические структуры.

1. Однозначные слова. Е.Г. Беляевская считает, что однозначные слова часто исключаются из рассмотрения семантических структур, поскольку такие лексемы не имеют семантической структуры как иерархически организованной системы взаимосвязанных и взаимодействующих ЛСВ. Смысловую структуру данных единиц можно рассматривать как систему иерархически организованных, взаимодействующих и взаимосвязанных мельчайших семантических компонентов. Смысловые структуры однозначных единиц можно считать частным случаем в семантической организации слова — множествами, состоящими из одного элемента, в то время как смысловые структуры многозначных слов — множества, состоящие более чем из одного элемента (Беляевская, 1992:197—198).

Рассмотрим, например, термин *alimony*. В словаре OALD дается следующая дефиниция данного термина: **alimony** — the money that a court orders somebody to pay regularly to their former wife or husband when the marriage is ended: *He has to pay alimony to his ex-wife* (OALD).

НБАРС предлагает следующие варианты перевода: 1. содержание; пропитание, прокорм; 2. алименты; суммы, выплачиваемые жене на ее содержание на время раздельного жительства супругов или бывшей жене после развода (НБАРС).

В англо-русском полном юридическом словаре *alimony* — содержание, алименты; суммы, выплачиваемые жене на ее содержание на время раздельного жительства супругов (Мамулян, 1993).

Обращаясь к BLD, который традиционно считается авторитетным юридическим словарем в области права в США, находим дефиницию *alimony* в юридическом дискурсе: **alimony** (17 с) 1. A court-ordered allowance that one spouse pays to the other spouse for maintenance and support while they are separated, while they are involved in a matrimonial lawsuit, or after they are divorced; esp., money that a court orders someone to pay regularly to his or her former spouse after the marriage has ended. 2. *Scots law*. ALIMENT (Garner, 2014).

Используя Британский национальный корпус и Национальный корпус русского языка, проследим, каким образом данный термин реализуется в речи:

That, thought Mr Holt, was that — but Mrs Holt had other ideas and some time later applied through the courts for alimony. Я ушел, оставив Ёлке квартиру со всеми вещами, — и вдруг получил повестку в суд. Бывшая жена подавала на алименты. Я опешил.

Рассмотрим примеры употребления данного термина в официальных документах США и в текстах законов РФ:

It is the wife who is trying to get payment of the defaulted alimony and does not have counsel.... Родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) в соответствии с главой 16 настоящего Кодекса.

Таким образом, можно сказать, что данный термин имеет однородную семантическую структуру и при его употреблении акцентируются отдельные стороны одного и того же обозначаемого. Вслед за Е.Г. Беляевской отметим, что «большинство однозначных слов совпадают с фреймами-референтами, которые можно назвать узкими и относительно изолированными... Отнесенность к узкоспециальной сфере указывает на терминологичность таких лексем... Подобная «узкая направленность» обозначения приводит к тому, что вокруг фокуса микрофрейма группируется значительное число признаков, необходимых для идентификации объекта» (Беляевская, 1992:199—203).

2. Многозначные гомогенные/диффузные семантические структуры.

Д.Н. Шмелев отмечает, что «семантические структуры целого ряда слов характеризуются тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно... Подобная диффузность значений может проявиться, ко-

нечно, только в случае их тематической общности» (Шмелев, 1973:77). Представленная идея Д.Н. Шмелева подчеркивает, что в случае диффузности все ЛСВ многозначного слова принадлежат одному микрофрейму-референту... При этом структура микрофрейма практически не изменяется, но на внешнем уровне микрофрейма выделяются наиболее важные отдельные аспекты микрофрейма аналогично тому, как это имеет место в процессе семантического развертывания значения при его актуализации (Беляевская, 1992:210—212). Мы считаем, что описанное применительно к юридическим терминам.

Приведем пример, глагол *abandon*. OALD предлагает следующие дефиниции: 1. to leave somebody, especially somebody you are responsible for, with no intention of returning *abandon somebody*; 2. to leave a thing or place, especially because it is impossible or dangerous to stay; 3. abandon something; to stop doing something, especially before it is finished; to stop having something; 4. to stop supporting or helping somebody; to stop believing in something; abandon somebody; 5. abandon yourself to something; (literary) to feel an emotion so strongly that you can feel nothing else (OALD).

В НБАРС приводится 5 значений этого термина: 1. отказываться; оставлять; 2. сдавать; 3. покидать, оставлять; самовольно уходить (с поста и т.п.); 4. *юр.* отказаться (от собственности, от права и т.п.); 5. закрывать; консервировать (предприятие и т.п.) (НБАРС).

При анализе слова *abandon*, которым представлен анализируемый термин, уточним вопрос о том, можно ли отнести к терминам глагол. В работах отечественных лингвистов А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Н.В. Васильевой (Суперанская, Подольская, Васильева, 2009), В.П. Даниленко (в частности [Даниленко, 1977:38—51]) доказано, что термины могут быть представлены не только именами существительными, но и другими частями речи. В.М. Лейчик указывает на три момента: 1) в сфере терминов предпочтение отдается именным словосочетаниям и существительным в силу того, что основная функция термина — номинативная, репрезентативная, и в роли названия объекта часто выступают существительные; 2) выбор части речи для использования в функции термина определяется системой понятий и терминосистемой, в частности тем, какие объекты, операции либо признаки выдвигаются здесь на первый план; 3) в текстах, относящихся к определенным областям знания, где функционируют термины, они чаще всего выступают в глагольной, адъективной, адвербиальной, но не в именной форме (Лейчик, 2007:59). Опираясь на мнения терминоведов и на пометы отраслевых словарей, относим анализируемый глагол *abandon* к терминам.

Рассмотрим данный пример в юридическом дискурсе. Англо-русский полный юридический словарь предлагает следующие словарные соответствия: *abandon* 1. отказываться (от права, притязания и т.п.); отказываться от имущества в пользу страховщика, абандонировать; 2. прекращать; 3. оставлять (жену, детей); 4. закрывать (Мамулян, 1993).

BLD выделяет 7 значений: **abandon**, *vb.* (14 c) 1. To leave (someone), esp. when doing so amounts to an abdication of responsibility. 2. To relinquish or give up with

the intention of never again reclaiming ones rights or interest in. 3. To desert or go away from permanently. 4. To stop (an activity) because there are too many problems and it is impractical or impossible to continue. 5. To cease having (an idea, attitude, or belief); to give over or surrender utterly. 6. To leave (a ship) because of sinking or the threat of sinking. 7. *Insurance*. To surrender to the underwriters the insured's interest in (the insured property) while claiming payment for the total loss (Garner, 2014).

Следовательно, можно выделить следующие ЛСВ и проследить их актуализацию, используя официальные юридические документы и Британский национальный корпус языка:

ЛСВ 1 — оставлять кого-либо: *We have also considered the effect of the surviving parent's decision to **abandon** the children after the killing of a spouse occurs* (Court of Appeals of Georgia);

ЛСВ 2 — отказываться от права: *Their public defence is that the system brought together the industrial and political arms of the labour movement: **abandon** the block vote and you betray Labour's parentage* (Британский национальный корпус); *Years later, a successor railroad **abandoned** the right of way with federal approval* (Supreme Court of the United States 29);

ЛСВ 3 — покидать: *UN may **abandon** stricken Sarajevo* (Британский национальный корпус);

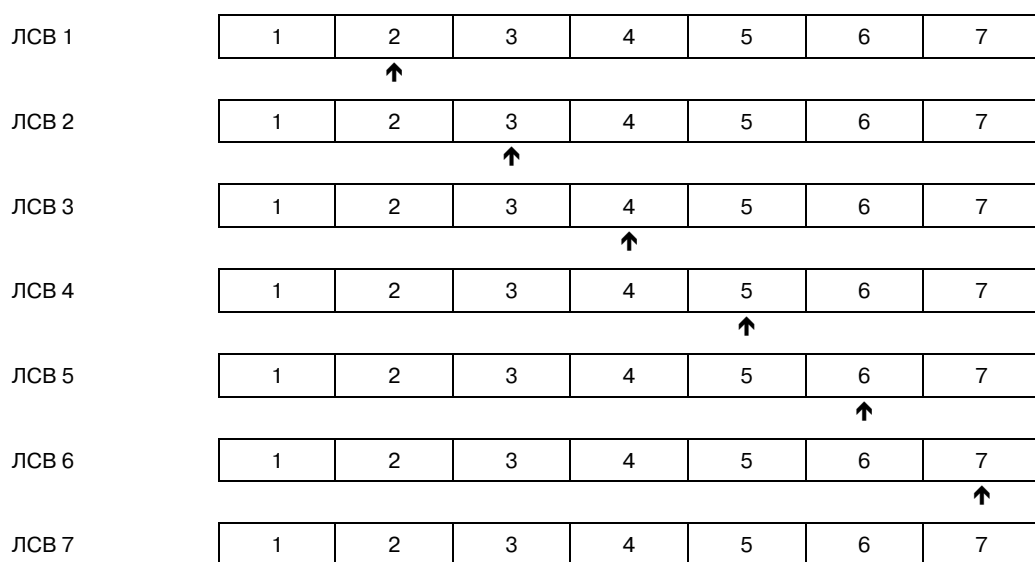
ЛСВ 4 — прекращать деятельность из-за невозможности продолжать: *Hopes had risen on Thursday that China would **abandon** its block on talks on the proposals and accept Hong Kong government representatives and influence in any negotiating team with Beijing* (Британский национальный корпус); *With regard to rumour, if the ITC was more transparent concerning its use of discretionary powers, we would all be able to **abandon** the science of speculation* (Британский национальный корпус); *Kansas' highest court, however, failed to address the issue of whether the Democratic Party could **abandon** the race altogether — the statute does say, after all, that the party "shall" replace the candidate* (Kan. Court);

ЛСВ 5 — прекращать верить, слушать: *The seemingly high cost of courses, measured in terms of money, time and disruption, had led many practices to **abandon** the idea of structured CPE altogether* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 6 — покидать (корабль): *Emergency locks were situated in most of the main companionways and, in the event that they were forced to **abandon** ship, members of the crew who were unable to reach a docking bay in time were assured of a moderate chance of survival* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 7 — отказываться от частично поврежденного застрахованного имущества в пользу страховой компании в обмен на получение полной страховой выплаты: *A person's intention to abandon his or her property may be established by express language to that effect or it may be implied from the circumstances surrounding the owner's treatment of the property, such as leaving it unguarded in a place easily accessible to the public* (The Free Dictionary by Farlex).

Таким образом, разные ЛСВ слова *abandon* образуются перестройкой или перераспределением по степени важности одного и того же набора семантических составляющих, что мы постараемся представить на схеме 1.

Схема 1. Термин с многозначной гомогенной семантической структурой /
A polysemous term with a homogeneous semantic structure

В этом случае отметим, что отличительной чертой данной диффузной семантической структуры оказывается то, что все ЛСВ соотнесены с одним микрофреймом-референтом (однородность) — *отказываться, прекращать, оставлять*. Наблюдается относительно невысокая степень полисемии. В конкретных реализациях на первый план выходят различные аспекты обозначаемого микрофрейма-референта, при этом остальные не нейтрализуются, а переходят в импликацию, отходят на задний план. Наиболее употребительными в юридическом дискурсе являются ЛСВ 1, ЛСВ 2 и ЛСВ 4.

3. Промежуточный тип лексем. Целый ряд юридических терминов вслед за Е.Г. Беляевской мы относим к промежуточному типу, так как данные термины в целом сохраняют гомогенность семантической структуры, но при этом характеризуются и определенными элементами гетерогенности (Беляевская, 1992:215).

Рассмотрим существительное *omission*, у которого в OALD зафиксировано 2 значения: 1. *omission (from something) the act of not including somebody / something or not doing something; the fact of not being included / done*. 2. *a thing that has not been included or done: There were a number of errors and omissions in the article (OALD)*.

НБАРС предлагает следующие варианты перевода данного термина: 1. пропуск; 2. упущение, оплошность; 3. *юр.* бездействие (должностного лица и т.п.) (НБАРС).

В англо-русском полном юридическом словаре находим следующие соответствия термину *omission* — 1. упущение, бездействие, несовершенство действия; 2. пропуск (в тексте); отсутствие упоминания (Мамулян, 1993).

BLD приводит дефиниции: **omission**, *n.* (14 с) 1. A failure to do something; esp., a neglect of duty; 2. The act of leaving something out; 3. The state of having been left

out or of not having been done; 4. Something that is left out, left undone, or otherwise neglected (Garner, 2014).

Далее выделим лексико-семантические варианты данного термина и проследим их актуализацию в речи:

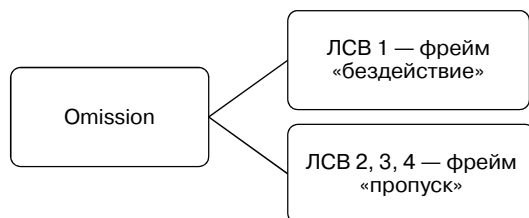
ЛСВ 1 — невыполнение обязанностей, бездействие: *The but for test also presents problems where the breach of duty consists of an **omission** to act* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 2 — упущение: *Judge Graber first contended that, to the extent that the rule of Du Bo rested on the premise that the omission of an element from an indictment was of jurisdictional significance, that premise was “directly eliminated” by this Court’s decision in United States v. Cotton, 535 U.S. 625 (2000) (US Supreme Court Briefs); SIR — With regard to the cover of the Labour Party manifesto, I am not sure which intrigues me more: the **omission** of the flag of Northern Ireland or the inclusion of the flag of Jersey* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 3 — пропуск: *His **omission** was converted into an act by the means stated in Chapter 4* (Там же);

ЛСВ 4 — пренебрежение: *This is some unlawful action or **omission** endangering or interfering with the lives, comfort, property or common rights of the public* (Там же).

Попробуем представить это схематично (схема 2).

Схема 2. Термин с промежуточным типом лексем /
A term with the intermediate type of lexemes

Как мы видим, ЛСВ 2, ЛСВ 3 и ЛСВ 4 соответствуют одному фрейму-референту, различия касаются только степени «упущения». ЛСВ 1 в данном случае соответствует несколько другому фрейму-референту. При наложении фреймов-референтов прослеживается явное совпадение фреймов-референтов. Они гомогенны и гетерогенны одновременно, референты разные, но похожие, а единство зрительного представления на доязыковом уровне объединяет их в один класс.

4. ГЕТЕРОГЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Рассматривая семантическую структуру юридического термина с когнитивной точки зрения, выделим гетерогенные семантические структуры, т.е. «семантические структуры, в которых ЛСВ соответствует не одному, а двум или нескольким фреймам-референтам, составляют в английском языке большинство и реализуют „классическую“ полисемию, когда звуковой форме соответствует несколько разных классов объектов, рассматриваемых в данной языковой системе как одна семантическая категория» (Беляевская, 1992:216—217).

В общем разряде гетерогенных семантических структур можно выделить несколько видов.

1. Прежде всего, выделяются гетерогенные семантические структуры, у которых «все (или, по крайней мере, подавляющее большинство) ЛСВ соответствуют разным фреймам-референтам» (Там же).

Например, существительное *collateral* — property or something valuable that you promise to give to somebody if you cannot pay back money that you borrow (OALD).

НБАРС предлагает 2 значения: 1. родственник или родство по боковой линии; 2. ком. дополнительное обеспечение (НБАРС).

Англо-русский полный юридический словарь дает следующие значения *collateral* — 1. побочный; косвенный; 2. родство/родственник по боковой линии; 3. дополнительный, вспомогательный, параллельный; дополнительное обеспечение (Мамулян, 1993).

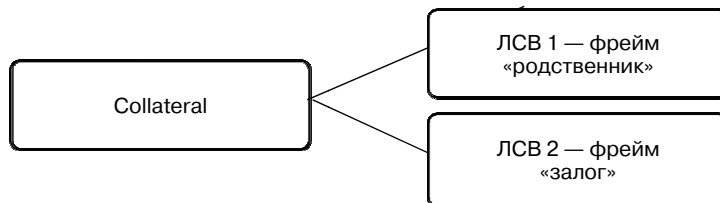
BLD предлагает следующие дефиниции *collateral* (17 с) 1. A person collaterally related to a decedent. 2. Property that is pledged as security against a debt; the property subject to a security interest or agricultural lien (Garner, 2014).

Таким образом, удается выделить 2 ЛСВ. Здесь же рассмотрим примеры:

ЛСВ 1 — родственник, боковой (о родстве): *A collateral heir is one who is not of the direct line of the deceased, but comes from a collateral line; as, a brother, sister, an uncle and aunt, a nephew, niece, or cousin of the deceased* (The Free Dictionary by Farlex);

ЛСВ 2 — залог: *Using this as collateral the partners secured and bought the stock for Hyndland Street's Clan Skates* (Британский национальный корпус).

Очевидно, что все ЛСВ — разные фреймы-референты, но при этом нет нарушения когнитивной модели лексемы. Когнитивная модель основывается на заложенной в ней идее *associate* — «товарищ, партнер», смысл которой заключается в представлении об оказании помощи, который объединяет все ЛСВ лексемы (см. схема 3).

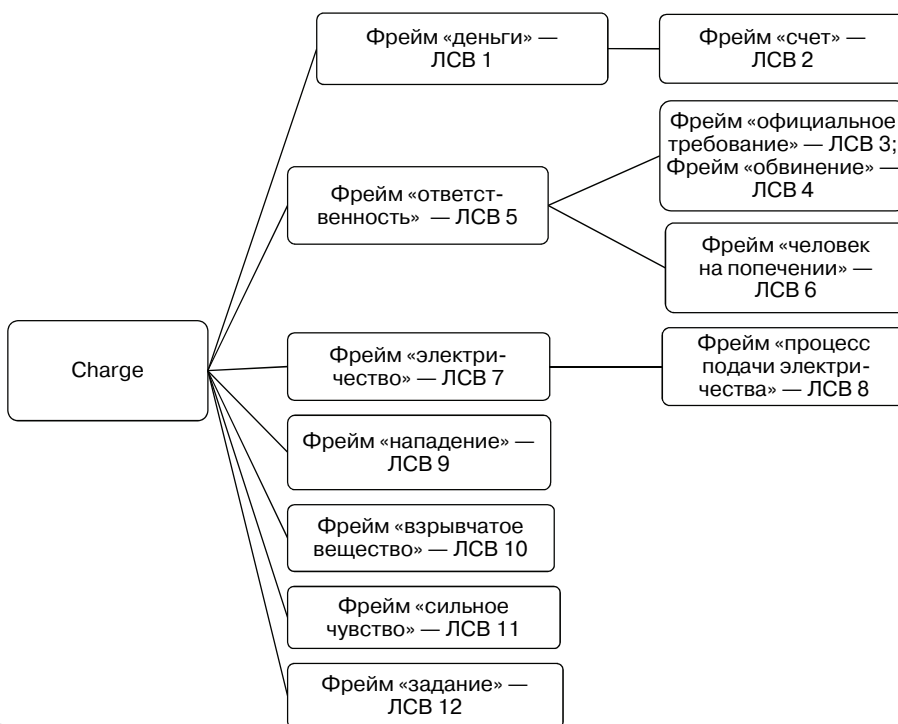
Схема 3. Гетерогенная семантическая структура, тип 1 /
A heterogeneous semantic structure, type 1

2. Второй вид *гетерогенной семантической структуры* — когда *ряд ЛСВ являются обозначениями самостоятельных фреймов-референтов* (Беляевская, 1992:218—219).

Например, существительное *charge*, как общеупотребительное слово. Обратимся к OALD: 1. charge (for something) the amount of money that somebody asks for goods and services. 2. (*North American English, informal*) = account (3), charge account,

credit account. *British English* also **credit account**, (*North American English* also **charge account**) an arrangement with a shop / store or business to pay bills for goods or services at a later time, for example in regular amounts every month. 3. [countable, uncountable] an official claim made by the police that somebody has committed a crime. 4. a statement accusing somebody of doing something wrong or bad. 5. a position of having control over somebody / something; responsibility for somebody / something. 6. (*formal* or *humorous*) a person that you have responsibility for and care for. 7. the amount of electricity that is put into a battery or carried by a substance. 8. the act of putting electricity into a battery or the time when this happens. 9. a sudden rush or violent attack, for example by soldiers, wild animals or players in some sports. 10. the amount of explosive needed to fire a gun or make an explosion. 11. the power to cause strong feelings. 12. (*formal*) a task or duty (OALD).

Выделим ЛСВ исходя из данных OALD: ЛСВ 1 — цена; ЛСВ 2 — счет; ЛСВ 3 — официальное требование, иск; ЛСВ 4 — обвинение; ЛСВ 5 — контроль, ответственность; ЛСВ 6 — лицо, находящееся на попечении; ЛСВ 7 — количество энергии; ЛСВ 8 — процесс подачи электричества; ЛСВ 9 — внезапный натиск; ЛСВ 10 — количество взрывчатого вещества; ЛСВ 11 — энергия, сила, вызывающая чувства; ЛСВ 12 — задание, обязанность. Отообразим данные на схеме 4.

Схема 4. Гетерогенная семантическая структура, тип 2 — OALD /
A heterogeneous semantic structure, type 2 — OALD

Как видно из полученной схемы, общеупотребительная лексема *charge* является полисемантической, в которой ЛСВ 1 (куда входит ЛСВ 2), ЛСВ 5 (куда входит ЛСВ 3, ЛСВ 4 и ЛСВ 6), ЛСВ 7 (куда входит ЛСВ 8), ЛСВ 9, ЛСВ 10, ЛСВ 11 и ЛСВ 12 являются обозначениями самостоятельных фреймов-референтов.

Далее проанализируем юридический термин *charge*. В Англо-русском полном юридическом словаре находим варианты перевода термина *charge*: 1. обременение вещи; обременять вещь; обременять залогом; залоговое право; 2. обязательство; обязанность; ответственность; 3. вменять в обязанность; возлагать обязанность; предписание; предписывать; требование; требовать; поручение; поручать; 4. обвинение; пункт обвинения; обвинять; 5. аргументация в исковом заявлении в опровержение предполагаемых доводов ответчика; 6. письменная детализация требований стороны по делу; 7. заключительное обращение судьи к присяжным (*перед вынесением вердикта*); 8. обращение взыскания; 9. заведывание; руководство; попечение; ведение; 10. лицо, находящееся на попечении; 11. цена; назначать цену; расход; возлагать расход (*на кого-л.*); начисление; начислять; сбор; налог; облагать; 12. напутствование присяжных заседателей председателем суда (Мамулян, 1993).

BLD дает следующие дефиниции: **charge** (13 c) 1. A formal accusation of an offense as a preliminary step to prosecution. Also termed *criminal charge*. 2. An instruction or command. 3. JURY CHARGE <review the charge for appealable error>. 4. An assigned duty or task; a responsibility. 5. An encumbrance, lien, or claim. 6. A person or thing entrusted to another's care. 7. Price, cost, or expense. 8. Parliamentary law. A deliberative assembly's mandate to a committee. — Also termed committee jurisdiction (Garner, 2014).

При анализе данных дефиниций можно выделить следующие ЛСВ и проследить употребление данных терминов, используя официальные юридические документы и Британский национальный корпус:

ЛСВ 1 — обвинительный акт, обвинение в совершении преступления: *A MURDER charge against a man who stabbed a burglar was dropped yesterday* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 2 — инструкция, наставление: *The girl handed her charge to Nanny, who immediately straightened the child's dress and re-tied her hair ribbon* (Там же); *In support of that assertion, the State contends that a defendant who has been acquitted of a charge after a trial cannot validly waive his double jeopardy rights as to that charge to allow the charge to be reinstated, even if the defendant does so as part of a counseled guilty plea in which a higher level of offense is being dismissed* (Appellate Court of Illinois);

ЛСВ 3 — «напутствовать присяжных»: *Not until 1717 did he appear in print, with a grand jury charge denouncing Jacobites* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 4 — ответственность: *Thus if a bailee negligently allows goods in his charge to be destroyed the plaintiff's loss is just the same as if the bailee had wrongfully sold them to a third party but there is no conversion because the negligent (as opposed to deliberate) destruction is not an assertion of any rights in the goods* (Британский национальный корпус);

ЛСВ 5 — закладная: *It is not argued that under English company law, or under the English law of mortgage, a foreign company, that is a company not formed and registered under the Companies Acts, lacks the requisite legal capacity to enter into a debenture secured by a floating charge on property both in England and abroad and confer-*

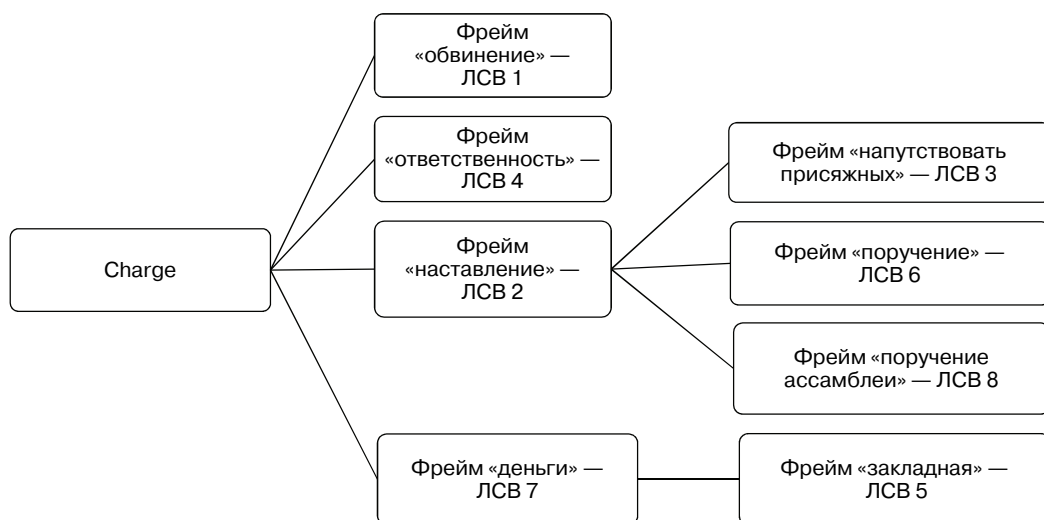
ring a power to appoint a receiver and manager over the whole, or substantially the whole, of its property (Там же);

ЛСВ 6 — поручение: *Given his head at the Republican convention of 1952 he accused the Democrats of having been in charge of 'twenty years of treason', a phrase which stuck, much to the Republican advantage* (Там же);

ЛСВ 7 — цена, стоимость: *This chapter does not prohibit a physician from supplying a pharmaceutical sample to a patient free of charge if, in the physician's opinion, it is advantageous to the patient, in adhering to a course of treatment prescribed by the physician, to receive the sample* (Texas Occupations Code 30);

ЛСВ 8 — поручения совещательной Ассамблеи: *The Committee's jurisdiction covers all exterior areas of the University Grounds. In carrying out its charge, the Committee is responsible for...* (University Committees).

Схему фреймов, входящих в существительное *charge* (юридический термин), можно представить следующим образом:

Схема 5. Гетерогенная семантическая структура, тип 2 — BLD /
A Heterogeneous semantic structure, type 2 — BLD

Таким образом, ЛСВ 2, ЛСВ 3, ЛСВ 6, ЛСВ 8 образуют гомогенную семантическую зону, связанную с отражением различных аспектов фрейма «наставление», ЛСВ 5 и ЛСВ 7 также отображают аспекты фрейма «деньги», ЛСВ 1 относится к описанию фрейма «обвинение», а ЛСВ 4 отображает фрейм «ответственность». Совмещение нескольких сопряженных гомогенных подструктур и нескольких самостоятельных фреймов формирует общую гетерогенную семантическую структуру юридического термина.

Отметим, что приводимые нами данные отличаются друг от друга. Мы проводили сопоставление, пользуясь различными словарями, и ввиду отсутствия закономерности в лексикографической интерпретации заметили разногласия между словарями. Считаем, что для верного анализа гетерогенной семантической структуры термина необходимо использовать несколько источников.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы представили результаты анализа семантической структуры юридического термина с позиций Е.Г. Беляевской — выделен перечень семантических структур юридических терминов: *гомогенные семантические структуры*, в которых разные ЛСВ многозначного слова отображают разные аспекты одного микрофрейма-референта, включающие однозначные термины, термины с многозначной гомогенной семантической структурой, термины с промежуточным типом лексем, и *гетерогенные семантические структуры*, в которых ЛСВ соответствует не одному, а двум или нескольким фреймам-референтам, реализующие «классическую» полисемию.

Результаты проведенного анализа фреймов показали, что они организовываются в сложную иерархическую систему, где на фоне общей «картины» предмета или действия «выделяются» определенные терминалы, которые отличают данное обозначение от семантически близких ему. Сопоставительный анализ показал, что термины в юридическом дискурсе не всегда являются однозначными, им свойственна полисемия, что в свою очередь представляет серьезные трудности для перевода, что мы рассмотрим в своих дальнейших работах.

Подобного рода исследования представляются перспективными, поскольку они позволяют уточнить семантику не только однозначных, но и многозначных (полисемантических) терминов.

Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, в преподавании английского языка студентам юридических факультетов, в преподавании теории и практики перевода.

© Кулевская Е.В., Дудик Н.А., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беляевская Е.Г. *Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова)*: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 401 с.
- Будагов Р.А. *Введение в науку о языке*. М.: Учпедгиз, 1958. 432 с.
- Даниленко В.П. *Русская терминология: Опыт лингвистического описания*. М.: Наука, 1977. 246 с.
- Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
- Озюменко В.И., Чилингарян К.П. Полисемантическая английской юридической лексики как проблема перевода // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 180—193.
- Пиголкин А.С. *Язык закона*. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с.
- Писарев Я.А. Перевод многозначных спортивных терминов с английского языка на русский язык // *Современные научные исследования и инновации*. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40947>.
- Реформатский А.А. *Введение в языковедение* / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Реформатский А.А. Мысли о терминологии // *Современные проблемы русской терминологии*. М.: Наука, 1986. С. 163—198.

- Смирницкий А.И. *Лексикология английского языка*. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология: Вопросы теории* / Под ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
- Шмелев Д.Н. *Проблемы семантического анализа лексики*. М.: Наука, 1973. 280 с.
- Cranmer, R. (2015). Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation // *Russian Journal of Linguistics*, 4, 155—173.
- Garner, B. (2014). *Black's Law Dictionary*. 10th Edition. Thomson West.
- Koskinen K. (2015). Training Translators for a Superdiverse World. Translators' Intercultural Competence and Translation as Affective Work // *Russian Journal of Linguistics*, 4, 175—183.

Словари и электронные ресурсы

- Англо-русский полный юридический словарь* / А.С. Мамулян. 1-е изд. М.: Рэббит, 1993. 400 с.
- Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
- Глоссарий СКоДис / Центр Социокогнитивных исследований дискурса МГЛУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scodis.com/?q=ru/frame>.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
- Новый Большой англо-русский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovar-vocab.com/english-russian/new-big-dictionary>.
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/553d3d35f386e8eee804cae41a0620ba3c84b439.
- Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ, 2004. 689 с.
- Appellate Court of Illinois, Third District. The people of the State of Illinois, Plaintiff-Appellee, v. Peter A. VENTSIAS, Defendant-Appellant [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://caselaw.findlaw.com/il-court-of-appeals/1671814.html#sthash.T4ePMW25.dpuf>.
- Court of Appeals of Georgia. In the Interest of J.R., a child [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://caselaw.findlaw.com/ga-court-of-appeals/1428133.html#sthash.B10s4PTb.dpuf>.
- Kan. Court: Democrats Can Abandon U.S. Senate Race [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blogs.findlaw.com/tenth_circuit/2014/10/kan-court-democrats-can-abandon-us-senate-race.html#more.
- Oral Argument before the Supreme Court of the United States MICHAEL D. TURNER: Petitioner v. Rebecca L. Rogers, et al. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.supremecourt.gov/oral_arguments/argument_transcripts/10-10.pdf.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
- Supreme Court of the United States Syllabus Marvin M. Brandt Revocable Trust et al. V. United States Child [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/12-1173_nlio.pdf.
- Texas Occupations Code § 158.002. Provision of Free Samples [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://codes.findlaw.com/tx/occupations-code/occ-sect-158-002.html#sthash.ВАЕР0Zo1.dpuf>.
- The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Abandonment+in+mar+ine+insurance>.
- The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/collateral>.

University Committees / University of Virginia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.virginia.edu/universitycommittees/publicart/publicart_charge.html.

US Supreme Court Briefs [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://supreme.findlaw.com/supreme_court/briefs/05-998/05-998-pet.html#sthash.5vdk56P8.dpuf.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 марта 2016

Дата принятия к печати: 20 мая 2016

Для цитирования:

Кулевская Е.В., Дудик Н.А. Семантическая структура юридического термина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 176—194.

Сведения об авторах:

Кулевская Екатерина Владимировна, аспирант кафедры переводческого мастерства ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». *Сфера научных интересов*: семантика, терминология, когнитивная лингвистика, перевод. *Контактная информация*: e-mail: e.kulevskaya@gmail.com.

Дудик Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической прагматики и межкультурной коммуникации МГЛУ; член редакционно-издательского совета МГЛУ. *Сфера научных интересов*: перевод, конструирование текста на переводящем языке, семантика, терминология. *Контактная информация*: e-mail: nadejda-dudik@yandex.ru.

SEMANTIC STRUCTURE OF THE LEGAL TERM

Ekaterina Kulevskaya, Nadejda Dudik

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka Str., 119034, Moscow, Russia

The article examines the semantic structure of the legal term. Nowadays, with the rapid development of cross-cultural communication, people, while pursuing their professional career, learn specific languages, including the language of law, with terms being its important component. Terms can often impede the process of successful cross-cultural communication so teaching cross-cultural communication, according to many researchers, including P. Cranmer and K. Koskinen, is immensely important. The article aims to demonstrate that a legal term, a word or phrase used in legislation, is a generalized name for a legal concept that may lack a precise meaning in practice as it is polysemous. To prove this statement, the semantic structure of the legal term is studied from the cognitive point of view. The key terms (*term, frame, lexico-semantic variant of a word, microframe (reference category)*) are defined at the beginning of the article. The article also describes the classification of various semantic structures of terms developed by Prof. Belyayevskaya, based on an analysis of the cognitive foundations of the typology of semantic structures as well as on the classification of meanings. They are *homogeneous semantic structures*, with different lexico-semantic variants of a polysemous word representing different aspects of one microframe; these structures include monosemous terms, polysemous terms with a homogeneous semantic structure, and terms with

the intermediate type of lexemes. *Heterogeneous semantic structures* are semantic structures, with a lexico-semantic variant of a word representing two or more reference categories rather than one category; these structures are considered to be “classical” polysemy. Two types of such structures are introduced in the article, with examples of the actualization of their lexical meaning in speech being analysed (there were used examples from the British and Russian National corpora; official legal documents and English and Russian law texts) and polysemy of legal terms being explained. The research is based on legal terms represented in Oxford Advanced Learner’s Dictionary, New Large English-Russian Dictionary, English-Russian Comprehensive Law Dictionary and Black’s Law Dictionary. The study implements definitive, contextual, conceptual, and contrastive analyses. The results of the study may be used in lexicography, in teaching English to law students and in translation and interpreting training.

Key words: legal term; microframe; microframe (reference category); semantic structure; English language; Russian language

REFERENCES

- Belyaevskaya, E.G. (1992) *Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektakh* [The semantic structure of the word in the nominative and communicative aspects]. Moscow (In Russian).
- Budagov, R.A. (1958). *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to language science]. Moscow: Uchpedgiz (In Russian).
- Cranmer, R. (2015). Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation // *Russian Journal of Linguistics*, 4, 155—173.
- Danilenko, V.P. (1977). *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Experience linguistic description]. Moscow: Nauka (In Russian).
- Garner, B. (2014). *Black’s Law Dictionary*. 10th Edition. Thomson West.
- Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistics aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola (In Russian).
- Koskinen K. (2015). Training Translators for a Superdiverse World. Translators’ Intercultural Competence and Translation as Affective Work // *Russian Journal of Linguistics*, 4, 175—183.
- Leychik, V.M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: object of study, methods, structure]. Moscow: Izdatel’stvo LKI (In Russian).
- Mamulyan, S. (1993). *Anglo-russkiy polnyi yuridicheskiy slovar’* [English-Russian full law dictionary]. Moscow: Rebbit (In Russian).
- Ozyumenko, V.I., Chilingaryan K.P. (2015). *Polisemantichnost’ angliiskoi yuridicheskoi leksiki kak problema perevoda* [Polysemy of English legal lexis and the problems of translation]. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 180—193 (In Russian).
- Pigolkin A.S. (1990). *Yazyk zakona* [Language of law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura (In Russian)
- Pisarev, Ya.A. (2014). *Perevod mnogoznachnykh sportivnykh terminov s angliiskogo yazyka na russkii yazyk* [Translation of polysemic sports terms from english into russian]. 11. (In Russian).
- Reformatskii, A.A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics] Moscow: Aspekt Press (In Russian).
- Reformatskiy, A.A. (1986). *Mysli o terminologii. Sovremennye problemy russkoi terminologii* [Thoughts on terminology. Modern issues of Russian terminology]. Moscow: Nauka. 163—198. (In Russian).
- Shmelev, D.N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of the semantic analysis of lexicon]. Moscow: Nauka (In Russian).

Smirnitskiy, A.I. (1956). *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russian).

Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V., Vasil'eva, N.V. (2009). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology. Issues of the Theory]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» (In Russian).

Dictoinaries and electronic resources

Appellate Court of Illinois, Third District. The people of the State of Illinois, Plaintiff–Appellee, v. Peter A. Ventsias, Defendant–Appellant. Retrieved from: <http://caselaw.findlaw.com/il-court-of-appeals/1671814.html#sthash.T4ePMW25.dpuf>.

Britanskiy natsional'nyi korpus [British National Corpus]. <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

Court of Appeals of Georgia. In the Interest of J. R., a child Retrieved from: <http://caselaw.findlaw.com/ga-court-of-appeals/1428133.html#sthash.B10s4PTb.dpuf>.

Kan. Court: Democrats Can Abandon U.S. Senate Race Retrieved from: http://blogs.findlaw.com/tenth_circuit/2014/10/kan-court-democrats-can-abandon-us-senate-race.html#more.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Retrieved from: <http://ruscorpora.ru>.

Novyi Bol'shoi anglo-russkii slovar' [New big English-Russian dictionary]. Retrieved from: <http://slovar-vocab.com/english-russian/new-big-dictionary>.

Oral Argument before the Supreme Court of the United States MICHAEL D. TURNER: Petitioner v. REBECCA L. ROGERS, ET AL. Retrieved from: http://www.supremecourt.gov/oral_arguments/argument_transcripts/10-10.pdf.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Retrieved from: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Scodis glossary. Retrieved from: <http://www.scodis.com/?q=ru/frame>.

Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Russian Federation Family Code]. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/553d3d35f386e8eee804cae41a0620ba3c84b439.

Supreme Court of the United States Syllabus Marvin M. Brandt Revocable Trust Et Al. V. United States Child. Retrieved from: http://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/12-1173_nlio.pdf.

Texas Occupations Code § 158.002. Provision of Free Samples Retrieved from: <http://codes.findlaw.com/tx/occupations-code/occ-sect-158-002.html#sthash.BAEP0Zol.dpuf>

The Free Dictionary by Farlex Retrieved from: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Abandonment+in+marine+insurance>.

The Free Dictionary by Farlex Retrieved from: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/collateral>.

University Committees / University of Virginia Retrieved from: http://www.virginia.edu/universitycommittees/publicart/publicart_charge.html.

US Supreme Court Briefs Retrieved from: http://supreme.findlaw.com/supreme_court/briefs/05-998/05-998-pet.html#sthash.5vdk56P8.dpuf.

Ushakov, D.N. (2004). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow: AST (In Russian).

Article history:

Received: 19 March 2016

Revised: 26 April 2016

Accepted: 20 May 2016

For citation:

Kulevskaya E., Dudik, N. (2016). Addressing the Issue of the Semantic Structure of the Legal Term. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 176—194.

Bio Note:

Kulevskaya Ekaterina, Postgraduate Student, the Department of Mastering Translation and Interpreting Skills, FSFEI ME MSLU; *Research Interests*: semantics, terminology, cognitive linguistics, translation. *Contact information*: e-mail: e.kulevskaya@gmail.com.

Dudik Nadezhda, Candidate of Philology (PhD); Associate Professor, the Department of Mastering Translation and Interpreting Skills; Editorial Board member, MSLU; *Research Interests*: translation and interpreting, construction of a text in the target language, semantics, terminology. *Contact information*: phone: e-mail: nadejda-dudik@yandex.ru.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ *JUDGE* И *СУДЬЯ* В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В.И. Озюменко

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В ситуации расширения международного сотрудничества в экономике, политике и других сферах проблема перевода терминологии и поиска терминологических соответствий в языке оригинала и языке перевода относятся к числу наиболее актуальных (Sonneveld, Loening, 1993; Hjort-Pedersen, Faber, 2003; Blomquist, 2006). Решение данных проблем невозможно без сопоставительных исследований. Данное исследование выполнено в рамках сопоставительного терминоведения (Циткина, 1988, Лейчик, 1990, Некрасова, 2013) и является продолжением анализа английских и русских лексем, обозначающих основные юридические профессии и должности, и поиску их переводных соответствий. Ранее нами уже рассматривались английские и русские соответствия терминов, входящих в лексико-семантические поля «адвокат» и «прокурор» (Озюменко, 2014; Озюменко, Чилингрян, 2015; Chilingaryan, Larina, Ozyumenko, 2016). Цель данной статьи — сопоставить лексико-семантические поля 'judge' и «судья» на предмет выявления сходств и различий и поиска переводных соответствий входящих в них компонентов. В статье сопоставляется количественный состав лексем, их семантический объем, анализируются дифференциальные признаки. Материалом исследования послужили лексические единицы с семантическим компонентом «должностное лицо государственной власти, осуществляющее правосудие», отобранные из английских и русских толковых, переводных, профессиональных словарей; также нами учитывались результаты анализа юридических текстов, материалов СМИ и данных британского национального корпуса (BNC), корпуса современного американского английского (COCA) и национального корпуса русского языка (НКРЯ). Исследование проводилось с применением дефиниционного, дистрибутивного, контекстуального, сопоставительного и лингвокультурологического анализа. Данные методы позволили уточнить семантику анализируемых терминов, выявить их этнокультурную специфику и предложить рекомендации по переводу. Сопоставительный анализ выявил существенные различия в номинациях должностного лица государственной власти, осуществляющего правосудие, как количественного, так и качественного характера, вызванные, помимо языковых причин, различиями в российской и англо-саксонской системах права. Он показал, что английское лексико-семантическое поле представлено гораздо большим набором лексем, чем русское, т.е. обладает более высокой номинативной плотностью (термин В.И. Карасика [Карасик, 2002:133]); английские и русские термины различаются объемом значения и дифференциальными признаками; для английских терминов характерны номинативная детализация, территориальная вариативность и многозначность. Выявленные различия создают серьезные трудности при переводе. Результаты исследования могут быть использованы в сопоставительном терминоведении, в теории и практике перевода, лексикографической практике, а также в преподавании профессионального английского студентам-юристам.

Ключевые слова: сопоставительное терминоведение, юридические термины, судья, английский язык, русский язык, переводные соответствия

1. ВВЕДЕНИЕ

В условиях расширения международного сотрудничества, предполагающего осуществление международных проектов, проблема юридического перевода приобретает особое значение и привлекает все большее внимание исследователей

(Morris, 1995; Mikkelsen, 2000; Tosi, 2002; Wagner, 2008 и др.). К числу наиболее актуальных проблем в данной сфере относятся достижение точности перевода терминологии и поиск терминологических соответствий в языке оригинала и языке перевода (Sonneveld, Loening, 1993; Hjort-Pedersen, Faber, 2003; Blomquist, 2006; Некрасова, 2013 и др.). Решение данной задачи невозможно без сопоставительных исследований терминологических систем разных языков.

Терминоведение — это активно развивающаяся наука, изучающая специальную лексику с точки зрения ее типологии, происхождения, образования, формы, содержания (значения) и функционирования (см. [Лейчик, 2009; Суперанская, Подольская, Васильева, 2012; Прохорова, 1996; Гринев, 1993; Гринев-Гриневиц, 2008; Татаринев, 2006]). В последнее время в рамках терминоведения формируется такой его раздел, как сопоставительное терминоведение, занимающееся сравнительными исследованиями общих свойств и особенностей специальной лексики разных языков, проблемой перевода терминов с одного языка на другой (Циткина, 1988; Лейчик, 2009; Некрасова, 2013). Используя методы и приемы терминоведения, теории перевода и сопоставительной лингвистики, сопоставительное терминоведение выявляет сходства и различия в лексической, семантической и грамматической структуре терминов исходного языка и языка перевода и разрабатывает принципы их перевода.

Данное исследование выполнено в рамках сопоставительного терминоведения и является продолжением анализа английских и русских лексем, обозначающих основные юридические профессии и должности, а также поиску их переводных соответствий. Ранее нами уже рассматривались английские и русские соответствия терминов, входящих в лексико-семантические поля «адвокат» и «прокурор» (Озюменко, 2014; Озюменко, Чилингрян, 2015; Chilingaryan, Larina, Ozyumenko, 2016). Цель данной статьи — сопоставить лексико-семантические поля *judge* и *судья* на предмет выявления их сходств и различий и поиска переводных соответствий входящих в них компонентов.

Слова *judge* и *судья* являются многозначными. Так, словарь русского языка (СРЯ) дает три основных значения слову *судья*: 1) человек, который судит, высказывает мнение, дает оценку; 2) должностное лицо, разрешающее дела в суде; 3) в спортивных играх, состязаниях: тот, кто судит. В данном исследовании мы рассматриваем преимущественно второе значение данного слова, в котором оно употребляется в правовой сфере, то есть нас интересует судья как ‘должностное лицо государства, являющееся носителем судебной власти’ (ЮС).

Используя лексикографические источники, мы попытались выделить лексические номинации данного должностного лица в английском и русском языках и сопоставить их на основе количественного и качественного анализа, а также рассмотреть вопрос о их переводных соответствиях и поиске эквивалентов. Материалом исследования послужили слова и словосочетания с семантическим компонентом «должностное лицо государственной власти, осуществляющего правосудие», отобранные из английских и русских толковых, переводных и профессиональных словарей; также нами учитывались результаты анализа юридических текстов, материалов СМИ, данных британского национального корпуса (BNC),

корпуса современного американского английского (СОСА) и национального корпуса русского языка (НКРЯ). Исследование проводилось с применением дефиниционного, дистрибутивного, контекстуального, сопоставительного и лингвокультурологического анализа.

2. ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Проблема эквивалентности, как известно, относится к числу основных в профессиональном переводе. Термин *эквивалент* подразумевает правильно найденное соответствие между словами исходного текста и словами перевода, «постоянное эквивалентное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» (Рецкер, 2004:13). В юридических текстах, которые по определению требуют четкости и однозначности, эквивалентность приобретает исключительное значение. Однако юридические тексты, как и другие, содержат большое количество лексем с неопределенным значением (см. [Hjort-Pedersen, 2001]). Переводчику не всегда ясно, что означает та или иная лексема, для уточнения значения ему необходимо прибегать к помощи контекста, в том числе и социокультурного.

Эквивалентность несет в себе понятия тождества и сходства. В отношении процесса перевода эквивалентность рассматривается на уровнях слова, предложения и текста.

В.Н. Комиссаров рассматривал:

- 1) эквивалентность на уровне коммуникативной цели,
- 2) эквивалентность на уровне (идентификации) ситуации,
- 3) эквивалентность на уровне сообщения,
- 4) эквивалентность на уровне высказывания,
- 5) эквивалентность на уровне семантики знака/слова (Комиссаров, 1990).

На уровне семантики слова-эквиваленты, как известно, бывают полными и частичными, абсолютными и относительными. Полными лексическими эквивалентами являются слова, которые охватывают полностью значение всего слова, а не одного из его значений (Рецкер, 2004:15). Таких лексических эквивалентов, которые охватывали бы все значение слова в языке оригинала и языке перевода, практически не существует. Как отмечают Л.К. Латышев и А.Л. Семенов, эквивалентность объектов означает их равенство в каком-либо отношении; равенства объектов во всех отношениях не бывает (Латышев, Семенов, 2008: 56), соответственно не бывает и полностью эквивалентных лексем, которые их означают.

Среди тех немногочисленных лексических групп, где полные эквиваленты все же могут встречаться, наряду с именами собственными и географическими названиями, называются и термины. Как отмечает, например, И.С. Алексеева, термины — это особый слой лексики, который характеризуется «однозначностью, эмоциональной неокрашенностью (нейтральностью) и независимостью от контекста» (Алексеев, 2012:258). Однако, по определению А.А. Реформатского, термины — это «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и название вещей» (Реформатский, 1996:61). В данном определении важно обратить внимание на сло-

во *стремящиеся*, которое отвергает эквивалентность в полной мере. Л.С. Бархударов так же отмечал, что слова-термины во многих случаях характеризуются многозначностью и, в силу этого, имеют не одно, а несколько соответствий в другом языке (Бархударов, 2014:75). На многозначность терминов как языковой способ систематизации и структурирования научного мира указывает В.А. Татаринов (Татаринов, 2013).

Результаты нашего исследования так же свидетельствуют о том, что термины, называющие основные юридические профессии в английском и русском языках, далеко не всегда являются однозначными, они различаются объемом значения и рядом семантических признаков, что делает поиск их переводных соответствий весьма затруднительным.

3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ *JUDGE* И *СУДЬЯ*

3.1. Состав ЛСП *judge* и *судья*

Как показал проведенный анализ, ЛСП *judge* и *судья* существенно различаются по составу, в первую очередь по количественному. В английском языке номинаций со значением «должностное лицо государственной власти, осуществляющее правосудие», значительно больше, чем в русском. Русско-английские словари (НБРАС, РАС) в качестве перевода русского слова *судья*, являющегося ядерной лексемой рассматриваемого ЛСП, дают английское слово *judge*. Однако при обращении к более специализированным источникам количество английских переводных соответствий увеличивается. Так, НРАЮС дает 10 лексем, соответствующих русскому термину *судья* — помимо *judge*, в нем приводятся *justice, magistrate, commissioner, arbitrator, awarder, referendary, umpire, chancellor, referee*. В словаре MULTITRAN можно насчитать более трех десятков английских переводных соответствий. Например, термин *мировой судья* переводится как *squire, magistrate, lay magistrate; commissioner* (в ряде штатов США); *Justice of the Peace* (или сокращенно — *J.P.*), *peace justice, peace commissioner, justice operator*.

Данные факты в очередной раз свидетельствуют о том, что английская терминологическая система в области права значительно богаче русской. Аналогичная закономерность наблюдалась нами и при рассмотрении терминов *адвокат* и *прокурор* (см. [Озюменко, 2014; Озюменко, Чилингрян, 2015; Chilingaryan, Larina, Ozyumenko, 2016]). Это можно объяснить тем, что английская правовая система имеет долгую историю, более развита и играет более значимую роль в жизни общества. Здесь следует вспомнить слова В.Н. Комиссарова, который справедливо отмечал, что «количество наименований в определенной сфере деятельности прямо зависит от степени общественной значимости этой сферы» (Комиссаров, 2014:74).

Следующее различие касается структуры рассматриваемых терминов. В обоих языках, помимо однокомпонентных терминов, встречаются и многокомпонентные, однако в английском языке однокомпонентные термины преобладают. Ср.: *magistrate* — *мировой судья*, *awarder* — *третейский судья*, *arbitrator* — *арбитражный судья* (судья третейского суда) и др.

Как видим, для дифференциации тех или иных понятий при отсутствии специальных лексических единиц, как писал Л.С. Бархударов, язык (в данном случае — русский язык) прибегает к помощи определительных словосочетаний (Бархударов, 2014: 84).

Еще одной особенностью английской юридической лексики является наличие собирательных терминов, чего нет в русском языке. Мы уже отмечали термин *the bar* — ‘коллегия адвокатов’. То же наблюдаем и в отношении судьи: *the bench* — ‘коллегия судей’. Интересно отметить, что в основе этимологии данных терминов лежит метафора. *Bar* — барьер, который отделяет адвокатов в суде, то есть *the bar* — это те, кто находятся за барьером. *The bench* — это те, кто сидят на скамье (*bench* в первом значении — скамья). Словарь LDELС определяет это слово следующим образом: [*the*] a judge or the seat where a judge seats in court (судья или место, где судья сидит в суде), *the bench* — ‘judges as a group’ (букв.: группа судей). Возможен еще больший уровень собирательности — *the bench and the bar* (‘судьи и адвокаты’).

У термина *the bench* существует синоним — *the chamber* (коллегия судей).

Среди других собирательных терминов также встретились:

the ermine — верховный суд;

judiciary — судебный корпус;

judicature — корпорация судей;

magistrature — мировые судьи.

Существуют и другие метафорические термины, например, *a Queen’s Bench* (судья королевской скамьи), *a member of the bench* (член коллегии судей), или *a bencher*; так же *chair* (‘должность судьи’) (to chair — ‘возводить в должность судьи’) (MULTITRAN).

В AmE *court* — это и ‘суд’ и ‘судья’ (In the United States the term ‘court’... is used to describe the judge himself or herself) (MULTITRAN), что хорошо видно из следующего примера:

- (1) *The plaintiff contended that the commissioner was not a court of court of competent jurisdiction* (Истец заявил, что судья не является судьей суда должного уровня) (BNC).

В основе ряда метафорических номинаций лежит мантия судьи, а также ее цвет:

gownsmen (букв.: носитель мантии) — ‘судья, юрист’;

gentleman of the long robe (джентльмен в длинной мантии) — ‘судья’;

purple judge (букв.: пурпурный судья) — ‘судья окружного суда в Великобритании’;

red judge (букв.: красный судья) — ‘судья Высокого суда в Великобритании’;

to wear the ermine (букв.: носить мантию с мехом горностая) — ‘быть членом Верховного суда’, так же *assume the ermine* означает ‘быть/стать судьей Верховного суда’, *to ermine* — ‘делать судьей или пэром’, а словосочетание *dispute between silk and ermine* переводится как ‘спор между адвокатом и судьей’. Соответственно, *He was robed in ermine* — *Его сделали судьей или пэром* (НБАРС).

Среди английских терминов данного ЛСП, помимо исконных, встретились и заимствованные, что не случайно, если вспомнить долгую историю Великобритании. В первую очередь среди заимствований, безусловно, следует отметить слова латинского происхождения:

magistrate — ‘мировой судья’;

in latere — ‘член суда, сидящий рядом с судьей, председательствующим в судебном процессе’;

justice of nisi prius — ‘судья первой инстанции, выездной судья’;

judge emeritus — ‘судья в отставке’;

praetor — ‘претор’ (судья в древнем Риме) (MULTITRAN);

justiciar — (уст.) ‘юстициарий’ (в Англии — ‘верховный судья и наместник королей норманнской династии’);

circuiteer — ‘судья окружного (выездного) суда’ (НБРАС).

Помимо латыни, встречаются заимствования и из других языков, называющие судей, например:

bailie — фр. ‘городской судья’ (в Шотландии);

puisne — фр. ‘младший судья’;

hakim — араб. ‘судья’.

В AmE встречаем термин, заимствованный из испанского языка — *alcalde* (судья в Испании), который в юго-западных штатах США, где проживает большое количество испаноязычного населения, употребляется в значении ‘мэр города, наделенный правами судьи’:

(2) *Another brother, Joshua, presided over primitive San Diego as **alcalde**, a post that settled disputes among natives and passed sentences for capital crimes (COCA).*

Кроме территориальных терминов, на периферии данного ЛСП находятся устаревшие и редко употребляемые и специализированные слова, например:

referendary — уст. ‘третейский судья’;

daysman — уст. ‘выбранный третейский арбитр’;

reeve — ист. ‘главный судья’;

podesta — ист. ‘муниципальный судья’.

К узко специализированным терминам можно отнести:

knight-marshal — ‘судья королевского двора’;

deemster — ‘один из двух судей на острове Мэн’;

commissary — ‘судья Кентерберийского епархиального суда’;

Judge of the Arches — ‘главный судья суда архиепископа Кентерберийского’;

chancellor of diocese — ‘судья консисторского суда’:

(3) *‘...I was not a priest’, says Rita Ferko Joyce, **chancellor of the Diocese of Pitsburg and the first lay woman to serve as president of the Canon Law Society of America**’ (COCA).*

Русское ЛСП не столь представительное и более однородное. Основной причиной, как нам представляется, является меньшая развитость российской правовой системы и ее более короткая история. В русском языке ядерной лексемой рассматриваемого ЛСП является *судья*. Более дифференцированные термины, связанные с этой должностью, представляют собой словосочетания на базе этой лек-

семьи: *мировой судья, федеральный судья, судья Конституционного суда, третейский судья, судья арбитражного суда* и т.д. Что касается периферии данного поля, то она тоже крайне малочисленна и представлена единичными лексемами — *служитель правосудия, служитель (или жрец) Фемиды* (книжн. ирон.), которые в строгом смысле терминами не являются.

Среди важных характеристик английской терминосистемы, на которых считаем необходимым остановиться отдельно, следует назвать:

1) *номинативную детализацию*, когда близкие понятия, отличающиеся каким-либо признаком, имеют разные номинации;

2) *территориальную вариативность*, когда одно и то же понятие по-разному называется в разных вариантах английского языка.

3.2. Номинативная детализация

Одним из источников лексического разнообразия терминов, входящих в рассматриваемое ЛСП, является наличие, как в англосаксонской, так и русской системах права различных типов судов. Например, в России есть Верховный суд, Конституционный Суд, арбитражные суды, суды общей юрисдикции и др. Англосаксонская правовая система представлена еще большим разнообразием судов, среди которых: *Administrative court* (административный суд), *Constitutional court* (конституционный суд), *Court-martial* (военный трибунал), *Crown Court* (Уголовный суд присяжных в Великобритании), *High Court of England and Wales* (Высокий суд Англии и Уэльса), *Ecclesiastical court* (церковный суд), *Family court* (суд по делам семьи), *High Court of Justiciary* (суд юстициария, Высший уголовный суд в Шотландии) и др. Соответственно, судьи, работающие в тех или иных судах, также имеют свои специализированные номинации. Например, *magistrate* — *мировой судья*, *awarder* — *третейский судья*, *arbitrator* — *арбитражный судья* и др. Интересно отметить, что, как уже отмечалось выше, английские термины часто являются однокомпонентными, в то время как их русскими соответствиями выступают многокомпонентные термины-словосочетания.

Деление судей по административно-территориальному признаку так же нашло свое выражение в соответствующем наборе лексики: *bailie* — ‘городской судья’; *circuiteer* — ‘судья окружного (выездного) суда’ (НБРАС); *squire* — амер. ‘местный судья’ (НБРАС); *county commissioner* — ‘мировой судья графства’ (в Великобритании) (MULTITRAN), *justice of nisi prius* — ‘судья первой инстанции, выездной судья’.

Еще одним интересным различием является тот факт, что английская терминологическая система, в отличие от русской, различает судей по типу дел, в которых они специализируются. Подобная терминологическая детализация также способствует увеличению терминов. В результате в англо-саксонской системе права зачастую встречаются понятия, не имеющие аналогов в российской юридической практике. Вследствие этого отсутствуют и соответствующие юридические термины, что создает определенные трудности при переводе. Например, *committor* — амер. ‘судья, назначающий опекуна над душевно больными’; *ordinary* — амер. ‘судья по наследственным делам’; также *register* — ‘судья по делам о наследстве и опеке’ (в некоторых штатах США).

Кроме терминов, обозначающих различные функции судей в системе права, в английском языке существуют слова, дифференцирующие судей в рамках одного судебного дела, чего не встретилось в русском языке:

fact finder — ‘судья на стадии судебного следствия’;

trier — ‘следственный судья’;

case administrator — ‘судья, ведущий дело’;

condemnor — ‘осуждающий судья’;

dissentient/dissenter — ‘судья, заявляющий особое мнение’ и др.

Существует также ряд терминов, показывающих статусные различия судей. К вершине судебной иерархии Великобритании относятся *Lords of Appeal in Ordinary* (также известные как *Law Lords*) — ‘члены палаты лордов, участвующие в рассмотрении апелляций в палате как в суде последней инстанции’ (MULTITRAN); *Lord Justices of Appeal* — ‘судьи апелляционного суда’ и *High Court Judges* — ‘судьи Высокого суда правосудия’, которые назначаются Королевой по рекомендации Премьер-министра и совету Лорд-Канцлера (Brown, Rice, 2007:30). В США наиболее высокопоставленный в правовой системе судья, то есть тот, кто возглавляет Верховный суд США, называется *Chief Justice* (LDELС).

На более низком уровне статусная градация так же хорошо выражена. Здесь мы встречаем как *chief judge*, *senior judge*, *chief justice*, *chief magistrate* — ‘старший судья / председательствующий судья’, так и *junior judge* — ‘младший судья’; *deputy judge* — ‘помощник судьи’; также *chancellor* — ‘главный судья’ и *vice-chancellor* — ‘младший судья канцлерского суда (MULTITRAN).

Статусные различия представлены и в наименованиях судей, участвующих в судебном заседании:

chancellor — ‘председатель суда, особенно канцлерского суда’ (в Великобритании), *in latere* — ‘член суда, сидящий рядом с судьей-председателем’;

assistant — ‘заместитель судьи’;

puisne — ‘младший судья’ (НБРАС).

Статусные характеристики содержат и следующие номинации:

professional judge — ‘профессиональный судья’;

career justice — ‘профессиональный судья’;

permanent judge — ‘судья, избранный (назначенный) бессрочно’;

lay judge/magistrate — ‘судья не являющийся профессиональным юристом’;

stipendiary=stipendiary magistrate — ‘судья, получающий жалование’ (НБРАС);

unpaid justice — ‘судья, не получающий жалования’;

Honorable judge — ‘почетный судья’;

judge emeritus — ‘судья в отставке’.

В русском языке слова, различающие судей по статусу, единичны: *председатель Верховного / областного / городского / районного суда*. В рамках каждого суда все судьи равны.

Номинативная детализация английской терминологической системы столь велика, что она часто не только не находит соответствий в русской терминологической системе, но и не фиксируется в словарных пометках, что приводит к тому, что разным английским терминам дается одно и то же переводное соответствие.

Так, например, все четыре английских слова — *awarder*, *arbiter (arbitrator)*, *umpire*, *referee*, *adjudicator* — переводятся на русский язык как *третейский судья*, хотя можно предположить, что различия между ними все-таки существуют. Так, например, *an adjudicator*, как поясняет *Professional English in Use (PEU)*, — это судья, который выносит предварительное решение с целью не направлять дело в суд (*An adjudicator makes an initial decision to keep case from going to court...*) (Brown, Rice, 2007:56).

Для термина *мировой судья*, как уже отмечалось выше, вариантов предлагаемых словарями переводов еще больше: *squire*, *magistrate*, *lay magistrate*; *commissioner* (в Великобритании в ряде штатов США); *Justice of the Peace* (или сокращенно — *J.P.*), *peace justice*, *peace commissioner*, *justice operator*:

(4) *Roderick Newall appeared in court... and told the magistrate: 'I was arrested by Jersey officers at high seas and brought to Gibraltar'* (BNC).

(5) *A Peace Commissioner is an honorary appointment made in Ireland by the Minister for Justice and Equality* (Citizens Information Board).

3.3. Территориальная вариативность термина *judge* в английском языке

Термины, входящие в рассматриваемое ЛСП, имеют свои территориальные варианты. Так, например, по данным словарей, русскому термину *мировой судья* соответствуют:

в Англии — *recorder* ('мировой судья с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам'), встречается также *Lord Lieutenant* — хранитель архива и главный мировой судья графства (MULTITRAN);

в США — *squire*, в некоторых штатах — *commissioner*;

в Ирландии — *peace commissioner* (этот термин пришел на смену *Justice of the Peace* в 1923). Как отмечает *The Free Dictionary by Farlex (FDF)*, в зависимости от района, *Justices of the peace* также известны как *magistrates*, *squires* и *police* или *district judges* (Depending on the region in which they serve, *Justices of the peace* are also known as *magistrates*, *squires*, and *police* or *district judges*) (FDF).

Существуют термины, которые характерны только для отдельных стран и связаны с их культурой и традициями. Так, к исключительно английским правовым реалиям можно отнести:

baron, *Baron of the Exchequer* — 'судья суда казначейства' (НБАРС);

knight-marshal — 'судья королевского двора (судья по делам двора)' (MULTITRAN-Webster);

Lord Chief Justice — 'лорд главный судья, председатель отделения королевской скамьи Высокого суда правосудия' (НБАРС); словарь LDELС дает следующее определение — 'a judge who is second in importance to the Lord Chancellor in the legal system of England and Wales'.

В юридической системе Шотландии и, соответственно, в шотландском варианте английского языка встречаем:

sheriff — 'шериф-судья (главный судья графства)' (НБАРС);

ordinary — 'один из пяти судей в Верховном гражданском суде' (НБАРС);

justiciary (justiciar) — ‘судейский чиновник’ (НБАРС), ‘an officer or administrator of justice; judge’ (FDF);

Lord of Session — ‘судья Сессионного суда’ (MULTITRAN);

Lord Justice General — ‘лорд-верховный судья, председатель сессионного суда Шотландии’ (MULTITRAN).

В AmE встречаем термины:

Justice of the Supreme Court — ‘судья Верховного суда’;

Associate Justice of the United States Supreme Court — ‘член Верховного суда США’;

jurist — ‘судья низшего суда’ (a judge in a low court in the US) (MEDAL);

alcalde (исп. судья) — ‘мэр города, наделенный правами судьи’ (в юго-западных штатах США).

Среди существующих в английском языке культурно-специфических терминов можно назвать также:

brehon — ист. ‘судья в Ирландии’;

kadi=kadee — араб. ‘кади’ (мусульманский судья-чиновник);

hakim — араб. ‘судья’;

justice of assize — ‘судья суда ассизов’ (выездной судья).

4. ПРОБЛЕМА ПОИСКА ПЕРЕВОДНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

Как показывает анализ нашего материала, русский термин *судья* и его английские переводные эквиваленты оказываются словами разного семантического объема. Как и при анализе терминов *адвокат* и *прокурор*, здесь мы так же наблюдаем векторное соответствие данных единиц (термин И.А. Стернина), когда единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления (Стернин, 2006:23). В результате, хотя основными требованиями при переводе терминов являются *однозначность* и *краткость*, при переводе юридических терминов рассматриваемой группы добиться этого практически невозможно. Во-первых, потому, что, как было показано, они сами по себе не всегда однозначны. Во-вторых, в большинстве своем они являются культурно-специфичными, что требует фоновой экспликации, содержащей как информацию о функциях судей, так и информацию о типе судов, а также территории, на которой они действуют. Например, *surrogate* — судья по наследственным делам и опеке (в некоторых штатах США) (НБРАС).

Остановимся на данных особенностях отдельно.

Многозначность терминов. При анализе терминов, входящих в ЛСП *судья/judge*, как и при анализе других юридических терминов-профессий (*адвокат*, *прокурор*), встретилось не характерное для терминологии явление — многозначность, или полисемантность. Как показал дефиниционный анализ, многие из рассмотренных терминов не являются однозначными. Ряд лексем имеет несколько значений и, кроме судьи, называет и другие юридические профессии и должности, т.е. пересекается со смежными лексико-семантическими полями. Так, например, *commissioner* — мировой судья (в ряде штатов США); комиссар; сотрудник полиции;

уполномоченный (MULTITRAN). Эта многозначность создает серьезные трудности при переводе:

- (6) *...the Commissioner, Lieutenant-Colonel Sir William Summer, had taken them out of the formal structure and appointed Bragg as his personal detective assistant (BNC).*
- (7) *The Court of Appeal reversed the High Court's decision, and the Commissioner appealed to the Privy Council (BNC).*
- (8) *...nor the Court of Appeal were willing to overturn the Commissioner's opinion about the risk of an outbreak of serious public disorder (BNC).*

Только по контексту можно определить, что в примере (6) *commissioner* — это ‘сотрудник полиции’, в (7) — уполномоченный, а в примере (8) — судья.

Термин *recorder* переводится как ‘мировой судья с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам’; ‘городской мировой судья и судья по уголовным делам квартальных сессий’; ‘архивариус, протоколист’ а также ‘рекордер’ (председательствующий на сессии коронного суда в Англии) (НБАРС, MULTITRAN). Для перевода данного термина также нужен контекст:

- (9) *Two joyriders were eventually convicted at Oxford Crown Court. Today they were sentenced. Passing sentence **Recorder** Marry-Jane Mowatt said Cameron and Ralph had put lives of others at risk (BNC).*
- (10) *...it's a leading question and if you asked that in the court the judge would intervene and tell the **recorder** to strike it out (BNC).*

В примере (9) *recorder* выступает в значении ‘судья’, в (10) — ‘протоколист’.

Jurist имеет три значения: 1) правовед; 2) амер. адвокат; 3) амер. судья (НБРАС), что иллюстрируют следующие примеры:

- (11) *This, for instance, was largely the thesis developed by the great English comparative jurist, sir Henry Maine (BNC) (правовед).*
- (12) *They included... the appointment of an independent judge or jurist to investigate incidents of violence (BNC) (судья).*
- (13) *On Jan. 31, 1990, a noted jurist and head of the Ankara Bar Association, Mummar Aksoy, was shot dead... (BNC) (адвокат).*

Многозначностью обладают и другие термины рассматриваемого ЛСП. Например:

circuiter (circuiter) — ‘судья или адвокат окружного (выездного) суда’ (НБРАС); *registrar* — ‘регистратор суда, судебный помощник’ (в Великобритании) (НБРАС), в то же время *registrar in bankruptcy* — ‘судья по делам о банкротстве (MULTITRAN);

squire — амер. 1) мировой судья; 2) местный судья и 3) адвокат (НБРАС).

Как видим, для перевода подобных терминов большое значение играет контекст, как языковой, так и социокультурный. Кроме того, переводчику необходимы глубокие предметные знания.

Этнокультурная специфичность терминов. Поскольку российская и англосаксонская судебные системы существенно различаются, вполне естественно, что термины, обозначающие реалии англосаксонской судебной системы и отсутствующие в российской, не имеют в русском языке общепринятых терминологических эквивалентов, то есть имеют место терминологические лакуны.

Перевод таких безэквивалентных терминов представляет особые трудности. Обычно он достигается при помощи частичной или полной транслитерации, калькирования, описательного перевода и других приемов. При этом часто одного приема бывает недостаточно.

Так, например, термин *pЕкордер*, появившийся в русском языке результате транслитерации от *recorder*, сопровождается комментарием ‘председательствующий на сессии коронного суда в Англии’ (НБАРС). Интересно отметить, что словарь MULTITRAN, помимо *рекордер* в указанном выше значении, дает еще термин *pИкордер* с пояснением ‘мировой судья с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам в городах и городках’. Как видим, пытаясь передать разные значения при помощи транслитерации, переводчики противопоставляют их через орфографические дистинкции, комментарии при этом неизбежны.

Калькирование также не всегда бывает продуктивным. Например, *Justice of the King's (Queen's) Bench* переводится как ‘судья королевской скамьи’. Однако данный перевод можно считать в какой-то степени условным, поскольку его форма не раскрывает смысла; здесь, на наш взгляд, так же необходимо обращение к описательному переводу.

К описательному переводу часто прибегают, когда слово, не имеющее своего аналога в языке перевода, заменяется описательной конструкцией: *circuiteer* — ‘судья окружного (выездного суда)’; *register* — ‘судья по делам о наследстве и опеке (в некоторых штатах США)’; *a stipendiary* — ‘судья, получающий жалованье’ и т.д.

Однако, как показал анализ переводных словарей, описательный перевод в них далеко не всегда используется достаточно, что делает затруднительным понимание английских терминов и их употребление, поскольку какие-либо дифференцирующие признаки отсутствуют. Так, кроме вышеуказанных переводных соответствий слова *судья* — *justice, magistrate, commissioner, arbitrator, awarder, referendary, umpire, chancellor, referee*, встретились: *jurat, trier of law, trior, doomsman* и даже словосочетания с весьма широкой семантикой — *legal profession member, member of judicial body*. Таким образом, предлагаемый словарями перевод не всегда понятен и требует комментариев.

Следует, однако, отметить, что никакое владение переводческими трансформациями и их комплексным применением не гарантирует успешного результата без глубокого знания предметной области. Яркой иллюстрацией может служить следующий пример, в котором упоминаются четыре типа судей, полных аналогов которым нет ни в российской судебной системе, ни в русском языке:

- (14) ...*the case goes to the Crown Court...where it is heard by a **Queen's Bench** or **Circuit judge** or by a **Recorder** (in certain circumstances joined by two or four **Justices of the Peace** (BNC).*

Как видим, все четыре типа судей могут быть переведены только при помощи единственного слова *судья* с уточняющими определениями и/или комментариями: *Queen's Bench* — судья королевской скамьи, *Circuit judge* — окружной судья, *Justices of the Peace* — мировой судья, что же касается термина *recorder*, то, как сле-

дует из сказанного выше, для прояснения его значения нужен более широкий контекст и комментарии.

Для адекватного перевода необходимы знания культурных реалий. Так, разобраться в типах судей, упоминающихся в нижеследующем примере, невозможно без знаний специфики судебной системы Шотландии:

- (15) *The High Court is presided over by the **Lord Justice General** and the **Lord Justice Clerk**. ... The other full time judges, who are also Senators of the College of Justice, are known as **Lords Commissioners of Justiciary**... (BNC).*

Один и тот же термин может переводиться по-разному в зависимости от социокультурного контексте, как в примерах (16) и (17), поскольку *chancellor* в Великобритании это — ‘судья, председатель суда, особ. канцлерского суда’, а в некоторых штатах США это — ‘председатель суда справедливости’ (НБРАС):

- (16) *Going back to the 1980s, the Supreme Court has been more conservative on these issues than the Chancery Court. But perhaps **Chancellor** Chandler will push back against the Supreme Court (COCA).*
- (17) *...in certain types of cases where the **Lord Chancellor**, the Lord Chief Justice, the Master of the Rolls and other senior judges favour a hard line... (BNC).*

При переводе терминов необходимо принимать во внимание и язык перевода. При переводе с английского языка на русский, как правило, используется прием генерализации, при переводе с русского языка на английский — конкретизации.

Возросшее сотрудничество в правовой сфере и возникшая в связи с этим необходимость передавать тонкости английских юридических лексем привели к тому, что в русский язык постепенно входят заимствованные из англоязычной судебной сферы слова. Так, помимо слов *рекордер* (*pИкордер*), встречаются *магистрат*, *ординарий*, *регистратор суда*. Они применяются при переводе англоязычных профессиональных терминов и уже зафиксированы в словарях НБРАС и MULTITRAN. Таким образом, лакуны в русской терминологии заполняются путем заимствования соответствующих лексем из английского языка. В тех случаях, когда заимствованные слова еще не стали общеизвестными, словари сопровождают их комментированием. Например, алькальд (от *alcalde*) — ‘мэр города, наделенный правами судьи’ (НБРАС).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы провели сопоставительный анализ ЛСП *judge* и *судья* в английском и русском языках, рассмотрев термины-слова и термины-словосочетания, называющие должностное лицо государственной власти, осуществляющее правосудие. Как показал проведенный анализ, состав ЛСП *judge* и *судья* неоднороден как по количественным, так и по качественным характеристикам, что объясняется не только языковыми, но и социокультурными причинами.

Результаты исследования показали, что английское ЛСП представлено гораздо большим набором лексем, чем русское, т.е. обладает более высокой номинативной плотностью. Для английских терминов характерна номинативная детализация, когда близкие понятия, отличающиеся каким-либо признаком, имеют разные но-

минации. Данный факт можно объяснить развитостью английской юридической системы и ее долгой историей. В результате русский термин *судья* и его английские эквиваленты оказываются словами разного семантического объема. Как и при анализе терминов *адвокат* и *прокурор*, здесь мы так же наблюдаем векторное соответствие данных единиц, когда единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления, что вызвано отсутствием в русской судебной системе соответствующих реалий.

Результаты нашего анализа в очередной раз подтвердили, что термины, называющие юридические профессии, характеризуются этнокультурной специфичностью и многозначностью.

Выявленные особенности, как и наличие вариативной дифференциации, когда одно и то же понятие по-разному обозначается в разных вариантах английского языка, создают серьезные трудности при переводе, которые решаются по-разному в зависимости от языка оригинала и языка перевода. Проблема перевода осложняется еще и тем, что словарная дефиниция не всегда дает полное представление о лексической единице.

Большое значение при переводе рассмотренных терминов играет контекст, а также знание переводчиком англосаксонского права и его реалий, что в очередной раз показывает, что перевод — это вопрос не только языка, но и культуры.

Результаты исследования могут быть использованы в сопоставительном терминоведении, в теории и практике перевода, лексикографической практике, а также в преподавании профессионального английского студентам-юристам.

© Озюменко В.И., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева И.С. *Введение в переводоведение*: Учеб. пособие. 6-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2012.
- Бархударов Л.С. *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 240 с.
- Гринев С.В. *Введение в терминоведение*. М.: Изд-во МГУ, 1993. 309 с.
- Гринев-Гриневиц С.В. *Терминоведение*. Учебное пособие. М.: Академия, 2008. 304 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М., 1990. 253 с.
- Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. 2-ое изд., испр. М.: Р. Валент, 2014. 410 с.
- Латышев Л.К., Семенов А.Л. *Перевод: Теория, практика и методика преподавания*: Учебник. 4-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 192 с.
- Лейчик В. М., Шеллов С. Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод // Серия «*Теория и практика научно-технического перевода*»: Обзор информации. Вып. 18. Часть II. М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической информации и документации, 1990. 80 с.
- Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. 4 изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
- Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. АКД... канд.филол.наук. М.: 2013.

- Озюменко В.И. Переводные соответствия слова «адвокат» в английском языке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2014. № 4. С. 114—119.
- Озюменко В.И., Чилингарян К.П. Полисемантическая английской юридической лексики как проблема перевода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 180—193.
- Прохорова В.Н. *Русская терминология*. Рипол Классик, 1996. 125 с.
- Реформатский А.А. *Введение в языковедение* / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
- Рецкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика*. М.: РВалент, 2004. 244 с.
- Стернин И.А. *Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования*. М.: Восток-Запад, 2006. 288 с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология: Вопросы теории*. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
- Татаринов В. А. *Теория терминоведения*. В 3 т. М.: Московский Лицей, 1996. 311 с.
- Татаринов В.А. Категориальная многозначность терминов как языковой способ систематизации и структурирования научного мира // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2013. № 8. М.: Изд-во РУДН. С. 84—87.
- Циткина Ф.А. *Терминология и перевод: К основам сопоставительного терминоведения*. Львов: Издательское объединение «Вища школа» (ЛГУ), 1988. 162 с.
- Blomquist, L. (2006). One little word... In Wagner, Anna and Sophie Cacciaguidi-Fahy (eds.). *Legal Language and the Search for Clarity: Practice and Tools*. Peter Lung. 303—327.
- Brown G.D., Rice S. (2007). *Professional English in Use. Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Chilingaryan K., Larina T., Ozyumenko V. (2016). Ambiguity of Culture-Bound Terms in Legal English and Russian. *Conference on Social Science and Arts (SGEM 2016) Proceedings*.
- Hjort-Pedersen, M. and Faber D. (2001). Lexical ambiguity and legal translation: a discussion. *Multilingua* 20 (4), 379—392.
- Mikkelsen, H. (2000). *Introduction to court interpreting*. Durham.
- Morris, M. (1995). *Translation and the Law*. Amsterdam: Benjamins.
- Sonneveld, H.B. and Loening, K.L. (eds.). (1993). *Terminology. Applications in Interdisciplinary Communication*. Amsterdam: Benjamins.
- Tosi, A. (2002). *Crossing Barriers and Bridging Cultures: The Challenges of Multilingual Translation for the European Union*. Multilingual Matters Ltd.
- Wagner, A, Cacciaguidi-Fahy, S. (2008). *Legal language and the search for clarity: practice and tools*. Aldershot: Ashgate Publishing limited.

Словари и электронные ресурсы

- НБАРС** — Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. М.: Русский язык, 1999.
- НБРАС** — Новый большой русско-английский словарь / Д.И. Ермолович, Т.М. Красавина; под общим руководством проф. Д.И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Медиа, 2008.
- НРАЮС** — Новый русско-английский юридический словарь / И.И. Борисенко, В.В. Саенко М.: РУССО, 2002.
- РАС** — Русско-английский словарь / Под общ. рук. А.И. Смирницкого. 13-е изд. М.: Рус. яз., 1985.

- СИС** — Словарь иностранных слов. 11-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1984.
- СРЯ** — Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
- ССРЯ** — Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. М.: Русский язык, 1986.
- COED** — Concise Oxford English Dictionary. URL: <http://concise-oxford-englishdictionary.en.softonic.com/symbian>.
- ЮС** — Юридический словарь <http://diclist.ru/slovar/yuridicheskiy.htm>.
- FDF** — The Free Dictionary of Farlex <http://www.thefreedictionary.com>.
- LDCE** — Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1995.
- LDELС** — Longman Dictionary of English Language and Culture. Addison Wesley Longman, 1998.
- MEDAL** — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. Macmillan Publishers Limited, 2002.
- MULTITRAN** — URL: <http://www.multitran.ru>.
- Merriam-Webster — URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/judiciary>.
- BNC** — British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
- COCA** — Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca>.
- НКРЯ** — Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2016

Дата принятия к печати: 14 июня 2016

Для цитирования:

Озюменко В.И. Лексико-семантические поля *judge* и *sudya* в английском и русском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 195—213.

Сведения об авторе:

Озюменко Владимир Иванович, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры иностранных языков юридического института Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов*: грамматика, семантика, юридическая лексика. Автор более 40 научных трудов, среди которых статьи и учебные пособия. *Контактная информация*: e-mail: vladimir@ozyumenko.ru.

LEXICAL AND SEMANTIC FIELDS *JUDGE* AND *SUDYA* IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

V.I. Ozyumenko

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya Str., 117198, Moscow, Russia

Due to the expansion of international cooperation in economy, policy and other spheres the problem of terminology translation and search for terminological equivalency in source texts and target texts is among the most important ones (Sonneveld, Loening, 1993; Hjort-Pedersen, Faber, 2001; Blomquist, 2006 and

others). The solution to these problems is impossible without a comparative study. This research is carried out within a framework of the comparative terminology studies (Tsitkina, 1988; Leycik, 1990; Nekrassova, 2013 and others) and is a continuation of the analyses of the Russian and English lexemes denoting the core legal professions and their translation correspondences. Earlier we have already analyzed the Russian and English terms comprising the lexical and semantic fields of ‘advokat’ and ‘prokuror’ (Ozyumenko, 2014; Ozyumenko, Chilingaryan, 2015; Chilingaryan, Larina, Ozyumenko, 2016 and others). The aim of the present article is to compare lexical and semantic fields ‘judge’ and ‘sydya’ in order to find out their similarities and differences and to search for translation equivalents of their constituent elements. In the article I will compare the quantity of the lexemes, their semantic volume and analyse their differentiating features. The object of the research was the lexical units containing the semantic element of ‘an official, executing justice’. The data were taken from Russian and English definition dictionaries, specialized dictionaries, bilingual dictionaries, legal texts, media, British National Corpus (BNC), Corpus of Contemporary American English (COCA) and Russian National Corpus (RNC). The study implemented definitive, distributive, context, contrastive and cultural analyses. These methods enabled to specify the semantics of the terms, their culture specific features and to offer some recommendations on their translation. The comparative analyses revealed some considerable difficulties in nominating officials executing justice. They are of quantitative and qualitative nature and besides language reasons are caused by differences between Russian and Common law systems.

The analysis showed that the English lexical and semantic field is represented by a greater number of lexemes than the Russian one, i.e. it has higher nominative density (term by V. Karasik [Karasik, 2002:133]). English and Russian terms differ by volume of their meaning and differential signs. English terms are characterized by nominative specification, territorial variation and polysemy. The revealed differences create considerable difficulties while translating. The results of the research can be used in comparative terminology studies, in theory and practice of translation, in dictionary making and in teaching professional English to law students.

Key words: comparative terminology studies, legal terms, judge, English language, Russian language, translation equivalents

REFERENCES

- Alekseeva, I.V. (2012). *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to the theory of translation]. 6 ed. Moscow: Akademiya (In Russian).
- Barkhudarov, L.S. (2010). *Yazyk y perevod: Voprosy obschei y chastnoi teorii perevoda* [Language and Translation: Questions of general and special theory of translation]. Moscow: LKI Publishing House (In Russian).
- Blomquist, L. (2006). *One little word...* In Wagner, Anna and Sophie Cacciaguidi-Fahy (eds.). *Legal Language and the Search for Clarity: Practice and Tools*. Peter Lung. 303—327.
- Brown, G.D., Rice, S. (2007). *Professional English in Use*. Law. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chilingaryan, K., Larina, T., Ozyumenko, V. (2016). Ambiguity of Culture-Bound Terms in Legal English and Russian. In *Conference on Social Science and Arts (SGEM 2016) Proceedings*.
- Grinev, S.V. (1993). *Vvedeniye v terminovedenie* [Introduction to Terminology]. M.: Moscow University Press (In Russian).
- Grinev-Grinevich, S.V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology]. M.: Academy. (In Russian).
- Hjort-Pedersen, M. and Faber D. (2001). Lexical ambiguity and legal translation: a discussion. *Multilingua* 20 (4), 379—392.
- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: identity, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena (In Russian).
- Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation]. Moscow: Vysshaya shkola (In Russian).

- Komissarov, V.N. (2014). *Sovremennoye perevodovedenie* [Theory of translation]. 2 ed. Moscow: RValent (In Russian).
- Latyshev, L.K., Semenov, A.L. (2008). *Perevod: Teoriya, praktika y metodyka prepodavaniya* [Translation: Theory, practice and teaching methodology]. Moscow: Akademiya (In Russian).
- Leychik, V.M., Shellov S.D. (1990). *Lingvisticheskie problemy terminologii y nauchno-technicheskii perevod* [Linguistic problems of terminology and the scientific and technical translation] / "Theory and practice of scientific and technical translation" Series: Overview of information. Vol. 18. Part II. M.: All-Union Center of translations of scientific and technical information and documentation (In Russian).
- Leychik, V.M. (2009). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura*. [Terminology: subject, methods, structure]. M.: LIBROKOM (In Russian).
- Morris, M. (1995). *Translation and the Law*. Amsterdam: Benjamins.
- Mikhelson, H. (2000). *Introduction to court interpreting*. Durham.
- Nekrassova, T.P. (2013). *Osobennosty perevoda yuridicheskoi terminologii s russkogo yazyka na angliiskii* [Features of legal terminology translation from Russian into English] (In Russian).
- Ozyumenko, V.I. (2014). *Perevodnye sootvetstviya slova 'advokat' v angliiskom yazyke* [English equivalents of the word 'advokat'] // *Vestnik RUDN: Russian and Foreign languages and teaching methodology*. 4, 114—119 (In Russian).
- Ozyumenko, V.I., Chilingaryan, K.P. (2015). *Polisemantichnost' angliiskoj yuridicheskoi leksiki kak problema perevoda* [Polysemy of English Legal Lexis and the Problem of Translation] // *Russian Journal of Linguistics*, 2, 180—193 (In Russian).
- Prokhorova, V.N. (1993). *Russkaya Terminologiya* [Russian terminology]. Ripol Klassik (In Russian).
- Reformatskii, A.A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics] // In V.A. Vinogradov (ed.). M.: Aspekt Press, 1996 (In Russian).
- Retsker, Y.I. (2004). *Teoriya perevoda y perevodcheskaya praktika* [Theory and practice of translation]. Moscow: RValent (In Russian).
- Sonneveld, H.B. and Loening, K.L. (eds.). (1993). *Terminology. Applications in Interdisciplinary Communication*. Amsterdam: Benjamins.
- Sternin, I.A. (2006). *Kontastivnaya lingvistika. Problemy teorii y metodiki issledovaniya* [Contrastive linguistics. Theory and methodology]. Moscow: Vostok-Zapad (In Russian).
- Superanskaya, A.V., Podolsky, N.V., Vasilieva, N.V. (2012). *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General Terminology: Theory]. M.: LIBROKOM (In Russian).
- Tatarinov, V.A. (1996). *Teoriya terminovedeniya* [Theory of terminology]. In 3 vol. M.: Moscow Lyceum (In Russian).
- Tatarinov, V.A. (2013). *Kategorial'naya mnogoznachnost' terminov kak yazykovoy sposob sistematizatsii y strukturirovaniya nauchnogo mira* [Categorical Disambiguation as a linguistic way of organizing and structuring the scientific world]. Alma mater (Journal of the Higher School), 8. M.: Publishing House of People's Friendship University, 84—87 (In Russian).
- Tsitkina, F.A. (1988). *Terminologiya y perevod: K osnovam sopostavitel'nogo perevodovedeniya* [Terminology and translation: For the basics of comparative theory of translation]. Lviv: Publishing Association "Visshaya Shkola" (LSU). (In Russian).
- Tosi, A. (2002). *Crossing Barriers and Bridging Cultures: The Challenges of Multilingual Translation for the European Union*. Multilingual Matters Ltd.
- Wagner, A., Cacciaguidi-Fahy, S. (2008). *Legal language and the search for clarity: practice and tools*. Aldershot: Ashgate Publishing limited.

Dictionaries and electronic resources

New Comprehensive English-Russian Dictionary. 3 volumes / Y.D. Apresyan, E.M. Mednikova, A.V. Petrova et al. Moscow: Russkiy Yazyk, 1999.

New Comprehensive Russian-English Dictionary / D.I. Ermolovich, T.M. Krasavina. M.: Russkiy Yazyk. Media, 2008.

New Russian — English Law Dictionary / I.I. Borisenko, V.V. Saenko. M.: RUSSO, 2002.

Slovar' inostrannih slov (Foreign Words Dictionary). 11 ed. Moscow: Russian language, 1984.

COED — Concise Oxford English Dictionary <http://concise-oxford-english-dictionary.en.softonic.com/symbian>.

DFD — The Free Dictionary of Farlex. <http://www.thefreedictionary.com>.

LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1995.

LDEL — Longman Dictionary of English Language and Culture. Addison Wesley Longman, 1998.

MEDAL — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. Macmillan Publishers Limited, 2002.

MULTITRAN — <http://www.multitran.ru>.

BNC — British National Corpus. <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

COCA — Corpus of Contemporary American English. <http://corpus.byu.edu/coca>.

Russian National Corpus. www.ruscorpora.ru.

Article history:

Received: 21 May 2016

Revised: 14 June 2016

Accepted: 29 June 2016

For citation:

Ozyumenko, V. (2016). Lexical and Semantic Fields *Judge* and *Sudya* in the English and Russian Languages. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 195—213.

Bio Note:

Dr. Vladimir Ozyumenko, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia. *Research interests*: grammar, semantics, legal terms, discourse analysis. The author over 40 publications. *Contact information*: e-mail: vladimir@ozyumenko.ru.

НАИМЕНОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Пряхина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 31, корп. 1

Данная статья посвящена определению семантических характеристик наименований участников образовательного процесса. В ней представлены результаты сопоставительного анализа слота «Учащиеся/Élèves» во французском и русском языках. Анализ проводился от единицы смысла к языковым формам ее выражения. В задачи исследования входят рассмотрение лексического значения изучаемых единиц, выявление их содержания и специфики языкового выражения.

Теоретической базой послужила фреймовая теория М. Минского, а также Ч. Филлмора, Б. Аткинса, Т.А. ван Дейка и других. Материалом для исследования послужили единицы (126 лексем в русском языке и 106 лексических единиц во французском языке), выявленные в толковых, синонимических, отраслевых словарях, словарях неологизмов, заимствований, официальных документах (Болонская декларация, закон об образовании, ФГОС и другие), различного рода новых законодательных актах на французском и русском языках, а также в материалах публикаций в профильных изданиях и в материалах СМИ.

Основными методами исследования стали метод фреймового анализа, компонентного анализа, метод семантического анализа, метод цепочки словарных дефиниций, сопоставительный и статистический методы.

В результате был смоделирован изучаемый слот, определены структурно-морфологические особенности лексем, входящих в исследуемый слот, а также проведен их компонентный анализ. Кроме того, были выявлены дифференциальные признаки, разграничены значения семантически близких слов, сопоставлены семы, представленные в лексических единицах слота «Учащиеся/Élèves» во французском и русском языках.

Анализ выявил ряд различий как в наличии/отсутствии отдельных сем, так и лакуарность некоторых наименований учащихся, что свидетельствует о национально-культурной специфике изучаемого слота. Среди основных различий выделяются отличия в выражении сем «ученик мастера» и «начинающий обучение». Также отмечается разница коннотативных оттенков значений и наличие в русском языке сем, которые отсутствуют во французском языке (такие, как форма обучения, ранговые особенности учащихся, успеваемость, год обучения в учебном заведении, оплата обучения, степень высшего образования)

Ключевые слова: фрейм, слот, фреймовый анализ, компонентный анализ, архилексема

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию особенностей семантики наименований «Учащиеся/élèves» во французском и русском языках. Исследования в данной области будут актуальны, пока происходят изменения в образовательной системе. Проблема языкового обозначения участников образовательного процесса по праву считается чрезвычайно важной, так как ее изучение «помогает осмыслению сложного взаимодействия между феноменами реальной жизни и словами, их обозначающими» (Богданова, 2015:41).

Целью данного исследования является моделирование слота «Учащиеся/élèves», анализ его структуры и семантических признаков и установление сходств и различий лексических единиц, вербализующих участников образовательного процесса во французском и русском языках. В задачи исследования входят рассмотрение лексического значения исследуемых единиц, выявление их содержания и специфики языкового выражения. При этом анализ ведется не от лексической единицы к семантическому содержанию, а от единицы смысла к языковым формам ее выражения.

Теоретической основой для исследования стали работы в области лексической семантики (Ш. Балли, Й. Трир, Л. Вайсгербер, В.Г. Гак, Г.С. Щур, А.А. Уфимцева, Э.В. Кузнецова) и когнитивной семантики (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, З. Д. Попова, И.А. Стернин, Ч. Дж. Филлмор, Л. Талми, Р. Лангакер, Дж. Лакофф).

В рамках нашего исследования мы обратились к методике компонентного анализа семантики лексических единиц, которая использовалась в работах французских ученых Б. Потье, А.Ж. Греймас, Р. Галиссон.

Структурный (полевой) подход получил в современной лингвистике широкое распространение. Исследование поля, «совокупности языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (Ярцева, 1993), был начат Ф. Соссюром, Й. Триром, В. Порцигом, Л. Вайсгербером, Г. Ипсенем, К. Ройнингом, Ш. Балли и нашло продолжение в работах Ж. Маторэ, Ю.Н. Караулова, Г.С. Щура, А.А. Уфимцевой, А.В. Бондарко и др.

Эта концепция получила развитие в психолингвистике и нейролингвистике. Современные достижения в этих областях доказывают, что языковая структура в сознании человека отображает сеть нервных связей в мозге человека (Попова, Стернин, 1984:105).

Ментальная модель поля «является наиболее крупным ментальным образованием, включающим в свой состав, как разные типы когнитивных структур, так и различные формы ментальных репрезентаций» (Филлмор, 1988:76). Многие исследователи в настоящее время признают, что наиболее эффективным приемом изучения принципов организации знаний в языковой системе является фреймовый подход.

Существует множество дефиниций понятия «фрейм», однозначного определения, которое бы включало все аспекты данного понятия, нет. Это свидетельствует об интересе, который вызывает данное явление. Данное понятие активно используется психологами, философами, филологами, лингвистами, специалистами по вычислительной технике.

Фрейм (от английского «frame» — рамка, каркас) как понятие было введен в 1974 г. американским ученым Марвином Минским, исследовавшим искусственный интеллект (Минский, 1979:27; Minsky, 1975). Фрейм означает в общем виде смысловой каркас, используемый человеком для понимания чего-либо и действий в рамках этого понимания. В лингвистике теорию фреймов развивали Ч. Филлмор (1982), Б. Аткинс (1992), Т.А. ван Дейк (2000), Дж. Лакофф (1986), Ю. Чарняк (1983),

а также Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков (1997), З.Д. Попова и И.А. Стернин (1984) и другие ученые. Мы опираемся на определение В.З. Демьянкова, который определяет фрейм как «способ организации представлений, хранимых в памяти» (Кубрякова, Демьянков, 1997).

По теории Ч. Филлмора, фрейм определяет и структурирует группы слов как некую единую схематизацию опыта и знания. Так как фрейм закреплён в языковом тезаурусе через соотносимую с ним языковую структуру, он составляет часть упорядоченной системы опыта отражения действительности (Буторин, 2010). Фрейм коррелирует со значением слова и на невербальном уровне, на уровне знания. Он связан с вербальным инструментарием языка и когнитивной областью сознания, в которой появляется схематизированный образ-представление опытного знания человека. В структуру фрейма, находящегося в невербальной сфере, можно проникнуть только при помощи анализа лексических единиц, представленных на языковом уровне. Фрейм имеет уровневую структуру, при этом соответствующие уровни занимают: 1) имя фрейма, например, ОБРАЗОВАНИЕ; 2) слоты (характеристики/фасеты), например, «учреждения», «участники», «приемы» и др.; 3) значения слотов, например, значения слота «учреждения» — «школа», «университет», «институт», «колледж» и т.д. Однотипные по содержанию слоты можно группировать в категории (Макаров, 2003:152).

В современной лингвистике выделяют несколько видов фреймового анализа. Мы будем придерживаться теории Ч. Филлмора и проводить анализ путем описания стоящего за словом мыслительного представления и выделения в этом представлении наиболее важных аспектов, определяющих специфику значения и отличающих его от значений других лексических единиц в данной семантической области (Гусельникова, 2009). Цель фреймового подхода — описание знания об определенной стереотипной ситуации и всех относящихся к ней признаков, выявление и изучение семантико-синтаксических особенностей лексических единиц, объективирующих это знание в языке. Достоинством данного вида фреймового анализа является возможность привлечения не только лингвистической, но и экстралингвистической информации для когнитивного и семантического моделирования лексических единиц языковой системы.

2. АНАЛИЗ СЛОТА «УЧАЩИЕСЯ/ÉLÈVES»

Отбор лексических единиц для семантического анализа слота «Учащиеся/élèves» проходил в несколько этапов. Из словарного состава французского и русского языков были выбраны лексические единицы путем метода компонентного анализа и логико-семантического метода, с помощью которых было установлено наличие общих сем в словарных дефинициях. Общее количество проанализированных единиц составило 106 единиц во французском языке и 126 — в русском.

На первом этапе при помощи толковых, аналогических, идеографических словарей и словарей синонимов были отобраны основные слова-синонимы, характерные для субъектов образования: во французском языке — *apprenant (m)*, *appren-*

ti (m), *étudiant (m)*, *élève (m)*, *écolier (m)*, в русском языке — *учащийся*, *ученик*, *воспитанник*, *обучающийся*, *студент*, *школьник*. Эти ключевые слова выделялись исходя из следующих критериев: 1) высокая частотность отсылок к данным словам от других лексических единиц по данной тематике; 2) семантическая связь данных слов между собой. Среди них базовыми словами, т.е. архилексемами, были выбраны во французском языке — *élève (ученик)*, а в русском языке — *учащийся*, так как они являются родовыми понятиями, которые объединяет остальные единицы в данных языках.

Базовое слово также определялось на основе ряда критериев. Во-первых, оно обладает свойством достаточно легкой выделительности общего значения, во-вторых, не маркировано по стилистическому признаку, в-третьих, не является термином, в-четвертых, обладает наибольшей частотностью и ассоциативной прозрачностью (Караулов, 1976:139).

На данном этапе выявилось расхождение между наименованиями участников образовательной деятельности во французском и русском языках. Если в русском языке причастие *учащийся* субстантивировалось и давно вошло во все сферы образовательной системы, то во французском языке по частотности и употреблению *apprenant* сильно уступает русскому аналогу и в некоторых словарях идет с пометкой *Néologisme, Didactique (неологизм, дидактика)*. Таким образом, несмотря на то, что лексема *apprenant*, как и ее русский эквивалент «учащийся», имеет более широкое значение, данное слово, являясь дидактическим термином, не может возглавлять слот, это место заменяет лексема *élève (ученик)*.

На втором этапе формирования слота велось установление семантической близости его членов, и основывалось оно на следующих факторах: 1. наличие в толковых словарях слов, непосредственно связанных семантической связью со словом «*élève*»/«*учащийся*», которые толкуются через эти понятия; 2. наличие определенного набора семантических признаков, присутствующих в значении лексем.

На данном этапе методом сплошной выборки были извлечены лексеммы, в толкованиях которых либо присутствуют слова «*élève*»/«*учащийся*», либо содержатся ядерные признаки ключевого понятия.

Наличие архилексемы в дефинициях лексем является одним из критериев их отбора в качестве конститuentов группы. Основным критерием отбора является семантический критерий, сущность которого заключается в выделении какого-либо семантического признака, общего для определенной группы лексических единиц (Кунецова, 1963:15).

Архилексема характеризуется высокой степенью абстракции. Она может получать как эксплицитное, так и имплицитное выражение.

Например, эксплицитное выражение архилексема «*élève*» находит в таких лексемах, как:

séminariste (m) (семинарист) — *Relig. cath. Élève d'un séminaire;*

demi-pensionnaire (m) (ученик полупансиона) — *Personne, élève qui est en demi-pension. Mode d'hébergement partiel suivant lequel l'élève n'est pas logé et ne prend que le repas de midi;*

студент — *Учащийся высшего учебного заведения;*

вечерник — Разг. *Учащийся* учебного заведения, работающий в вечернее время;

выпускник — *Учащийся* последнего года обучения (в школе, училище, вузе и т.п.); тот, кто окончил данное учебное заведение.

Однако архилексема может присутствовать имплицитно и выявляться путем проведения цепочки дефиниций.

Старшеклассник — Ученик старшего, близкого к выпуску класса (→ *Ученик* — *Учащийся* начального или среднего учебного заведения.)

Иногда в дефинициях могут отсутствовать лексемы, имплицитно указывающие на принадлежность лица или предмета к образованию. В таком случае лексемы относятся к объекту исследования на основе логического анализа.

Étudiant (m) — Celui, celle qui fait des études dans un établissement d'enseignement supérieur.

Licencié (m) — Enseign. supérieur. Celui, celle qui possède le diplôme de licence.

Абитуриент — Тот, кто поступает в высшее или среднее учебное заведение.

На третьем этапе формирования уточнялся элементарный состав слота «Учащиеся»/«*Élèves*», а также был проведен анализ семантики его конститuentов с целью установления возможных сем.

Слот «Учащиеся/élèves» входит во фрейм «Образование/Enseignement». Во французской и русской лингвокультурах не совпадают номинации содержания изучаемого слота, что вызвано особенностями становления фрейма «Образование/Enseignement», его национальной спецификой.

Данный слот является динамичным национально-маркированным когнитивным образованием, структура и содержание которого постоянно трансформируются: элиминируются его прежние слоты (отмена раздельного обучения (*петиньерка, курсистка, интитутка*), закрытие некоторых учебных заведений (*бурсак, юнкер, académiste*), изменение государственного устройства (*октябренок*); появляются новые подслоты в русской и французской лингвокультурах (сдача новых видов экзаменов (*егэшиник, гиашиник, bachelier, agrégatif*), новые ступени образования (*бакалавр, магистрант*), оплата образования (*бюджетник, платник, контрактник*)). Это обусловлено социально-экономическими и культурными изменениями в обществе и глобализацией.

3. СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОТА «УЧАЩИЕСЯ»/«ÉLÈVES»

В результате анализа материала для исследования были отобраны лексические единицы, входящие в слот «Учащиеся»/«*Élèves*». Среди них встречаются монолексемные (однословные) и полилексемные (многословные) единицы. В основном, единицы являются монолексемными:

— конкретные существительные, которые обозначают лица;

— собирательные существительные, которые обозначают совокупность учащихся как неделимое целое (в русском языке — *студенчество, класс, аудитория, школа, школота, дошколята, перваки*; во французском — *botte (f)* (*лучшие учени-*

ки), *audience (f)/auditoire (m)* (аудитория), *jeunesse (f) universitaire* (студенчество), *marmitonerie (f)* (группа поварят), *bleusaille (f)* (группа рекрутов), *rapinaille (f)* (группа учеников художника).

Однако во французском языке встречаются и полилексемные субстантивные единицы (*лучший ученик класса — tête (f) de la classe, premier (m) de la classe, chef (m) de classe, auditeur (m) libre* (вольнослушатель), *externe surveillé* (ученик, готовящий уроки в школе).

Кроме того, в русском и во французском языках встречаются усеченные слова, под которыми подразумеваются сокращения различных частей слов, а также производные от аббревиатур (*ПТУшник* или *пэтэушник, егэшник, X*).

Анализ лексем можно считать репрезентативным, так как лексикографическое описание лексем данной группы отображает весь объем семантических признаков и представлений носителей французского и русского языков о данном субъекте учебной деятельности.

4. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕДИНИЦ СЛОТА «УЧАЩИЕСЯ»/«ÉLÈVES»

Лексика слота «Учащиеся»/«Élèves» в целом является нейтральной и может использоваться во всех функциональных стилях. Слова нейтрального стиля относятся к ядерным единицам. В русском языке 76 лексем. Например, такие как: *учащийся, ученик, дошкольник, школьник, гимназист, лицеист, семинарист, абитуриент, студент, вузовец, стажер, дипломник, выпускник, медалист, стипендиат, аспирант, докторант, однокурсник, одноклассник, второгодник, первоклассник, третьекурсник, старшекласник, бакалавр, магистрант, магистр, староста.*

Во французском языке 47 лексем: *écolier, étudiant, élève, collégien, lycéen, apprenant, stagiaire, boursier, bachelier, académiste, débutant, néophyte, prosélyte, catéchumène, disciple, apprenti, arpète, mousse, rapin, marmiton, cousette, mitronnet, séminariste, résident, stagiaire, autodidacte, moniteur, camarade, copain, condisciple, interne, externe, pensionnaire, demi-pensionnaire, boursier, auditeur, auditoire, audience, agrégatif, aspirant, doctorant, thésard, bachoteur, bachelier, impétrant, certifié, diplômé.*

Несмотря на то, что двухуровневая система высшего образования появилась во Франции намного раньше, чем в России, новые названия учащихся бакалавриата и магистратуры не появились, тогда как в русском языке свободно стали использовать наименования получивших диплом об образовании применительно к учащимся на данных ступенях высшего образования:

«В контексте разговора о подготовке научных кадров нельзя обойти вниманием и серьезные проблемы, которые встают перед факультетом в связи с переходом в 2010 году на Болонскую двухуровневую систему обучения: бакалавр — магистр». (Лунин В. Колотилкин А. Кадры для нанотехнологий // «Наука и жизнь», 2009).

Стоит отметить, что в русском языке существует заимствованная лексема *лицензиат*, которая обозначает уже не существующую после принятия Болонской

системы реалию французской системы образования — учащегося ступени лиценциатуры (промежуточной степени между бакалавром и доктором):

«Стало быть, каждая мысль, — сказал в отчаянии лиценциат, — кажущаяся плодом мгновенья, заключает в себе вечность». (Данин Д.С. Нильс Бор [1969—1975]).

Национально маркированными в русской лингвокультуре можно считать лексемы *гимназист, суворовец, нахимовец, егэшник, гиашиник, аспирант, пэтэушник, староста* в силу отсутствия данных субъектов образовательного процесса во французской действительности.

Национальная специфика проявляется в коннотативных компонентах значений лексем. Эмоциональное отношение выражается в жаргонизмах, в частности, в школьном аргю. Эти лексемы включены во все словари и имеют соответствующие пометы. Эти слова относятся к периферии. Периферия передает общее семантическое значение слота имплицитно, выявляется логически и включает в себя экспрессивные, устаревшие и заимствованные единицы, например, такие лексемы, как *cancre* (разг. *ученик — лентяй*), *potache (m)* (разг. *школьник, лицеист*), *grimaud (m)* (уст. *отстающий ученик*) *pouveau* (уст. *новичок*), *commençant* (уст. *новичок*), *rhétoricien* (уст. *ученик класса риторики*), *школяр* (уст.) *курсистка* (ист.), *зубрила* (разг.), *ботаник* (разг.) *егэшник* (разг.) Данные признаки устанавливались по пометам в словарях.

Таким образом, на периферии в русском языке оказалось 42 лексемы: *ученичок, школяр, школьничек, студентик, абитуриентик, учет, бурсак, ясельник, нулевик, подготовишка, подготавлишка, вечерник, очник, заочник, самоучка, платник, бюджетник, контрактник, выуч, выучень, выучек, ПТУшник, пэтэушник, егэшник, ботаник, ботан, всезнайка, зубрила, заучка, МГУшник, МГИМОшник, ВШЭшник, технар, медик, физик, лирик, перваки, двоечник, троечник, хорошист, отличник, пятерочник.*

У многих русских понятий можно найти их аналоги в разговорной речи с использованием суффиксов субъективной оценки: *ученик — ученичок, школьник — школяр, школьничек, абитуриент — абитуриентик.*

«Из Горация, кажись. Учи латынь, школяр! А то я вижу ничего-то, кроме lingua latina non penis canina est, ты до сей поры не вызубрил!» [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

«Но уж, извините. Это не ученичок и не абитуриентик. Это, можно сказать, взрослый мужчина, выпускник». [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)].

Во французском выделяются следующие периферийные лексемы (51): *cancre, potache (m), grimaud (m), pouveau, commençant, rhétoricien, taupin* (*учащийся подготавливаемых курсов в Высшие школы*), *botte* (*лучшие ученики*), *tapir* (*ученик, берущий частные уроки*), *bizut* (*новичок*), *melon* (*курсант первого года обучения военного училища Сен-Сир*), *casique* (*лучший ученик*), *archicube* (*выпускник ENS или слушатель третьего года обучения на подготовительных курсах в ENS*) и др. (*bleu, poussin, major, pupille, culot, cagneux, potasseur, neuf, béjaune, crétin, taupin, novice, chartiste, centralien, piston, énarque, gadzart, grignon, normalien, sévrienne, quatz'art, saint cyrien, X, pipo, polytechnicien, carva, cégepien, sorbonnard, carré, doublant, cube, redoublant, bicarré, triplant, archicube, vétéran, carabin*).

5. КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СЛОТА «УЧАЩИЕСЯ»/«ÉLÈVES»

После того, как были выявлены все лексические единицы, вербализующие учащихся, были выявлены основные дифференциальные признаки, семы, которые отличают одни лексические единицы от других. В ходе компонентного анализа, который был разработан В. Гуденафом и Ф. Лаунсбери в конце 50-х гг. XX в., были разграничены значения семантически близких слов. Такой способ анализа позволяет представить связь значений лексем. Комбинация дифференциальных сем показывает значение лексической единицы по отношению к другим. Это помогает разобрать значение на составные части и найти его место в понятийной системе носителя языка.

В рамках компонентного анализа сема представляет собой минимальный семантический признак, который может иметь 3 значения: позитивное (+), негативное (–) и отсутствовать (Ø). (см. табл. 1, 2).

Каждая лексическая единица имеет набор сем, так называемую семему. Архисема данной группы, выражающая интегральный для всех лексических единиц признак, — «*humain, personne qui apprend, acquiert des connaissances*»; «человек, который учится, приобретает знания» (S1).

В ходе анализа отдельно выделялись следующие показатели:

— особенности употребления (уп): *niveau courant de langage* (общеупотребительное);

— род существительного (р): *masculin* (+ мужской род, — женский род, * — собирательное существительное).

Во французском языке среди основных сем, выражающих изучаемый слот, можно выделить следующие:

S1 — *humain, personne qui apprend, acquiert des connaissances* (человек, который учится, приобретает знания);

S2 — *jeune* (молодой);

S3 — *celui qui débute* (тот, что начинает учиться);

S4 — *celui qui manque d'expérience* (кому не хватает опыта);

S5 — *celui qui fait ses études dans un établissement d'éducation* (кто учится в учебном заведении);

S6 — *celui qui fait ses études dans un établissement d'éducation supérieur* (кто учится в высшем учебном заведении);

S7 — *religieux* (религиозное обучение);

S8 — *militaire* (военное обучение);

S9 — *salarié, en apprentissage* (работник, который постигает основы профессии);

S10 — *en formation professionnelle* (профессиональное обучение);

S11 — *personne éduquée par elle-même* (самостоятельное обучение);

S12 — *en médecine* (изучение медицины);

S13 — *assistance aux cours* (посещение занятий);

S14 — *candidat à un concours ou examen* (участие в конкурсе или сдача экзамена);

S15 — *élève candidat à une thèse universitaire* (учащийся, пишущий диссертацию);

S16 — celui qui effectue un stage (тот, кто находится на стажировке);

S17 — celui qui reçoit une pension (тот, кто получает стипендию);

S18 — celui qui reside dans un établissement d'enseignement (тот, кто проживает в здании учебного заведения);

S19 — étudiant ou ancien étudiant d'une école (ученик или бывший учащийся определенного учебного заведения);

S20 — celui qui a reçu une promotion et qui possède un document d'études (тот, кто закончил учебное заведение и получил документ о его окончании);

S21 — + classé premier (главенствующая позиция в классе, хорошие результаты учебы); – classé dernier (отстающая позиция в классе);

S22 — relations entre les élèves (отношения между учениками);

S23 — élève qui redouble une classe (учащийся, остающийся на второй год).

В качестве примера можно предложить анализ нескольких лексических единиц в каждом из языков.

Таблица 1

Компонентный анализ лексем во французском языке
Component Analysis of French Lexical Units

	S1	S2	S3	S4	S5	S6	S7	Уп	р
Elève	+	+			+			+	
Ecolier	+	+		+	+			+	
Etudiant	+					+		+	
Séminariste	+				+		+	+	
Novice	+	+		+			+	+	
Débutant	+		+	+				+	
Commençant	+	+	+	+				+	
Nouveau	+		+					+	

Таблица 2

Компонентный анализ лексем в русском языке
Component Analysis of Russian Lexical Units

	S1	S2	S5	S6	S7	S10	S16	Уп	р
Учащийся	+		+	+				+	
Ученик	+		+					+	
Семинарист	+		+		+			+	
Школьник	+	+	+					+	
Школяр	+	+	+					-	
Школота	+	+	+					-	*
Студент	+			+				+	
Студентик	+			+				-	
Студенчество	+			+				+	*
Практикант	+			+		+	+	+	
Стажер	+						+	+	

Данные таблицы позволяют отобразить набор сем каждой из представленных единиц. Так, например, лексема *семинарист* включает семы S1 + S5 + S7, из чего можно сделать вывод, что это учащийся + религиозного + учебного заведения (в данном случае — семинарии); а лексема *écolier* (*школьник*) включает S1 + S2 + S4 + S5, т.е. это учащийся + учебного заведения + младшего возраста + неопытный.

Таким образом, были проанализированы все единицы, входящие в изучаемый слот. Некоторые семы связаны между собой и не могут существовать друг без друга. Например, с S5 во французском языке связаны S6, S13, S17, S18, S19, S23, а также часто в одну семему входят семы S2, S3, S4. В русском языке с S5 и S6 связаны многие другие семы (см. модель слота «Учащиеся»).

В русском языке в слоте «Учащиеся» можно выделить похожие семы, но некоторые из них отсутствуют (S4 — кому не хватает опыта), другие входят в меньшее количество лексических единиц (S2, S3, S9, S10, S21). Кроме того, для анализа русского слота «Учащиеся» необходимо добавить отсутствующие во французском языке признаки (S24—S30):

S24 — форма образования (очная Ø, заочная +, вечерняя –);

S25 — определенный год обучения;

S26 — возрастной ранг учащихся;

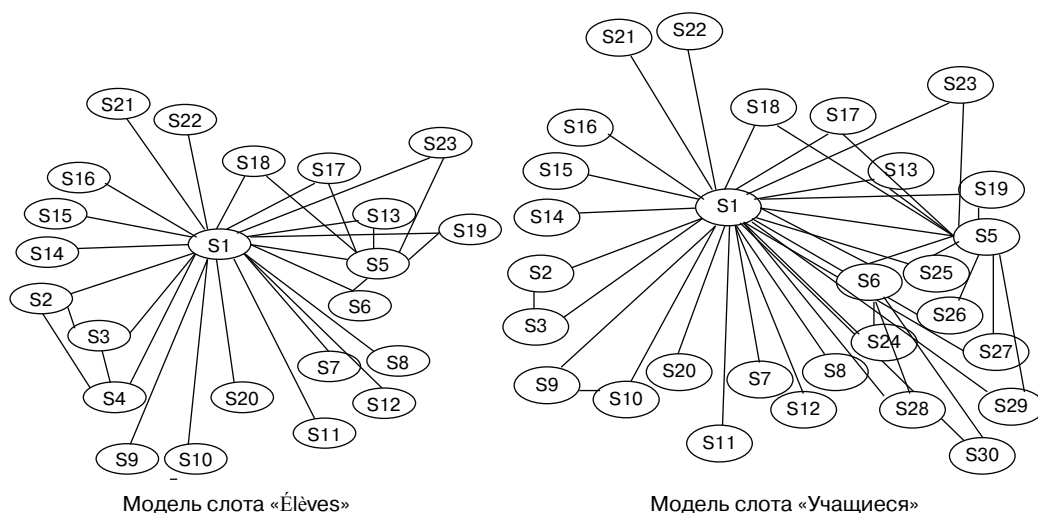
S27 — успеваемость учащегося учебного заведения;

S28 — степень высшего образования;

S29 — выборное лицо в классе, студенческой группе, кружке;

S30 — оплата образования.

В итоге модель слота «Élèves» во французском языке можно представить следующим образом (схема 1).

Схема 1. Модель слота «Élèves» / Модель слота «Учащиеся»
Scheme 1. Slot Model «Élèves»

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате компаративного анализа и семантического моделирования слота «Учащиеся/ élèves» можно сделать ряд выводов.

1. Семы, раскрывающие содержание слота «Учащиеся»/«Élèves», имеют в русском и французском языках, как сходства, так и различия. Это обусловлено, с одной стороны, историческими причинами, а с другой, национальной спецификой изучаемой области. В русском языке историзмы *институтка*, *пепиньерка*, *октябренок*, *гардемарин*, *юнкер*, *бурсак* и неологизмы *ПТУшник*, *егэшиник*, *бюд-*

жетник, бакалавр, магистрант, магистр, отражают особенности изменений российской системы образования, а лексемы *chartiste (m)*, *centralien (m)*, *bachelier (m)* отражают особенности французского образования.

2. Кроме этого, национально маркированными во французском языке являются:

— *agrégatif* (S1 + S6 + S14), которая обозначает учащегося, готовящегося сдать экзамен для того, чтобы получить возможность преподавать в среднем или высшем учебном заведении;

— *moniteur* — бакалавр, который является куратором младших курсов;

— лексемы, включающие сему S19 (учащийся или выпускник определенного учебного заведения): *chartiste* — студент или выпускник Национальной школы Хартий, *centralien/piston* — (арго) выпускник Высшей школы искусств и ремесел, *énarque* — (разг.) выпускник Национальной школы администрации (ENA), *gad-zart* — (арго) ученик Школы искусств и ремесел, *normalien* — учащийся Высшей Образовательной Школы (ENS), *taupin* — слушатель подготовительных курсов в Высшие школы, *X / pipo / carva / polytechnicien* — учащийся Политехнической школы, *sorbonnard* — учащийся Сорбонны.

Подобных реалий в русской действительности не существует, следовательно, и подобные лексические единицы отсутствуют. Однако есть и такие единицы, которые могут выразить то, что существует в русской действительности, но чему нет лексического обозначения. Например, учащийся школы полного дня во французском языке имеет обозначение — *demi-pensionnaire*; ученик, берущий частные уроки, — *tapir*; ученик, получивший сертификат об учебе — *certifié*; лучший ученик — *casique*; лучшие ученики — *botte*.

3. Во французской лингвокультуре, в отличие от русской, много единиц, которые обозначают учащихся, постигающих основы профессии: *mitron* (*подмастерье булочника*), *garin* (*ученик художника*), *cousette* (*молодая швея*). В сознании русскоговорящих выражение отношений «ученик—мастер» либо генерализировано (*подмастерье, подручный*), либо выражается словосочетанием ученик + название профессии учителя (*ученик мастера, ученик художника и т.д.*).

4. Стоит заметить, что во французском языке некоторые семы присутствуют в большем количестве лексических единиц рассматриваемого слота, чем в русском языке, такие как: S2 (молодой), S3 (тот, кто начинает учиться), S4 (кому не хватает опыта), S9 (работник, который постигает основы профессии), S10 (профессиональное обучение). Так, например, можно выделить синонимичные понятия, обозначающие учащихся, которые начинают обучение и/или не имеют опыта: *débutant (m)*, *commençant (m)*, *nouveau (m)*, *novice (m)* (все данные лексические единицы в русском языке имеют лишь один аналог — *новичок*). Также указание на возраст учащихся в семантике французских языковых единиц встречается чаще, чем в русских.

5. Однако русская лингвокультура характеризуется своими особенностями: в слоте «Учащиеся»/«*Élèves*» выделяются семы (S24—S30), которые отсутствуют во французском языке. Таким образом, во французском языке, в свою очередь, образуются лакуны для учащихся заочной формы обучения (*очник, заочник, вечер-*

ник), одной лексемой не выражены ранговые особенности учащихся (*старшеклассник, старшекурсник*), их успеваемость (*двоечник, троечник, хорошист, отличник, пятерочник*), год обучения в учебном заведении (*первоклассник, второклассник, первокурсник, пятикурсник...*), оплата обучения (*бюджетник, платник, контрактник*), степень высшего образования (*бакалавр, магистр, магистрант*).

6. В ходе анализа в русском языке были выявлены следующие лакуны: учащийся колледжа, учащийся техникума, учащийся педагогического или медицинского училища, учащийся школы-интерната, учащийся подготовительных курсов, кружков, факультативов. Также, например, хотя некоторые словари выделяют наименование для учащихся яслей (*ясельник*), в национальном корпусе русского языка не выявлено ни одного словоупотребления. Некоторые формы обучения только начинают появляться, в связи с чем названия для учащихся еще не закрепились. Так, например, несмотря на то, что существуют такие учебные заведения, как школы полного дня или полупансионы, наименование *полупансионер* не закрепились (тогда как французский аналог *demi-pensionnaire* существует уже давно).

7. Кроме того, национальную специфику можно отметить в коннотативных компонентах лексических единиц, к которым относятся эмоции, оценка, стилистическая характеристика. Эмоциональное отношение выражается в жаргонизмах, в частности, в школьном жаргоне (*tapir (m), centralien (m), taupin (m), botte (f)*). Коннотации некоторых слов сильно разнятся в изучаемых языках. Так, слот S21 (главствующая позиция в классе, хорошие результаты учебы) по-разному воспринимаются во французской и русской культурах: *major, cacique, tête de la classe, premier de la classe, chef de classe* несут ярко выраженную положительную оценку, тогда как лексемы *ботаник, ботан, заучка, всезнайка, зубрила* имеют отрицательную оценку. В целом в русской лингвокультуре стилистически окрашенных наименований учащихся примерно столько же, сколько во французском.

Слот «Учащиеся/élèves» подвержен изменениям: одни реалии появляются, другие исчезают, проводятся образовательные реформы, изменяются значения слов, из-за чего входящие в данный слот единицы могут входить в другие фреймы (например, во фрейм «Военное дело», «Религия»).

В настоящее время некоторые наименования учащихся давно используются в разговорной речи, но до сих пор не зафиксированы ни одним словарем. Это, например, такие наименования, как *бюджетник, платник, контрактник*. Несмотря на то, что эти слова очень употребительны в учебной среде, исследователям еще только предстоит занести их и их новые значения в словари русского языка.

© Пряхина Е.В., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богданова Л.И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 41—50.
- Буторин С.В. Фреймовый подход к анализу языкового пространства немецкого романа-воспитания // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12. № 3(3).
- Ван Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

- Гусельникова О.В. О возможности фреймового анализа // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 5. Новосибирск.
- Караулов Ю.Н. *Общая и русская идеография*. М., 1976.
- Кузнецова А.И. *Понятие семантической системы языка и методы ее исследования*. М., 1963.
- Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. М., 2003.
- Минский М. *Фреймы для представления знаний*. М., 1979.
- Попова З.Д., Стернин И.А. *Лексическая система языка* (Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения). Уч. пособие. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1984.
- Филлмор Ч. *Фреймы и семантика понимания* // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 52—92.
- Чарняк Ю. Умозаключения и знания // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XII. М., 1983. Ч. I. С. 171—207. Ч. II. С. 272—317.
- Fillmore, Ch.J. (1982). *Frame Semantics* // *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul.
- Fillmore, Ch., Atkins, B. (1992). Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors // *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*. In A. Lehrer, E. Kittay (eds.). Hillsdale: Lawrence Erlbaum. 75—102.
- Galisson, R. (1970). *L'apprentissage systématique du vocabulaire, tome 1. Le Français dans le Monde*. BELC: Paris.
- Greimas, A.J. (1996). *Sémantique structurale: recherche de méthode*. Paris.
- Lakoff, G. (1986). Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago. 152—167.
- Minsky, M. (1975). *A Framework for Representing Knowledge*. New York.
- Pottier, B. (1963). *Recherches sur l'analyse sémantique et traduction mécanique*. Nancy.

Использованные словари

- Баранов О.С. *Идеографический словарь русского языка*. М., 1995.
- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. *Русский семантический словарь: от понятия к слову* / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1983.
- Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997. <http://vocabulary.ru/dictionary/849/word/freim>.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 переиздание: *Большой энциклопедический словарь: Языкознание* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998. <http://tapemark.narod.ru/les/259a.html>.
- Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М., 2009.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.
- Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Н. Абрамов.
- Bertaud du Chazard H. *Dictionnaire de synonymes et mots de sens voisin*. P., 2003.
- Delas D., Delas-Demon D. *Dictionnaire des idées par les mots (analogique)*. P., Le Robert, 1990.
- Fur D. le. *Dictionnaire des synonymes, nuances et contraires*. P., 2005.
- Grand Larousse de la langue française en sept volumes, Tome II, Cir-Ery. P., 1986.
- Niobey G., Galiana T. de, Jouannon G., Lagane R. *Dictionnaire analogique*. P., Larousse, 2001.

Péchoin D. *Thesaurus. Des idées aux mots, des mots aux idées*. Larousse, P., 1991.

Perret P. *Le parler des métiers. Dictionnaire thématique alphabétique*. P., 2002.

Savonchik S., Rouet G. *Dictionnaire pratique du système d'enseignement en France*. Orel, 1995.

Электронные ресурсы:

<http://www.fracademic.com>

<http://www.cnrtl.fr>

<http://dictionnaire.sensagent.com>

<http://www.gramota.ru/slovari/dic>:

<http://dic.academic.ru>

<http://atilf.atilf.fr> TLFi: Trésor de la Langue Française informatisé

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 6 марта 2016

Дата принятия к печати: 23 апреля 2016

Для цитирования:

Пряхина Е.В. Наименования участников образовательного процесса во французском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 214—229.

Сведения об авторе:

Пряхина Екатерина Владимировна, аспирант кафедры сопоставительного изучения языков, факультет иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, преподаватель географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика; семантика; лексикология; межкультурная коммуникация, лингвокультурология. *Контактная информация*: e-mail: katerina001@bk.ru.

SCHOOL COMMUNITY MEMBERS NOMINATION IN THE FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

Ekaterina Pryakhina

Lomonosov Moscow State University
31-1, Lomonosov Str., 119192, Moscow, Russia

The article features the results of a comparative analysis of the “Учащиеся/Élèves (students)” slot in the French and Russian languages. The analysis is carried out from the level of semantic units to the level of linguistic forms of their expression. The objectives of the study are to examine the lexical meanings of the researched units, to elicit their content and specific features of their verbal expression.

The material for the study is formed by the units found in explanatory dictionaries, thesauri, LSP dictionaries, dictionaries of neologisms, dictionaries of loanwords, in official documents, in various French and Russian-language legislation acts, as well as in professional journals articles, and media content.

The main research methods are presented by the frame analysis method, the componential analysis, the chain method of dictionary definitions, the comparative and statistical methods.

As the result, the slot under consideration was moulded; the structural and morphological features of the lexical items of the analyzed slot were identified, and the componential analysis was performed. In addition, the differential characteristics were detected, the meanings of semantically similar words were demarked, and the semes present in the lexical units of slots “Учащиеся/Élèves” in French and Russian were compared.

The analysis reveals a number of differences in terms of presence/absence of semes and also the lacunarity of the nomination of the student (learner). This demonstrates the cultural identity of the examined slot. Most of the differences can be found in the expression of semes “master's student” and “beginner”. The study also showed the difference in connotation and the presence of semes in the Russian language which are absent in French (such as: form of of training, ranking, grades, study year, tuition fees and level of higher education).

Key words: frame, slot, frame analysis, componential analysis, archilexeme

REFERENCES

- Bogdanova L.I. (2015). Novye slova v aspekte vzaimodejstviya yazykov i kul'tur [New words in terms of linguistic and cultural reciprocity] // *Russian Journal of Linguistics*. № 2, 41—50 (In Russian).
- Butorin S.V. (2010). Freimovyi podkhod k analizu yazykovogo prostranstva nemetskogo romana- vospitaniya [Frame-based approach to the analysis of linguistic expanse of German educational novel] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 12, № 3 (3) (In Russian).
- Charnyak Ju. (1983). Umozaklyucheniya i znaniya [Conclusions and knowledge] // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow. (In Russian).
- Fillmor Ch. (1988). *Freymy i semantika ponimaniya* [Frames and cognitive semantics] // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow. 52—92 (In Russian).
- Fillmore Ch.J. (1982) *Frame Semantics* // *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul.
- Fillmore Ch., Atkins B. (1992). In A. Lehrer & E. Kittay (Eds.), *Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors* // *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 75—102.
- Galisson R. (1970). *L'apprentissage systématique du vocabulaire* (Vol. 1). Le Français dans le Monde. Paris: BELC.
- Greimas A.J. (1996). *Sémantique structurale: recherche de méthode*.
- Gusel'nikova O.V. (2009). O vozmozhnosti freimovogo analiza [On the possibility of frame-based analysis] // *Novosibirsk: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, № 5 (In Russian).
- Karaulov Yu.N. (1976). *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow. (In Russian).
- Kuznetsova A.I. (1963). *Ponyatie semanticheskoi sistemy yazyka i metody ee issledovaniya* [Concept of semantic system of language and methods of its analysis]. Moscow. (In Russian).
- Lakoff, G. (1986). *Frame semantic control of the coordinate structure constraint*. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago, 152—167.
- Makarov M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Basic principles of discourse theory]. Moscow. (In Russian).
- Minskii M., (1979). *Freymy dlya predstavleniya znanii* [Frames for knowledge representation]. Moscow. (In Russian).
- Minsky M. (1975). *A Framework for Representing Knowledge*. New York.

- Popova Z.D., Sternin I.A. (1984). *Leksicheskaya sistema yazyka (Vnutrennyaya organizatsiya, kategorial'nyi apparat i priemy izucheniya)* [Lexical system of language (Internal organisation, categorical framework and study methods)]. Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. un-ta. (In Russian).
- Pottier B. (1963). *Recherches sur l'analyse sémantique et traduction mécanique*. Nancy.
- Van Dejk T.A. Jazyk. (2000). *Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene (In Russian).

Article history:

Received: 6 March 2016

Revised: 19 April 2016

Accepted: 23 April 2016

For citation:

Pryakhina, E. (2016). School Community Members Nomination in the French and Russian Languages. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 214—229.

Bio Note:

Pryakhina Ekaterina Vladimirovna, post-graduate in the Department of comparison of languages (MSU), lecturer of faculty geografic (MSU). *Research interests*: cognitive linguistic, semantic, lexicology, intercultural communication, cultural linguistics, discourse analysis. *Contact information*: e-mail: katerina001@bk.ru.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

FROM FUNCTION TO SYSTEM: ADVANCES IN CHOOSING A MATRIX STRUCTURE OF THE TRANSLATION PROCESS*

Irina N. Remkhe¹, Liliya A. Nefedova²,
David C. Gillespie³

¹Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
38, Lenina Prospect, 455000, Magnitogorsk, Russia

²Chelyabinsk State University
129, Bratyev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia

³University of Bath
Claverton Down, Bath, North East Somerset BA2 7AY, United Kingdom

This article presents the authors' view on the transition towards a new paradigm in the study of the translation process based on synergy, collaboration, networking and the cognitive structure of the translator's mind. In the search for a hypothetical cognitive model of translation, a matrix model is represented to further enrich the interdisciplinary platform through understanding the conglomerate of the many sources involved in the act of translation and focusing on the role of the individual human being in translational cognition. The Map-Matrix Model comprises three levels of the translator's mental space: Neurological, Representational and Conceptual. Each level corresponds to the inheritance relations between mapping patterns, clusters and frames. The model will be presented and interrogated through the results of a practical Think-aloud protocols experiment in order to give a better insight into the translation efficiency in terms of information processing and a clearer assumption of the feasibility of the concept.

Key words: translation model, matrix, cognitive, synergy, connectivity, networking

1. INTRODUCTION

Over the last few decades there has been a persistent concern on how to apply cognitive linguistic approaches to issues of translation. Most generativist patterns used to explain language categories have been reconsidered following the rise in modern research of an interdisciplinary dimension. The idea of diversity and intercultural com-

---

* The article has been written with the support of a Grant awarded by the Russian State Scientific Foundation, project # 15-04-00455a entitled Analogue-Cognitive Processes in the Linguistic and Creative Processes of the Individual.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ проект 15-04-00455а «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

munication issues in translation is referred to in Kaisa Koskinen's works as "super-diversity" and the need of developing skills of "empathy, compassion and flexible decision-making" is highly emphasized (Koskinen, 2015: 176).

From the point of view adopted in this discussion, we are witnessing an era of synergy and heterogeneity in the evolutionary attempts of researchers to build a bridge between language, translation and other sciences. This is signaling new advancements in connecting the study of translation to the study of the mind as well as making further contributions to the discussion of the possibilities to elaborate a new framework for modelling the translation process.

1.1. The synergetic approach

The notion of openness, dynamics and interaction of the system with the external world lies at the basis of the synergetic approach. Synergetics was first introduced as an interdisciplinary science explaining the formation and self-organization of patterns and structures in open systems. As noted in work by R.F. Buckminster, "The phenomenon synergy is one of the family of generalized principles that only co-operates amongst the myriad of special-case experiences. Mind alone discerns the complex behavioral relationships to be cooperative between and not consisting in any one of, the myriad of brain-identified special-case experiences" (Buckminster, 1982: 59). As an interdisciplinary notion, synergy is generally defined with the concept of massive entity, integrity and attraction (connectivity).

In modern scientific studies the concept of synergy is widely applied in language research and practice, as well as materials development and cross-cultural capabilities. The idea of interaction and self-forming patterns as the main constituent of the synergetic approach has been developed by scholars of various disciplines. For example, Prof. T.P. Berseneva emphasizes that "the main meaning that defines the notion of synergy is not only 'energy', but also 'congruity'. Therefore, in open systems studied in synergetics, there will be questions concerning the joint, harmonized, synergetic interaction of the inner and outer energies" (Berseneva, 2013:44).

A vivid practical example of a synergetic interaction in the area of translation methodology and curriculum development is shown in a recent European two-year project entitled 'Promoting Intercultural Competence in Translators', abbreviated as 'PICT', commenced in 2011 and described in Robin Cranmer's paper. The project implied coordinated efforts of six universities and an international language association that "came together with the shared perception that intercultural aspects of translation were not being taught as effectively as they could be". As a result they produced "a form of syllabus, termed a 'curriculum framework', for the teaching of Intercultural Competence to translators, materials to teach it and assessment materials for evaluating students' intercultural skills" (Cranmer, 2015:156)

According to the Russian cognitive linguist L.V. Kushnina, "the fundamental principle of synergetics has an inherent potential for self-structuring at all levels when mapping our real existence. Non-equilibrium systems imply certain conditions and sources to create order". L.V. Kushnina articulates the idea of using synergy within the framework of the translator's mental space. She argues that "as a result of the development of the original text in the translator's mental space, there may appear a multitude

of new texts as single entities that are capable of functioning in other cultures” (Kushnina, 2005:27—28). In later research L.V. Kushnina elaborates further on the translator’s mental space as some “meaningful structure containing a few heterogenic fields which generate manifold meanings, both explicit and implicit” (Kushnina, 2015, URL).

Considering the theoretical research done within this study we propose that ‘synergy’ is applicable to the study of the translation process in the following aspects:

- Synergy as an interdisciplinary approach;
- Synergy as the internal interaction of cognitive elements;
- Intellectual synergy as realized in the cooperative efforts of a group working on one text.

1.2. The Cognitive Approach

With the advent of the cognitivist paradigm there has been an important shift from observing changes in behavior (a response to behaviorism) to inner mental activities. These activities include thinking, knowing, memorizing and problem solving, which are all considered to be essential for learning. The overall concern of cognitivists has been to open the ‘black box’ of the human mind, viewed by most scholars as an information processor. Therefore, new terminology was introduced, including; ‘schema’, ‘schemata’, ‘information mapping’, ‘information processing’, ‘mental maps and models’ (B. Shank, B-R Sandura, L. Merrill, J. Bruner).

Cognitivism as the study of mental processes focusing specifically on knowledge processing has been widely used in various linguistic theories. Among Russian cognitive linguists there is a particular interest in the processes of categorization and conceptualization within the relationship between language and mind with a focus on knowledge processing and storing from a cultural viewpoint (N.N. Boldyrev, E.S. Kubryakova). It is also important to mention the ground-breaking theoretical work by E. Rosh related to the principles of categorization and the formation of prototypes or prototypical instances that “contain the attributes most representative of items inside and least representative of items outside the category” (Rosh, 1978, URL). This theory enhances the patterns of structuring and organizing our mind and knowledge.

The cognitive theory focusing primarily on information and knowledge processing within various stages and structures tends to be valorized and used successfully in developing the cognitive theory of translation and interpreting. The idea of making a proposal for a cognitive theory of translation and interpreting has been put forward by a group of researchers from the University of Granada, Spain, who worked out three basic stages of language mediation in the translation process.

Considering the translator to be the mediator between the original writer and the target reader, we tend to use the cognitive approach in translation to broaden the focus and to cover a range of linguistic and non-linguistic factors. This integrated and even inter-disciplinary view of translation procedures represents the uniqueness and complexity of the translator’s activities compared to the pure tasks of listening, reading, speaking and writing. In a paper by a group of researchers from the University of Granada, mentioned above, there is a clear explanation of the three language stages of language mediation:

- 1) The communicative function established between the speaker or writer (the first sender) of the source text or discourse and the mediator as first recipient.

2) The mental activity of the mediator processing the message received (either written or spoken).

3) The communicative function established between the mediator as second sender of the target text or discourse and the final recipients of the message (Padilla, 1999, URL).

These three stages basically cover different aspects of mediating, such as pragmatic (first and third stages) and mental or cognitive (second).

The importance of including the cognitive processes in analyzing acts of translation became the trigger for the further construction of psycholinguistic and cognitive models of translation (R. Bell, W. Willis, D. Gile), social and cognitive models (D.C. Kiraly) and cognitive pragmatic models (E.-A. Gutt, D. Sperber & F.C. Willson). It also led to the introduction of new mapping structures and innovative methodologies of research such as: Think-aloud protocols (G.M. Shreve, R. Jääskeläinen, S. Tirkkonen-Condit), Eye Tracking (S. O'Brien, B. Dragsted) and Translog (L. Jakobsen). The tendency for interdisciplinary research is of paramount significance in terms of gaining a deeper insight into the workings of the translator's mind.

1.3. Constructionism

The implementation of the system-structure paradigm continues within the frameworks of constructivism that appeared in the second half of the 20th century. It is important to emphasize the historical role of Jean Piaget's "Theory of Instruction" based on the idea that knowledge acquisition is a process of continuous self-construction as applied to the child's mental development (Piaget, 1990).

Away from empiricism there emerged the theory of "situated cognition" by Jean Lave (Lave 1988), who states that a model of knowledge and learning should be based on cognition that lies in context, people, culture and language. Storing or accumulating conceptual knowledge is ineffective compared to retrieving it directly from the context which provides real knowledge of the world.

In Russian Philosophical theory constructionism is defined by I.P. Farman as a "synthesis of construction and knowledge". One of the general principles elaborated in Farman's work is that "the perception of reality in itself is changed with the constructionist approach, implying new forms of representations through models, structures, and projects" (Farman, 2008: 90).

1.4. Networking and connectivity

Another theory that demonstrates the transition from a function-based to a system-based approach is connectionism, which postulates a dialectic tendency to synthesis and dynamics placing the human being at the heart of the knowledge accumulation and structuring process. The key concept developed within the connectionist approach is the network, specifically, the neural network. The neural network consists of a large number of units joined together in a framework of connections. Units in a network are usually segregated into three classes: input units, which receive information to be processed, output units where the results of the processing are found, and units in between, which are called hidden units (Fig. 1) (Connectionism: URL).

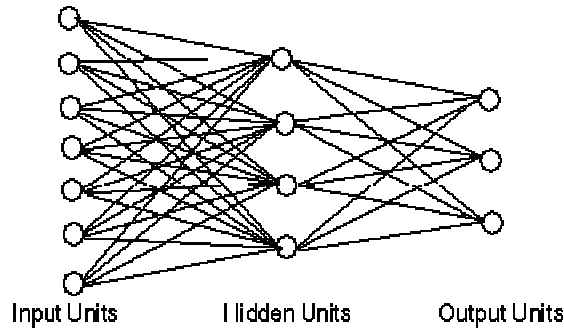

Fig. 1. Illustration of a simple neural network

As the illustration shows, the network comprises both static and dynamic parameters. This develops the connection between stability, dynamics and interaction.

The importance of these factors is built on S. Dawson’s research on connective knowledge. This research focuses on the connectivity value of knowledge processing in terms of knowledge distribution using online platforms. However, the most important implication, apart from distinguishing properties of different types of network, is the statement that “if a human mind can come to ‘know’ if a human mind is, essentially, a network, then any network can come to ‘know’, and for that matter, so can a society” (Dawnes, 2005, URL).

Applying the observations and theoretical assumptions of the connectivity approach to the sphere of cognitive translation studies, we argue that the major principles of modelling translation are grounded in the notion of interpretation, interaction, networking, associationism, salience, organization and context-based analysis.

2. RESEARCH DESIGN AND METHODOLOGY

The major hypothesis of our work is drawn from a set of observations with the focus on the relationship between translation theory, research and a set of practical experiences of translating specialized texts and psychological experiments of the ‘Think-aloud protocols’.

Hypothesis. In this research we argue that the ‘Map-Matrix Model’ of the translation process is a theoretical framework to present a cumulative concept of translation procedures based on advanced ideas of cognitive science and other related disciplines. The graphic representation of the model has a certain explanatory potential of the process-based strategic and integrated character as well as methodological value to apply in Cognitive Translation Studies.

Sample group and content. The Think-aloud protocols experiment used to valorize the hypothesis mentioned above was conducted with a sample group of 12 student-translators of the University of Bath. The subjects were chosen through the main concern that verbalization produced by non-professionals should be more informative than those of professionals. The students were asked to produce a spoken translation of a written text taken from a BBC news source with a high level of information consistency. The translation was supposed to be made while thinking aloud without using any dictionaries.

This was considered to be a conscious procedure to find out the solution of translation problems they may face which are interpreted with the help of translation processing markings and strategies that we take into account during the analysis as most reliable, generalizable and applicable to the Map-Matrix Model presented in the research.

2.1. Why matrix?

Among various definitions of matrix existing in research primarily in the natural, computer and social sciences we derived the core meaning that is seen as most applicable to the translation process as a system of correlation and self-structuring elements organized at various levels of the translator’s mind. Thus, in this research, matrix is defined as a cognitive network of embedded elements and correlations between input and output data.

2.2. The map-matrix translation model explained

The idea of connectivity and the cognitive structures of mental spaces is emphasized in G. Fauconnier’s paper “Mental spaces, language modalities, and conceptual integration” in which he states that “mental spaces are small conceptual packets constructed as we think and talk, for purposes of local understanding and action. They are very partial assemblies containing elements, and structured by frames and cognitive models. They are interconnected and can be modified as thought and discourse unfold” (Fauconnier, 1995:253).

In the Map-Matrix Model of translation presented in this paper, there are three levels of the translator’s mental space, each corresponding to the inheritance relations between mapping patterns, clusters and frames: Neurological, Representational and Conceptual (Fig. 2).

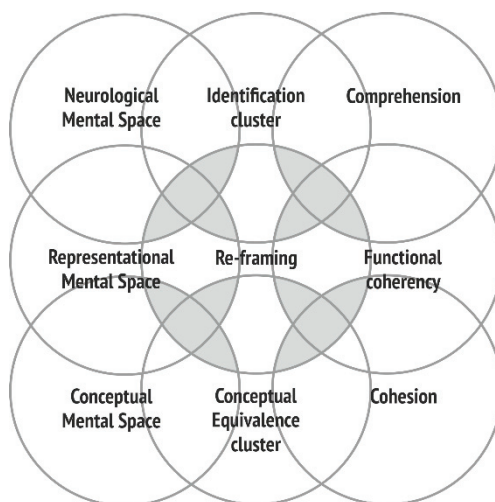

Fig. 2. The Map-Matrix Model of Translation

The Neurological Mental Space of the Map-Matrix Model represents the interrelation between cognitive and neurophysiological processes in terms of sensation of symbol, word or action, perception of recognition of symbol, word or action and verbal

working memory. The recognition implies an identification cluster that relates to phonological and word decoding and language comprehension. Recognizing and decoding written information make up the main cognitive elements involved in the translation process.

Representational Mental Space is positioned as central because of the core functions applied within certain frame structures. In this part of the model we allocate translation procedures and strategies that are implemented through mental processing and frames of various kinds. Our earlier research showed that frame structures can be subdivided into situational, classifying, dynamic and prototypic to represent syntactic and semantic structures of the source text (ST) as “a means of organizing the translator’s linguistic and non-linguistic knowledge, which can predetermine the choice of a cognitive strategy and enhance the translator’s competence” (Nefedova, 2014:240).

The space concept of the Representational Mental Space literally presents a particular representation of a translation problem that consists of various states for solving it. According to the information-processing approach, the states of a problem consist of various stages in problem solving, such as 1. Identifying and Understanding the Problem 2. Devising and Selecting a strategy 3. Performing the strategy 4. Checking whether the strategy actually worked (Byrne, 2006:142).

Within the Map-Matrix Model of translation we presume that the translation problems or tasks we encounter are framed-based on the knowledge applied to comprehend, recognize and interpret the data. Therefore, at the point of understanding the text it is important to consider 4 types of knowledge involved (Table 1) (Byrne, 2006, 143).

Table 1

Types of knowledge affecting the understanding of problems

Factual knowledge	Consists of rules, categories and representations of the problem
Semantic knowledge	Conceptual understanding of the problem
Schematic knowledge	Provides an infrastructural understanding of the problem; the various related issues and factors and how they relate to each other
Strategic knowledge	An understanding of how to build strategies for solving problems within the overall problem area

Re-framing as shown on the model takes the central part of the scheme as a transition of the types of knowledge mentioned above from ST to TT (translation text). The procedures implied here can presumably be identified with frame mapping patterns based on prototypical and dynamic frame elements at both the linguistic and metalinguistic levels.

By the functional coherence discussed in the Map-Matrix Model we mean “functional relations between sentences and between speech acts in a coherent discourse” shown in earlier works by Teun A. van Dijk (Van Dijk, 1980:49). In written translation semantic relations of functional coherence are in close interaction with syntax and lexis as cohesive elements and create the so-called textual unity.

Conceptual Mental Space presupposes conceptual integration of the author’s and the translator’s mental spaces when the information is processed and decoded. Thus, at the transition point we have a conceptual equivalence cluster maintained through conceptual mapping when the translator is retrieving meaning from the text. Conceptual equivalence is translated through the underlying meaning that lies in the context as well as the pragmatic and communicative message of the text.

In this discussion of the cognitive approach applied to the Map-Matrix Model of translation and with the help of the Think-aloud protocols as an experiment to verify the practical value of the model, we follow the distinction between the “cognitive conscious” and “cognitive unconscious” proposed by J. Raskin (Raskin, 2000:11). Since we do not intend to give a deeper insight into the cognitive unconscious within the current research, there are still certain presumptions of the ways the information is processed in the cognitive conscious of the translator’s mind, including universals, limitations and strategies which should be investigated and explained within the common matrix framework.

2.3. Translation strategy. The integrated approach

According to the definition provided by W. Lörscher, a translation strategy is “a potentially conscious procedure for the solution of a problem which an individual is faced with when translating a text segment from one language into another” (Lörscher, 1991:76). Think-aloud protocols provide the basis for problem identification in terms of choosing translation strategies. A list of such problems has been suggested by various researchers, such as H. Krings (Krings, 1986:268), P. Gerloff (Gerloff, 1986:252), A. Chesterman (Chesterman, 1998), and others. Let us summarize the main translation strategies proposed by researchers, including classification shown in one of our earlier studies.

Gerloff (1986)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Problem identification 2. Linguistic analysis 3. Storage and retrieval 4. General search and selection 5. Text inferencing and reasoning 6. Text contextualization 7. Task monitoring
Jääskeläinen (1993)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Global strategies (as applied to the whole task, including style, leadership, etc.) 2. Local strategies (specific items, such as lexical searches)
Séguinot (1996)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Interpersonal strategies (brainstorming, correction, phatic function) 2. Search strategies (dictionaries, world knowledge, words) 3. Inferencing strategies (rereading ST and TT, consulting) 4. Monitoring strategies (rereading ST and TT, consulting, comparing units)
Mondhal and Jensen (1996)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Production strategies   <ol style="list-style-type: none"> a) achievement (spontaneous association and reformulation) b) reduction (avoidance and unmarked rendering of marked items)   2. Evaluation strategies (adequacy and acceptability of translation replacements)
Nefedova L.A., Remkhe I.N. (2014)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Prototypical strategy (syntactic and semantic structures in the form of frame patterns that are syntactically restricted) 2. Adaptive strategy (a broader analysis of the context and compensation varieties in the translation process, including pragmatic, communicative and intra-textual relationship)

Viewing the translation process mainly as a cognitive activity, we consider processing strategies in terms of metalinguistic and cognitive elements used as problem-solving techniques. The categories suggested by P. Gerloff are seen as mainly process-oriented and focused on text decoding and rendering. The other researchers listed above made advanced attempts to have a broader look at categorizing translation strategies involving metalinguistic elements, such as reflecting on the adequacy and acceptability of translation replacements in M. Modhal and K.A. Jensen (1996) or a certain level of environmental validity and non-linear interaction in the case of group work on translation, as in C. Séguinot (1996). Following this trend in the current research we identify two major strategy types, such as the prototypical and adaptive strategy depending on the test type and the level of the translator's competence.

2.4. Discussion

As a result of the Think-aloud protocols experiment aimed at observing the efficiency of information processing, the Map-Matrix model is used as an explanatory tool to define translation problems and to work out strategies to solve them. To interpret the findings we identified two levels of the subjects' performance into high level of processing and low level of processing. Thus, a selection of the specific features that occurred during the experiment was made. They are represented in Table 2.

Table 2

**The distribution of translation features
through the high and low point of processing the subjects**

	Identification cluster		Comprehension	
Neurological Mental Space	High level of processing	Low level of processing	High level of processing	Low level of processing
	Full sensation of symbol, word or action High perception of recognition of symbol, word or action and verbal working memory	Difficulty of symbol or word recognition No sense of internal associative connections	Fully achieved phonological and word decoding and language comprehension	Difficulty in phonological and word decoding
Representational Mental Space	Reframing		Coherence	
	High level of processing	Low level of processing	High level of processing	Low level of processing
	Immediate execution of necessary associative connections Less cognitive effort on performing the reframing	Difficulty of retrieving word meaning from the context Lack of factual background knowledge	High level of conformity with the receiver's situation Full rendering of the source text with the correct text pattern	Lack of conceptual connectivity Loose text rendering Not reaching the target reader
Conceptual Mental Space	Conceptual equivalence cluster		Cohesion	
	High level of processing	Low level of processing	High level of processing	Low level of processing
	Instant retrieval and transformation of meaning across ST and TT based on activating semantic and schematic knowledge networks Achieving pragmatic and communicative function of the text	Lack of semantic and schematic knowledge Difficulty of realizing the pragmatic and communicative function of the text	Appropriate use of cohesives Adequate text interpretation at the macro and micro level of text and discourse organization	Difficulty using cohesives such as reference, ellipsis, substitution, lexical cohesion and conjunction

3. CONCLUSIONS

The Map Matrix Model reflects the translation process as a conglomerate of various modelling tools depending on the peculiarities of the translation scheme and the translator's mental activities, i.e. identification, simultaneous or successive processing, re-framing, finding conceptual correlations and reaching pragmatic and communicative goals. The overlapping parts signify connections and interaction between the elements that are activated due to the synergetic and dynamic potential of the system.

The theoretical interdisciplinary research and empirical investigations revealed valuable features contributing to a new and justifiable matrix format of the translation process. Using the methodology of analytical thought and introspective analysis of written translations, when applying the Map-Matrix Model, we came to some major new conclusions:

- ◆ The synergetic approach in translation lies in the possibilities for interdisciplinary work between translation studies and other sciences. It may also be applied to the translation process itself in the sense of the interaction of the multiplicity of working patterns and connections set up together for a common purpose;
- ◆ The representational level of mental processing during translation tasks is implemented by mental frames that constitute the translator's cognitive space;
- ◆ The translation process is a networking system that consists of various mapping patterns and frame elements connected at different levels;
- ◆ Connectivity is key to understanding the translation process. The effective connectivity between acts of translation and techniques is made explicit through mapping;
- ◆ The efficiency of information processing reflects the result of translation at various levels of the translator's mental space.

© Irina N. Remkhe, Liliya A. Nefedova, David C. Gillespie, 2016

REFERENCES

- Bernardini, S. (2001) Think-aloud protocols. Achievements. Limits. Future prospects, in *Target* 13:2, 241—263.
- Berseneva T.P. (2013) Sinergiya i sinergetika: kategoriya isikhazma i sovremennaya nauka [Sinergy and Synergetics: Category of Isikhazm and Modern Science]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Philosophiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 369, 41—47.
- Buckminster, R.F. (1982) *Synergetics. Explorations in the Geometry of Thinking*. Macmillan Pub Co.
- Byrne J. (2006) *Technical Translation Usability Strategies for Translating Technical Documentation*. Springer.
- Chesterman, A. (1998). Communication strategies, learning strategies and translation strategies, in: *Malmkjær*, 135—143.
- Connectionism (2015) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from: <http://plato.stanford.edu/entries/connectionism> (accessed 10 January 2016).
- Cranmer, R. (2015). Introducing intercultural communication into the teaching of translation. *Russian Journal of Linguistics*. 19 (4), 155—173.
- Dijk T.A. (1980). The semantics and pragmatics of functional coherence in discourse. In A. Ferrara (ed). *Speech act theory: Ten years later*. Milano, Italy: Versus, 49—65.

- Downes, S. (2005) *An Introduction to Connective Knowledge*. Retrieved from: <http://www.downes.ca/post/33034> (Accessed: 09 January 2016).
- Farman, I.P. (2013). *Constructivism as method and socio-cultural practice*. In V.A. Lektorsky (ed.). *Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in the theory of knowledge] (pp. 88—116), Rossiiskaya akademiya nauk. Institut Filosofii, Moskva: IFRAN (In Russian).
- Fauconnier, G. (1998). Mental spaces, language modalities, and conceptual integration. In M. Tomasello (ed.). *The New Psychology of Language* (pp. 251—279). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.99.9811&rep=rep1&type=pdf> (accessed 21 June 2016).
- Gerloff, P. (1986). Second language learners' reports on the interpretive process: Talk aloud protocols of translation, in: *House and Blum-Kulka*, 243—262.
- Jääskeläinen, R. (1993). Investigating translation strategies. In S. Tirkkonen-Conditand, J. Laffling (ed.). *Recent trends in empirical translation research*. Joensuu: University of Joensuu Faculty of Arts, pp. 99—120.
- Koskinen, K. (2015) Training translators for a superdiverse world. Translators' intercultural competence and translation as affective work, *Russian Journal of Linguistics*, 19(4), 175—183.
- Krings, H.P. (1986). Translation problems and translation strategies of advanced German learners of French (L2). *House and Blum-Kulka*, pp. 263—275.
- Kushnina L.V. (2005) *Vzaimodeistviye yazykov i kul'tur v perevodcheskom prostranstve: geshtal't-sinergetichesky podkhod* [Interrelation between Languages and Culture. Applying the Theory of Gestalt and Synergy] (PhD Thesis), Moskva, RGB (In Russian).
- Kushnina L.V., Geikhman L.K., Neganova A.O., (2015). *Mezhyazykovaya i mezhkul'turnaya variativnost' pri perevode tekhnicheskikh tekstov: sinergetichesky podkhod* [Interlingua and Intercultural Variation in the technical Translation: Synergetic Approach]. *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya*, no. 1-1. Retrieved from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19556> (accessed 10 February 2016).
- Lave, J. (1988). *Cognition in Practice: Mind, mathematics, and culture in everyday life*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Lörscher, W. (1991). *Translation performance, translation process, and translation strategies: A psycholinguistic investigation*. Tübingen: Gunter Narr.
- Mondahl, M, Knud A.J. (1996). Lexical search strategies in translation, *Meta* 41:1, 97—112.
- Nefedova L.A., Remkhe I.N. (2014). Towards cognitive modelling of the technical translation process. Proceedings of the XXV Annual International Academic Conference Language and Culture, 20—22 October 2014. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, no. 154, Elsevier, 237—245.
- Padilla, P., Bajo, M.T., Padilla, F. (1999) Proposal for a cognitive theory of translation and interpreting: A methodology for future empirical research, in: *The Interpreters' Newsletter*, no. 9 (ed. EUT), Edizioni Università di Trieste Citazione, 61—78. Retrieved from: <http://hdl.handle.net/10077/2213> (accessed 25 June 2016).
- Piaget, J. (1990). *The child's conception of the world*. New York: Littlefield Adams.
- Rosch, E. (2016, June 20). Principles of Categorization. In: *Cognition and categorization* (eds. E. Rosch, B. Lloyd), University of California Press, 27—48. Retrieved from: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf.
- Séguinot, C. (1996). Some thoughts about think-aloud protocols, in: *Target 8:1*, 75—95.

Article history:

Received: 21 May 2016

Revised: 14 June 2016

Accepted: 29 June 2016

For citation:

Remkhe, I. Nefedova, L. Gillespie, G. (2016) From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), pp. 230—242.

Bio Note:

Dr. Irina N. Remkhe, Associate Professor at English Language Department, Institute of History, Philology and Foreign Languages, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov (Magnitogorsk). *Research interests:* cognitive linguistics, intercultural communication, psycholinguistics, theory and practice of translation. *Contact information:* e-mail: rilix@mail.ru.

Liliya A. Nefedova, Professor at Romance and Germanic Languages and Intercultural Communication Department, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University. *Research interests:* general linguistics, theory of communication, intercultural communication, cognitive linguistics, theory and practice of translation. *Contact information:* e-mail: lan2@mail.ru

David C. Gillespie, Professor at Department of Politics, Languages and International Studies, University of Bath. *Research interests:* Russian literature and film, Russian culture in the post-Soviet era. *Contact information:* e-mail: d.c.gillespie@bath.ac.uk.

ОТ ФУНКЦИИ К СИСТЕМЕ: НОВАЯ ПАРАДИГМА МАТРИЧНОЙ СТРУКТУРЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

И.Н. Ремхе¹, Л.А. Нефедова², Д.Ч. Гиллеспи³

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, Проспект Ленина, д. 38

²Челябинский государственный университет
454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129

³Университет г. Бат
ул. Клевертон Даун, г. Бат, район Норд Ист Сомерсет
BA2 7AY, Великобритания

В статье представлено авторское видение переводческого процесса в рамках новой парадигмы развития когнитивного переводоведения на основе понятий синергии, кооперации, взаимодействия, взаимозависимости и когнитивных структур сознания переводчика. Представленная матричная модель перевода является результатом тщательного анализа возможностей, назревшей необходимости междисциплинарного подхода в переводоведении и поиска нового научно-теоретического основания для представления когнитивной сущности переводческого процесса. Матричная платформа, предложенная авторами исследования, выступает конгломератом фреймовых элементов, когнитивных функций и процедур, которые выстраиваются в виде трех ментальных пространств (нейрологического, репрезентационного и концептуального). При

этом центральную роль занимает переводчик как мыслящий объект, способный оперировать познавательными структурами своего сознания. Практическая значимость модели верифицируется посредством психолингвистического эксперимента «Думай вслух». Результаты эксперимента представлены в виде уровней эффективности решаемых переводческих задач на основе ментальных пространств матричной модели перевода.

Ключевые слова: переводческая модель, матрица, когнитивный, синергия, коннективный, сетевая взаимозависимость

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2016

Дата принятия к печати: 14 июня 2016

Для цитирования:

Ремхе И.Н., Нефедова Л.А., Гиллести Д.Ч. **От функции к системе: новая парадигма матричной структуры переводческого процесса** // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 230—242.

Сведения об авторах:

Ремхе Ирина Николаевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры английского языка, Институт Истории, филологии и иностранных языков, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. *Сфера научных интересов:* когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, психолингвистика, теория и практика перевода. *Контактная информация:* e-mail: rilix@mail.ru.

Нефедова Лилия Амиряновна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры романогерманских языков и межкультурной коммуникации, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. *Сфера научных интересов:* общее языкознание, теория коммуникации, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, теория и практика перевода. *Контактная информация:* e-mail: lan2@mail.ru.

Давид Чарльз Гиллести, доктор наук, профессор русского языка, факультет политики, языков и межкультурных отношений, Университет г. Бат (Великобритания). *Сфера научных интересов:* русская литература, русский кинематограф, русская культура в постсоветский период. *Контактная информация:* e-mail: d.c.gillespie@bath.ac.uk.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КИНОДИАЛОГ VS ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА

В.Е. Горшкова

Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

В статье рассматриваются проблемы перевода кинодиалога в зависимости от жанровой специфики носителя звучащего Слова — художественного и документального фильма. Последний традиционно остается вне поля зрения лингвистов и переводчиков в силу сложившегося мнения об отсутствии выраженной художественно-эстетической составляющей, что значительно «облегчает» перевод, приближая звучащий текст к тексту информационному, доминантой которого является передаваемая информация.

Цель статьи — показать универсальный характер понятия «образ-смысл» в приложении к отдельным кинематографическим жанрам. Материалом исследования послужили французские художественные и документальные фильмы (*The Artist, Il y a longtemps que je t'aime, Espionne pendant la seconde guerre mondiale*) и их переводы на французский и русский языки. Подчеркивается, что нередко отдельные вербальные составляющие (высказывания) приобретают особую важность в контексте художественного кинодиалога, повышая его поэтическую функцию, формируя законченный образ-смысл последнего. Не последнюю роль в этом процессе играют такие лексические элементы, как личные местоимения «ты» и «вы», адекватный перевод которых способствует целостности зрительского восприятия фильма как эстетического феномена. Постулируется, что документальное кино, занимающееся «творческой разработкой действительности», имеет целый ряд точек соприкосновения с игровым в плане соответствия режиссерскому замыслу, формы представления событий и их трактовки в фильме. В этой связи особую актуальность приобретает адекватная передача образа-смысла документального кинодиалога при анализе событий, отстоящих во времени. Доказательством служит переводческий проект, выполненный на материале перевода на русский язык кинодиалога французской документальной ленты «*Espionne pendant la seconde guerre mondiale*».

Ключевые слова: перевод, художественный кинодиалог, документальный кинодиалог, образ-смысл, жанровая специфика

1. ВВЕДЕНИЕ

Если говорить об иерархии видов киноискусства, то, по свидетельству С.И. Фрейлиха, последнюю «можно было бы представить в виде пирамиды, на вершине которой гордо обозначено игровое кино, документальное же вместе с научно-популярным и мультипликационным <...> составляют ее основание» (Фрейлих, 2002:180). Полагаем, что именно этим фактом объясняется гораздо более пристальный интерес исследователей к кинодиалогу художественному в его переводческом аспекте, оставляющих в тени, в роли «бедного родственника», кинодиалог документальный. Свидетельство тому — достаточно скудные упоминания о последнем в трудах переводоведов (Kaufmann, 2008; Kaufmann, 2004; Valentini, 2011). Так, в известном библиографическом труде И. Гамбье, включающем практически исчерпывающий перечень источников по аудиовизуальному переводу, только 21 исследование из 1241 источника трактуют медийные жанры, отличные от художественных. Среди них 6 (!) посвящены документальному кино, десять — информационным передачам, четыре — телевизионным дебатам и одно — рек-

ламным роликам (цит. по [Kaufmann,2004:70]). А в двух специальных выпусках авторитетного канадского переводческого журнала МЕТА, посвященных аудио-визуальному переводу¹, находим лишь одно упоминание о таких фильмах (см. выпуск 2004 г.).

Объяснением такому положению дел может быть сложившееся мнение, что перевод доминирующей в документальных фильмах фактуальной информации не представляет особой трудности в силу отсутствия выраженной художественно-эстетической составляющей, опирается на реальные события, объективное представление которых возрастает благодаря съемкам «с натуры».

Начать рассуждения на заявленную тему нам бы хотелось с упоминания имени представителя «некиношного» мира, а именно французского писателя и философа Ж.-П. Сартра, и рассказать об одном эпизоде из его жизни, скорее всего неизвестном или малоизвестном широкой публике. Дело в том, что в молодости Ж.-П. Сартр работал преподавателем философии в Нормандии, в лицее Франциска I в г. Гавре. В этом лицее существовала традиция: каждое лето по окончании занятий проводилась церемония вручения премий выдающимся выпускникам. По этому случаю один из молодых преподавателей должен был произносить своего рода традиционную речь (*discours d'usage*). 12 июля 1931 г. эта честь выпала Сартру, и он, неожиданно для всех, начал говорить о кино. Впрочем, произошедшее нельзя было назвать случайностью: именно Сартр был вдохновителем лицейского Киноклуба. Не знаем, опубликован ли где-нибудь текст этой речи. Нам ее копию в 1991 г. подарил один из последних учеников Сартра, Жан Жюстиньяни, который присутствовал на церемонии, а со временем стал преподавателем английского языка и руководителем Киноклуба в лицее Франциска I, находящегося на улице, носящей теперь имя великого французского писателя и философа: г. Гавр, ул. Сартра, д. 2.

Приведем лишь несколько фрагментов речи Ж.-П. Сартра, важных в контексте заявленной темы.

- ◆ «Кино — добрый малый, гораздо более близкий нам, связанный с нашей обыденной жизнью. <...> И в этом новом мире вы как у себя дома: вы уже научились ориентироваться в лабиринте его интриг, символов и ритмов. Вам там очень уютно: ничто не ускользает от вашего внимания, никто вас не разочаровывает.
- ◆ <...> именно это искусство вы постигнете прежде других, именно оно подведет вас к тому, чтобы любить красоту во всех ее проявлениях.
- ◆ Ваши родители могут быть спокойны: кино плохому не научит. Это легкое, на первый взгляд, искусство на самом деле отличается чрезвычайной сложностью: ведь по сути оно является отражением современной цивилизации. Кто научит вас красоте мира, в котором вы живете, поэзии скорости, машин, великолепной и бесчеловечной фатальности прогресса? Кто, если не *ваше* искусство — кино? (здесь и далее перевод наш. — В.Г.).

---

¹ Traduction audiovisuelle // МЕТА: journal des traducteurs. 2004. Vol. 49. № 1; La manipulation de la traduction audiovisuelle // МЕТА: Translators' Journal. 2012. Vol. 57. № 2.

Понимаем дискуссионность приведенных слов. Но не забываем: Сартру всего 26 лет, означенная выше речь произносится в 1931 г., когда звуковое кино только-только начинает делать свои первые шаги. Что касается последнего высказывания о том, что кино является *отражением цивилизации*, сам Сартр вызывает слушателей на полемику, приводя слова Анатоля Франса, который был в полном шоке от своего первого посещения кино: «Кино материализует худший народный идеал... Это, конечно, не конец света, но *конец цивилизации*» (выделено нами. — В.Г.).

И еще одна выдержка из речи Сартра:

- ◆ Пиранделло² не без грусти сравнивал кино с павлином из басни. Тот молча распускал свой роскошный хвост и все замирали в восхищении. Но завистливый лис убедил его спеть. Павлин прочистил горло, открыл рот и издал известный вам крик...

Разумеется, все мы прекрасно понимаем, что речь здесь идет о сопоставлении немого и звукового кино. Любители кино наверняка помнят замечательно неоднозначную трактовку этой проблемы в фильме Мишеля Хазанавичуса «Артист» (Франция/Бельгия, 2012 г.), получившем пять Оскаров — за лучший фильм, лучшую мужскую роль (*впервые в истории эту награду получил французский актер Жан Дюжарден*), лучшего режиссера, лучший саундтрек (*композитор Людовик Бурсэ*), лучшие костюмы. Когда за четыре минуты до окончания картины, поставленной в духе немого кино, в зрительный зал вдруг врываются звуки со съемочной площадки (обрывки разговоров, грохот передвигаемого съемочного оборудования, стук падающих предметов, смех...), зритель оказывается близким к состоянию шока. Такого рода контрапункт представляется блестящей находкой режиссера, оправдывающей неприятие звукового кино героем фильма. Но об этом ниже.

Принципиальным для нас в контексте сегодняшнего разговора является факт упоминания Слова/Звука в кино, хотя и в таком несколько гротескном ракурсе. Вспомним в этой связи слова президента Европейской киноакадемии (1996) Вима Вендерса:

- ◆ [...] кино всегда начинается со слов, именно слова определяют, будет ли изображение иметь право на существование.
- ◆ Слова — это та точка невозврата, которую должен пройти фильм, чтобы существовало изображение. Именно здесь кроется неудача многих фильмов.

Полагаем возможным распространить мнение Вима Вендерса на собственно произносимый текст фильма, поскольку неудачный текст тоже может оказаться упомянутой Вендерсом «точкой невозврата», которая в конечном итоге приведет к провалу фильма. Проблема приобретает особую значимость в контексте аудиовизуального перевода.

С самого начала исследований в области аудиовизуального перевода (Caillé, 1960; Cary, 1960; Cateau, 2011, Danan, 1991; Delabastita, 1989; Dries, 1995; Gambier, 2005; Gottlieb, 1998; Gambier, 1996; Machado, 1996; Soh Tatcha, 1997; Горшкова,

² Луиджи Пиранделло — итальянский писатель и драматург (1867—1936).

2015; Горшкова, 2014; Горшкова, 2006) внимание ученых привлекают вопросы многомерности, многоплановости и интерсемиотичности кинотекста, а также возможности манипулятивного воздействия на зрителя посредством вмешательства в вербальный компонент фильма, особенно при использовании такого вида/техники перевода как дублирование. Последнее позволяет заменить содержание акустического канала восприятия вербальными знаками другой языковой системы, отражающими абсолютно иной смысл, не затрагивая визуальный ряд фильма (Горшкова, 2015). Полагаем, что эти рассуждения в равной степени справедливы как в отношении художественного, так и в отношении документального кино.

2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КИНОДИАЛОГ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Начнем с анализа художественного кинодиалога и его перевода.

Как отмечает «гуру сценарного дела» Джон Труби, диалог в фильме как форма коммуникации становится понятнее, если сравнивать его с музыкой (Truby, 2010:414). Дело в том, что, подобно музыкальному произведению, диалог строится на основе ритмов и определенной тональности, распределенных, если продолжить аналогию с музыкой, по нескольким «дорожкам» на некоем носителе. И чем больше таких «дорожек», тем лучше качество текста. Соответственно, кинодиалог представляет собой не просто мелодию, но подлинную симфонию, которая проигрывается на трех основных дорожках: речь идет о нарративных диалогах, диалогах нравоучительных и ключевых словах или ключевых репликах. Именно последнюю составляющую кинодиалога мы относим к смысловым опорам (Горшкова, 2014:115—134), представляющим собой своеобразный вербальный каркас фильма как целого, без которого «симфония» последнего может превратиться в невразумительную какофонию несвязных звуков и пассажей, далеких от той зачастую неосязаемой и даже неосознаваемой зрителем гармонии, которая и делает фильм фильмом.

Так, упомянутый выше фильм «Артист» характеризуется более чем скромным объемом вербального компонента — всего около 70 вставок/интертитров, — что вполне соответствует духу немого кино³. Особенностью данного фильма является сохранение французского интертитра на экране, что позволяет сравнивать оригинальный текст интертитра и накладываемый на него субтитр. Констатируем: из 70-ти субтитров, фигурирующих в фильме «Артист», 18 нуждаются в корректировке. Мы уже не говорим о банальном сверхпереводе:

(1) *Je suis désolée pour hier soir.* ≠

Я сожалею о том, что было прошлой ночью. =

Сожалею, что вчера так получилось (или Сожалею о вчерашнем)

Не говорим и об очевидном калькировании структуры исходного высказывания, приводящем практически к бессмысленности переводного текста. Сравните:

---

³ Для перевода субтитрами полнометражного фильма используются от 900 до 1000 субтитров.

по окончании телефонного разговора, касающегося крушения фондового рынка, Джордж Валантен говорит:

(2) *Il semblerait que nous soyons ruinés.*

≠ **Выглядит так, будто мы потерпели крах.*

= *Похоже, мы разорены.*

Гораздо курьезнее, на наш взгляд, обстоит дело с переводом элементарных личных местоимений «ты/вы». Если судить по французским интертитрам, главный герой всегда был очень корректным со своим водителем и обращался к нему на «вы». По-видимому, переводчик посчитал такое обращение звезды немого кино неадекватным в отношении простого водителя и перевел его реплики во второе лицо единственного числа. Но с этим еще можно было как-то смириться, учитывая своего рода фоновую роль, которую играет водитель в развитии действия фильма. Хотя фон фону рознь: ведь именно водитель оказывается самым преданным Валантену человеком, протягивающим последнему руку помощи в самые трудные моменты его жизни. Соответственно, даже такая фоновая роль должна четко проигрываться на одной из дорожек, создающих, в терминах используемой выше метафорики, «симфонию» фильма. В случае, когда создаваемая персонажем «мелодия» звучит невнятно, если не сказать неадекватно происходящему на экране, это может вызвать, по меньшей мере, досаду искушенного зрителя. Не случайно, обращаясь к начинающим сценаристам, тот же Д. Труби говорит о том, что при написании сценария «следует отслеживать уникальную манеру говорения каждого персонажа» (Truby, 2010:457).

Однако, как это ни печально, аналогичная стратегия используется при переводе реплик молоденькой актрисы, влюбленной в Валантена и преклоняющейся перед его талантом. К концу фильма, когда героиня Беренис Бежо, Пеппи Миллер, пытается спасти своего кумира, сначала скупив на аукционе его личные вещи, а затем, приютив его после пожара у себя дома, их отношения меняются качественно, что находит свое эксплицитное проявление в переходе Пеппи на «ты». (Вспомним Пушкина: «Пустое ВЫ сердечным ТЫ она, обмолвись, заменила...»!). Переводчик же упорно сохраняет при переводе отстраненно-почтительное «вы», позволив героине перейти на «ты» только в самый последний момент, за 7 мин. до окончания фильма. Тем самым нарушается образ-смысл фильма, отражающего *постепенное* сближение героев, *постепенное* сокращение разделяющей их дистанции. Мелочь? Отнюдь!

Предвидим возражения. Поскольку фильм снят в Голливуде и рассказывает об американском актере, вероятнее всего, герои фильма говорят на английском языке, где универсальное *you* стирает упомянутые выше ограничения. Но на экране-то мы видим французский текст и констатируем то, что вынуждены констатировать. В данном контексте любопытно свидетельство французской переводчицы, специалиста в области аудиовизуального перевода, Изабеллы Одино: «Необходимость двойного перевода преумножает количество переводческих ошибок, особенно, когда речь идет об английском языке, отличающемся отсутствием конкретики, в частности, в плане обращения на «ты». Так, не зная языка, невозможно

с уверенностью утверждать, в каких отношениях находятся говорящие, обращаются они друг к другу на «ты» или на «вы». Поскольку для английского языка эти различия непринципиальны, переводчику необходимо определить момент естественного перехода на «ты», свидетельствующего о начале более тесных дружеских или любовных отношений. Но у каждого свое представление о предмете. Это особенно забавно в отношении старых фильмов, когда в ходе развития любовной истории переводчик вводит обращение на «ты» сразу после первого поцелуя. В жизни люди гораздо труднее переходят на такой уровень общения. Иногда это происходит в тот момент, когда персонажи, говорящие на английском языке, начинают обращаться друг к другу по имени. Что касается перевода современных фильмов, я стараюсь, по возможности, как можно раньше переходить на „ты“, чтобы избежать комичности при дубляже название „Le Port de la drogue“ (букв. «Гавань наркотиков»))» (Voillat, 2013:19).

Столь пространный комментарий небольшой, на первый взгляд, проблемы не случаен. Вспомним в этой связи сетования известной французской актрисы Изабель Аджани, избранной в мае 1997 г. председателем жюри Каннского фестиваля⁴: «Я открыла для себя проблему, на которую почти не обращают внимания, проблему переводчиков. Они же могут полностью исказить или свести на нет восприятие фильмов».

Действительно, исследования показывают, что и дублирование, и перевод субтитрами в значительной мере изменяют соотношение между изображением и звуком в кино, оказывая тем самым значительное влияние на восприятие зрителя. С точки зрения культурологической дублированный текст может отодвинуть на второй план или полностью закамуфлировать событие, весьма важное для зрителей оригинальной версии фильма. Подтверждением сказанному служит пример дублирования на французский язык оscarоносного фильма выдающегося американского сценариста и кинорежиссера австрийского происхождения Билли Уайлдера «Сансет Бульвар» (Billy Wilder “Sunset Boulevard”) (Jullier, 2012:312—313). В оригинальной версии герой фильма по имени Джо, безуспешно пытающийся завоевать Голливуд, отправляется на вечеринку, организованную одним из его друзей, Арчи Грином, который представляет его присутствующим следующими ироничными словами: «Парни! Вы все знаете Джона Гиллиса, знаменитого сценариста, торговца ураном и основного подозреваемого в деле Далии Нуар». Во французской версии эта реплика принимает следующий вид: «Братья! Вы все знаете Джона Гиллиса, модного сценариста, пользующегося газом, и любителя полосатых носков». Мало того, что упоминание носков в полоску вообще не несет никакой смысловой нагрузки. Переводчики, по-видимому, посчитали, что в когнитивном багаже французских зрителей отсутствует информация о деле молодой женщины, убитой и обезображенной в Лос-Анджелесе в 1947 г. Однако эта информация весьма важна для создателей фильма, поскольку Джо Гиллис не только

---

⁴ J’ai découvert un problème auquel on ne prête pas assez attention, celui des interprètes. Ils peuvent fausser ou amoindrir la perception des oeuvres.

пытается завоевать место под солнцем Голливуда, этой известной «фабрики грез», но даже проживает в Лос-Анджелесе по тому же адресу и найден мертвым, как и убитая Элизабет Шорт.

К сожалению, подобный «перевод» не всегда так «безобиден». Крайней степенью проявления влияния дублирования на восприятие зрителей оказывается намеренное изменение текста оригинальной версии фильма в манипулятивных или идеологических целях. Так, во времена холодной войны на французском языке был дублирован фильм американского режиссера Сэмюэла Фуллера «Происшествие на Саут-стрит» (*Pick Up on South Street, 1952*). Сюжет оригинальной версии фильма основывался на краже в пользу русских американского микрофильма с формулой для создания атомного оружия. После дубляжа политический вопрос уступил место банальной истории о бандитах, торгующих наркотиками!

Обратимся теперь к упомянутому выше понятию образа-смысла. Понятие это выводится нами в развитие идей французского философа, теоретика кино, Жюлья Делёза, понимающего кино как технологию производства образов, как стихию движения и изменчивости. В своем знаменитом труде, посвященном кино, автор выявляет два образа — образ-движение и образ-время, являющиеся неотъемлемыми составляющими последнего (Делёз, 2004). В чисто техническом смысле образ-движение создается благодаря подвижной камере, монтажу и плану, организующим наше восприятие фильма. (Сравните в этой связи знаменитое высказывание Ж.-Л. Годара: «*Le sens de mes films vient toujours au montage, quoi qu'il arrive*» — *Смысл моих фильмов заключен в монтаже, что бы ни случилось*).

В свою очередь, образ-время (идея фильма) вступает с образом-движением в отношении «часть—целое». Выводимая нами третья составляющая образов в кино — образ-смысл, заложенный в фильме — должна расшифровываться зрителем, и в этом огромную роль играет звучащее Слово (Горшкова, 2014, 2010). Именно образ-смысл способствует завершению гармоничности представления фильма как симфонии (*звучащей* музыки!), несмотря на то, что кино относят прежде всего к *визуальному* виду искусства.

Проиллюстрируем сказанное на примере пронзительного поэтического фильма «Я так давно тебя люблю» («*Il y a longtemps que je t'aime*», Франция, 2008 г.), поставленного известным французским писателем Филиппом Клоделем, впервые выступившим в роли режиссера и с первой попытки заслужившим признание мирового кинематографического сообщества: фильм получил престижные премии Сезар 2009 как лучший первый фильм и за лучшее исполнение роли второго плана актрисой Эльзой Зильберштайн.

Почему мы относим этот фильм к поэтическому кино? Разумеется, мы могли бы опереться здесь на один из последних зрительских комментариев: *Merci pour ce moment de poésie*. Но останемся в русле научного исследования. На наш взгляд, такая трактовка практически полностью отвечает критериям поэтического кино, входящим в алгоритм анализа по Ж. Женевре (Genevray, 2014). Исследователь полагает, что поэтичность фильма определяется не жанром фильма (в нашем случае это драма), а скорее особым видением режиссера и режиссерским подходом к представлению событий, а не самими событиями.

Каковы же эти критерии?

1. Простой герой, трогательный в своей простоте.

2. Герой, отличающийся детской непосредственностью, некоторым просто-душием в восприятии окружающего мира, обуруаемый самыми естественными и простыми желаниями.

3. Многочисленные отсылки к прошлому, к воспоминаниям детства, что вызывает живую реакцию зрителя, поскольку в каждом взрослом живут трогательные воспоминания нередко идеализируемого детства.

4. Введение фантастических или сюрреалистических элементов.

За исключением, пожалуй, последнего критерия, перечисленным выше соответствует не главная героиня фильма, а ее сестра Леа, отвечающая указанным характеристикам и достраивающая образ-смысл фильма во всей его полноте. Объясним нашу позицию.

Ранее мы уже давали обоснование подхода к тексту кинодиалога как к единице перевода (Горшкова, 2014, 2010). Как показывает анализ, такая трактовка не чужда целому ряду исследователей. Сравните:

- ◆ «единицей перевода является Целое, и лишь представление этого Целого позволяет с достаточной мерой точности трактовать отдельные детали» (Catteau, 2011);
- ◆ «смысл не является устойчивой сущностью, это результат процесса интерпретации, осуществляемой в определенном социокультурном и историческом контексте на основе индивидуального опыта каждого читателя [читай зрителя. — В.Г.]» (Şerban, 2008:86).

Если понимать образ-смысл как нечто «целостное, внутреннее, дающее возможность познать целое, достраиваемое на основе представления о начале, середине, конце фильма, имеющегося опыта и знания» (Колодина, 2014:255), то анализируемый фильм и текст кинодиалога демонстрируют очевидную интертекстуальность. Так, название фильма представляет собой первую строку из припева народной французской песни, известной каждому франкофону:

(3) *Il y a longtemps que je t'aime,
Jamais je ne t'oublierai.*

Эта строка служит мощной смысловой опорой всего кинодиалога. Во-первых, нашу героиню зовут Жюльет Фонтен — Fontaine, что в переводе на русский язык означает *фонтан*, а звучащая песня начинается словами «A la claire fontaine...». Соответственно, означенная песня проходит лейтмотивом через весь фильм — то звучащим музыкальным фоном, то напеваемая одной из героинь, то создавая интертекстуальную отсылку в сцене, когда наши героини играют ее в четыре руки, вдохновленные нахлынувшими на них воспоминаниями детства. Важность этой музыкальной составляющей очень хорошо подчеркнута в одном из зрительских комментариев:

Un pur moment de bonheur cinématographique sur une petite note musicale de J.L. Aubert super agréable. — Истинное наслаждение фильмом, сопровождаемым очаровательной ненавязчивой музыкой Ж.Л. Обера.

В этом плане мы полностью разделяем точку зрения Ж.-Ф. Корню (Cornu, 2014), отмечающего, что «голос поющий создает гораздо бóльший эффект присутствия, чем голос говорящий. Слова песни в фильме, как правило, несут двойную функцию, нарративную и эстетическую: содержащаяся в них информация может способствовать развитию действия или содержать определенные размышления по поводу последнего. Форма песенного представления (стихотворная, рифмованная, музыкальная) участвует в общем эстетическом представлении кинематографического произведения, органично вписываясь в визуальную и звуковую ткань фильма или добавляя к ней некий новый элемент. При субтитровании песенного фрагмента важно не только восстановление смысла: необходимо передать означенную двойную функцию слов для сохранения эстетической составляющей этого фрагмента или всего фильма» (Cornu, 2014:388—389).

К сожалению, вполне эквивалентный перевод названия фильма «Я так давно тебя люблю» не создает искомой интертекстуальности, учитывая отсутствие соответствующего когнитивного багажа у потенциальных зрителей, не знакомых с культурным наследием Франции в области песенного творчества. Но будем объективны: такой перевод оказывается вполне адекватным в плане характеристики героини Эльзы Зильберштайн, сестры главной героини, пронесшей любовь к своей старшей сестре через долгие пятнадцать лет, пока последняя находилась в тюремном заключении. Доказательство тому — бесчисленные записи в ее дневнике, каждая страница которого начиналась с упоминания имени сестры, которую она почти не помнила, но образ которой хотела сохранить в своем сердце, несмотря на категорический запрет родителей.

Второй смысловой опорой фильма представляется фраза Жюльет (4) *Je ne suis pas encore là* (*Я еще не здесь*), произнесенная героиней, когда она отказывает Мишелю в интимной близости. Героиня еще не рассталась со своим прошлым, она «еще не готова» начать новую жизнь. Эта фраза приобретает совершенно иное звучание в момент, когда Жюльет находит в себе силы рассказать вслух о том, что произошло пятнадцать лет назад, почему она оказалась в тюрьме. Жюльет не убила своего сына, своим поступком она избавила его от невыносимых страданий. В этой связи очень символично звучит ее фраза в конце фильма, когда Мишель заходит за сестрами домой и, не видя никого из обитателей, громко спрашивает, где они. (5) *Je suis là*, — просветленно откликается Жюльет, нашедшая полное понимание со стороны своей младшей сестры. Такие простые, на первый взгляд, высказывания: *Je ne suis pas encore là* / *Je suis là*, не просто демонстрируют антонимичность грамматической формы глагола. В них заложен образ-смысл фильма как целого и кинодиалога как его части: в героине произошел психологический перелом, она снова открыта к этой новой жизни, и, главное, она готова к этому. Отсюда и перевод этих высказываний:

(4) *Je ne suis pas encore là*. — *Я еще не готова*.

(5) *Je suis là*. — *Я здесь / Иду*.

3. ОБРАЗ-СМЫСЛ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНОДИАЛОГА

Рассмотрим теперь перевод документального кино, достаточно редко становящийся предметом исследования как в плане лингвистическом, так и в плане собственно переводческом.

Не будем рассуждать об отнесении/неотнесении этого вида кино к искусству. Доверимся авторитетному мнению упомянутого выше теоретика кино С.И. Фрейлиха, для которого такая постановка вопроса вообще не имеет под собой оснований: «Документальное кино работает на зрителя не только прямым путем, но и косвенным, поскольку работает на искусство в целом» (Фрейлих, 2002:182). Именно это обстоятельство и определило, по-видимому, в свое время отнесение документального кино Джоном Грирсоном к «творческой разработке действительности». Не случайно специалисты в области документального кино говорят о таких его параметрах, как непредсказуемость, импровизация и психологичность, несмотря на то, что в основе съемок лежат подлинные события и лица: «Внезапно пришедшие новые идеи, кадры, придуманные на площадке, пойманные события очень часто украшают документальное кино, а нередко становятся его основой. Важно уметь вовремя перестроиться и не упустить момент» (Основы кино, 2016 URL). И хотя этот жанр также строится на определенном сценарии, которым руководствуется режиссер, главным в документальном кино остаются его герои и звук как важная его составляющая даже при съемках-наблюдениях, поскольку «через звук лучше чувствуется атмосфера происходящего и состояние героя» (Там же). В этом мы видим пересечение, точки соприкосновения двух жанров, позволяющие отнести оба этих жанра к искусству, а именно к искусству кинематографическому.

И здесь мы оказываемся перед лицом некой трихотомии. С точки зрения кинематографической дискуссией представляется вопрос авторства документального фильма⁵, с точки зрения лингвистической — проблема аутентичности/реальности произносимого в кадре и за кадром (в сопоставлении с «мнимой реальностью» художественного кино), с точки зрения переводческой — степень участия переводчика на различных этапах создания такого рода фильмов. В последнем случае возникает целый ряд вопросов:

- ◆ Может ли переводчик быть уверен в точности передачи доверенного ему аутентичного документа?
- ◆ Какова степень верности перевода намерениям говорящих, представляемых видеорядом, или, по крайней мере, замыслу режиссера?
- ◆ Какой переводческой стратегии придерживается переводчик — маркетинговой стратегии производителя, направленной на продажу конечного продукта, в данном случае документального фильма, или стратегии, направленной на покупателя, то есть зрителя, или стратегии удовлетворения требований заказчика? (Kaufmann, 2008).

---

⁵ Вспомним знаменитое чаплинское: «В художественном кино режиссер является Богом, в документальном — Бог является режиссером» (цит. по [Кубеев, 2010: 246]).

Мы не будем рассматривать все означенные выше аспекты и обратимся к трактовке документального кино на уровне, если так можно выразиться, «утилитарном» на примере учебного перевода двадцатиминутного документального фильма «*Espionne pendant la seconde guerre mondiale*» (Франция, 2012), выполненного в рамках студенческого переводческого проекта, приуроченного к празднованию семидесятилетия Великой Победы.

При работе с документальным фильмом следует помнить, что последний представляет собой жанровую разновидность кино, основанного на реальных событиях, предполагающих, по умолчанию, достоверность излагаемых фактов. Как ни парадоксально, перевод фильма «*Espionne pendant la seconde guerre mondiale*» выявил ряд несколько неожиданных проблем, лишний раз убеждающих нас в необходимости тщательной и скрупулезной работы переводчика на этапе переводческого анализа текста.

Напомним, что анализируемый фильм повествует о проведении ряда секретных операций, организованных спецподразделением британской разведки в 1943 г. на территории оккупированной Франции. Соответственно, закадровый текст содержит описание видов деятельности лиц, прошедших специальную подготовку для подпольной работы на территории, занятой врагом. Казалось бы, эти события не так далеко отстоят во времени хронологически, о них написано немало книг, снято бесчисленное количество фильмов, передач на телевидении, эти события получили самое широкое освещение в сети Интернет. Но, как показала практика перевода фильма, за истекший период сменилось не одно поколение, и те реалии военного времени, которые представлялись само собой разумеющимися нашим отцам и дедам, стали в некоторой степени «экзотическими» для поколения сегодняшних двадцатилетних, что отразилось прежде всего в переводе лексики военного времени семидесятилетней давности.

1. Начнем с названия фильма. Первая редакция перевода — «*Шпионки во время Второй мировой войны*». Как видим, при таком варианте перевода не учитывается образ-смысл фильма (см. выше), предполагающий положительную коннотацию при оценке деятельности означенной группы лиц, в составе которых были только женщины как вызывающие гораздо меньше подозрений, чем мужчины, при появлении на оккупированной территории. Соответственно, *шпионки* должны быть заменены эквивалентом *разведчицы*, что особенно показательно при переводе подзаголовка «*Espionnes intrépides — Отважные разведчицы*», но никак не *Отважные шпионки.

2. Как следствие, *école d'espionnage* предстает в русскоязычном тексте не как *школа шпионажа*, а как *разведшкола*.

3. При переводе документального фильма, посвященного Второй мировой войне, когнитивный багаж переводчика с необходимостью должен содержать ряд исторических реалий того времени, получивших устойчивые эквиваленты в русском языке. Соответственно, помимо собственно лингвистического тема-рематического членения приведенного ниже высказывания необходимо обратить особое внимание на перевод реалии *Résistance française*, основной целью которого было

оказание сопротивления на территориях, занятых войсками Третьего рейха и их союзниками, как *Движение Сопротивления*:

- (6) Un agent secret est parachuté en France occupée. Une femme. Une des cinquante <...> envoyées derrière les lignes ennemis pour aider la Résistance française.
≠ * *Тайный агент, сброшенный на парашюте в оккупированную Францию. Женщина. Одна из пятидесяти <...>, отправленных в тыл врага, чтобы помочь Сопротивлению Франции.*
= На территорию оккупированной Франции сброшен тайный агент. Женщина. Одна из пятидесяти <...>, отправленных в тыл врага, чтобы помочь Французскому Сопротивлению.

4. И, конечно же, откровенно комично обращение к «ложным друзьям» переводчика, свидетельствующее о недостаточной сформированности профессиональной компетенции, требующей умения находить требуемый контекстуальный эквивалент:

- ♦ *saboter une locomotive* ≠ *саботировать локомотив* = совершать диверсии на железной дороге;
- ♦ *réseau du sabotage* ≠ *сеть саботажа* = диверсионная сеть;
- ♦ *On lui remet des papiers complets.* ≠ *Ей выдают полный комплект ценных бумаг.* = Ей выдают полный комплект документов.
- ♦ <...> *elle sort de son sac l'aspirateur dans lequel est logée sa radio.* ≠ <...> *она достает из своей сумки пылесос с встроенным в него радио.* = <...> в которм прячет радиопередатчик.

5. Довольно сложным для перевода оказался термин *nom de code*, используемый при представлении личных дел разведчиц в фильме. Первая редакция *кодовое имя*, на наш взгляд, объясняется его современным употреблением в виртуальных играх и художественных фильмах и относится скорее к названиям различного рода военных и политических операций (например, к/ф «Кодовое имя „Джеронимо“», США, 2012 г.). Такое же объяснение можно дать и варианту *оперативный псевдоним* (вспомним название одноименного российского сериала 2003—2005 гг.). Совершенно неприемлемы соответствия *прозвище, кличка* (или *погоняло*) используемые, как правило, с отрицательной или уничижительной коннотацией: следует помнить о контексте фильма, где речь идет о женщинах-радистках. Следовательно, рекомендуемым эквивалентом к термину *nom de code* полагаем *позывной*.

Описанные выше погрешности перевода закадрового текста документального фильма объясняется недостаточным когнитивным багажом переводчика, некоторой его самонадеянностью в плане знания исторических фактов и реалий, игнорированием этапа тщательного предпереводческого анализа.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование свидетельствует об универсальном характере понятия «образ-смысл» в приложении как к переводу художественного кинодиалога, так и к переводу кинодиалога документального, учитывая факт отнесения обоих жанров к области кинематографического искусства. Успешное воплощение по-

следнего опирается на скрупулезную передачу малейших смысловых нюансов исходного текста, вплоть до адекватной передачи личных местоимений «ты» и «вы».

И если перевод художественного кинодиалога в целом подчиняется требованиям, предъявляемым к собственно художественному переводу, то в случае с документальным кино особую важность представляет передача маркеров времени культуры (соответствующей терминологии, номинации исторических событий), служащих смысловыми опорами документального кинодиалога. Сказанное обуславливает необходимость наличия обширного когнитивного багажа переводчика, недостаток или отсутствие которого могут привести к неоправданным искажениям исторических фактов, «картины мира», характеризующей конкретную эпоху.

И еще один чрезвычайно важный момент. Переводчику надлежит помнить о том, что именно благодаря переводу мы постигаем свой родной язык. Как отмечает японский переводовед Накайи Йошиказу, «перевод учит уважению к языку Другого, а также скромности в отношении своего родного языка. Какой бы краткой не была дистанция между двумя языками, достижение идеальной эквивалентности требует определенных усилий. Само по себе отдельно взятое слово неперевердимо» (Nakaji, 2002:66).

© Горшкова В.Е., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горшкова В.Е. Эстетика аудиовизуального перевода Жана-Франсуа Корню в парадигме системной трансдисциплинарности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 22—37.
- Горшкова В.Е. и др. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод / Под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. URL: <http://gucont.ru/efd/326468>.
- Горшкова В.Е. Перевод кинодиалога в свете концепции Жюль Делёза // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 16—26.
- Горшкова В.Е. Перевод в кино: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2006. URL <http://gucont.ru/efd/199913>.
- Делёз Ж. Кино I. Образ-движение. Кино II. Образ-время. М.: Ad Marginem, 2004.
- Колодина Е.А. Образ-смысл как генератор и актуализатор смысла в пространстве кинодискурса // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: коллективная монография / Под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 247—278.
- Кубеев М.Н. 100 великих людей, изменивших мир. М.: Вече, 2010.
- Основы документального кино. (Дата обращения: 25.04.2016). <http://media-shoot.ru/publ/64-1-0-403>.
- Фрейлих С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М.: Академический проект, 2002.
- Boillat, A., Cordonier, L. (2013). La traduction audiovisuelle : contraintes (et) pratiques. Entretien avec Isabelle Audinot et Sylvestre Meininger // *Décadrages. Cinéma à travers champs*. Dossier: le doublage. № 23—24, 9—27.
- Caillé P.-F. (1960). Cinéma et Traduction. Le Traducteur devant l'Écran // Babel. Numéro spécial «Cinéma et traduction», Vol. VI. № 3, 103—109.
- Cary, E. (1960). La Traduction Totale // Babel. Numéro spécial «Cinéma et traduction», Vol. VI. № 3, 110—115.

- Catteau, J. (2011). Un art de la métaphore filmique // Traduire en images. № 41, 26—30. Режим доступа: <http://www.ataa.fr/blog/tag/svetlana-geier>.
- Cornu, J.-F. (2014). *Le doublage et le sous-titrage*. Histoire et esthétique. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
- Danan, M. (1991). Dubbing as an expression of nationalism // META. 36 (4), 606—614.
- Delabastita, D. (1989). Translation and Mass Communication: Film and TV Translation as Evidence of Cultural Dynamics // Babel. 35 (4), 193—218.
- Dries, J. (1995). *Dubbing and Subtitling: Guidelines for Production and Distribution*. Düsseldorf: European Institute for the Media.
- Gambier, Y. (2002). Circulez, il y a à voir... aspects multiformes de «l'adaptation» cinématographique // Identité, altérité, équivalence? La traduction comme relation: Actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 24, 25 et 26 mai 2000. Paris: Caen: Lettres modernes Minard, 339—358.
- Genevray, J. (2014). *A la manière des grands réalisateurs*. Boulogne-Billancourt: MA EDITIONS.
- Gottlieb, H. (1998). Subtitling // Routledge encyclopedia of translation studies. In M. Baker (éd.). London: New York: Routledge, 244—248.
- Jullier, L. (2012). *Analyser un film. De l'émotion à l'interprétation*. Paris: Flammarion.
- Kaufmann, F. (2008). Le sous-titrage des documentaires: défis et enjeux de l'établissement du texte de départ // La traduction audiovisuelle. Approche interdisciplinaire du sous-titrage. Bruxelles: De Boeck, 69—83.
- Kaufmann, F. (2004). Un exemple d'effet pervers de l'uniformisation linguistique dans la traduction d'un documentaire: de l'hébreu des immigrants de «Saint-Jean» au français normatif d'ARTE // META: Journal des traducteurs. № 1. Vol. 49, 148—160.
- Les transferts linguistiques dans les médias audiovisuels (1996). In Y. Gambier (éd.). Paris: Septentrion.
- Machado, J. (1996). *La traduction au cinéma et le processus de sous-titrage de films: thèse de doctorat*. Paris: Université de Paris III.
- Nakaji Yoshikazu. (2002). L'œuvre poétique entre traduction et création [Ressource électronique] / Yoshikazu Nakaji // Littérature. № 125, 66—72. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/litt_0047-4800_2002_num_125_1_1746 (дата обращения: 15.09.2015).
- Raynaud, I. (2014). *Lire et écrire un scénario: Le scénario de film comme texte*. Paris: Armand Colin.
- Șerban, A. (2008). Les aspects linguistiques du sous-titrage // La traduction audiovisuelle. Approche interdisciplinaire du sous-titrage. Bruxelles: De Boeck, 85—99.
- Soh Tatcha Ch. (1997). *Sens et doublage cinématographique: thèse de doctorat*. Paris: Université de Paris III.
- Truby, J. (2010). *Anatomie du scénario*. Paris: Nouveau Monde Editions.
- Valentini C. (2011). *La traduction des références culturelles dans le doublage pour le cinéma et la télévision: résultats d'une analyse empirique // Traduction et médias audiovisuels*. Paris: Septentrion, 93—109.

Источники примеров

1. Espionne pendant la seconde guerre mondiale (France, 2012).
2. The Artist (Франция, 2013).
3. Il y a longtemps que je t'aime (France, 2008).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2016

Дата принятия к печати: 29 июня 2016

Для цитирования:

Горшкова В.Е. Художественный кинодиалог vs документальный: жанровая специфика перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 243—259.

Сведения об авторе:

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения, Иркутский государственный университет, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации. *Сфера научных интересов*: перевод и переводоведение, аудиовизуальный перевод, дискурс-анализ, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: e-mail: prof.gorshkova@yahoo.fr

FICTION FILM DIALOGUE VS DOCUMENTARY FILM DIALOGUE: GENRE PECULIARITIES OF TRANSLATION

V.E. Gorshkova

Irkutsk State University
1, Karl Marks Str., 664003, Irkutsk, Russia

The article gives an analysis of the film dialogue translation depending on the genre peculiarities of a spoken word medium, i. e. of a fiction film and of a documentary. The latter is traditionally disregarded by linguists and translators due to an established opinion that it lacks an overt literary aesthetic component. Thus it makes a documentary much easier to translate and its text gets closer to the information text the translation dominant of which is to render its information component.

The article analyses an universal character of image-sense applied to different cinematographic genres. This thesis is demonstrated with examples from fiction and documentary film dialogues such as *The Artist*, *Il y a longtemps que je t'aime*, *Espionne pendant la seconde guerre mondiale* translated into French and Russian.

It is highlighted that particular verbal components/utterances quite often get especially crucial in the context of the film dialogue increasing its poetic function and creating a complete image-sense. Such lexical units as personal pronouns «ты» and «вы» (you as the 2nd person singular in Russian and the 2nd person plural, respectively) have no small share in the above process as their adequate translation contributes to the audience's integral perception of the film as an aesthetic phenomenon.

It is postulated that a documentary that deals with «the creative elaboration of the reality» has a lot in common with a fiction film in the regard of its compliance with the director's intention, the presentation of the sequence of events and their respective interpretation in the film. In this regard the adequate rendering of the image-sense of a documentary is especially vital in the analysis of events separated in time. That supposition can be backed up by a translation project carried out on the material of the film dialogue translation of the documentary «*Espionne pendant la seconde guerre mondiale*» from French into Russian.

Key words: translation, fiction film dialogue, documentary film dialogue, image-sense, genre peculiarity

REFERENCES

- Boillat A., Cordonier L. (2013). La traduction audiovisuelle: contraintes (et) pratiques. Entretien avec Isabelle Audinot et Sylvestre Meininger. *Décadrages. Cinéma à travers champs. Dossier: le doublage*, № 23 (24), 9—27.
- Caillé P.-F. (1960). Cinéma et Traduction. Le Traducteur devant l'Écran // *Babel. Numéro spécial «Cinéma et traduction»*, Vol. VI. № 3, 103—109.

- Cary E. (1960). La Traduction Totale // *Babel. Numéro spécial «Cinéma et traduction»*. Vol. VI. № 3, 110—115.
- Catteau J. (2011). Un art de la métaphore filmique // *Traduire en images*. № 41, 26—30
- Cornu J.-F. (2014). *Le doublage et le sous-titrage. Histoire et esthétique*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2014.
- Danan, M. (1991). Dubbing as an expression of nationalism // *META*. 36 (4), 606—614.
- Delabastita, D. (1989). *Translation and Mass Communication: Film and TV Translation as Evidence of Cultural Dynamics* // *Babel*. 35 (4), 193—218.
- Dries, J. (1995). *Dubbing and Subtitling: Guidelines for Production and Distribution*. Düsseldorf: European Institute for the Media.
- Deljoz Zh. (2004). *Kino I. Obraz-dvizhenie. Kino II. Obraz-vremya* [Cinema I. Image-movement. Cinema II. Image-time]. M.: Ad Marginem (In Russian).
- Freilikh C.I. (2002). *Teoriya kino: Ot Eyzenshtejna do Tarkovskogo* [Theory of the cinema: from Eisenstein to Tarkovskiy]. Moscow: Akademicheskij proekt (In Russian).
- Gambier Y.(éd.). (1996). *Les transferts linguistiques dans les médias audiovisuels*. Y. Paris: Septentrion.
- Gambier, Y. (2002). Circulez, il y a à voir... aspects multiformes de «l'adaptation» cinématographique // Identité, altérité, équivalence? La traduction comme relation: Actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 24, 25 et 26 mai 2000. Paris: Caen: Lettres modernes Minard, 339—358.
- Genevray, J. (2014). *A la manière des grands réalisateurs*. Boulogne-Billancourt: MA EDITIONS.
- Gorshkova V.E. (2006). *Perevod v kino* [Film translation]. Irkutsk: ИГЛУ (In Russian).
- Gorshkova V.E. et al. (2014). In V.E. Gorshkova (Ed.), *Kinodialog. Obraz-smysl. Perevod* [Film dialogue. Image-sense. Translation]. Irkutsk: MGLU EALI.
- Gorshkova V.E. (2015). Estetika audiovizual'nogo perevoda Zhana-Fransua Kornyu v paradigme sistemnoi transdistsiplinarnosti [Aesthetics of audiovisual translation by Jean-François Cornu within the paradigm of systemic transdisciplinarity]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, № 3, 22—37 (In Russian).
- Gorshkova V.E. (2016). *Perevod kinodialoga v svete kontseptsii Zhilya Delyoza* [Film dialogue translation in the light of Gilles Deleuze's conception]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 1, 16—26 (In Russian).
- Gottlieb, H. (1998). *Subtitling* // *Routledge encyclopedia of translation studies*. In M. Baker (éd.). London: New York: Routledge, 244—248.
- Jullier, L. (2012). *Analyser un film. De l'émotion à l'interprétation*. Paris: Flammarion.
- Kaufmann, F. (2004). Un exemple d'effet pervers de l'uniformisation linguistique dans la traduction d'un documentaire: de l'hébreu des immigrants de «Saint-Jean» au français normatif d'ARTE // *META: Journal des traducteurs*. № 1. Vol. 49, 148—160.
- Kaufmann, F. (2008). Le sous-titrage des documentaires : défis et enjeux de l'établissement du texte de départ // *La traduction audiovisuelle. Approche interdisciplinaire du sous-titrage*. Bruxelles: De Boeck, 69—83.
- Kolodina E.A. (2008). In V.E. Gorshkova (Ed.), *Obraz-smysl kak generator i aktualizator smysla v prostranstve kinodiskursa* [Film dialogue. Image-sense. Translation]. Irkutsk: MGLU EALI, 247—278 (In Russian).
- Kubeev M.N. (2010). *100 velikikh lyudei izmenivshikh mir* [100 great men having changed the world]. Moscow: Veche (In Russian).
- Osnovi dokumental'nogo kino (2016, April 04). [Fundamental principles of documentary film]. Retrieved from: <http://media-shoot.ru/publ/64-1-0-403>

- Machado, J. (1996). La traduction au cinéma et le processus de sous-titrage de films: thèse de doctorat. Paris: Université de Paris III.
- Nakaji Yoshikazu. (2015, September 15). L'œuvre poétique entre traduction et création [Ressource électronique] // *Littérature*. № 125, 66—72. Retrieved from: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/litt_0047-4800_2002_num_125_1_1746.
- Raynaud, I. (2014). *Lire et écrire un scénario: Le scénario de film comme texte*. Paris: Armand Colin.
- Șerban, A. (2008). *Les aspects linguistiques du sous-titrage // La traduction audiovisuelle. Approche interdisciplinaire du sous-titrage*. Bruxelles: De Boeck, 85—99.
- Soh Tatcha Ch. (1997). *Sens et doublage cinématographique*: thèse de doctorat. Paris: Université de Paris III.
- Truby, J. (2010). *Anatomie du scénario*. Paris: Nouveau Monde Editions.
- Valentini C. (2011). La traduction des références culturelles dans le doublage pour le cinéma et la télévision: résultats d'une analyse empirique // *Traduction et médias audiovisuels*. Paris: Septentrion, 93—109.

Sources

1. Espionne pendant la seconde guerre mondiale (France, 2012).
2. The Artist (France, 2013).
3. Il y a longtemps que je t'aime (France, 2008).

Article history:

Received: 21 May 2016

Revised: 14 June 2016

Accepted: 29 June 2016

For citation:

Gorshkova V. (2016). Fiction Film Dialogue Vs Documentary Film Dialogue: Genre Peculiarities of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 243—259.

Bio Note:

Vera E. Gorshkova, Professor at Department of Translation and Translatology, Irkutsk State University, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication. *Research Interests*: Theory and Practice of Translation, Audiovisual Translation, Discourse-Analysis, Intercultural Communication. *Contact information*: prof.gorshkova@yahoo.fr.

ХРОНИКА CHRONICLE

РЕЦЕНЗИИ

**Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод.
Коллективная монография под общ. ред.
проф. В.Е. Горшковой. — В.Е. Горшкова, Е.А. Колодина,
Е.В. Кремнёв, И.П. Федотова, Е.О. Фирсова.
Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. — 367 с.**

Будучи явлением многомерным и многоплановым, кинофильм не раз становился объектом изучения разных наук, таких как семиотика, литературоведение, эстетика, киноведение, культурология, психолингвистика, лингвистика, переводоведение и др. Такое внимание, безусловно, является следствием той роли, которую играет кино в жизни современного общества. Вместе с тем работы, которые появились за последние десятилетия, как в России, так и зарубежом, и излагающие разные теоретические положения, свидетельствуют о неуклонном интересе к кинофильму, кинодискурсу, а также дают основания полагать, что не все пробелы, связанные с этой сферой, уже восполнены. В этом отношении, рецензируемая коллективная монография под редакцией профессора В.Е. Горшковой выделяется особо, поскольку представляет собой целостное научное произведение, актуальность и новизна которого не вызывают сомнений.

Все главы монографии подчинены одной общей цели — выявлению сущности кинодиалога как особого текстового феномена, обладающего собственными характеристиками, выделяющими его из ряда других текстовых образований и требующего особого процессоориентированного подхода к переводу в силу непреложной ориентированности на видеоряд фильма и используемую технику перевода.

Структурно монография включает восемь глав, последовательно раскрывающих специфику кинодиалога (этого «слепок с натуры») как объекта перевода в плане характеризующих его текстовых категорий. Среди последних особое место, наряду с категориями тональности и культурогенного дейксиса, занимает категория информативности с отдельными ее разновидностями (полная, двойная, интегративная и комплементарная).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает постулируемый авторами текстоцентрический подход к переводу, который объясняется наличием в ткани кинодиалога смысловых опор, позволяющих рассматривать последний как макроединицу перевода, смысловая завершенность которой обеспечивается аудиовизуальным рядом. В качестве таких смысловых опор выступают специфические кинематографические реалии, антропонимы, а также своеобразные ценностные метки культурогенного дейксиса, в качестве которых, в частности, в приложении к французскому кинодиалогу, выступают «этническая принадлежность — вероисповедание — социальное положение — образование — семья».

Проведенный авторами анализ показывает важность учета таких ценностных меток при переводе кинодиалога. В этом плане несомненный интерес представляет трактовка поликультурного пространства фильма, насущная необходимость учета внешней и внутренней культурной дистанции, крайней формой проявления которой становится использование в речи говорящих сниженной лексики, требующей определенной дозированной передачи на язык перевода.

Основной смысловой скрепой рецензируемой монографии является выдвигаемое проф. В.Е. Горшковой понятие «образа-смысла». Это понятие обосновывается как развитие идей французского философа и теоретика кино Ж. Делёза и последовательно раскрывается в трех последних главах, что обуславливает переход от уровня кинодиалога как текстового феномена на уровень кинодискурса, привлечение возможностей синергетического подхода и открывает дальнейшую перспективу междисциплинарного исследования, в том числе на экспериментально-фонетическом уровне.

Монография отличается основательностью проведенного теоретического анализа, репрезентативностью фактического материала, методологической корректностью, достоверностью выводов. Авторами обработан и систематизирован обширный теоретический материал, главным образом, из франкоязычных источников, ранее не являвшихся предметом анализа в переводоведческих трудах в России. Достоверность полученных данных повышается за счет использования богатого фактического материала, иллюстрирующего перевод кинодиалогов художественных фильмов на пяти языках (русском, французском, английском, корейском, китайском). Указанный иллюстративный материал обобщен в виде многочисленных таблиц, схем и рисунков, способствующих адекватному восприятию выдвигаемых положений и значительно повышающих их научную ценность.

Резюмируя все вышеперечисленное, нельзя не отметить, что данное исследование (рецензируемая монография) характеризуется высоким научным уровнем и, несомненно, найдет разносторонний практический выход, поскольку позволит большому количеству специалистов (переводчиков-практиков и теоретиков, лингвистов, филологов и пр.) и заинтересованных людей по-новому взглянуть на кинодиалог в частности, и кинофильм в целом.

Для цитирования:

Абдрахманова О.Р. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод. Коллективная монография под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. — В.Е. Горшкова, Е.А. Колодина, Е.В. Кремнёв, И.П. Федотова, Е.О. Фирсова. — Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. — 367 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 260—262.

Сведения об авторе:

Абдрахманова Ольга Рамильевна, кандидат филол. наук, зав. кафедрой теории и практики перевода, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. *Сфера научных интересов*: теоретическое и практическое переводоведение, методика преподавания перевода, эрратологический аспект перевода. *Контактная информация*: e-mail: aorrabota@mail.ru.

**Л.А. БРУСЕНСКАЯ, Э.Г. КУЛИКОВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА. М.: Флинта; Наука, 2016. — 184 с.**

Социокультурная ситуация начала XXI в. настоятельно требует усилить опору на здоровые начала бытия, ввести «экологический аппарат» в новые сферы познания и деятельности. Монография известных исследователей, выполненная на пересечении актуальных лингвистических и общенаучных тенденций, способна разрешить теоретические, прагматические сложности на пути непрерывных поисков концептуального, коммуникативного совершенства. Установка представить культуру речи «как часть здоровой окружающей среды современного человека», заявленная в аннотации (с. 2), приоритетно раскрытая на всем пространстве труда. Она особо актуальна в условиях новых рисков, вызовов, угроз, тотального абсурдизма, когда хаос декларируют как параметр порядка культуры (подход философа Р.И. Зекрист, ее единомышленников).

Необходимую стереотипность и глубокую приоритетность органически соединяют все аспекты работы. В построении за внешней стандартностью (введение, пять гармонично членимых глав, заключение, списки библиографии и источников иллюстративного материала) кроется оригинальная категоризация. Исходная глава «Лингвистическая экология как междисциплинарная наука: истоки и динамика» впервые в мировой научной практике специально освещает новое исследовательское направление как динамическую систему. С этим связан другой важный приоритет: последовательное соотнесение лингвоэкологии и экологической лингвистики. Особое внимание уделено двум аспектам, которые стали титульными соответственно для пп. 1.1 и 1.2: экологическому подходу к языковым явлениям (в нем прослеживаются парадигмообразующие признаки); объему и системе задач лингвоэкологии как науки.

Эта систематика оказывается прочным категориальным фундаментом для четырех последующих глав. В их тетраде цельно соотнесены возможности лингвоэкологии для раскрытия репрезентативных сфер: проблематики нормы, заимствований, субстандарта и коммуникативных стратегий. В содержании четырех глав сочетаются самодостаточность и тесная взаимодополнимость.

Для второй главы «Нормативность в свете идей экологической лингвистики» особенно репрезентативна объяснительная сила «экологических доминант» в характеристике видов нормы. Она оборачивается самобытным раскрытием связей между этикой и лингвистикой в итоговом, третьем параграфе 2.3 «Этико-лингвистическая норма в системе категорий речеведения. Речевой идеал и речевое преступление».

«Осуждаемые» феномены, от преступления до деструкции, обеспечивают концептуально-объектную связь между второй главой и третьей, «Заимствования в контексте идей лингвистической экологии». Она открывается в п. 3.1 упоминанием деструкции, которое в определенном ракурсе перекликается с «преступле-

нием». Этот параграф «Заимствования: деструкция vs обогащение» содержит концептуальное обновление, особо показательное для внешне традиционной проблематики заимствований. Ярко доказана ключевая идея: «С позиций экологии языка, угроза видится в иноязычных элементах, являющихся деструктивными, затрудняющих восприятие и понимание текста, делающих ущербной коммуникацию, создающих дискомфорт у носителей языка» (с. 79).

Четвертая и замыкающая, пятая, глава взаимосвязаны особо тесно. В предпоследней, «Субстандарт в контексте экологической лингвистики», на базе глубокой «Онтологии субстандарта» (4.1) раскрываются его связи с современной коммуникацией, в том числе в итоговом подразделе 4.2.2 «криминализация и жаргонизация языка, а также «коммуникативные противоядия». Такое раскрытие становится основой для характеристики коммуникативных доминант в заключительной, пятой главе «Эколингвистика и коммуникативные стратегии». Своеобразный интеграл обобщений, в котором высвечиваются и феномены нормы, и отпор криминальным вызовам, — заключительное положение этой главы, подкрепленное приоритетными корреляциями между стратегиями традиционных и «мобильно-электронно-паутиных» сред: «...Соответствие лингвоэкологическому принципу при выборе варианта этикетного общения обусловлено главной интенцией — сделать коммуникацию комфортной для всех ее участников» (с. 162). Возможно ли это как универсалия — «для всех», не бывает ли в ряде случаев комфорт одних непременно обусловлен дискомфортом других? Ответ окажется эффективнее на основе книги соавторов. Но одна его сторона определена однозначно: категорический императив в лингвоэкологическом плане более детерминирован, нежели в ряде иных.

«Новационный историзм» соавторского подхода к объекту проявился и в цельном раскрытии ожидаемой неповторимости экологической лингвистики. В ряде разделов монографии убедительно показано: «экология как предчувствие» пронизывает лингвистические поиски давних эпох и новейшего периода; причем сегодня она обеспечивает обязательную строгость смелых интердисциплинарных, «разнонаучных» концептуальных сопряжений.

В солидном библиографическом аппарате (261 наименование) соединяются классическая добротность и новейшие источники. Среди последних следует упомянуть работы, выполненные в научной школе соавторов, например, фундаментальную монографию 2009 г. профессора И.В. Беляевой о феномене речевой манипуляции. Классика в научном аппарате сопрягается с современностью органично. Имена Аристотеля Стагирита, Томаса Гоббса, Виссариона Белинского — не просто дань доброй традиции, а неотъемлемая часть богатой, предельно конкретной теоретизации; это достоинство давно отличает творческий почерк соавторов (учениц выдающегося филолога профессора Т.Г. Хазагерова). Двадцать три малоисследованных источника эмпирического материала соединяют системную емкость и охват разных установок (от «классицистической» книги «Двое. Разное» Н. и Т. Толстых до филохулиганской «Хультуры речи» Е. Шестакова).

Востребованность труда Л.А. Брусенской и Э.Г. Куликовой также многомерна. «Широкий читатель» найдет в ней ответы на те каскады вопросов о развитии

языка, которые сегодня неотделимы для носителя языка от осознания своей идентичности. Для филолога-исследователя, преподавателя богатейший материал монографии — источник новационной проблематизации. В книге богато, на различном материале намечено направление, упомянутое соавторами в связи с обценной лексикой: «В контексте лингвоэкологии в высшей степени важна педагогическая проекция этой проблемы» (с. 67). Полученные результаты могут быть учтены при корректировании вузовских курсов по лингвопрагматике, когнитивной, прикладной лингвистике, при разработке спецкурсов, посвященных проблемам культуры речи, развития стилей языковой личности. Впервые показанная в книге экологическая концептуализация речевой динамики послужит также незаменимым и необходимым источником для лингвистической экспертизы, которая (к счастью и к несчастью) оказывается все более насущной в условиях современной коммуникации, особенно медийной. Нет сомнения, что представленное издание привлечет внимание не только филологов, но и профессионалов иных областей: от правоведов до журналистов.

© Факторович А.Л., 2016

Для цитирования:

Факторович А.Л., Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова. Экологическая лингвистика. — М.: Флинта; Наука, 2016. — 184 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика.* 2016. Т. 20. № 3. С. 263—265.

Сведения об авторе:

Факторович Александр Львович, доктор филол. наук, проф. профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «КубГУ». *Сфера научных интересов:* стилистика, язык художественных произведений. *Контактная информация:* e-mail: af03@mail.ru.

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ **CONFERENCES**

ISGS7: 7th CONFERENCE OF THE INTERNATIONAL SOCIETY FOR GESTURE STUDIES ON *GESTURE — CREATIVITY — MULTIMODALITY* Paris, France, 18th—22nd July 2016

Established in 2002, the ISGS (International Society for Gesture Studies) is an interdisciplinary group of researchers including anthropologists, cognitive scientists, computer scientists, linguists, neuroscientists, psychologists, and semioticians. The Society convenes for a major international conference every two years to share perspectives on the study of gesture and bodily communication. This year, the conference was held in Paris, France, July 18—22 2016 on the campus of Sorbonne Nouvelle University. The scientific coordinator was Professor Aliyah Morgenstern, (Sorbonne Nouvelle University), assisted by Dominique Boutet (University of Rouen) and Camille Debras (University Paris Nanterre).

The conference welcomed all contemporary approaches and hot topics in gesture studies, but also put special emphasis on artistic semioses, as reflected by its main theme *Gesture — Creativity — Multimodality*. This choice was directly motivated by the history of Paris as a locus of artistic creation when it comes to gesture and bodily expression. The art of mime was born in Paris at the Théâtre des Funambules in the 19th century, while Etienne-Jules Marey and the Lumière brothers' first cinematographic experiments opened up the very possibility of inscribing movement on film. Going even further back in time, the creation of the first sign language school in Paris in 1760 is another landmark in the history of bodily communication.

The conference was the largest ISGS conference so far as it welcomed over 450 participants from over thirty countries. There were over 360 papers distributed across 23 symposia and individual themed sessions, as well as 85 posters. Each day, participants from the 6 to 7 parallel sessions convened in the Grand Amphitheatre for a plenary talk. This conference was a truly international event, with participants from Europe and the US but also from China, Australia, South Africa or Mexico. A lot of effort was made to make the conference accessible to the Deaf and Signing communities, with some talks being interpreted in as many as four sign languages at the same time (International Sign, British Sign Language, American Sign Language, Norwegian Sign Language).

The profound interdisciplinarity of current approaches to gestures studies was reflected in the diversity of topics and methods discussed in the presentations and in the 5 plenary talks. In the first plenary, Martha W. Alibali (U. of Wisconsin, Madison, USA) proposed an *Integrated Framework for Gesture Production and Comprehension*. She first presented evidence that gestures derive from simulated actions and perceptual states,

arguing that these mental simulations and the corresponding gestures serve to schematize spatial and motoric features of objects and events, by focusing on some features and neglecting others. She showed how, because of their ability to schematize, gestures can affect thinking and speaking in specific ways, in turn guiding listeners to schematize objects and events in particular ways. Her presentation provided evidence that gesture production and comprehension are linked, both because of their shared ties to the action system, and because gesture comprehension depends, in part, on patterns that arise due to regularities in gesture production.

Scott Liddell (Gallaudet University, Washington, USA)'s plenary talk on *Depiction and Depicting Verbs in American Sign Language* investigated depiction as a ubiquitous meaning-making strategy in Sign Languages. He first provided a rich typology of existing forms of depiction: tokens, or minimal depictions that take the form of invisible, isolated entities in the space within the signer's reach; buoys, a class of signs produced by the non-dominant hand, which also depict entities, but make the depictions visible; surrogates, which typically depict humans and may be visible or invisible; shapes or topographical scenes, including actions within those scenes. He then focused on depicting verbs, which comprise a very large category with unique lexical and functional properties (lack of a specified place of articulation, and for some, unspecified aspects of the hand's orientation; requirement to produce every instance of a depicting verb within a spatial depiction).

The third plenary talk by Cornelia Müller (European University Viadrina Frankfurt Oder, Germany) focused on *Frames of Experience — The Embodied Meaning of Gestures*. Drawing from praxeological approaches of gestures and from cognitive linguistics, she showed how gestures are a primary field to study how meaning emerges from bodily experiences. She argued that the meaning of referring and pragmatic gestures is experientially grounded in different forms of bodily mimesis. In her view, gestural mimesis never happens outside a given moment in a communicative interaction, which she refers to as frame of experience. In conventionalization processes of co-speech gestures, she explained, we can witness sedimentations of the interplay between a motivated kinesic form and aspects of context that result in 'semantizations' of form clusters and kinesic patterns. Sometimes this involves the analytic singling out of a meaningful kinesic core with particular contextualized meanings, as for example in the case of a group of gestures sharing a movement away from body.

Alessandro Duranti (UCLA, USA)'s plenary, *Eyeing Each Other: Visual Access during Jazz Concerts*, showed how jazz music players use eye gaze and other gestures as well as body postures to coordinate improvisation solos. During jazz concerts, the absence of a conductor and the expectation that what is being played is different from what is annotated on the page create a number of interactional problems that need to be resolved. Although a number of possible principles are made available by the history and culture of jazz, in most situations, the aesthetics of jazz improvisation leaves room for ambiguity about the identity of the next player and the length of each solo. Duranti showed how the gestures and body postures used in this context can only be meaningful and effective against a shared understanding of where a transition point is possible.

The fifth and last plenary was given by Catherine Pélachaud (CNRS, Télécom — ParisTech, France), on *Modelling conversational nonverbal behaviours for virtual cha-*

racters. Together with her team, she has been developing Greta, an interactive Embodied Conversational Agent (ECA) platform, which models virtual characters with socio-emotional and communicative behavior and nonverbal capacities. The ECA is able to display a large variety of multimodal communicative behaviours that are not produced in isolation from one another but take surrounding behaviours into account, based on a lexicon of temporally coordinated multimodal signs. She showed how this lexicon was built using various methodologies (corpus annotation, user-centred design, motion capture data), how behaviours can be displayed with different qualities and intensities to simulate various communicative intentions and emotional states, and described the multimodal behavior planner of the virtual agent platform.

The conference also welcomed Leonard Talmy (U. at Buffalo, USA) as a special guest, for a presentation entitled *Gestures as Cues to a Target*. With “targeting gestures”, speakers refer to something located near or far in the physical environment, and aim to get the hearer's attention on it jointly with their own at a certain point in their discourse. His main proposal was that, on viewing a speaker's targeting gesture, a hearer cognitively generates an imaginal chain of fictive constructs that connect the gesture spatially with the target. Such an imaginal chain has the properties of being unbroken and directional. The fictive constructs that, in sequence, comprise the chain consist either of schematic structures, or of operations that move such structures, or of both combined. Such fictive constructs include projections, sweeps, traces, trails, gap crossing, filler spread, and radial expansion.

The symposia, individual talks and poster presentations advanced research in areas that have now become well-established directions in gesture studies: the role of gesture in L1 and L2 acquisition, in non-typical communication (e. g. aphasia, congenital blindness, autistic spectrum disorder), links between human and primate communication from the perspective of language evolution, or the role and use of gestures in Sign Languages.

The presentations also explored new and growing directions in gesture studies, such as the continuity of certain phenomena across signed and spoken languages (e.g. symposia “Multimodal stance marking in Signed and Spoken languages”, “The role of facial expressions in signed and spoken conversations”, and “From co-speech gesture to sign. Cases of sign language creation in the Middle and South America”, talk “Palm-up in co-speech gesture and in sign language”); the role and form of gestures across the lifespan and in later life (e.g. symposium “Understanding Gesture and its Relation to Speech across the Lifespan”, poster presentation “Signing and gesturing in later life. How to adapt bodily talk in context?”). Another growing trend of study is the relation between gesture and grammar (e.g. symposium “Aspect and gesture”, talks “Manner modulation revisited: what motivates speakers of English to gesture about path and manner of motion?” or “Gesture difference in transitive/inchoative alternation”). Neurolinguistics also offer new insights on gestures thanks to brain imagery (symposium “The contributions of the left and right hemispheres to gesture production”, talks “Gesture-speech integration in time and space: a combined EEG-fMRI study” or “Using the hands to learn about the brain: Testing gesture-based instruction on brain anatomy”).

New methods and tools in gesture studies were of central concern, with ample discussions about motion capture technologies and annotation techniques from the very start of the conference, which opened with a workshop on annotation methods (NEUROGES, LASG). Methods and annotation technology were discussed all week across symposia (“Annotating (on) the Creative Body: From Research to New Tools”), talks (“Typannot: a glyphic system for the transcription of handshapes”, “KINEMO software: towards automated gesture annotation with MS Kinect”) and posters (“Advancement in the multimedia annotation tool ELAN”).

The conference’s theme *Gesture — Creativity — Multimodality* gave rise to a rich variety of presentations on the links between gesture and artistic practices, focusing on the use of gesture in music (symposium “A multidimensional and cross-cultural study of musical gesture”, and several talks about the use of gesture in conducting, such as “Spatial Metaphors Underlie Gesture in Musical Conducting” or “The ineffabilities of conducting: How choral conductors communicate using gesture”), in dance (talk “The mediator gesture in dance improvisation” and “Instruction at the Ballet Barre: Movement, Embodiment, and Gesture”), in theatre (“Combining Gesture Studies and Theatre Translation: a hands-on Approach”) and in visual arts (“Poetic gestures: Jakobson’s speech functions and their hierarchized modulation in multimodal performance acts”). Sign Language Poetry and Sign Art were also given centre stage (symposium “Quick on the draw: exploring the multimodal body through Signart”, talk “Gestural impact of poetic licence: insights from poetry in sign language”). The links between gesture, sign and artistic practices were also reflected in the conference’s social programme. The opening ceremony proposed an original documentary directed by Aliyah Morgenstern, helped by Stéphanie Caët and filmed by Coralie Vincent about French deaf and signing actress Emmanuelle Laborit, founder and director of the International Visual Theatre in Paris, and a tale from Greek mythology performed in French Sign Language by Olivier Schetrit. Several artistic workshops were organised for the participants, who could discover French Sign Language Poetry, Contact Dance (Nouma), Mime with a professional mime, as well as dance improvisation and performance.

Several talks also addressed the role of gesture in the history of arts (talks “Gesture on Ancient Maya Artifacts”, or “The Thumb Up Gesture: Hypotheses about its Rarity in the Painting from the Middle Ages to the 19th century”), and the conference participants could further discover the topic thanks to an evening tour at the Louvre Museum in Paris designed by Maud Perez-Simon (Sorbonne Nouvelle University), which guided them through the symbolic meanings of gestures in Medieval French objects and sculptures.

The business meeting of the Society was held on Wednesday July 20th and a new board was elected (see <http://www.gesturestudies.com/executiveboard.php>).

The conference was a success in many respects. It managed to bring together scholars from diverse academic backgrounds and foster friendly and open discussions in an atmosphere that constantly encouraged interdisciplinary encounters. It gave pride of place to the less known but nonetheless very rich study of gesture in art and creativity. Participants enjoyed how the conference provided multiple occasions to replace con-

temporary gesture studies within in the larger history of the domain, which brings together a variety of theoretical and epistemological heritages and traditions. At the close of the conference, motion capture technology, automated annotation techniques, brain imagery tools, virtual agents in human-computer interaction, stand out as major trends for the future of creation, innovation and research in the field of gesture studies.

The next edition of the conference, ISGS8, will probably be held in the summer of 2018 in Cape Town, South Africa.

© Camille Debras, 2016

For citation:

Debras, C. (2016). ISGS7: 7th Conference of the International Society for Gesture Studies on Gesture — Creativity — Multimodality Paris, France, 18th—22nd July 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 266—270.

Bio Note:

Dr. Camille Debras, Associate Professor at English Studies Department, Université Paris Nanterre. *Research interests*: multimodal analysis of spoken interaction: integration of verbal, vocal and visual resources (speech, prosody and gesture) in the construction of meaning; multimodal video corpora: interactional linguistics and conversation analysis, political discourse analysis; grammar and gesture, non-verbal expressions of stance-taking and speaker modality; discourse analysis, corpus linguistics, discourse-functional analysis, linguistic anthropology. Member of International Cognitive Linguistics Association. *Contact information*: e-mail: cdebras@u-paris10.fr.

**THE 7th INTERNATIONAL CONFERENCE
ON INTERCULTURAL PRAGMATICS AND COMMUNICATION
INPRA 2016
Split, Croatia, 10—12 June 2016**

The International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication (INPRA) biennially convenes researchers from around the world whose field of interest is pragmatics, aiming to provide a comprehensive insight into current trends in communication between and across different cultures and social groups.

The 7th edition of the International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication — INPRA 2016 was organized by the University of Split, the Faculty of Humanities and Social Sciences, and Intercultural Pragmatics Journal (De Gruyter Mouton). The conference was hosted by the University of Split on 10—12 June 2016, with **Jagoda Granić** (University of Split, Croatia) and **Istvan Kecskes** (State University of New York at Albany, USA) as conference convenors.

The conference has brought together 200 delegates from around the globe, to be precise, there were renowned speakers, researchers, and scholars from 43 countries: Australia, Austria, Argentina, Azerbaijan, Belarus, Belgium, Bosnia and Herzegovina, Brazil, Canada, China, Croatia, Cyprus, Germany, Greece, Hungary, India, Israel, Italy, Japan, Kosovo, Malta, Mexico, Montenegro, Norway, Pakistan, Poland, Portugal, Romania, Russia, Serbia, Singapore, Slovenia, South Korea, Spain, Sweden, Switzerland, Thailand, The Netherlands, Turkey, Ukraine, United Arab Emirates, United Kingdom, and USA. They converged in Split for three days to share their views and report on their recent research developments and findings, and to have an opportunity to discuss their work, ideas and issues with the leading linguists and distinguished colleagues.

A diverse range of topics from the fields of Pragmatics, Sociolinguistics, Applied Linguistics, Discourse Analysis, Semantics, Cognitive Sciences and Philosophy of Language provided a multiple point of view on intercultural communication of the present day.

The Conference included four plenary lectures, ENIEDA (European Network for Intercultural Education Activities) panel and eight parallel sessions.

The conference was opened by **Branko Matulić**, Vice-rector of the University of Split, **Aleksandar Jakir**, Dean of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Split University, **Jagoda Granić**, the conference organiser and convenor from the University of Split, and **Istvan Kecskes**, the conference founder and convenor from the State University of New York at Albany. In their opening remarks they welcomed all the participants to Split and the 7th International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication — INPRA 2016, and thanked them for assembling in such large numbers.

The keynote speakers and internationally renowned scholars who presented their latest work to the conference attendees were **Istvan Kecskes** (State University of New

York at Albany, USA), **Wayne A. Davis** (Georgetown University, USA), **Laurence R. Horn** (Yale University, USA) and **Rachel Giora** (Tel Aviv University, Israel).

To open the scientific programme of the conference, **Istvan Kecskes**, Distinguished Professor of the State University of New York System, USA, the President of the American Pragmatics Association (AMPRA) and the CASLAR (Chinese as a Second Language Research) Association, delivered an opening lecture entitled *Intracultural Communication and Intercultural Communication: Are They Different?* He argued that, from a socio-cognitive perspective, intracultural communication and intercultural communication form a continuum, with the left end of the continuum being intracultural communication and intercultural communication the right end. A communicative situation is closer to one or the other and neither exclusively intracultural nor intercultural. The extent of the core common ground, standards, norms, frames and formulaic language decreases while moving toward the right end of the continuum where communication, Professor Kecskes concluded, is characterized by emergent common ground, generated expressions, norm developing attempts and individual creativity.

The scientific programme of the first day ended with the plenary lecture given by **Wayne A. Davis**, Professor of Philosophy and President of the Faculty Senate at Georgetown University, USA. Professor Davis presented the paper *Transparent Reports as Free-Form Idioms*, talking about prepositional attitude reports with that-clauses as free-form idioms. He argued that transparent reports differ from opaque reports in being idioms non-defined by a fixed form. The presentation underlined irregular or “metalinguistic” negations as highly compositional and productive idioms which are defined only by a negative particle *not*. These irregular negations are in their root idiomatic, with the idiomaticity of negation surpassing that of their root.

At the start of the second conference day the plenary lecture entitled *The Tangled Web: Lying and Misleading Under a Neo-Gricean Lens* was held by **Laurence R. Horn**, Professor of Linguistics and Director of Undergraduate Studies in the Department of Linguistics at Yale University, USA. Although some scholars perceive them as a single category, lying and misleading are two separate categories: lying is always intentional and misleading can be unintended. Professor Horn addressed the entire range of untruths from lying and misleading to sarcasm with an emphasis on speaker intention, the distinction between what is said and what is meant and between illocutionary and perlocutionary acts. He also discussed how perjury law affects understanding of conversational implicature.

The fourth plenary speaker **Rachel Giora**, Professor of Linguistics at Tel Aviv University, marked the end to the scientific programme of the conference. In her lecture entitled *Defaultness, and Nothing But! On Sarcasm, Processing Speed, Pleasure, and Discoursal Resonance* Professor Giora presented evidence from four experiments and two corpus-based studies which support the argument that the notion of Defaultness — unconditional, automatic response to a stimulus — plays a major role in interpretation processes (processing speed, pleurability, and discoursal resonance), ousting other factors such as Affirmation, Literalness, Context, and Nonsalience.

Participants had opportunity to present their papers in eight parallel sessions on each day of the conference, including ENIEDA Panel. They had opportunity to exchange of ideas and knowledge between different linguistic disciplines, to renew contacts, meet with the leading linguists (besides the keynotes, let us mention just a few of them: **Victoria Escandell Vidal**, **Anita Fetzer**, **Rita Finkbeiner**, **Alison Hall**, **Tatiana Larina**, **Frank Liedtke**, **Jörg Meibauer**, **Jacques Moeschler**, **Stephen Neale**, **Etsuko Oishi**, **Jesus Romero-Trillo**, **Gunter Senft** etc.) and discuss problems of mutual interest. And even create an opportunity for future collaboration. The speakers presented and discussed their work which dealt with pragmatics-related topics ranging from pragmatics theories and theoretical perspectives, intercultural, cross-cultural and societal aspects of pragmatic research, to the application of pragmatic theory in practice. More specifically, the presentations covered classical pragmatics, contemporary pragmatics theory, metapragmatics, pragmatic meaning, implicatures, discourse deixis, presuppositions, speech acts, formulaic and figurative language, communicating interculturality, lingua franca pragmatics, societal pragmatics, intercultural misunderstandings, sociopragmatics, social networks, everyday language, (im)politeness phenomena, computer-mediated communication, media communication, pragmatic competence and skills, teaching intercultural pragmatic competence and skills, and other pragmatics-related topics.

Each session was full, the chairs strictly followed the instructions for a smooth running session. They started the next presentation according to the scheduled time, so participants could plan the papers they wanted to hear. All the presentations were followed by comments and/or questions, which continued during coffee breaks and lunchtimes.

The INPRA 2016 hosted also a panel organised by the European Network for Intercultural Education Activities (ENIEDA), a collaborative academic network that promotes plurilingualism, democratic citizenship and intercultural cooperation. The panel entitled *Contextualising Interculturality: Challenges & Perspectives* was convened by Svetlana Kurteš (University of Madeira, Portugal). Exploring interculturality in context and current challenges it faces, the panel offered a cross-disciplinary dialogue on interculturality and its manifestations in daily interaction. The panellists were **Jagoda Granić** (University of Split, Croatia), **Vladimir Žegarac** (University of Bedfordshire, UK) and **Joy Caley** (English Language Centre, York, UK), **Tatiana Larina** (Peoples' Friendship University of Russia), **Igor Lakić** (University of Montenegro), **Noémie Hermeking** (Munich School of Philosophy, Germany), **Monika Kopytowska** (University of Łódź, Poland) and **Fabienne Baider** (University of Cyprus). They discussed a range of topics such as a context-dependent pragmatic norm and deviation from ethical imperative in public communication, intercultural misunderstandings between volunteers and newly arrived refugees, the pragmatic mechanism of Othering in anti-refugee online discourse, educational context of interculturality, macrostructure in news discourse, ethnocentrism and ethnic stereotypes in terms of politeness and impoliteness, and the notion of truthfulness across cultures.

The excellent presentations in all sessions, along with plenary lectures and panel, and active and fruitful discussions formed the backbone of this conference and made it worthwhile.

In addition to the scientific conference activities, the INPRA 2016 offered the participants an excellent social programme which highlighted Split's unique culture and arts, and also provided great networking opportunities. A visit to the Meštrović Kaštelet that is an art complex, the restored 16th century villa situated by the sea, and the Meštrović Gallery, an art museum, was memorable. The visit was followed by the conference gala dinner at the Gallery that offered an authentic atmosphere. All participants were kindly invited to take part in the social programme and they enjoyed a lot. Participation was free of charge for all of them. The gala dinner concluded the first conference day.

On the second conference day, a concert at the Croatian National Theatre in Split was held in the honour of the conference participants. Afterwards, they enjoyed a cocktail party at the Croatian National Theatre.

Since the INPRA Scientific Committee strongly encouraged PhD students concerned with pragmatics to apply and give their speeches at the INPRA conference, just before the Closing session on the third conference day, PhD Student Best Paper Awards, sponsored by De Gruyter Mouton, were presented by **Uri Tadmor**, esteemed Editorial Director at De Gruyter Mouton.

It is also significant to mention that throughout the duration of the Conference, the participants had an opportunity to explore recent and significant journals and books on pragmatics published by the De Gruyter Mouton, John Benjamins and Equinox, which were available exclusively to the INPRA participants at a special discount.

Each participant received The INPRA 2016 Book of Abstracts, edited by **Jagoda Granić and Istvan Kecskes** and published by the University of Split, along with the conference bag and other promotional gifts. In the year 2017 the reviewers will finish the process of reviewing papers which is a prerequisite to publish a research monograph.

At the Closing session, the Conference convenors concluded that the Conference had successfully fulfilled the set objectives, thanked the participants for their contribution and invited them to the next INPRA conference which will be held in Cyprus in 2018.

The general conclusion was that INPRA 2016 had met all the organizers' and participants' expectations, provided a diverse scope of presentations and discussions on intercultural pragmatics and communication, and provoked new questions and ideas for future research, making the entire conference a significant and comprehensive world-wide contribution to the field of pragmatics. What is the most important, it was a superb conference experience for all of us and the conference participants found their stay in Split both valuable and enjoyable.

© Jagoda Granić, Iva Polić, 2016

For citation:

Granić, J., Polić, I. (2016). The 7th International Conference On Intercultural Pragmatics and Communication Inpra 2016 Split, Croatia, 10—12 June 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 271—275.

Bio Note:

Jagoda Granić is Assistant Professor in Linguistics at the Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Split, Croatia. She has participated in many research projects and presented papers in

around seventy international conferences. She has published papers in different fields of linguistics, especially interested in theoretical and applied linguistics, sociolinguistics and pragmatics. Her *research and publications* are also on multilingualism and multiculturalism, multicultiphobia, bilingualism and diglossia, and on identity issues. Member of many professional organizations dealing with multilingual matters: LINEE+ (Languages in a Network of European Excellence), ENIEDA (The European Network for Intercultural Education Activities), ELA (The Eurolinguistic Association). She is past president of the Croatian Applied Linguistics Society (CALs). *Contact information*: e-mail: jagoda.granic@gmail.com.

Iva Polić is a third-year PhD student of Linguistics at the Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Split, Croatia. *Research interests*: sociolinguistics and pragmatics, linguistic identity, linguistic stratification, language teaching and learning, intercultural pragmatic competence, textspeak and netspeak, and media communication. She gave presentations at several international conferences. She has been involved in several education-related projects organised by the European Union, the Council of Europe and OECD. *Contact information*: e-mail: ivapolic@gmail.com.

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТИЛИСТИКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА». Москва, 28—30 апреля 2016 г.

28—30 апреля 2016 г. на факультете журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова прошла IV Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра», посвященная обсуждению актуальных вопросов современной стилистики, включая такие ее направления, как общая теория стиля, функциональная стилистика, прагматилистика, медиастилистика, интернет-стилистика, стилистика художественной литературы.

На открытии конференции почетными грамотами за выдающийся вклад в развитие стилистики были награждены Григорий Яковлевич Солганик, Виталий Григорьевич Костомаров, Станислав Гайда, Бранко Тошович, пленарные доклады которых определили ход последующих научных дискуссий. Определяя стилистику как науку о выборе и интерпретации слова, Г.Я. Солганик обосновал необходимость формирования особой отрасли научных исследований — интерпретационной стилистики. В.Г. Костомаров рассмотрел эволюцию текстовых форм, которая привела к появлению дисплейного текста, требующего нетрадиционных исследовательских подходов. Профессор Опольского университета (Польша) С. Гайда представил онтологически-эпистемологическое обоснование своей концепции стиля как гуманитарной структуры текста. Предметом исследования основоположника интернет-стилистики профессора Б. Тошовича (Австрия) стали экспрессивные новообразования в сетевом пространстве.

В пленарном докладе Л.П. Крысина (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, г. Москва) шла речь о стилистическом статусе ненормативных этнонимов и их лексикографическом представлении в «Толковом словаре русской разговорной речи». М.А. Кормилицына (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского) определила причины и способы предупреждения и преодоления коммуникативных рисков в печатных СМИ. Е.А. Баженова (Пермский государственный национальный исследовательский университет) представила совместный с М.П. Котуровой доклад с красноречивым названием «Функциональная стилистика... без границ», посвященный обоснованию продуктивности и перспективности теории функциональных стилей. В докладе В.Е. Чернявской (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет) были рассмотрены методологические возможности стилистики в интерпретации исторического нарратива. Т.В. Ларина (Российский университет дружбы народов) проанализировала функционально-прагматические и стилистические особенности эмоциональной коммуникации в межкультурном контексте. В докладе Е.Н. Басовской (Российский государственный гуманитарный университет) была наглядно продемонстрирована специфика использования лексики высокого стиля в современном газетном тексте.

Работа пленарных заседаний была продолжена 30 апреля. С докладом, посвященным игровым конвенциям в медийном политическом дискурсе, выступил В.И. Карасик (Волгоградский государственный социально-педагогический университет). О судьбе теории трех стилей в отечественной научной традиции рассуждал В.П. Москвин (Волгоградский государственный социально-педагогический университет). Г.Г. Хазагеров (Южный федеральный университет) говорил о возвращении метафоры в риторику и стилистику, полемизируя при этом с когнитивной теорией метафоры.

В докладе Е.Г. Борисовой (Московский государственный лингвистический университет) была поднята культурно-речевая проблема употребления хезитаторов — слов-паразитов. Т.Г. Добросклонская (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) рассмотрела информационно-вещательный стиль как фактор новостного дискурса. Доклад Т.А. Воронцовой (Челябинский государственный университет) был посвящен жанру и стилю комплимента в современной коммуникации. Т.В. Чернышова (Алтайский государственный университет) представила стилистический анализ текста как первый этап аналитико-экспертной деятельности филолога-практика. В докладе Е.В. Быковой (Санкт-Петербургский государственный университет) на материале экспертного интервью был составлен речевой портрет современного журналиста. Л.Н. Синельникова (филиал Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в г. Ялте) размышляла о траектории отношений в триаде «текст — стиль — дискурс». Об усилении личностного начала как стилистической доминанте современного медиатекста говорила в своем докладе Л.В. Рацибурская (Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского). Т.Л. Каминская (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) проанализировала способы выражения в комментариях идентичности медиаадресата. С.В. Иванова (Башкирский государственный университет) выступила с докладом, посвященным жанрово-речевой характеристике коммента на материале интернет-СМИ.

Все пленарные доклады конференции были представлены профессорами, докторами филологических наук.

Заочное участие в работе конференции с публикацией пленарных докладов приняли профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова М.Н. Володина (тема доклада — «Средства массовой коммуникации и сфера социально-культурного восприятия с позиции отечественных и немецких исследователей»), проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета А.П. Чудинов (тема доклада — «Политическая лингвистика: наука, раздел лингвистики или область стилистики»), профессор Кубанского государственного технологического университета С.Г. Воркачев (тема доклада — «'Порядочность': кандидат в «Красную книгу»»), профессор Уральского государственного университета им. А.М. Горького Н.А. Купина (тема доклада — «Малая пресса» Урала: стилистические приметы и аксиологические предпочтения»), профессор Волгоградского государственного аграрного университета А.В. Олянич (тема доклада — «Стилистика лингвокреативности: дискурсивный аспект»), заведующая кафедрой русского языка и стилистики Ураль-

ского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина Э.В. Чепкина (тема доклада — «Дискурс региональной прессы: конструирование наивного адресата»), заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного университета Е.А. Кожемякин (тема доклада — «Цифровой контент» как новый объект дискурс-анализа»), профессор Санкт-Петербургского государственного университета В.И. Коньков (тема доклада — «Нетрадиционные медиатексты небольшого объема на газетной полосе»).

На семи секционных заседаниях обсуждались проблемы основных тенденций развития языка современных СМИ, новых подходов к исследованию медиатекстов, направлений развития медиастилистики и дискурсивного анализа текстов средств массовой информации, жанрового своеобразия современного медиапространства, места стилистики в системе современного гуманитарного образования, стилистики художественного текста. Участники секционных заседаний отметили актуальность обсуждаемой проблематики, высокий уровень представленных в докладах исследований, конструктивность научных дискуссий.

В рамках конференции состоялось четвертое заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов, возглавляемой профессором Н.И. Клушиной (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). Профессор Сплитского университета (Хорватия) Йошко Божанич выступил с докладом, посвященным стилистической интерпретации просторечных идиом в хорватском языке. Сопоставительный анализ способов выражения увеличительности в русском, болгарском и немецком языках в стилистическом аспекте представил Арно Вониш (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия). Даниэль Дойчинович (Университет в г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина) рассмотрел стилистические особенности сербских средневековых религиозных текстов. В докладе В.И. Ивченкова (Белорусский государственный университет) на материале русского и белорусского языков была представлена лингвостилистическая парадигма номинаций СМИ. Профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) А.К. Киклевич обосновал функционально-коммуникативную маркированность полисемии путем противопоставления употребления слова в интернет-среде и его представления в толковых словарях. Рассмотрению религиозных текстов с точки зрения способов создания в них образа Сатаны посвятила свой доклад Мажена Макуховска (Опольский университет, Польша). Перина Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина) выступила с докладом, в котором проанализировала на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях эссеистику Иво Андрича, описывающую жизнь П.П. Негоша как драму. В докладе Горана Милашина (Университет в г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина) были продемонстрированы возможности когнитивной стилистики в сфере интерпретации разных типов текстов.

Ольга Оргонева (Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия) рассмотрела феномен социальной чуждости в свете современной словацкой прагматической стилистики. В докладе Владимира Стоева Хънтова (Великотырновский университет имени святых Кирилла и Мефодия, Болгария) шла речь о про-

блемах перевода лексемы депутат в разных стилях русского и болгарского языков. Эдгар Хоффманн (Венский университет экономики и бизнеса, Австрия) рассмотрел стилистические особенности имен собственных в российской рекламе. Докладами профессора Н.А. Ковалевой (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) и доцентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова С.Ф. Барышевой, Л.Т. Касперовой, Н.В. Смирновой было представлено российское участие в работе Стилистической комиссии.

На заседании было принято решение о проведении в 2017 г. международной научной конференции в г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина).

В рамках преконференции состоялось заседание круглого стола деканов «Речь журналистов электронных СМИ». Участники научного форума обсуждали состояние современного русского языка в целом и языка СМИ, в частности динамику языковых норм в СМИ, проблемы кодификации нормы, новые принципы журналистского образования в современной культурно-речевой ситуации. Высказывались полярные мнения о современном состоянии языка: декан Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова В.Т. Третьяков назвал его катастрофическим, в то время как глава Московской школы стилистики профессор Г.Я. Солганик выразил уверенность в поступательном и закономерном развитии языка. Необходимость консолидации исследователей языка и журналистского сообщества была отмечена всеми выступавшими.

Активное участие в обсуждении актуальных вопросов речевой культуры журналиста приняли декан факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений Я.Л. Скворцов, декан очного факультета Литературного института имени А.М. Горького М.В. Иванова, декан факультета славянской филологии и журналистики Крымского федерального университета Г.Ю. Богданович, декан факультета гуманитарных технологий Российского нового университета О.Ю. Иванова, профессор Санкт-Петербургского университета В.И. Коньков. Подводя итоги дискуссии, декан факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Л. Вартанова отметила, что усиленное внимание к языку СМИ со стороны экспертов и журналистов способствует саморегуляции языка массмедиа и упрочивает его положение в качестве транслятора нормы.

Большой интерес вызвало заседание круглого стола «Риторика и стилистика» под руководством Г.Г. Хазагерова (Южный федеральный университет), В.П. Москвина (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) и Н.Н. Васильковой (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). На заседании продолжилось обсуждение проблем, поднятых в ходе видеоконференции «Риторика и стилистика», в работе которой 15 марта 2016 г. приняли участие представители Южного федерального университета, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Сибирского федерального университета, Хакасского государственного университета. В повестке дня круглого стола были

заявлены такие темы, как место риторики в системе современного гуманитарного знания (соотношение риторики и стилистики), роль риторики и стилистики в современном медиаобразовании, риторический канон в медиаречи, логико-риторические аспекты журналистского творчества, логос, пафос, этос в современном медиадискурсе. Оживленную научную дискуссию вызвали выступления И.Г. Милославского (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) и И.М. Дзялошинского (Высшая школа экономики).

Еще одним научным событием стало заседание Ялтинского дискурсологического кружка (ЯДК), основанного в 2015 г. Председатель ЯДК профессор Л.Н. Синельникова представила отчет о деятельности кружка в 2015 г. и наметила перспективы дальнейшей работы. Были провозглашены основные цели научного общества: выработка интегративной методологии дискурс-анализа, апробация новых исследовательских методов, реализация междисциплинарного подхода к стилю, тексту и дискурсу. Манифест Ялтинского дискурсологического кружка опубликован в международном научном журнале «Актуальные проблемы стилистики» (2016. № 2). На сентябрь 2016 г. запланировано проведение очередной международной научно-практической конференции «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» в Ялтинской гуманитарно-педагогической академии.

В заключительном слове профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Н.И. Клушиной были подведены итоги конференции, собравшей представителей всех ведущих школ отечественной и зарубежной стилистики, и намечены перспективы дальнейшего научного сотрудничества. Участники конференции приняли резолюцию, в которой отмечена эффективность и успешность состоявшегося научного мероприятия и в которую внесено предложение провести V Международную научную конференцию «Стилистика сегодня и завтра» в 2018 г.

С материалами конференции можно ознакомиться на сайте Стилистической комиссии Международного комитета славистов (<http://stylistic-mks.com>).

© Смирнова Н.В., 2016

Для цитирования:

Смирнова Н.В. IV Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра» Москва, 28—30 апреля 2016 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 276—280.

Сведения об авторе:

Смирнова Надежда Владимировна, к.ф.н., доц. кафедры стилистики русского языка, факультет журналистики, МГУ имени М.В. Ломоносова. Член Стилистической комиссии Международного комитета славистов. *Сфера научных интересов:* лексическая семантика, структура и семантика текста, стилистика. *Контактная информация:* e-mail: smirnovanv@yandex.ru.